

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 4, 2016

Россия как археологическое пространство: первые итоги работы по созданию национальной географо-информационной системы “Археологические памятники России”

Макаров Н.А., Зеленцова О.В., Коробов Д.С., Черников А.П., Ворошилов А.Н. 5

Украшения с полихромными эмалями из Брянского клада: техника изготовления и “авторство”

Румянцева О.С. 16

Погребения всадников на территории Северо-Западного Кавказа (по материалам кремационных некрополей VIII–XIII вв.)

Успенский П.С. 30

Серебро на селищах: монеты и торговый инвентарь IX–XI вв. в Суздальском Ополье

Макаров Н.А., Гайдуков П.Г., Гомзин А.А. 48

Новые находки амулетов-змеевиков в Великом Новгороде

Олейников О.М. 75

Публикации

Керамика с лаковым покрытием из раскопок поселения Полянка в Крымском Приазовье

Масленников А.А. 90

Катакомба № 119 Верхне-Салтовского IV могильника под Харьковом

Аксенов В.С. 106

Древнерусские керамические плитки с Крылосской горы (Галич) в Государственном Эрмитаже

Матвеев В.Н. 124

Коллекция кожаных изделий из раскопок Томского кремля

Осипов Д.О., Черная М.П. 138

История науки

Свальбард в картографии Гренландии XVI–XVIII вв.

Державин В.Л. 151

Критика и библиография

Древние культуры юго-восточной Европы и западной Азии. Сборник к 90-летию со дня рождения и памяти Н.Я. Мерперта. М., 2014

Корневский С.Н. 162

Leube A. Prähistorie zwischen Kaiserreich und wiedervereinigtem Deutschland: 100 Jahre Ur- und Frühgeschichte an der Berliner Universität Unter den Linden. Bonn, 2010

Сафонов И.Е. 167

Paiman Z., directeur de fouilles, et Alram M. pour les monnaies. Tepe Narenj à Caboul, ou l'art bouddhique à Caboul au temps des incursions musulmanes (The Tepe Narenj. Buddhist monastery at Kabul: Buddhist art during the first Muslim raids against the town). T. I: Chronologie, bâtiments, céramiques et monnaies. (Collège de France. Publications de l'Institut de Civilisation Indienne. Fasc. 82). Paris, 2013

Гаибов В.А. 169

Винников А.З. Юго-восточная окраина славянского мира в VIII – начале XIII в.
(Животинное городище на р. Воронеж). Воронеж, 2014

Тропин Н.А.

171

Хроника

Ася Викторовна Энговатова

Институт археологии РАН, журнал “Российская археология”, коллеги и друзья

174

К 70-летию Геннадия Евгеньевича Афанасьева

Албегова З. Х.-М., Коробов Д.С., Решетова И.К., Успенский П.С.

178

К юбилею Веры Борисовны Ковалевской

Албегова З. Х.-М., Коробов Д.С., Мастыкова А.В.

180

90-летний юбилей Константина Ивановича Комарова

Кашкин А.В., Леонтьев А.Е., Самойлович Н.Г.

182

Владислав Петрович Даркевич

Чернецов А.В.

183

К 100-летию Александра Филипповича Медведева

Гайдуков П.Г.

187

Авторский указатель тома за 2016 г.

189

CONTENTS

No. 4, 2016

Russia as archaeological space: First results of elaboration of the national GIS 'The Archaeological Sites of Russia'	
<i>Makarov N.A., Zelentsova O.V., Korobov D.S., Chernikov A.P., Voroshilov A.N.</i>	5
Ornaments with polychrome enamels from the Bryansk hoard: The technique and 'authorship'	
<i>Rumyantseva O.S.</i>	16
Horsemen's burials in the Northwest Caucasus (based on the materials from cremation cemeteries of the 8 th –13 th centuries AD)	
<i>Uspenskiy P.S.</i>	30
Silver on settlements: Coins and trading implements of the 9 th –11 th centuries AD from the Suzdal Opolye	
<i>Makarov N.A., Gaidukov P.G., Gomzin A.A.</i>	48
New finds of <i>zmeeviks</i> (amulets bearing a snake image) in Velikiy Novgorod	
<i>Oleinikov O.M.</i>	75

Publications

Gloss pottery from the excavations of the Polyanka settlement in the Crimean Azov Sea area	
<i>Maslennikov A.A.</i>	90
Catacomb 119 from Verkhnee Saltovo IV necropolis near Kharkov	
<i>Aksyonov V.S.</i>	106
Rus ceramic tiles from the Krylos hill at Galich in the State Hermitage	
<i>Matveev V.N.</i>	124
The collection of leather articles from the excavations of the Tomsk kremlin	
<i>Osipov D.O., Chernaya M.P.</i>	138

History of Science

Svalbard in the 16 th –18 th -century cartography of Greenland	
<i>Derzhavin V.L.</i>	151

Criticism and bibliography

Ancient cultures of the Southeast Europe and western Asia. A collection of papers in honour of the 90 th anniversary and in memory of N.Ya. Merpert. Moscow, 2014	
<i>Korenevskiy S.N.</i>	162
Leube A. Prähistorie zwischen Kaiserreich und wiedervereinigtem Deutschland: 100 Jahre Ur- und Frühgeschichte an der Berliner Universität Unter den Linden. Bonn, 2010	
<i>Safonov I.E.</i>	167
Paiman Z., directeur de fouilles, et Alram M. pour les monnaies. Tepe Narenj à Caboul, ou l'art bouddhique à Caboul au temps des incursions musulmanes (The Tepe Narenj. Buddhist monastery at Kaboul: Buddhist art during the first Muslim raids against the town). T. I: Chronologie, bâtiments, céramiques et monnaies. Paris, 2013	
<i>Gaibov V.A.</i>	169

Vinnikov A.Z. The southeastern periphery of the Slav world in the 8th – early 13th centuries
(the Zhivotinnoe habitation site on the Voronezh River). Voronezh, 2014

Tropin N.A.

171

Chronicle

Asya Viktorovna Engovatova

Institute of Archaeology RAS, Journal "Russian Archaeology", colleagues and friends

174

To the 70th anniversary of Gennadiy Evgenyevich Afanasyev

Albegova Z. Kh.-M., Korobov D.S., Rechetova I.K., Uspenskiy P.S.

178

To the jubilee of Vera Borisovna Kovalevskaya

Albegova Z. Kh.-M., Korobov D.S., Mastykova A.V.

180

The 90th anniversary of Konstantin Ivanovich Komarov

Kaskin A.V., Leontyev A.E., Samoylovich N.G.

182

Vladislav Petrovich Darkevich

Chernetsov A.V.

183

To the centenary of Aleksandr Filippovich Medvedev

Gaidukov P.G.

187

Contributors, 2016

189

РОССИЯ КАК АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ПЕРВЫЕ ИТОГИ РАБОТЫ ПО СОЗДАНИЮ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГЕОГРАФО-ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ “АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ РОССИИ”

© 2016 г. Н.А. Макаров*, О.В. Зеленцова*, Д.С. Коробов*,
А.П. Черников**, А.Н. Ворошилов*

* Институт археологии РАН, Москва (nmakarov10@yandex.ru, olgazelenцова2010@yandex.ru,
dkorobov@mail.ru, voroshilov.aleksej@yandex.ru)

** ООО “ТЕНЗОР-ТЕЛЕКОМ”, Москва (Chernikov@tt-com.ru)

Статья посвящена итогам работы авторского коллектива ИА РАН над созданием первой географо-информационной системы (ГИС) национального масштаба “Археологические памятники России”. В рамках проекта РНФ № 14-1803755 был разработан алгоритм описания памятников археологии и разведочных шурфов, оформленный в виде автоматизированной системы обработки информации (АСОИ) “Терек” с возможностью автоматического компьютерного картографирования. На сегодняшний день в нее внесены сведения о 15367 объектах археологического наследия (ОАН) и 11230 археологических шурфах, не содержащих культурных напластований или иных признаков наличия памятников древности на участках обследования, взятые из отчетов 2009–2012 гг. Рассматриваются особенности пространственно-хронологического распределения имеющейся информации на всей территории РФ, демонстрирующие, с одной стороны, приближенную к реальности степень освоения крупных территорий в разное время, с другой, – научный интерес, сформированный работами последних лет, который влияет на повышение внимания к древностям определенного хронологического отрезка в разных регионах страны.

Ключевые слова: охрана археологического наследия, ГИС, базы данных, памятники археологии, архивные материалы, отчеты о полевых исследованиях, пространственный анализ.

Представление о России как о пространстве, насыщенном артефактами и хранящем бесчисленные и многообразные материальные свидетельства существования древних культур, – органическая часть ее образа. Громадные размеры страны предполагают наличие на ее территории значительного количества археологических памятников разных исторических эпох. Это ожидание в полной мере подкрепляется постоянно растущими данными о памятниках археологии, учет которых ведут Министерство культуры РФ, государственные органы охраны памятников в регионах РФ, рабочая группа Института археологии, отвечающая за подготовку научно-справочного издания “Археологическая карта России”. Однако природно-географическое разнообразие регионов России, историко-культурное своеобразие отдельных ее областей, ярко выраженная специфика археологического наследия разных территорий, наконец, существование научных коллективов, исследовательские интересы которых связаны преимущественно с изучением отдельных географических массивов древностей, –

все это привело к тому, что обзор и анализ общего пространственного размещения объектов археологического наследия на территории России никогда не выносился на повестку дня как особая научная задача. Подобно другим большим странам Россия рассматривается в мировой археологии как “фрагментированное” пространство, в котором памятники Центра и Севера Европейской части, Крыма, Кавказа, Урала, Сибири и Дальнего Востока представляют собой достаточно обособленные массивы. Подобное положение дел не является препятствием для изучения культурных процессов древности в их сложности и многообразии, но лишает науку возможности целостного взгляда на археологическую карту России; оценки количества археологических ресурсов и сравнительного потенциала разных территорий как хранителей материальных свидетельств прошлого.

Между тем, целостный научный взгляд на пространственное размещение археологических памятников в границах страны становится все более

актуальным как в контексте изучения глобальных процессов расселения и общей динамики развития Евразии в древности и средневековье, так и в контексте сохранения исторического наследия, выработки более эффективных подходов к учету объектов археологического наследия и их защиты при реализации хозяйственных проектов.

Создание национального реестра археологических древностей и попытка сведения их в крупные банки данных в некоторых европейских странах восходит к первой половине XIX в. Один из первых законов, регулирующих охрану археологических памятников, был принят в Дании в 1807 г. (García Sanjuán, Wheatley, 1999. P. 203). С начала XX в. осуществляются специальные программы по картографированию памятников археологии. Например, в Великобритании, подобная работа выполнялась военными топографами Картографического управления (*Ordnance Survey*), а собранные сведения регулярно публиковались в виде отдельных брошюр (Crawford, 1928). Практически с момента появления ГИС в археологии в начале 1980-х годов оформляется в качестве отдельного направления создание банков данных по учету и управлению объектами культурного наследия (*Cultural Resource Management, CRM*) и их компьютерное картографирование. С самого начала эта работа ведется на разных пространственных уровнях, начиная с создания крупных национальных ГИС и заканчивая учетом древностей небольших регионов (Wheatley, Gillings, 2002. P. 215, 230). При этом далеко не во всех странах разрабатываются национальные системы учета ОАН. Если подобные системы с возможностью ГИС-картографирования существуют в Австрии, Венгрии, Польше, Румынии, Франции и скандинавских странах (García Sanjuán, Wheatley, 1999. P. 206–208; Listing Archaeological Sites..., 2009. P. 57, 58, 109, 116), то в Великобритании, Германии, Испании и Нидерландах их либо нет, либо они содержат ограниченное количество информации, которая гораздо детальнее учитывается на уровне отдельных регионов (García Sanjuán, Wheatley, 1999. P. 206–208; Listing Archaeological Sites..., 2009. P. 30, 79). Во многом организация подобной национальной системы учета объектов археологического наследия зависит от того, насколько централизована власть в стране в целом (Wheatley, Gillings, 2002. P. 230).

Опыт управления европейским археологическим наследием на национальном уровне с помощью ГИС, накопленный к рубежу тысячелетий, обобщен в статье Л. Гарсия Санжуана и Д.В. Уитли (García Sanjuán, Wheatley, 1999). Некоторую инфор-

мацию о подобных системах можно почерпнуть со страниц итальянского электронного ежегодника “*Archeologia e Calcolatori*”, в особенности из ряда статей специального выпуска, посвященного опыту применения ГИС в некоторых странах Европы, в США, Австралии и Новой Зеландии (Methodological Problems..., 1998). В целом же стоит отметить относительно редкую публикацию информации о ГИС, объединяющих сведения на национальном уровне, и безусловное превалирование региональных ГИС-проектов. Так, в материалах ежегодно проходящей конференции по применению компьютерных технологий и вычислительных методов в археологии (*Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology, CAA*) нам удалось найти всего две публикации, в которых рассматриваются вопросы создания ГИС национального уровня, – в Иордании (Palumbo, 1993) и Норвегии (Berg, 2007).

Перспектива создания общей информационной системы, интегрирующей данные о всей совокупности выявленных в настоящее время ОАН РФ, связана с систематизацией материалов научного архива ИА РАН, где собраны все отчеты о полевых археологических исследованиях, проведенных на территории нашей страны с 1945 г. Централизованная система сбора и хранения таких отчетов, сложившаяся в дореволюционной России вместе с учреждением в 1859 г. Императорской Археологической комиссии и получившая развитие при создании на ее базе ГАИМК и последующих археологических учреждений, дает возможность охватить данные о всех памятниках, исследования которых велись на основе установленных законодательством разрешительных документов – открытых листов.

Концептуальные основы проекта “Археологические памятники России” как создания ГИС, включающей сведения о памятниках археологии, выявленных на территории России, с первоначальным обращением к объектам полевых исследований начала XXI в., и методические подходы к созданию ГИС и обработке материалов уже изложены в ряде публикаций (Макаров и др., 2015а; б). Они предполагают первоочередную обработку материалов полевой археологической документации 2009–2012 гг., которые должны составить первичное ядро всего массива данных, последовательно наращиваемое за счет отчетов предшествующих лет.

Одна из задач, решаемая на первом этапе и позволяющая в дальнейшем избежать ошибок, – создание качественного алгоритма описания памят-

ника археологии. С одной стороны, он должен быть предельно формализован и стандартизирован, с другой, – включать исчерпывающую информацию для решения задач, связанных как с управлением наследия, так и с ходом аналитических историко-культурных разработок. В итоге коллективом ИА РАН был разработан стандарт описания памятника археологии, который лег в основу программного модуля – АСОИ с условным названием “Терек” (Макаров и др., 2015а; б). Он состоит из названия ОАН; его типа по принятой в археологии классификации памятников; двухуровневой хронологической атрибуции, культурной и административной принадлежности, а также принадлежности к речному/морскому бассейну и особенностей микрорельефа; географических координат и сведений об исследовании. В составе АСОИ – пять подсистем: информационная, контроля действий пользователей, административная, поиска и документальных форм. На сегодняшний день в нее внесена информация о 15367 ОАН и 11230 археологических шурфах, не содержащих культурных напластований или иных признаков наличия памятников древности на участках обследования, взятая из отчетов 2009–2012 гг.

Такой подход впервые позволил получить общие количественные показатели относительно археологических памятников разных типов и хронологических периодов, затрагиваемых полевыми работами в масштабах страны на современном этапе; их пространственного распределения; общего объема и географии полевых работ. Вместе с тем, учитывая количество введенных в ГИС материалов (более 25 000 записей), можно полагать, что эти показатели репрезентативны в контексте общей характеристики археологического пространства России, прежде всего, общего географического распределения объектов археологического наследия разных типов и периодов.

Таким образом, в настоящее время система содержит данные о 15367 ОАН (цв. вклейка № 1; рис. 1) и 11230 археологических шурфах, не содержащих культурных напластований или иных признаков наличия памятников древности на участках обследования (цв. вклейка № 1; рис. 2), происходящих с территории 82 субъектов РФ. Число археологических памятников и участков с зафиксированным отсутствием культурного слоя в субъектах федерации варьирует от 1 (Чеченская Республика) до 1164 (Краснодарский край, Республика Башкортостан), в большинстве субъектов в 2009–2012 гг. было документировано от 100 до 200 точек, соответствующих археологическим памятникам или участкам с отсутствием следов археологических древностей. Единственный регион,

относительно которого отсутствуют записи об археологических памятниках и шурфах, не содержащих культурного слоя, – Магаданская обл., где в указанный период полевые археологические работы не проводились. Распределение записей по федеральным округам показывает, что по количеству выявленных и затронутых полевыми работами археологических памятников лидирует Приволжский (25%), далее следуют Центральный (21%), Южный (16%) и Сибирский (16%) округа. Несколько иначе выстраивается распределение шурфов с отсутствием культурного слоя, наибольшее число которых зафиксировано в Центральном округе (27%); близкие показатели у Приволжского округа (24%), далее следуют Южный (17%) и Сибирский (13%) округа. Ежегодно на протяжении 2009–2012 гг. полевые исследования в России проводились на 3400–4300 археологических памятниках (табл. 1).

Комментируя эти цифры, следует отметить, что в настоящий момент, по данным государственных органов охраны памятников субъектов РФ, представленным в Министерство культуры РФ, в России на государственный учет поставлено около 133 тыс. ОАН, из которых 76 327 составляют выявленные памятники археологии (Государственный доклад..., 2015. С. 46). Учетные данные, находящиеся в распоряжении органов охраны памятников, заведомо неполны, поскольку полевые работы на археологических памятниках в России до последнего времени не всегда сопровождались постановкой их на учет как объектов наследия; и зачастую неточны, прежде всего, в части географических координат и данных о границах территорий памятников. В 29 выпусках “Археологической карты России” (АКР) представлены данные о 23000 памятниках из 15 регионов. Их описания включают сведения о культурно-хронологической атрибуции и истории изучения, но не содержат точных географических координат (в соответствующих статьях даны привязки к населенным пунктам). Они не соотнесены с учетной документацией, находящейся в государственных органах охраны памятников. Некоторые выпуски АКР, подготовленные и изданные в 1990-е годы, отражают состояние обследования территорий 20-летней давности (Археологическая карта..., 1992. С. 3, 4; Кашкин, 2012).

Массив объектов, представленных в настоящее время в ГИС АПР, соответствует примерно 12% всех известных памятников археологии, находящихся на государственном учете, и составляет 67% объема памятников, включенных в АКР. Таким образом, это достаточно весомая часть всей совокупности археологических памятников России, сведения о которых имеются в научно-справочной

Таблица 1. Распределение памятников археологии и пустых шурфов, исследовавшихся в 2009–2012 гг., по федеральным округам РФ

Федеральный округ	Площадь, км ²	Памятники археологии			Пустые шурфы		
		количество	%	на 1000 км ²	количество	%	на 1000 км ²
Дальневосточный	6169	648	4	0.1	1340	12	0.2
Приволжский	1036	3855	25	3.7	2679	24	2.6
Северо-Западный	1687	1010	7	0.6	628	6	0.3
Северо-Кавказский	170	531	4	3.1	123	1	0.5
Сибирский	5144	2437	16	0.5	1460	13	0.3
Уральский	1818	1106	7	0.6	139	1	0.1
Центральный	650	3297	21	5.1	3005	27	4.6
Южный	416	2483	16	6	1856	17	4.5
Итого	17090	15367	100	0.9	11230	100	0.7

литературе или официальной документации. Подсчеты, полученные на основании материалов, интегрированных в ГИС АПР, свидетельствуют о том, что последние годы стали временем быстрого накопления большого массива новой информации об объектах археологического наследия. Итоговые цифры и сводная карта точек, в которых велись полевые работы, говорят о том, что при всей географической неравномерности масштабы археологической деятельности в России достаточно высоки, а пространственный охват широк. Ежегодно на 3–4000 памятников в качестве руководителей раскопок, разведчиков, обследующих объекты древности с научными целями, специалистов, проводящих экспертизу земельных участков, присутствуют археологи.

Введенные в ГИС данные впервые предоставили возможность сопоставить насыщенность разных регионов России археологическими памятниками. Наиболее высокая плотность памятников зафиксирована в Южном федеральном округе (6 на 1000 км²); близкое значение отмечено в Центральном округе (5.1); более низкая плотность наблюдается в Приволжском округе (3.7), а самые низкие значения – в Сибирском (0.5) и Дальневосточном (0.1) округах. Ниже мы попытаемся уточнить, в какой мере эти цифры связаны с реальными различиями в концентрации памятников, а в какой – с различиями в степени исследованности регионов.

Массив данных, интегрированных в ГИС, и пространственное распределение памятников отражают общее состояние археологических исследований в стране за 2009–2012 гг. и специфику археологической деятельности в разных регионах, в том числе исследовательские интересы научных учреждений и качество работы органов охраны памятников, отвечающих за обеспечение сохранности археоло-

гического наследия. В то же время, археологические карты, созданные на основе ГИС, фиксируют реальное пространственное распространение больших совокупностей археологических объектов разных эпох и типологической принадлежности, т.е. представляют картину географического размещения объектов древности, отражающую заселенность Евразии в разные исторические периоды. Вопрос о том, как соотносятся в ГИС и созданных на ее основе картах исторические картины прошлого и картина современной археологической деятельности, маршруты археологических экспедиций недавних лет, исключительно важен для оценки и интерпретации собранных данных.

Обращение к картам, основанным на материалах ГИС АПР, дает ряд ярких примеров, когда географическое распределение археологических памятников в большей степени связано с новейшей историей полевых исследований и особенностями организации работы по обеспечению сохранности объектов наследия в разных регионах. Так, значительное количество археологических памятников и пустых шурфов на территории Тверской и Московской обл. и Республики Башкортостан (соответственно 1922, 301 и 338), выделяющееся на фоне окружающих областей, объясняется, прежде всего, более ответственным подходом к сохранению наследия региональными органами охраны памятников – систематической экспертизой земельных участков (Тверская и Московская обл.) и масштабной работой по инвентаризации объектов археологического наследия (Республика Башкортостан). Малое количество археологических памятников и пустых шурфов в таких регионах с высоким археологическим потенциалом, как Псковская или Орловская обл., Кабардино-Балкария, Мордовия, Астраханская обл., безусловно, сигнализирует о снижении современной археологической активности, отсутствии археоло-

гической экспертизы земельных участков при строительстве, недостатке ресурсов для проведения археологических работ.

Весьма выразительную картину современной археологической деятельности дает выгрузка на карту пустых шурфов, образующих длинные цепочки на трассах протяженных линейных объектов, дорог и газопроводов. Эти цепочки хорошо читаются в восточных регионах России, Сибири и на Дальнем Востоке. Отражая конкретную ситуацию обследования участков строительства больших инфраструктурных объектов, они важны для оценки общего размещения памятников, убедительно показывая, что низкая концентрация археологических памятников в северных и северо-восточных районах России во многих случаях основательно документирована разведками и не должна интерпретироваться как следствие недостатка первичной информации об археологических ресурсах этих территорий.

Однако во многих случаях, при картировании отдельных категорий и хронологических групп памятников, мы сталкиваемся с более сложными ситуациями, когда география памятников отражает как современные процессы полевых изысканий и практику работ по сохранению наследия, так и исторические явления, историко-географические закономерности. Обратимся к географическому распределению памятников разных эпох, которое демонстрирует нам накопленная в ГИС АПР информация (табл. 2). Так, памятников каменного века насчитывается 1847. Большинство из них в рассматриваемые годы исследовалось в Поволжье (23%) и Сибири (19%), значительное количество – на Северо-Западе и в Центральной полосе (по 17%). По 185 стоянок и местонахождений каменного века было изучено на Урале и Дальнем Востоке. Наименьшее количество подобных объектов привлекло внимание археологов в южных регионах и на Северном Кавказе. Однако если обратиться к соотношению количества исследованных памятников каменного века на единицу площади крупных федеральных округов, картина становится иной. На первое место выходит Центральный федеральный округ, где плотность памятников каменного века составляет 0.5 на 1000 км²; далее с небольшим отрывом следует Приволжский (0.4) и Северо-Западный (0.2) округа, тогда как на просторах Сибири и Урала, на Юге России и Северном Кавказе их плотность составляет 0.1 на 1000 км². Наименьшая плотность памятников каменного века на 1000 км², изучавшихся в 2009–2012 гг., приходится на Дальний Восток (0.03).

Выделение древностей энеолита имеет свою специфику в отечественной историографии – практика атрибуции их как отдельного культурно-хронологического горизонта прочно укоренилась при обращении к древностям Юга России и Северного Кавказа; выделяются они и в лесной зоне, но в меньшей степени. При этом изученность энеолитических памятников России неравномерна (Энеолит СССР, 1987. С. 5–8) и во многом зависит от сложившейся традиции, присущей разным региональным археологическим школам. Данное положение наглядно демонстрирует анализ накопленной в 2009–2012 гг. информации, введенной в ГИС АПР. Из 392 энеолитических памятников (в основном, стоянок и поселений, но также местонахождений, пещер и навесов, курганов и грунтовых могильников) наибольшее количество приходится на Уральский регион, Приволжский и Южный округа. В последнем случае наблюдается и наивысшая концентрация древностей энеолитического периода на единицу площади (0.2), тогда как в остальных она редко превышает 0.1 памятника на 1000 км². Минимальное количество энеолитических памятников – по 2 – исследовалось на Дальнем Востоке и Северном Кавказе, что нельзя отнести к отсутствию традиции изучения подобных объектов в рассматриваемых регионах, особенно в последнем случае. Вероятно, наполнение ГИС информацией за предыдущие годы исследований позволит скорректировать полученную картину и даст более объективное представление об изучении энеолитических памятников в разных регионах России.

Большое внимание в последние годы уделялось изучению памятников эпохи бронзы (на настоящий момент их известно 2721). Большинство из них приходится на Поволжье и Центральные регионы (по 23%), причем в последнем случае наблюдается также высокая плотность распространения подобных древностей на единицу площади, достигающая показателя “одного памятника на 1000 км²”. Однако наивысшая плотность памятников бронзового века – в основном курганных могильников и поселений – наблюдается на Юге России (1.4 на 1000 км²), тогда как в абсолютном исчислении здесь было исследовано 585 объектов рассматриваемой эпохи. Близкое количество памятников бронзового века – 422 – изучалось в 2009–2012 гг. в Сибири, однако за счет крупных размеров региона их плотность здесь невысока и сопоставима по значениям с Северо-Западным и Уральским регионами (0.1 памятника на 1000 км²). Противоположная тенденция наблюдается на Северном Кавказе, где при небольшом количестве изученных в последние годы памятников бронзового века (78) плотность

Таблица 2. Распределение памятников археологии по эпохам и федеральным округам (в скобках – процентное содержание)

Федеральный округ	Каменный век	Энеолит	Бронзовый век	Ранний железный век	Средние века	Новое время
Дальневосточный	185 (10)	2 (1)	62 (2)	153 (6)	194 (5)	33 (2)
Приволжский	422 (23)	74 (19)	615 (23)	553 (21)	922 (24)	205 (14)
Северо-Западный	310 (17)	56 (14)	105 (4)	77 (3)	291 (8)	150 (11)
Северо-Кавказский	21 (1)	2 (1)	78 (3)	69 (2)	170 (5)	7 (1)
Сибирский	348 (19)	16 (4)	422 (15)	644 (24)	419 (11)	80 (6)
Уральский	185 (10)	100 (25)	236 (9)	325 (12)	196 (5)	56 (4)
Центральный	321 (17)	60 (15)	618 (23)	413 (16)	795 (21)	758 (53)
Южный	55 (3)	82 (21)	585 (21)	414 (16)	811 (21)	133 (9)
Итого	1847 (100)	392 (100)	2721 (100)	2648 (100)	3798 (100)	1422 (100)

их пространственного распределения относительно высока и достигает показателя “0.5 памятника на 1000 км²”.

Близкая картина получена при рассмотрении пространственного распределения памятников раннего железного века. Наибольшее их количество было изучено в Сибири (644) и Поволжье (553), где концентрация этих древностей достигает 0.5 памятника на 1000 км². Близкая плотность наблюдается в Центральных областях (0.6), а наивысшая – на Юге России (1) при том, что абсолютное количество изученных памятников практически идентично – 413–414. Наименьшая плотность распространения памятников раннего железного века отмечена на Дальнем Востоке (0.02 на 1000 км²), где изучено 6% подобных древностей, и на Северо-Западе (0.05 на 1000 км²). Близкое по количеству число памятников рассматриваемого периода изучалось на Северном Кавказе, где их концентрация достигает 0.4 на 1000 км².

Из 3798 памятников средневековой эпохи по 20% и более приходится на поволжские, центральные и южные регионы России, где наблюдается их самая высокая концентрация – от 0.9 до 1.9 памятников на 1000 км². Значительные размеры Сибири и в этом случае влияют на степень ее изученности: при высоком абсолютном количестве исследовавшихся в последние годы средневековых могильников и поселений (419 или 11%), их плотность невысока и сопоставима с такими регионами, как Урал или Северо-Запад, в которых исследовалось меньшее количество средневековых древностей. Дальневосточный Федеральный округ демонстрирует наименьшую плотность распространения средневековых памятников (0.03 на 1000 км²) при относительно высоком абсолютном их количестве (194 или 5%), сравнимом с количеством подобных объектов, изучавшихся на Северном Кавказе, где за счет меньшей территории степень концентрации

памятников средневековья достигает показателя “1 на 1000 км²”.

Анализ полученной информации показал, с каким вниманием относятся к изучению памятников Нового и Новейшего времени в разных регионах РФ, из которых 53% приходится на Центральную Россию, т.е. 1.2 памятника на 1000 км². В таких регионах, как Поволжье, Северо-Запад или Юг, памятники этого периода вызывают меньший интерес; плотность исследованных в последние годы объектов здесь колеблется между 0.1 и 0.3 на 1000 км². На Дальнем Востоке, Урале и Северном Кавказе, а также в Сибири значения плотности археологических памятников Нового и Новейшего времени приближаются к “0”, а в абсолютных числах не превышают 80. Очевидно, что незначительное число памятников Нового и Новейшего времени, исследованных на этих территориях, объясняется не отсутствием объектов наследия этого времени, а сложившейся исследовательской традицией, не воспринимающей “поздние” памятники как достойные серьезного исследовательского внимания, в отличие от памятников каменного, бронзового и раннего железного века.

Заслуживают внимания результаты ГИС-картографирования археологических памятников в рамках природно-ландшафтных зон, выделяемых по доминированию определенной растительности: тундра, болотистые зоны, зоны с преобладанием кустарниковой растительности, зоны лесов, равнинные и степные зоны с доминированием зерновых культур и луговых трав (табл. 3). Из построенных карт (цв. вклейка № 2; рис. 3) следует, что преобладают археологические памятники на открытых равнинных территориях, в настоящее время использующихся для сельскохозяйственной деятельности (12074 из 15367 или 78%). Значительно уступает им по количеству выявленных памятников лесная зона (2605 или 17%). На огромные пространства Северной

Таблица 3. Распределение памятников археологии и пустых шурфов по ландшафтным зонам

Ландшафтная зона	Памятники археологии		Пустые шурфы	
	количество	%	количество	%
Тундра	346	2	155	1
Болото	260	2	41	1
Кустарник	82	1	3	0
Лес	2605	17	2903	26
Степь/равнина	12 074	78	8128	72
Итого	15 367	100	11 230	100

Евразии, занятые тундрой, болотистой местностью и редкими кустарниковыми растениями, приходится лишь 1–2% исследованных в 2009–2012 гг. археологических объектов.

Близкое к полученным результатам распределения памятников всех эпох значение дают поселения и могильники бронзового века, средневековья и Нового и Новейшего времени. Доля изученных памятников каменного века, энеолита и раннего железного века в лесной зоне повышается до 20–30%, что может быть связано с научными интересами определенных коллективов, уделявших особое внимание древностям перечисленных эпох (табл. 3).

Иное распределение можно получить по сопоставлению пустых шурфов в границах ландшафтных зон (цв. вклейка № 2; рис. 4): здесь на долю открытых пространств приходится 72% сделанных шурфов (8128), тогда как в лесной зоне их 26% (2903). Таким образом, полученные результаты пространственного распределения археологических памятников в лесной и равнинной зонах могут отражать не только разную степень их изученности, но и реальные приоритеты в заселении человеком данных пространств, поскольку доля исследований лесных территорий, не приведших к положительным результатам, выше доли выявленных в лесной зоне памятников на 10%. В зоне тундры количество сделанных в рассматриваемые годы шурфов невелико – 155 (или 1%); в кустарниковой или болотистой местности оно стремится к “0”. В этом случае мы, очевидно, наблюдаем совпадение тенденций низкого уровня древней и современной жизненной и хозяйственной активности на этих плохо пригодных для жизни территориях со слабым уровнем заселения.

На протяжении длительного времени важнейшую роль в качестве системы коммуникаций для древнего и средневекового населения играли реки. Существует широко распространенное мнение о преимущественном заселении в первую очередь бассейнов рек, что привело к выработке рекоменда-

ций по проведению полевых разведок (Авдусин, 1980. С. 62, 63; Мартынов, Шер, 1989. С. 23, 24, 29). В ходе многолетних археологических разведок было установлено, что количество археологических памятников, обнаруженных по берегам рек, как правило, значительно превышает количество известных объектов археологии на водоразделах. Представляется интересным сопоставить информацию по количеству объектов археологического наследия, находящихся в бассейнах крупных рек РФ, а также поставленных в 2009–2012 гг. пустых шурфов как отражения современной исследовательской активности и тенденций в системе расселения в древности и средневековье. С этой целью в ГИС вдоль русел наиболее крупных рек были построены буферные зоны по 50 км в каждую сторону и вычислено количество памятников археологии и пустых шурфов, приходящихся на бассейны главных рек России. Вошедшие в выборку археологические памятники (4540) и пустые шурфы (3722) представляют от 30 до 33% от общего объема данных и являются, таким образом, статистически представительными.

Данные вычисления (табл. 4) в известной мере являются огрубленными, тем не менее они дают возможность сделать некоторые интересные наблюдения (цв. вклейка № 3; рис. 5). Так, на бассейны крупнейших сибирских и дальневосточных рек – Амура, Ангары, Енисея, Лены и Иртыша – приходится от 0.4 до 5.6% вошедших в выборку памятников археологии. Более высокий процент дают памятники, расположенные в бассейне Оби, – 9.9%. При этом, учитывая большую протяженность данных рек, на 1 км их длины приходится не более 0.1 археологического памятника. Степень исследованности и, что весьма вероятно, заселенности рек Европейской части России гораздо выше: количество памятников, расположенных на Волге, достигает 1156 (26%), на Дону – 1050 (23%), на Каме – 722 (16%). Наименьшие показатели наблюдаются в бассейне Днепра – 18 (0%) и Северной Двины – 4 (0%). Сопоставление количества памятников на 1 км длины речного

Таблица 4. Распределение памятников археологии и пустых шурфов по бассейнам главных рек

Река	Длина, км*	Памятники археологии			Пустые шурфы		
		количество	%	количество на 1 км длины	количество	%	количество на 1 км длины
Амур	4133	16	0	0	146	4	0
Ангара	1779	253	6	0.1	107	3	0.1
Волга	3531	1156	26	0.3	2129	57	0.6
Десна	555	235	5	0.4	123	3	0.2
Днепр	485	18	0	0	6	0	0
Дон	1870	1050	23	0.6	534	14	0.3
Енисей	3930	224	5	0.1	115	3	0
Иртыш	1900	40	1	0	23	1	0
Кама	2030	722	16	0.4	87	2	0
Лена	4400	39	1	0	53	2	0
Обь	3050	448	10	0.1	307	8	0.1
Северная Двина	1803	4	0	0	0	0	0
Урал	1550	335	7	0.2	92	3	0.1
Итого	31016	4540	100	0.1	3722	100	0.1

бассейна демонстрирует высокую плотность заселения по берегам Дона (0.6), Десны, Камы (0.4) и Волги (0.3).

Доля шурфов, не содержащих признаков культурного слоя, как отражение исследовательской активности по поиску новых археологических объектов (цв. вклейка № 3; рис. 6; табл. 4), достигает своего максимума в бассейне Волги, на который приходится 57% исследований 2009–2012 гг. (2129). Здесь же мы наблюдаем наивысший показатель количества шурфов относительно длины речного бассейна – 0.6 на 1 км. 14% шурфов (534) приходится на бассейн Дона, 8% (307) – Оби. Интересно, что следующей по уровню исследованности стоит р. Амур, – 146 шурфов (4%), тогда как по количеству изученных в 2009–2012 гг. памятников археологии она занимает одно из последних мест (16 или 0%). Вероятно, мы имеем некоторое подтверждение наблюдению о низкой плотности населения, проживавшего в разные времена в бассейне данной реки.

Остальные реки не подвергались столь тщательному обследованию в рассматриваемые годы: доля пустых шурфов, поставленных в бассейнах Ангары, Десны и Енисея, едва превышает сотню (3%), остальные речные бассейны исследовались еще

меньше. Особенно низкая степень изученности наблюдается в бассейне Северной Двины, где не было сделано ни одного шурфа, и Днепра (6 шурфов).

Разную плотность освоения речных бассейнов демонстрирует распределение памятников по выделяемым эпохам. Так, из 627 памятников каменного века до 188 (30%) приходится на бассейн Волги и 144 (23%) – Ангары. Следы обитания людей каменного века также ярко представлены на Каме (111 или 18%) и Дону (72 или 11%). Древности эпохи энеолита (100 памятников), выделение которых имеет определенные сложности, о чем говорилось выше, широко представлены в бассейнах Дона (30%), Волги (28%), Камы (21%) и Урала (14%). С бассейном Дона также связано значительное количество памятников бронзового века – 42% (335 из 800); высока она и в бассейне Волги (166 или 21%); по течению других рек памятников этой эпохи в рассматриваемой выборке значительно меньше.

Интересно отметить, что в раннем железном веке плотность населения повышается в бассейне Камы, на долю которой приходится 225 из 868 памятников (26%); несколько ниже она на Дону (197 или 23%). Значительное количество памятников раннего железного века обнаружено на Енисее, Оби и Ангаре (от 9 до 13%); чуть меньше – в бассейне Волги (69 или 8%) и Урала (56 или 6%). Лидирующие позиции по плотности заселения в средневековье занимают Дон, где исследовалось до 28% древностей этого времени

* В таблице приводится длина рек в пределах государственных границ РФ.

(333 из 1169 памятников), Кама и Волга (около 250 памятников или 21%). Большое количество средневековых древностей исследовалось в бассейнах Оби, Десны и Ангары (6–8% от выборки). Памятники Нового и Новейшего времени вызывают повышенный интерес у археологов, работавших в бассейне Волги: ими изучено около половины присутствующих в выборке поздних археологических объектов (260 из 556 или 47%). В меньшей степени подобные памятники привлекали внимание специалистов, исследовавших бассейны Дона и Десны (95–99 памятников или 17–18%), а также Камы и Оби (21–36 памятник, 4–6%), тогда как на остальных территориях количество изученных объектов Нового и Новейшего времени не превышало 10.

Таким образом, приведенная выше информация о пространственном распространении памятников разных эпох демонстрирует, с одной стороны, приближенную к реальности степень освоения крупных территорий в разное время, с другой, – исследовательский интерес к древностям определенных хронологических отрезков в разных регионах, проявляющийся в выборе объектов для полевых изысканий. Ввод в информационную систему данных о памятниках, обследованных в течение более продолжительного периода, в будущем позволит сократить помехи, связанные с тем, что существующее наполнение информационной системы отражает археологическую активность сравнительно короткого периода, и сделает археологические карты, создаваемые на основе ГИС АПР, более полновесными и надежными источниками информации. Однако 26 000 точек, документирующих местоположение археологических памятников или их отсутствие, введенных в настоящее время в ГИС, ни в коей мере не должны рассматриваться как географическое приложение к справочнику о полевых работах последних лет. Эти данные документируют общие пространственные рамки исторической жизни на территории России в разные периоды и общее пространственное положение больших массивов археологических памятников. Они убедительно показывают резкость контрастов в плотности памятников на территории Европейской части России и Сибири, Юга Европейской России и остальной ее части, проявляющуюся практически на всех хронологических срезах. Информативность материалов, интегрированных в настоящее время в ГИС АПР, для изучения древнего и средневекового расселения очевидна, однако интерпретация археологических карт требует учета специфики формирования базы данных и знания особенностей накопления

информации, образующей ее различные региональные блоки.

Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 14-1803755.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авдусин Д.А.* Полевая археология СССР: учеб. пособ. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1980. 335 с.
- Археологическая карта России. Калужская область / Отв. ред. Г.Е. Афанасьев; сост. Ю.А. Краснов. М.: Авто, 1992. 160 с.
- Государственный доклад о состоянии культуры в Российской Федерации в 2014 году [Электронный ресурс]. М.: Министерство культуры РФ, 2015. 288 с. Режим доступа: <http://mkrf.ru/report/report2014/>. Дата обращения: 11.07.2016.
- Кашкин А.В.* Наш юбилей (К 40-летию Отдела археологических сводов и карт Института археологии РАН) // РА. 2012. № 4. С. 184–186.
- Макаров Н.А., Зеленцова О.В., Коробов Д.С., Черников А.П., Ворошилов А.Н.* Геоинформационная система “Археологические памятники России”: методические подходы к разработке и первые результаты наполнения // КСИА. 2015а. Вып. 237. С. 7–19.
- Макаров Н.А., Зеленцова О.В., Коробов Д.С., Черников А.П., Ворошилов А.Н.* Первые шаги по созданию национальной геоинформационной системы “Археологические памятники России” // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015б. Т. 43. № 4. С. 85–93.
- Мартынов А.И., Шер Я.А.* Методы археологического исследования. М.: Высшая школа, 1989. 223 с.
- Энеолит СССР / Отв. ред. В.М. Массон, Н.Я. Мерперт. М.: Наука, 1987 (Археология СССР). 369 с.
- Berg E.* Using a GIS-based Database as a Platform for Cultural Heritage Management of Sites and Monuments in Norway // Digital Discovery. Exploring New Frontiers in Human Heritage. CAA2006. Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology: Proceedings of the 34th Conference, Fargo, United States, April 2006 / Eds J.T. Clark, E.M. Hagemester. Budapest: Archaeolingua, 2007. P. 345–351. CD-ROM.
- Crawford O.G.S.* Air Survey and Archaeology. L., 1928 (Ordinance Survey Professional Papers. New Ser.; № 7). 39 p.
- García Sanjuán L., Wheatley D.W.* The State of the Arc: Differential Rates of Adoption of GIS for European Heritage Management // European Jr. Archaeology. 1999. V. 2. P. 201–228.
- Listing archaeological sites, protecting the historical landscape / Ed. P.A.C. Schut. Brussels: Europae Archaeologiae Consilium, 2009 (EAC occasional paper; № 3). 169 p.

- Methodological Problems and Future Perspectives in the Application of GIS in Archaeology. Firenze: All'insegna del Giglio, 1998 (Archeologia e Calcolatori; 9/1998). 352 p.
- Palumbo G. JADIS (Jordan Antiquities Database and Information System): an Example of National Archaeological Inventory and GIS Applications // Computing the Past. Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology. CAA92 / Eds J. Andresen, T. Madsen, I. Scollar. Aarhus: Aarhus University Press, 1993. P. 183–188.
- Wheatley D., Gillings M. Spatial Technology and Archaeology. The archaeological applications of GIS. L.; N.Y.: Taylor and Francis, 2002. 283 p.

RUSSIA AS ARCHAEOLOGICAL SPACE: FIRST RESULTS OF ELABORATION OF THE NATIONAL GIS ‘THE ARCHAEOLOGICAL SITES OF RUSSIA’

**Nikolay A. Makarov*, Olga V. Zelentsova*, Dmitriy S. Korobov*,
Alexander P. Chernikov**, Aleksey N. Voroshilov***

* Institute of Archaeology RAS, Moscow (nmakarov10@yandex.ru, olgazelentsova2010@yandex.ru,
dkorobov@mail.ru, voroshilov.aleksej@yandex.ru)

** TENSOR-TELECOM LTD, Moscow (Chernikov@tt-com.ru)

This paper summarizes the work at the creation of the first national-scale GIS ‘The Archaeological Sites of Russia’. A system of description of archaeological sites and location of trial trenches in the form of Terek, an automatic system of information proceeding with provision for computer-aided mapping was elaborated within the ranges of the project of the Russian Scientific Foundation no. 14-1803755. As of present it includes the data of 15367 objects of archaeological heritage and 11230 trial trenches not containing cultural deposits or any indications of the presence of ancient monuments in the relevant areas taken from reports of 2009–2012. The paper examines spatio-chronological distribution of the existing information over the entire territory of the Russian Federation. The data are indicative, on the one hand, of the degree of reclamation of vast areas in different periods and the interest of researchers to the antiquities pertaining to certain time spans in different regions manifested in the choice of fieldwork objects, on the other.

Keywords: protection of archaeological heritage, Geographic Information Systems (GIS), databases, archaeological sites, archive materials, fieldwork reports, spatial analysis.

REFERENCES

- Arkheologicheskaya karta Rossii. Kaluzhskaya oblast' [Archaeological map of Russia. The Kaluga Region]. G.E. Afanas'ev, ed., Yu.A. Krasnov, comp. Moscow: Avto, 1992. 160 p.
- Avdusin D.A., 1980. Polevaya arkheologiya SSSR: uchebnoe posobie [Field archaeology of USSR: study guide]. 2nd edition, revised and enlarged. Moscow: Vysshaya shkola. 335 p.
- Berg E., 2007. Using a GIS-based Database as a Platform for Cultural Heritage Management of Sites and Monuments in Norway. *Digital Discovery. Exploring New Frontiers in Human Heritage. CAA2006. Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology: Proceedings of the 34th Conference*. J.T. Clark, E.M. Hagemester, eds. Budapest: Archaeolingua, pp. 345–351 (CD-ROM).
- Crawford O.G.S., 1928. Air Survey and Archaeology. London (Ordnance Survey Professional Papers. New Series, 7). 39 p.
- Eneolit SSSR [The Eneolithic of USSR]. V.M. Masson, N.Ya. Merpert, eds. Moscow: Nauka, 1987 (Arkheologiya SSSR). 369 p.
- García Sanjuán L., Wheatley D.W., 1999. The State of the Arc: Differential Rates of Adoption of GIS for European Heritage Management. *European Journal of Archaeology*, 2, pp. 201–228.
- Gosudarstvennyy doklad o sostoyanii kul'tury v Rossiyskoy Federatsii v 2014 godu [State report on the cultural situation in Russian Federation in 2014]. Electronic resource.

- Moscow: Ministerstvo kul'tury RF, 2015 (<http://mkrf.ru/report/report2014/>). 288 p.
- Kashkin A.V., 2012. Nash yubiley (K 40-letiyu Otdela arkheologicheskikh svodov i kart Instituta arkheologii RAN) [Our jubilee (To the 40th anniversary of the Department of Archaeological Records and Maps of the Institute of Archaeology RAS)]. *RA [Russian Archaeology]*, 4, pp. 184–186.
- Listing archaeological sites, protecting the historical landscape. P.A.C. Schut, ed. Brussels: Europae Archaeologiae Consilium, 2009 (EAC occasional paper, 3). 169 p.
- Makarov N.A., Zelentsova O.V., Korobov D.S., Chernikov A.P., Voroshilov A.N., 2015a. Geoinformatsionnaya sistema “Arkheologicheskie pamyatniki Rossii”: metodicheskie podkhody k razrabotke i pervye rezul'taty napolneniya [GIS “Archaeological sites of Russia”: Methodological approaches to the development and first results of interpenetration]. *KSIA [BCIA]*, 237, pp. 7–19.
- Makarov N.A., Zelentsova O.V., Korobov D.S., Chernikov A.P., Voroshilov A.N., 2015b. Pervye shagi po sozdaniyu natsional'noy geoinformatsionnoy sistemy “Arkheologicheskie pamyatniki Rossii” [First attempts of elaboration of national-scale GIS “Archaeological sites of Russia”]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]*, vol. 43, no. 4, pp. 85–93.
- Martynov A.I., Sher Ya.A., 1989. Metody arkheologicheskogo issledovaniya [Methods of archaeological investigations]. Moscow: Vysshaya shkola. 223 p.
- Methodological Problems and Future Perspectives in the Application of GIS in Archaeology. Firenze: All'insegna del Giglio, 1998 (*Archeologia e Calcolatori*, 9/1998). 352 p.
- Palumbo G., 1993. JADIS (Jordan Antiquities Database and Information System): an Example of National Archaeological Inventory and GIS Applications. *Computing the Past. Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology. CAA92*. J. Andresen, T. Madsen, I. Scollar, eds. Aarhus: Aarhus University Press. P. 183–188.
- Wheatley D., Gillings M., 2002. Spatial Technology and Archaeology. The archaeological applications of GIS. London; New York: Taylor & Francis. 283 p.

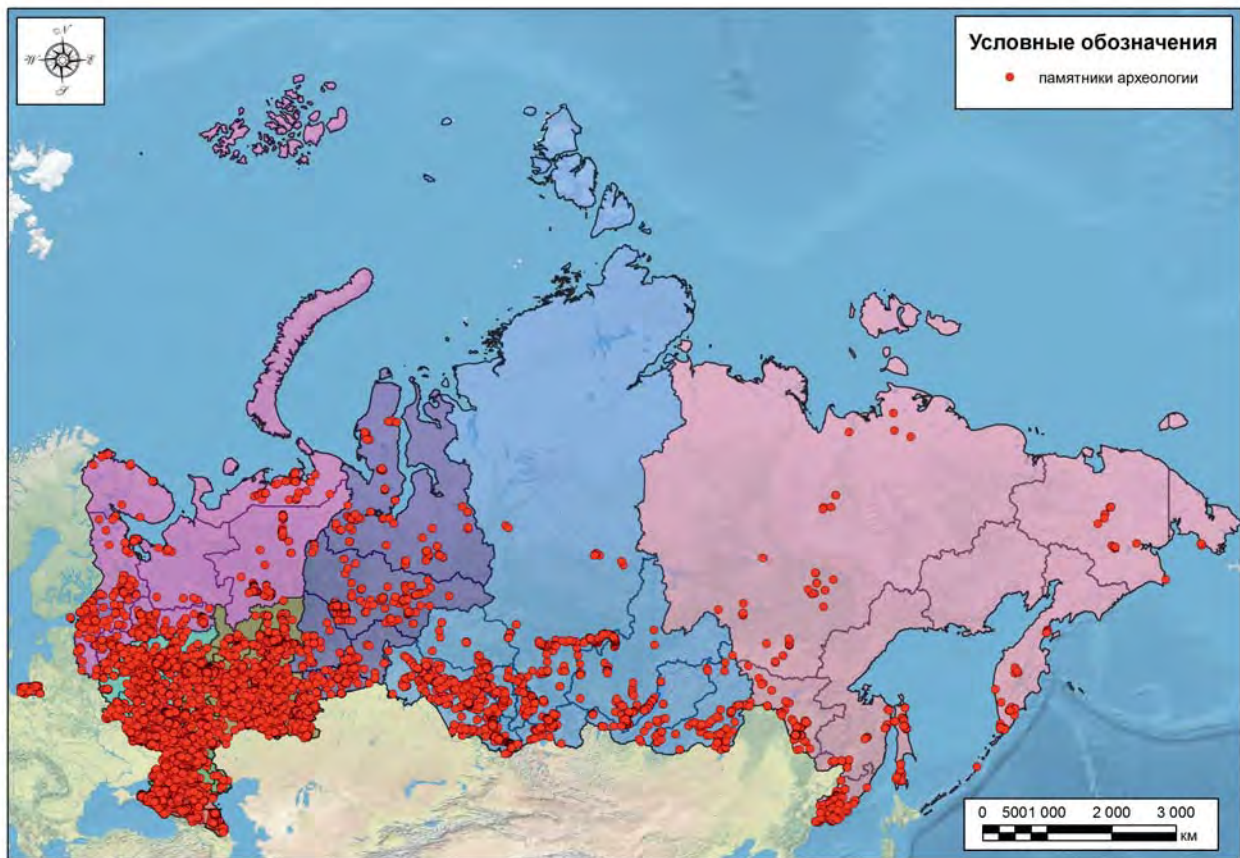

Рис. 1. Распределение памятников археологии в ГИС АПР по федеральным округам РФ

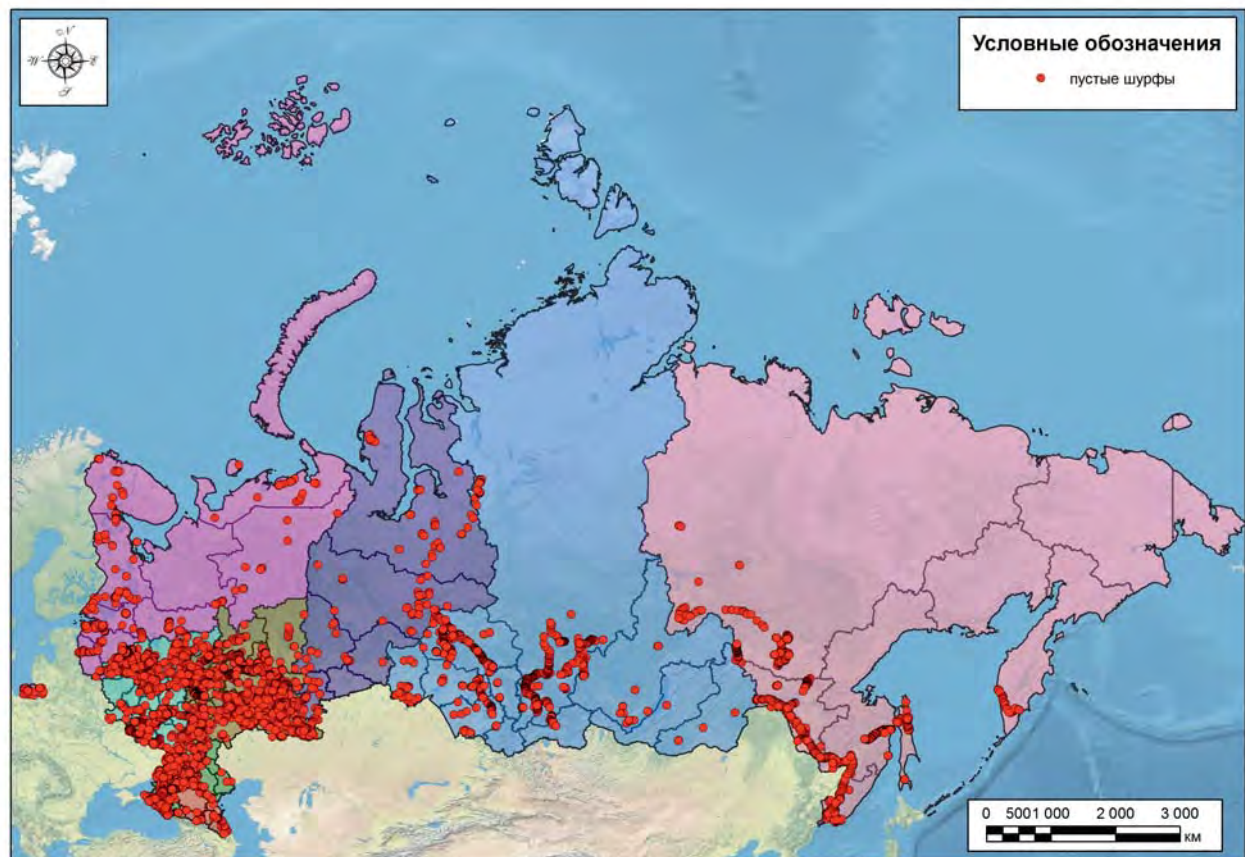

Рис. 2. Распределение пустых шурфов в ГИС АПР по федеральным округам РФ

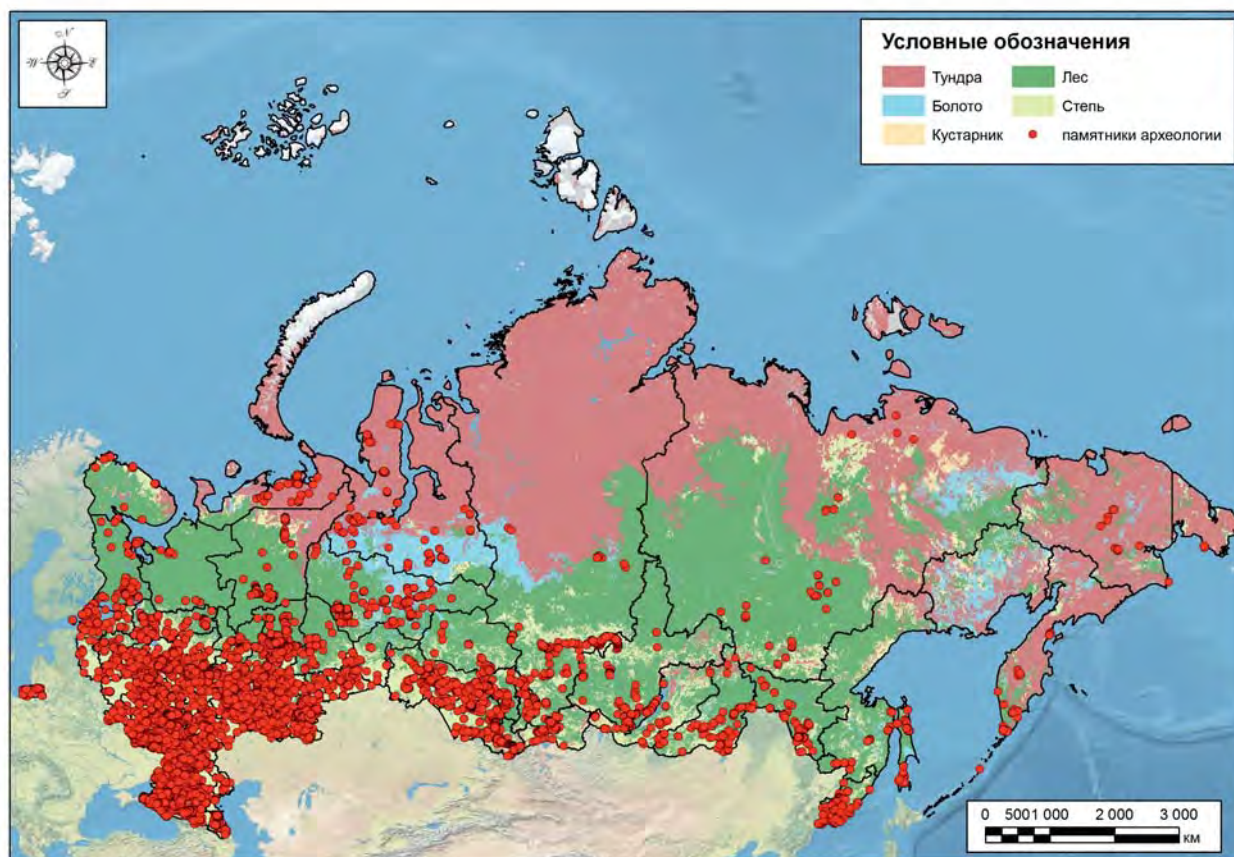

Рис. 3. Распределение памятников археологии в ГИС АПР по ландшафтным зонам

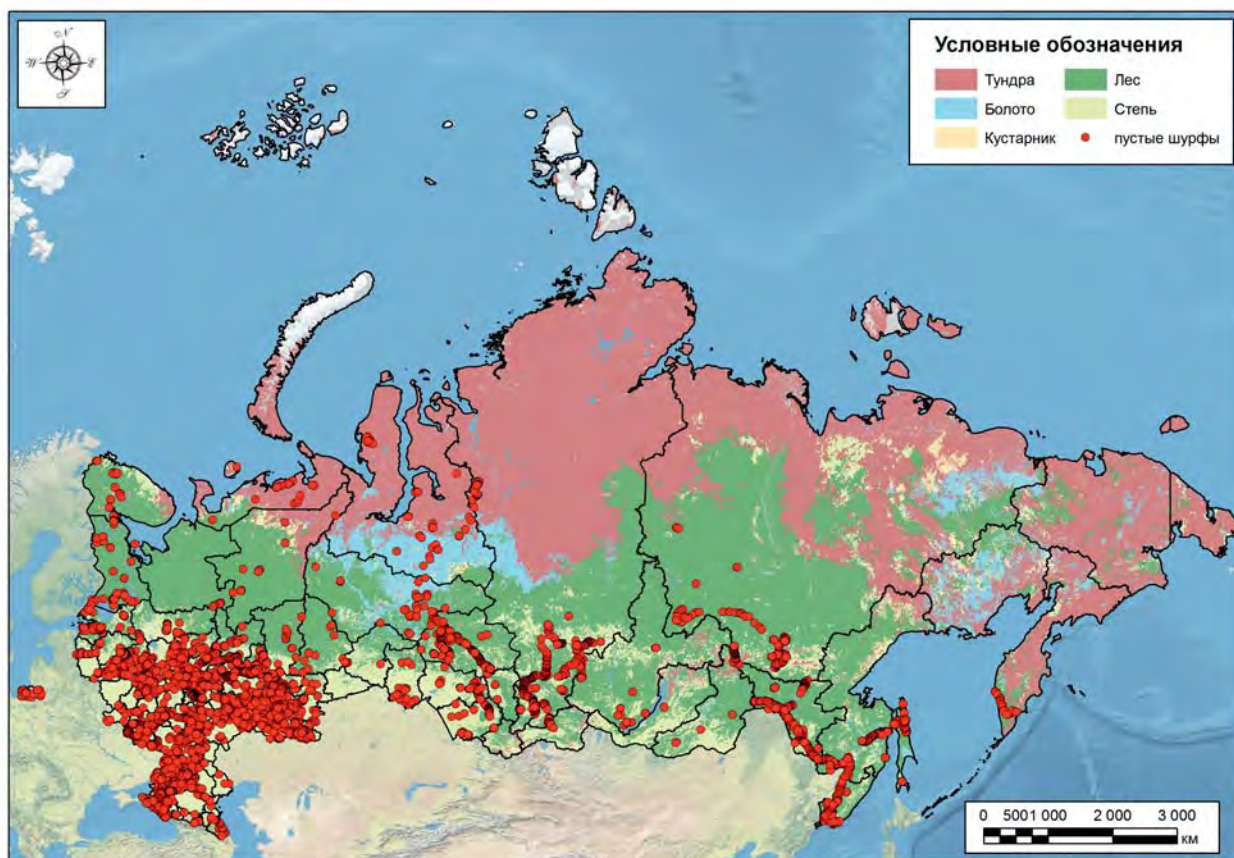

Рис. 4. Распределение пустых шурфов в ГИС АПР по ландшафтным зонам

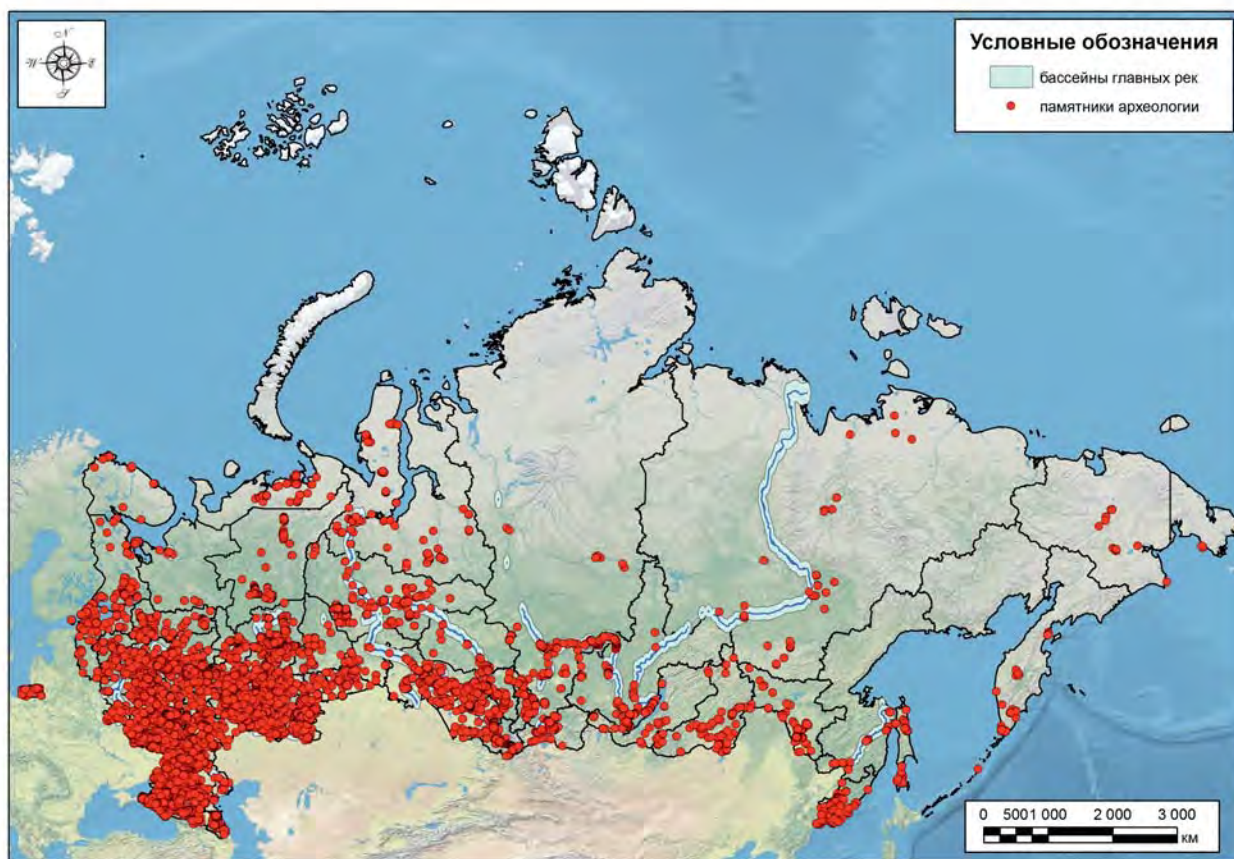

Рис. 5. Распределение памятников археологии в ГИС АПР по бассейнам рек

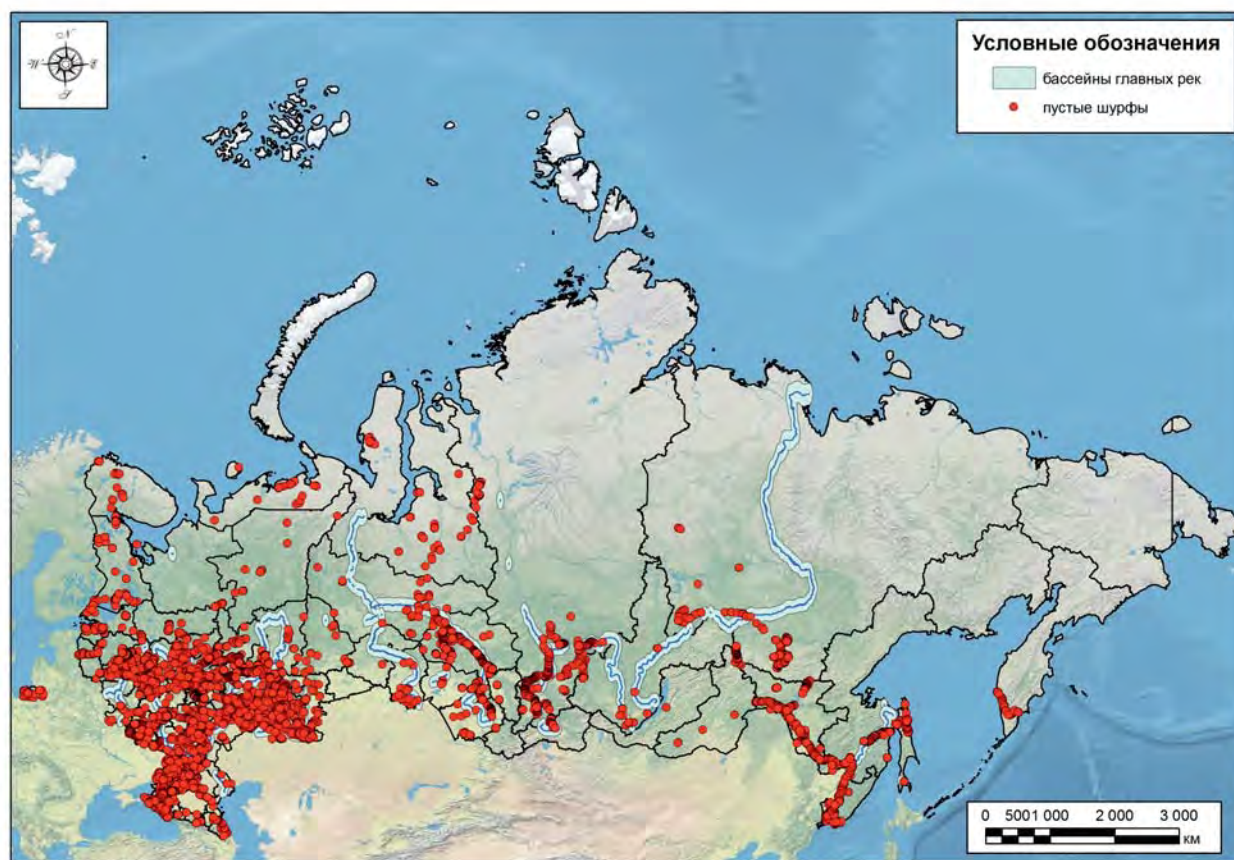

Рис. 6. Распределение пустых шурфов в ГИС АПР по бассейнам рек

УКРАШЕНИЯ С ПОЛИХРОМНЫМИ ЭМАЛЯМИ ИЗ БРЯНСКОГО КЛАДА: ТЕХНИКА ИЗГОТОВЛЕНИЯ И “АВТОРСТВО”

© 2016 г. О.С. Румянцева

Институт археологии РАН, Москва (o.roumiantseva@mail.ru)

Среди украшений круга восточноевропейских выемчатых эмалей, входящих в состав Брянского клада конца II – III в. н.э., особенный интерес представляет серия украшений с полихромными эмалевыми вставками. Изучение технологии их изготовления, проведенное с учетом данных о современной технике художественного эмалирования, позволило установить, что мастерами использовалась широкая гамма технологических приемов, среди которых – декор в виде тянутых накладных элементов; декор, нанесенный жидкой порошковой эмалью; заполнение полей без металлических перегородок одновременно обточенными кусочками стекла и эмалью разных цветов и др. Различия в технологии изготовления элементов украшений показывают, что мастера уделяли особое внимание разнице температур плавления эмалей разных цветов, а также особенностям цветообразования в красном и оранжевом глухом стекле. Использование сложных техник эмалирования в сочетании с приемами горячей стеклообработки позволяет заключить, что украшения Брянского клада произведены не варварскими, а позднеантичными (наиболее вероятно, провинциально-римскими) мастерами на заказ для местного населения.

Ключевые слова: Восточная Европа, восточноевропейские выемчатые эмали, римское время, технология, стеклообработка, лесное Поднепровье.

История изучения восточноевропейских выемчатых эмалей насчитывает более столетия (библиографию и ссылки на литературу см. Корзухина, 1978; Обломский, Терпиловский, 2007), в последние годы число посвященных им работ неуклонно растет (ссылки и библиографию см. Ахмедов и др., 2015). Большинство исследований, связанных с этими яркими по стилистике изделиями, выделяющимися среди восточно- и центральноевропейских (прибалтийских) древностей, посвящено их хронологии, происхождению, характеру распространения и культурной атрибуции. Традиционно считается, что данный стиль украшений возник под влиянием провинциально-римских эмалей и у провинциально-римских ремесленников местные прибалтийские и, возможно, днепровские ювелиры-литейщики переняли технику их изготовления (Корзухина, 1978. С. 52, 53, 61 и сл.).

Высказывалось предположение о том, что в процессе заимствования эмальерного искусства восточноевропейскими ремесленниками важную роль сыграли бродячие мастера (Bitner-Wróblewska, Stawiarska, 2009. Р. 329–331, 350, 351; Bitner-Wróblewska, 2011. Р. 19–22). Исследователи неоднократно обращали внимание и на сходство стекла

эмалей и бус, которые, как предполагают, служили сырьем для местного эмальерного производства (Левада, 2010. С. 578; Bitner-Wróblewska, Stawiarska, 2009. Р. 326; Ахмедов и др., 2015. С. 146). Несмотря на то что исследователи уделяли внимание отдельным аспектам производства украшений с эмалью и пытались реконструировать некоторые приемы работы древних мастеров (Корзухина, 1978. С. 17, 52; Поболь, Наумов, 1967), едва ли не единственным примером комплексного химико-технологического исследования серии варварских эмалей с территории Прибалтики и Среднего Поднепровья является работа А. Битнер-Врублевской и Т. Ставярской (Bitner-Wróblewska, Stawiarska, 2009). В ней рассмотрена технология изготовления металлических корпусов украшений и эмалевых вставок в них, выделены различия между провинциально-римскими и “варварскими” украшениями.

Одним из ярких событий в истории изучения восточноевропейских выемчатых эмалей стала находка и передача в 2012 г. в Государственный Исторический музей Брянского клада, насчитывающего более 275 изделий этого круга (Ахмедов и др., 2013, 2015). Представительная серия вещей клада, среди которых присутствуют изделия с по-

лихромными эмалевыми вставками с различными декоративными элементами, дает новые возможности для изучения процесса их производства. Технике изготовления эмалевых вставок и посвящена публикуемая работа. Изучение предметов проводилось как визуально, так и при помощи микроскопа.

Для понимания особенностей древнего производства важно знание принципов и основных приемов работы современных мастеров-эмальеров. Они были использованы для реконструкции процесса изготовления древних вещей. Выделяется несколько этапов производства украшений, каждый из которых обусловлен технологической спецификой взаимодействия различных видов стекла и металла под влиянием высоких температур. Одним из важнейших условий является прочность сцепления стекла и металлической подложки. В связи с этим перед началом работы с эмалями металлическое украшение тщательно очищают, а затем отжигают в печи до тех пор, пока на поверхности металла не появится тончайшая пленка оксида, способствующая прочному соединению эмали с металлом. Обработанное таким образом изделие вынимают из печи, дают остыть, после чего приступают к наложению эмали. Чтобы добиться высокой степени прочности сцепления, эмаль перед началом работы размешивают с водой и в виде кашицы накладывают на изделие с помощью кистей или металлического шпателя. Предварительно плитки стекла, служащие полуфабрикатами, измельчают до порошкообразного состояния. Очень важно, чтобы зерна в размолотой эмали были приблизительно одного размера: крупные частицы трудно распределить ровным слоем по поверхности металла, а мелкие зерна плавятся гораздо быстрее и успевают выгореть до того, когда начинают плавиться наиболее крупные. В результате цвет эмали становится тусклым, а иногда и грязным (особенно актуально это для прозрачных эмалей). Поэтому для удаления чрезмерно мелких (пылевидных) частиц, образующихся при размалывании, порошок промывают водой. Размолотая эмаль несколько раз взмучивается в воде – крупные частицы оседают на дно, а мелкие пылевидные в виде муты сливаются.

Существует два способа нанесения эмали: “сухой” – насеиванием порошка через сито, и “мокрый” – в виде эмалевого порошка, разведенного водой, кисточкой или шпателем. Гнезда изделия обычно не заполняются в один прием: полная высота эмалевого слоя достигается путем постепенного заполнения ячейки и требует иногда от двух до четырех последовательных обжигов, так как некоторые сорта эмали становятся мутными и тусклыми,

если они нанесены слишком толстым слоем. При этом для прочного соединения основы и вставки очень важно, чтобы грунтовой слой, который наносится на металлическую подложку, полностью покрывал слой металла.

После наложения эмали изделие тщательно просушивают, иначе при обжиге эмали оставшаяся вода закипает, и в изделии образуется брак в виде пузырей, пустот и т.п., а эмаль может отскочить от подложки. Сначала воду удаляют, приложив к краю изделия кусок пропускной бумаги. Затем подготовленные предметы подсушивают, положив их наверх подогретой муфельной печи, до тех пор, пока не перестанет выделяться пар. Современные эмали обжигают в печи при температуре до 800–850 °С. Во время обжига пламя не должно соприкасаться с эмалевой поверхностью, так как копоть, попадая в эмаль, может испортить изделие.

Различные эмали имеют разные температуры плавления, поэтому, прежде чем приступить к наложению эмали на изделие, необходимо сделать пробу: на металлическую пластину накладывают все подлежащие испытанию эмали и, просушив, начинают нагревать. Если в результате пробы обнаруживается, что легкоплавкие эмали выгорают при температуре плавления тугоплавких, то сначала накладывают и обжигают все тугоплавкие эмали, а затем добавляют недостающие цвета легкоплавких и обжигают еще раз при более низкой температуре. Нужно, однако, учитывать, что при обжиге отдельные краски могут изменять цвет: так, красная после многих обжигов может стать черной, в связи с чем ее не рекомендуют обжигать более двух раз. По мере нагревания поверхность эмали выравнивается и приобретает стекловидный блеск.

После этого изделие вынимают из печи, и оно постепенно остывает. Если после первого наложения и обжига эмали на изделии обнаруживаются незначительные дефекты – трещины, пузыри, обнаженные места металла, то их исправляют: повторно наносят эмаль, просушивают и обжигают. Затем изделие окончательно отделяют: отбеливают или отшлифовывают металлические участки, свободные от эмалевого слоя, которые в результате обжига покрываются оксидной пленкой. Сами эмалевые вставки при необходимости также можно подшлифовать (Бреполь, 1986; Флеров и др., 1986. С. 15–17; Емельянов и др., 2013).

На украшениях из Брянского клада (рис. 1–4) в местах утрат эмалей хорошо читается присутствие нижнего, грунтового слоя (рис. 4, 1; цв. вклейка). Исключение составляют вставки малого размера, в первую очередь дисковидные (до 0.5 см),

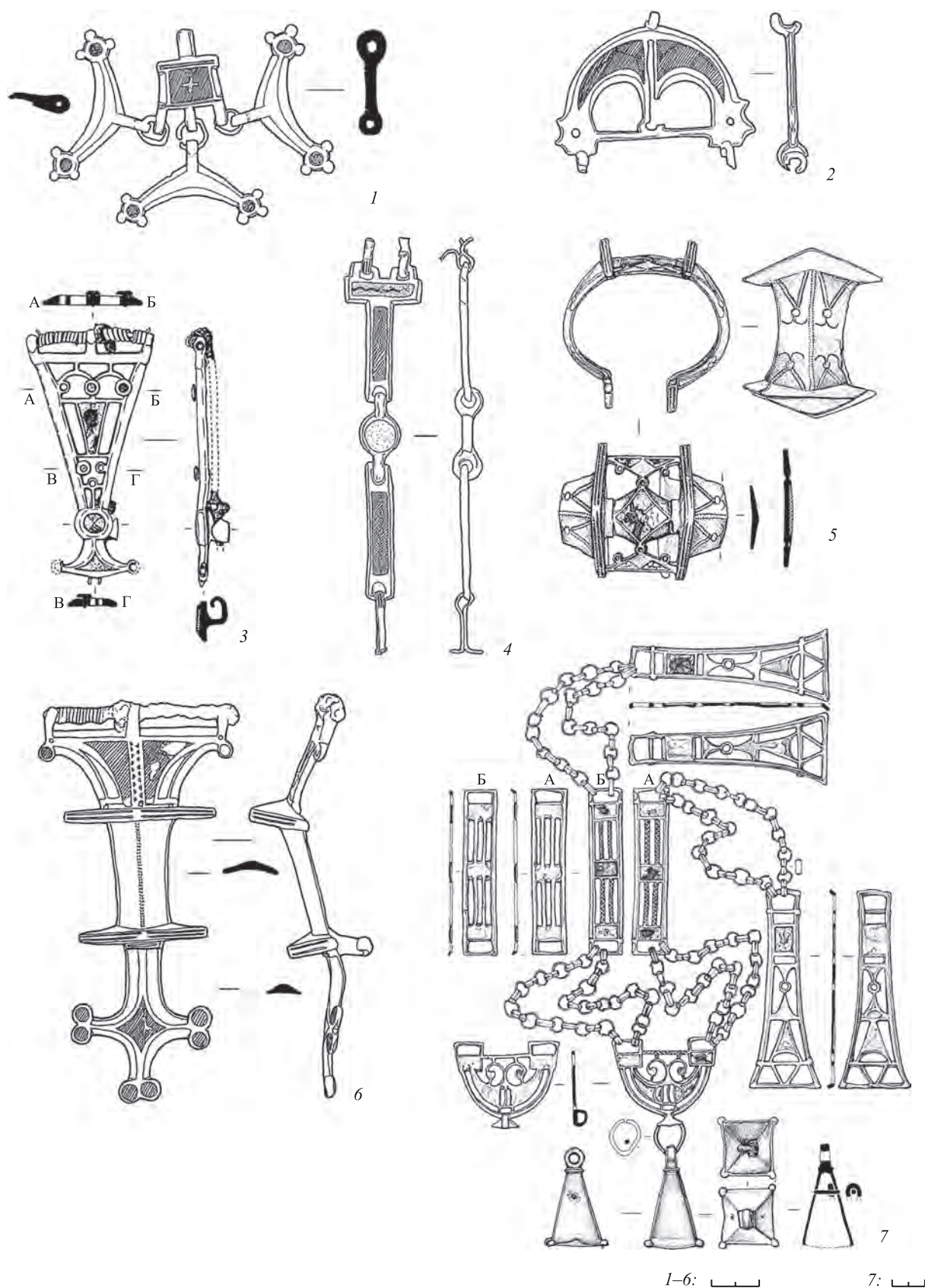

Рис. 1. Находки (1–7) из Брянского клада, украшенные полихромными эмалевыми вставками (по: Ахмедов и др., 2015).

которые могли заполняться в один слой (рис. 4, 2, 4; цв. вклейка). Большинство вещей характеризует ровный ярко-красный цвет с едва различимыми свиями (темными прожилками). Учитывая, что красное стекло наиболее сложно для обработки, так как при обжиге оно может менять цвет, есть основание предполагать определенный уровень квалификации мастеров-эмальеров, выполнивших украшения Брянского клада. Несколько отличаются от прочих две треугольные фибулы с более темными эмалевыми вставками, имеющими коричневатый оттенок (рис. 2, 1, 2; 4, 3; цв. вклейка). Данные украшения выделяются и характером заполнения эмалями круглых полей малого диаметра: эмалевые вставки в них выступают над уровнем металлической основы, при этом вся их поверхность покрыта мелкими кавернами (рис. 4, 3; цв. вклейка). А. Битнер-Вроблевска и Т. Ставярска предполагали, что в подобных случаях гнезда могли заполняться не порошковой эмалью, а мелкими кусочками стекла (Bitner-Wróblewska, Stawiarska, 2009. P. 321).

Возможно данные украшения выполнялись мастерами более низкой квалификации; в пользу этой версии говорит и отсутствие на фибулах полей большого размера, наиболее сложных для заполнения, как и полей с полихромными вставками. На прочих украшениях из клада (за исключением треугольных фибул) поверхность эмалевых вставок гладкая и расположена на уровне края металлической основы (рис. 4, 2, 4; цв. вклейка). На одном из дисков перекладчатой фибулы она слегка натекла на металлический край (рис. 4, 4).

Особый интерес представляют украшения с полихромными вставками, представленные 12 из 24 эмалевых украшений (рис. 1, 3). Выделяется несколько типов декора, выполненного с использованием разных техник.

Наиболее многочисленная группа украшений с накладными декоративными элементами в виде прямых или волнистых линий. Они представлены семью изделиями, среди которых:

1. Парные звенья нагрудного украшения-цепи (рис. 3, 1). Эмалевые вставки имеют основу красного глухого стекла; прямоугольные поля декорированы белыми горизонтальными линиями (рис. 4, 7; 5, 2; цв. вклейка), треугольные – вертикальными прямой и волнистыми линиями.

2. Деталь нагрудного украшения в виде подвески-лунницы (рис. 1, 2) с двумя эмалевыми вставками красного глухого стекла; на частично утраченном верхнем слое сохранились фрагменты декора в виде волнистых линий оранжевого глухого стекла (рис. 5, 3; цв. вклейка).

3. Цепь питьевого рога (рис. 1, 4). Верхнее и нижнее звенья цепи содержат прямоугольные вставки красного глухого стекла, декорированные волнистыми линиями белого глухого стекла (рис. 5, 1; цв. вклейка).

4. Перекладчатые фибулы (2 экз.; рис. 1, 6). Ножки фибул декорированы ромбическими полями красного глухого стекла; в центральной части проходят вертикальные углубления с остатками накладного декора золотисто-желтого полупрозрачного стекла (рис. 5, 4; цв. вклейка).

5. Центральная вставка на треугольной фибуле (рис. 1, 3), имеющая трапецевидную форму. Значительная часть верхнего слоя эмали на ней утрачена, однако на сохранившемся участке у края, в центре широкого основания трапеции, читается фрагмент вертикальной полосы, возможно, волнообразной формы, золотисто-желтого полупрозрачного стекла (рис. 5, 5).

6. Литой браслет (рис. 1, 5), ромбовидный щиток в центре украшения поделен на четыре части, заполненные эмалями зеленого и оранжевого глухого стекла. В одном случае прямая полоска красного глухого стекла перекрывает стык зеленого и оранжевого эмалевых полей (рис. 5, 7; цв. вклейка), в другом – она наложена на оранжевое поле, вблизи от места его стыковки с зеленым (рис. 5, 8; цв. вклейка). У браслета, парного описанному (№ 92), сохранились лишь небольшие фрагменты эмалевых вставок в центральной части, в связи с чем невозможно определить, содержали ли они накладной декор.

Определить технологию изготовления декоративных элементов и способ их нанесения на изделия помогает направление элементов структуры стекла, которое в большинстве случаев маркируется темными прожилками-свиями; в некоторых случаях они различимы лишь при изучении под микроскопом, в других – хорошо читаются невооруженным глазом. На декоративных элементах перечисленных изделий элементы структуры стекла расположены в продольном направлении, параллельно друг другу (рис. 5, 1–3, 7; цв. вклейка), что характерно для палочек и трубочек, сделанных посредством вытягивания из тигля или на весу (Львова, 1980. С. 78). Элементы структуры стекла фона расположены в свободном направлении; они прерываются или пересекаются декоративными элементами (рис. 5, 1, 2, 4; цв. вклейка). Границы между фоном и элементами декора очень ровные и четкие, а в местах утрат последних сохраняется выраженная бороздка (рис. 5, 4; цв. вклейка). Это позволяет заключить, что декоративные элементы

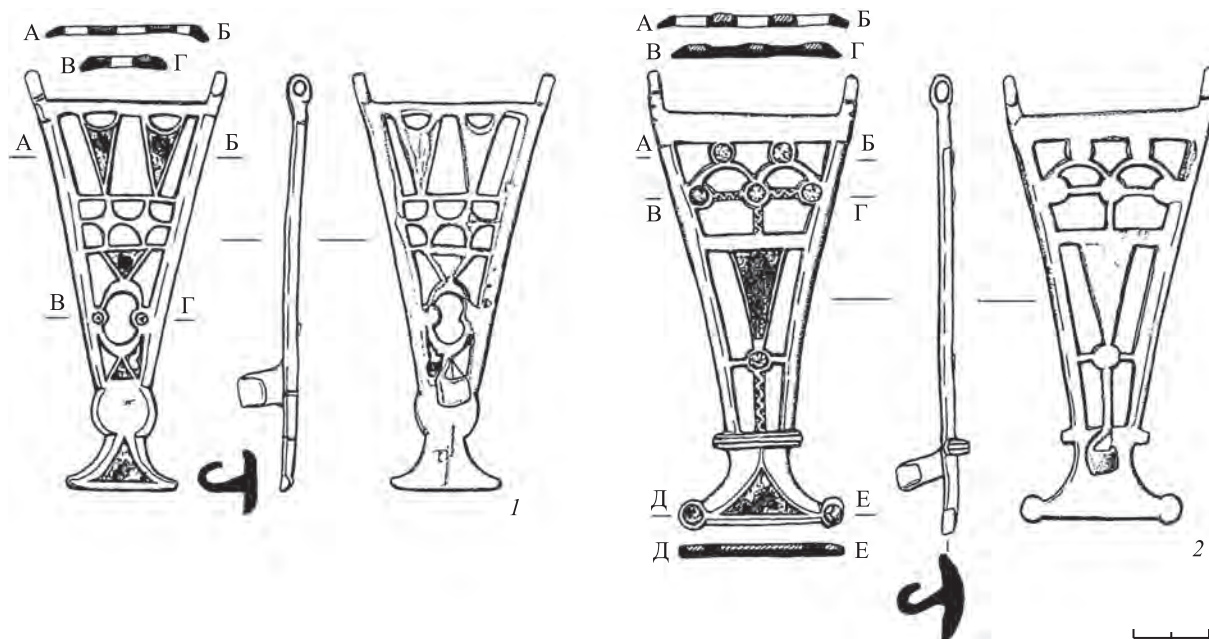

Рис. 2. Треугольные фибулы (1, 2) из Брянского клада (по: Ахмедов и др., 2015).

изготавливались путем вытягивания разогретой стекломассы и далее накладывались на основу (фон) эмалевой вставки.

Два украшения – трапециевидные подвески с привесками-лунницами на концах (рис. 1, 1) декорированы крестами. Декор белого глухого стекла расположен в середине центральных эмалевых полей красного цвета. Кресты выполнены путем наложения на основу двух нитей стекла перпендикулярно друг другу – сначала горизонтальной, потом вертикальной (рис. 5, 6, 9; цв. вклейка). Как и в предыдущем случае, элементы стекла декора расположены параллельно и вытянуты в продольном направлении; они пересекают элементы структуры стекла основы (рис. 5, 6; цв. вклейка). Границы между фоном и декоративными элементами ровные и четкие. Способ изготовления элементов декора и их наложения на основу аналогичен описанному выше.

В одном случае декоративный элемент, морфологически близкий описанному выше, имеет иные технологические признаки. Он украшает один из двух щитков верхнего звена цепи питьевого рога (рис. 1, 4; 4, 12): волнистая линия красного глухого стекла на эмалевой вставке синего прозрачного стекла. Данный элемент характеризуют следующие особенности: прожилки-свилы расположены продольно, однако они не параллельны друг другу и местами сходятся; граница между волнистой линией и основой довольно четкая, но не рельефная; на некоторых участках фона около декоративного

элемента присутствуют бесформенные красные пятна небольших размеров, напоминающие расплавленную стеклянную крошку (рис. 5, 10, 11; цв. вклейка). Перечисленные признаки позволяют реконструировать процесс нанесения декора следующим образом. На обожженную и остывшую основу желтого полупрозрачного стекла инструментом был нанесен эмалевый порошок красного цвета, разведенный водой. Затем изделие подверглось повторному обжигу.

Для нанесения некоторых видов декора современные эмальеры используют шаблоны. Вполне вероятно, что именно этот прием был применен в последнем случае. На слой обожженной эмали насеивают второй слой, частично закрывая основу шаблоном так, чтобы грунтовая эмаль местами оставалась свободной. Чтобы получились плоскости с четким контуром, шаблон должен плотно прилегать к основе. Перед наложением на основу шаблон покрывают слоем клеящего вещества (траганта) так, чтобы он по всей поверхности плотно приклеился к основе. Части шаблона в соответствии с рисунком размещаются на рабочем образце, а плоскости, подвергаемые эмалированию, также покрываются трагантом. Затем эмаль насеивается так, чтобы образовалось равномерное покрытие. Твердые шаблоны из металла или картона после нанесения эмали сразу же удаляют с поверхности, стараясь не сдвинуть при этом эмалевый порошок. После высыхания траганта изделие обжигают (Бреполь, 1986. С. 77).

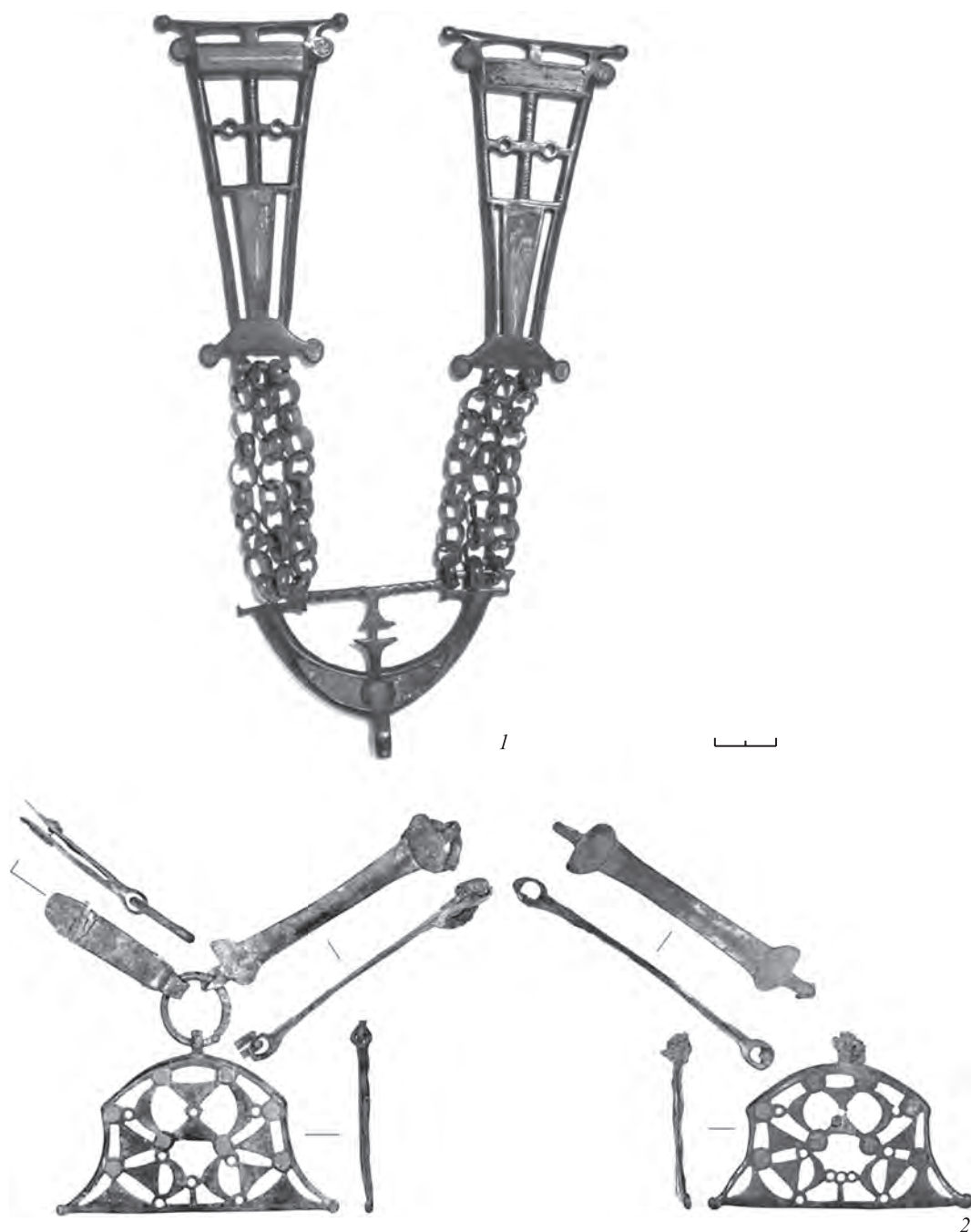

Рис. 3. Отдельные предметы (1, 2) из Брянского клада, украшенные полихромными эмалевыми вставками (по: Ахмедов и др., 2015).

Еще один вид декорирования украшений Брянского клада – полихромные поля, сочетающие ромбы или сектора круга разных цветов. Таким способом был декорирован центральный щиток двух браслетов (рис. 1, 5), а также дисковидное поле треугольной фибулы (рис. 1, 3). Все полихромные вставки на украшениях из Брянского клада объединяет признак, типичный для изделий стиля восточноевропейских выемчатых эмалей: отсутствие пе-

регоронок, разделяющих “вставки” разных цветов. Г.Ф. Корзухина предполагала, что при их изготовлении использовались перегородки, выгоравшие в ходе обжига (1978. С. 52), однако в этом случае невозможно было бы добиться четких границ между участками разного цвета.

Для провинциально-римских эмалей технология изготовления подобных изделий реконструируется следующим образом. На грунтовой слой накладыв-

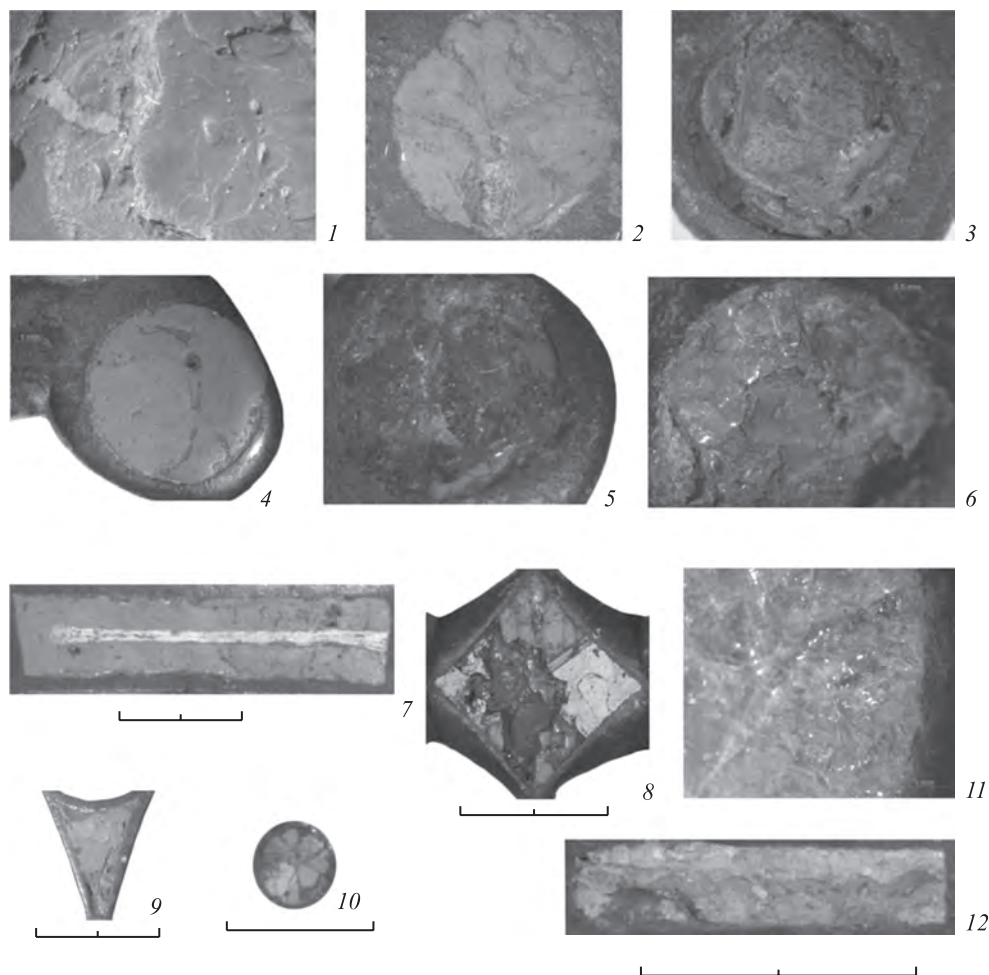

Рис. 4. Декорированные эмалевые вставки на некоторых украшениях Брянскогоклада. 1 – подвеска-лунница (рис. 1, 2): грунтовой слой эмали и верхний слой с накладным декором; 2–6 – дисковидные поля, заполненные эмалью: 2, 10 – подвеска цепи типа Борзны (рис. 3, 2); 3 – треугольная фибула (рис. 2, 2); 4–6 – перекладчатые фибулы (рис. 1, 6); 7 – звено нагрудного украшения-цепи (рис. 3, 1); 8 – центральный щиток браслета (рис. 1, 5), на фото читается грунтовой слой зеленого глухого стекла; 9 – звено нагрудного украшения-цепи (рис. 1, 7); 11 – центральное звено цепи питьевого рога (рис. 1, 4) с включениями золотистого цвета (следы несохранившегося декора?); 12 – вставка на верхнем звене цепи питьевого рога (рис. 1, 4).

вались кусочки стекла, форма которым придавалась путем обтачивания холодных заготовок, после чего изделия обжигались¹. Возможны два варианта применения данной технологии. Верхний слой мог быть полностью составлен из разноцветных кусочков стекла, или обточенные кусочки чередовались с участками, заполненными порошком из более легкоплавкой эмали (Bayley, 2015. Р. 178–180).

На диске треугольной фибулы (рис. 1, 3) красные участки – это обточенные кусочки стекла. Их поверхность расположена чуть выше, чем поверхность золотисто-желтой эмали, благодаря чему

хорошо читается их форма: боковые грани полей красного цвета закруглены и имеют дуговидное сечение, чего невозможно было бы достичь при расплавлении эмалевого порошка. Напротив, поля, заполненные желтой эмалью, которая могла быть нанесена в виде порошка, имеют плоскую поверхность, и именно этим цветом заполнены небольшие участки у края металлической основы в тех местах, где у кусочков красного цвета были сколоты уголки (рис. 5, 12; цв. вклейка).

На центральном щитке браслета (рис. 1, 5; 4, 8) для нанесения грунтового слоя использована зеленая непрозрачная эмаль. Поля зеленого цвета, расположенные в верхнем слое, вероятно, выполнены из обточенных в холодную кусочки стекла. Оранжевая эмаль наносилась, скорее, в виде порошка,

¹ Способ изготовления изделий с подобным декором был определен художником-эмальером, канд. техн. наук А.Ю. Емельяновым. Выражаю ему благодарность за консультации в ходе подготовки публикуемой работы.

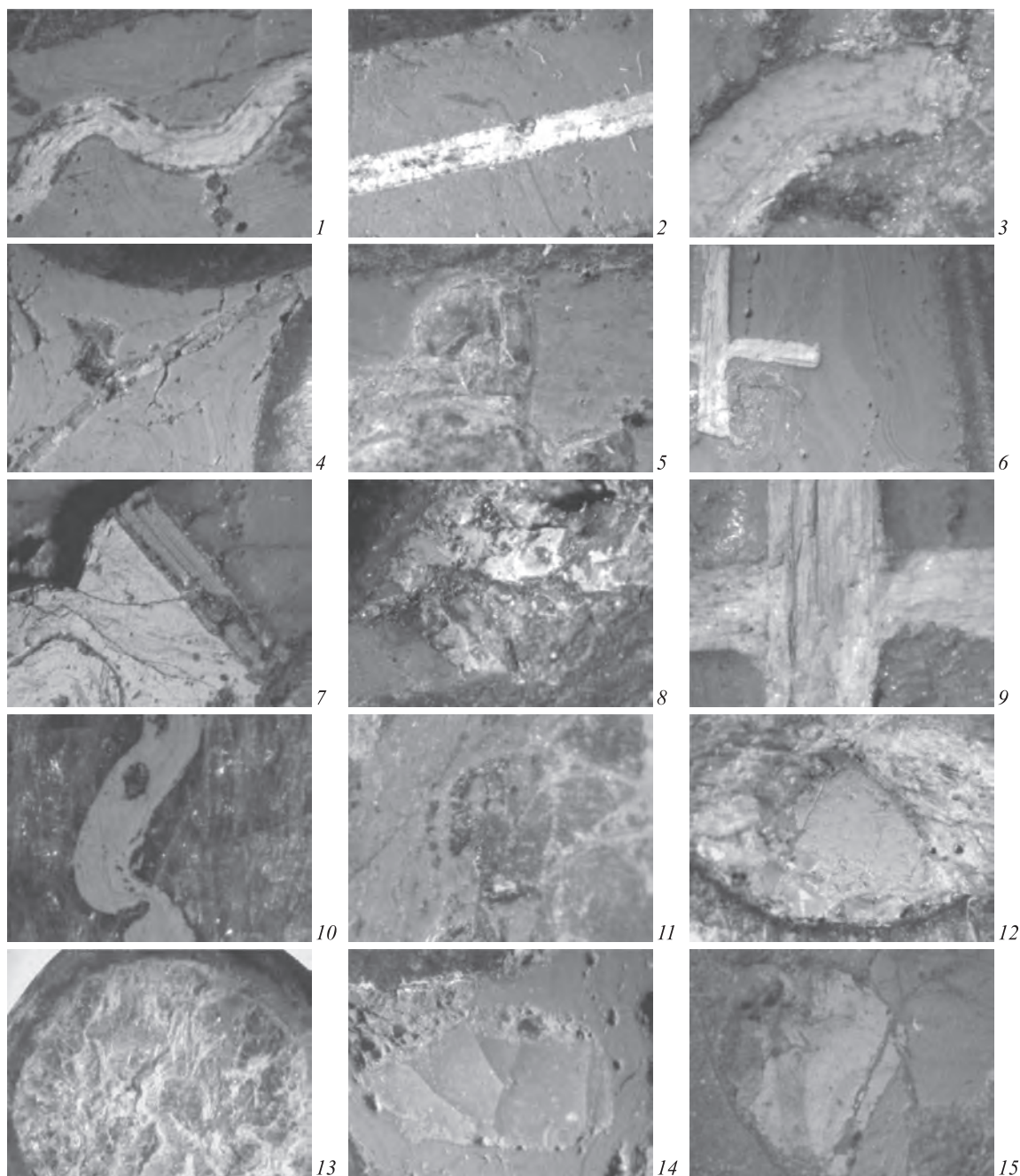

Рис. 5. Технологические признаки изготовления полихромных эмалевых вставок и нанесения на них декора. 1 – звено цепи питьевого рога (рис. 1, 4): тянутая нить белого глухого стекла с продольными элементами структуры, расположенными параллельно друг другу; 2 – звено нагрудного украшения-цепи (рис. 3, 1): тянутая нить белого глухого стекла наложена на фон ранее обожженного эмалевого поля (она пересекает коричневые прожилки-свилли); 3 – подвеска-лунница (рис. 1, 2): накладная нить оранжевого глухого стекла с продольными элементами структуры, расположенными параллельно друг другу; 4 – переключательная фибула (рис. 1, 6) с остатками накладного декоративного элемента желтого прозрачного стекла; 5 – центральное поле трапециевидной подвески (рис. 1, 1): декор в виде креста из двух тянутых накладных элементов белого глухого стекла наложен на предварительно обожженное эмалевое поле красного стекла. Они пересекают элементы структуры стекла основы поля; 6, 7 – центральное поле браслета (рис. 1, 5): двухцветный фон зеленого и оранжевого глухого стекла с накладными элементами красного глухого стекла; 8, 9 – звено цепи питьевого рога (рис. 1, 4): волнистая линия, нанесенная мокрым эмалевым порошком (справа от линии – расплавленные крошки осыпавшегося стекла); 10 – двухцветное эмалевое поле треугольной фибулы (рис. 1, 3); 11 – центральное звено цепи питьевого рога (рис. 1, 4); 12 – звено нагрудного украшения цепи (рис. 1, 7): асимметричная вставка желтого стекла на красном фоне (попытка устранения брака?); 13 – асимметричная вставка оранжевого стекла на красном фоне (попытка устранения брака?).

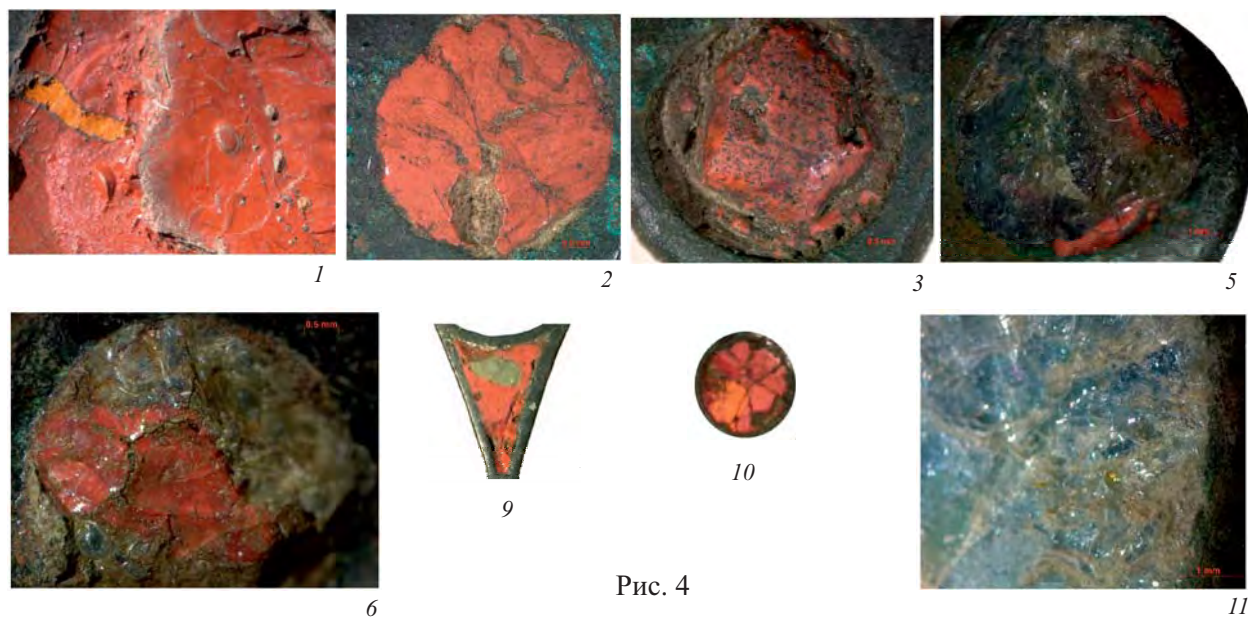

Рис. 4

Рис. 5

после чего изделие обжигалось: на одном из стыков зеленого и оранжевого полей видно, что оранжевое поле немного перекрывает зеленое. При этом оно имеет неровный край; вероятно, здесь расплавленная эмаль немного натекла на зеленое поле (рис. 5, 8; цв. вклейка). Данная реконструкция подтверждается и данными о составе стекла: если оранжевая эмаль содержит 17–18% свинца, понижающего температуру “плавления” стекла, то зеленая – менее 1%. На двух стыках полей разных цветов сохранились тянутые накладные нити красного стекла: в одном случае красная полоса аккуратно закрывает стык (рис. 5, 7; цв. вклейка), в другом – она проходит у края оранжевого поля, вероятно, чтобы скрыть огрехи нанесения оранжевой эмали (рис. 5, 8; цв. вклейка).

Еще ряд эмалевых вставок может быть отнесен к группе полихромных. К ним относятся: вставка одного из звеньев нагрудного украшения-цепи (рис. 1, 7; 4, 9; 5, 14; цв. вклейка); ажурная подвеска цепи типа Борзны (рис. 3, 2; 4, 10; 5, 15; цв. вклейка), вставки на двух дисковидных выступах перекладчатой фибулы (рис. 1, 6; 4, 5, 6; цв. вклейка). Две особенности отличают полихромные вставки перечисленных вещей от прочих декорированных украшений. Во-первых, отсутствие системы в их расположении на изделии: и у звена цепи, и у ажурной подвески лишь одно из нескольких гнезд полихромное, при этом симметричные им гнезда заполнены одноцветной эмалью красного цвета. Во-вторых, неправильная форма самих “декоративных элементов” и их асимметричное расположение на содержащих их гнездах.

В двух случаях (рис. 5, 14, 15; цв. вклейка) к вставкам прилегают участки основы красного стекла с выраженным производственным браком в виде пор на поверхности. Подобный брак может возникать, в частности, если эмаль перед обжигом была плохо просушена (Емельянов и др., 2013). Вполне возможно, что основным назначением подобных вставок было заполнить участки с выгоревшей эмалью основы. При этом сделать это красным стеклом мастер не решился: при повторном обжиге оно могло поменять цвет, и в этом случае вставка отличалась бы оттенком от эмали, нанесенной ранее. Поэтому, чтобы замаскировать брак, была использована более легкоплавкая эмаль контрастного цвета. Понять, чем обусловлено сочетание эмалей разных цветов в дисках-выступах перекладчатой фибулы (рис. 4, 5, 6; цв. вклейка) – технологически или декоративными – сложнее.

Округлая вставка центрального звена цепи питьевого рога (рис. 1, 4) по технологии изготовления

отличается от прочих украшений. Она выполнена с использованием зелено-голубого и темно-синего прозрачного стекла. Переход от одного цвета к другому очень плавный, провести границу между ними невозможно (рис. 5, 13; цв. вклейка). Для ее изготовления мог использоваться эмалевый порошок разных цветов, который обжигался одновременно. На центральной вставке читается также фрагментарно сохранившийся декор красного стекла, который, вероятно, был нанесен в виде разведенного эмалевого порошка (рис. 5, 13; цв. вклейка). Кроме того, на одном ее из участков, у края, под микроскопом читаются вкрапления стекла золотистого цвета (рис. 4, 11; цв. вклейка). Здесь мог располагаться несохранившийся декоративный элемент.

Итоги. Мастерами, изготовившими эмалевые украшения Брянского клада, использована широкая гамма технологических приемов. Их выбор зависел, очевидно, от свойств эмалей различных цветов, включая разницу в температуре плавления и особенности цветообразования в непрозрачном стекле. Именно поля красного и оранжевого стекла декорированы тянутыми накладными элементами, что может объясняться стремлением мастеров избегать повторного обжига эмалей этих цветов. Красное стекло могло менять оттенок вплоть до темно-коричневого, темнея при каждом следующем помещении в горячую печь; те же особенности характерны и для оранжевого стекла, процесс цветообразования в котором протекает по аналогичным принципам (Welham et al., 2000). На прозрачное и полупрозрачное стекло декор наносился иначе, в виде жидкой эмали. Сочетание различных техник на полях одного украшения (цепи питьевого рога, рис. 1, 4) подтверждает эту гипотезу.

Уровень владения мастерами применяемыми техниками определяется не только умением сочетать различные приемы, в зависимости от температуры плавления и цвета стекла. Наличие на украшениях Брянского клада декоративных элементов, полученных методом вытягивания, говорит о том, что мастерам, изготовившим данные изделия, были знакомы приемы не только эмальерного искусства, подразумевающие владение техникой нанесения на металл толченого стекла, но и горячей стеклообработки. Согласно общепринятому мнению, искусством изготовления изделий из стекла в первые века н.э. владели мастера Римской империи и Ближнего Востока, варварским племенам оно было недоступно. Это выражается в отсутствии не только производственных комплексов на территории варварской Европы, но и локальных форм стеклянных украшений в пределах разных регионов и признаков их “местной” эволюции, а также в зависимости дина-

мики их распространения от смены направлений культурных контактов и перемен в историко-культурной ситуации.

Использование элементов, полученных методом вытачивания из заготовок входную, позволяет исключить возможность использования бус в качестве сырья для них. Изготовленные этим способом поля зеленого цвета на браслете превышают 1 см в максимальном измерении. Получить заготовку такого размера из бусины, даже имеющей плоские грани, было невозможно. Следовательно производителям таких украшений необходимо было специальное сырье, наличие которого трудно представить себе в зонах распространения украшений рассматриваемого стиля.

Считается, что изделия в стиле восточноевропейских выемчатых эмалей делались местными мастерами при высокой степени влияния на распространение данной техники “бродячих мастеров” (Bitner-Wróblewska, Stawiarska, 2009. Р. 329–331, 350, 351; Bitner-Wróblewska, 2011. Р. 19–22). Результаты проведенного исследования позволяют говорить о “позднеантичном” (вероятнее всего, провинциально-римском), а не “варварском” происхождении украшений Брянского клада. Добавлю, что и собственно эмальерное искусство (техника нанесения порошковой эмали на металл с последующим обжигом) вне ареала восточноевропейских выемчатых эмалей в континентальной Европе фиксируется только в тех культурах, у носителей которых было развито стеклоделательное (стеклообрабатывающее) ремесло: это кельты и Римская империя (римские провинции). Если данная техника могла легко перениматься, то неясно, почему в первой половине I тыс. она не распространилась за пределы Империи, Среднего и Верхнего Поднепровья и Прибалтики.

Примечательно и то, что период массового распространения украшений в стиле восточноевропейских выемчатых эмалей, декорированных эмалевыми полями, был относительно коротким: он определяется второй половиной II – III в. н.э. Стиль получает развитие и в более позднее время, однако на выполненных в нем украшениях, за исключением вещей отдельных типов, отсутствуют эмалевые вставки (Обломский, Терпиловский, 2007. С. 123).

Заслуживает внимания и то обстоятельство, что комплекс металлических украшений из Среднего Поднепровья, связанный с “эмалевым убором” и не связанный с ним, не сопоставим по техникам, уровню обработки металла и собственно набору вещей. Изделия медных сплавов, известные в ареале позднезарубинецкой и киевской культур и не явля-

ющиеся импортами на данную территорию, отличаются небольшими размерами и простота форм. Среди возможных объяснений этому – как производство украшений в стиле эмалей неместными мастерами, так и аллохтонное для Поднепровья формирование стиля, родиной которого, по мнению ряда исследователей, была, скорее, Прибалтика (Mooga, 1934; Корзухина, 1978).

Совершенно очевидно при этом, что данные изделия не относятся к античным импортам в привычном понимании данного термина. Учитывая самобытный стиль, сформировавшийся и получивший развитие безусловно в варварской среде, а также огромное количество дошедших до нас украшений, можно говорить о массовом изготовлении вещей с эмалями позднеантичными мастерами на заказ согласно вкусам и эстетическим представлениям их потребителей. И здесь встает вопрос о том, где могли располагаться производственные центры и об особенностях специализации мастеров, производивших подобные изделия. Данными об этом мы не располагаем, поэтому все сказанное ниже может рассматриваться лишь как гипотеза.

Наиболее вероятной моделью организации производства украшений в стиле восточноевропейских выемчатых эмалей представляется следующая. Мастера-эмальеры (вероятнее всего, провинциально-римские) работали в зонах наиболее активных контактов позднеантичного и варварского населения. Подобная система производственно-торговых отношений реконструируется, в частности, по материалам Среднего Подунавья. Мастерская по изготовлению бус, существовавшая на территории римского лагеря Тибискум в Дакии во II – середине III в., очевидно, работала на варварский рынок: ее продукция (возможно, как и других аналогичных ей мастерских) массово встречается в позднеантичных некрополях сербской Воеводины за пределами Империи, оставленных варварским населением (Benea, 2004. Р. 23–28).

В отличие от приведенного примера, где работавшая на “варварский рынок” мастерская располагалась у римского лимеса, зоны распространения восточноевропейских эмалей (в первую очередь Поднепровье и Прибалтику) отделяет от границы Империи очень значительная территория, на которой эмалевые находки отсутствуют. Нельзя исключить, однако, что античные мастера работали и непосредственно в варварской среде, приезжая и селясь на поселениях, выполнявших роль торгово-ремесленных факторий за пределами Империи. В качестве примеров таких центров в Восточной Европе позднеимперского – раннесредневекового

времени можно упомянуть Комаровское поселение черняховской культуры на Среднем Днестре с остатками производственных комплексов разного назначения, в том числе стеклоделательного (Петраускас, 2014), и группу памятников Острой Луки Дона эпохи Великого переселения народов (Обломский, 2004). Они представляют собой селища с полиэтническим населением и выраженным присутствием позднеантичного компонента, а также производственным комплексом, включающим разные виды ремесла, в том числе для местного населения не типичные. Первое располагалось относительно недалеко от римского лимеса; второе, вероятно, было стратегически важным пунктом донского торгового пути. Для понимания того, как могло быть организовано производство “восточно-европейских” украшений с эмалью, крайне важны материалы Абидни: предполагалось, что на этом поселении производились подобные изделия (Наузов, Поболь, 1967). Однако до полной публикации использовать эти материалы невозможно.

Существование модели производственно-торговых отношений, возможно, напоминающей ту, что могла сложиться между античным и варварским населением в римское время, зафиксировано по данным этнографии XIX в. В Западной Анатолии, недалеко от турецкого города Измира, до наших дней сохранилось кустарное производство стеклянных бус (Sode, 1996. Р. 68–71). Работающие там мастера – потомки арабских бусоделов. Ранее они были “странствующими ремесленниками”, приезжавшими на лето в северные провинции Османской империи из Леванта, чтобы делать и продавать популярные там стеклянные украшения. Они осели в Измире после событий 1878 г., когда Турция потеряла балканские территории. Сегодня они сами сооружают печи, которые служат примерно год, после чего выгорают, разбираются и сменяются новыми. Если работа “странствующих ремесленников” античного времени была организована подобным образом (сезонные или другие периодические выезды за пределы Империи), то это могло бы объяснить, с одной стороны, способность ремесленников создавать мастерские в любом месте при налаженном поступлении полуфабрикатов стекла; с другой – плохую сохранность подобных производственных комплексов и сложность их выявления при археологических раскопках.

Не менее важный вопрос – как были организованы эмальерные мастерские и какова была специализация работавших в них мастеров. В. Шалле, изучавшая эмали кельтские, отмечает, что археологические свидетельства существования специализированных эмальерных мастерских в культуре Ла-

тена фиксируются начиная с I в. до н.э., при том что изделия с эмалью получили здесь распространение уже в IV в. до н.э. (Challet, 1992. Р. 151). На материалах кельтских мастерских исследовательница ставит и вопрос о том, кем и где производились металлические заготовки, являвшиеся основой украшений с эмалью? Делал ли это сам эмальер или мастер-литейщик? Происходило ли их изготовление в тех же мастерских, что и эмальирование, или к эмальерам попадали уже готовые металлические основы украшений? Наличие в мастерской в Бавье (*Bavière*) однотипных изделий, основа которых выполнена и из бронзы, и из железа, позволило В. Шалле предположить, что металлические основы кельтских украшений производились, вероятно, не в эмальерных, а в отдельных мастерских, специализирующихся на изготовлении металлических вещей (Challet, 1992. Р. 151). К сожалению, другие подтверждения данной гипотезы остаются неизвестными.

Согласно данным о технологии изготовления украшений Брянского клада, производством эмалевых вставок подобных им изделий занимались, скорее, мастера, чья деятельность была связана с обработкой стекла. Очевидно, что металлические заготовки отливались мастерами другой специализации. Происходило ли это в тех же мастерских или отдельно, остается неизвестным. В случае разделения производства и наличия мастерских разной специализации – цветной металлообработки и эмальерных – логично было бы предположить сосуществование типологически близких украшений как с эмалевыми вставками, так и без них. Для некоторых типов украшений изучаемого стиля действительно наблюдается подобное. Однако согласно современным представлениям, типологически близкие вещи с эмалью и без них занимают разную хронологическую позицию, существуя лишь в середине–второй половине III в. н.э. (Обломский, Терпиловский, 2007. С. 120–124. Рис. 135–138).

Современные данные источников и состояние исследований позволяют лишь обозначить такие проблемы, как организация производства украшений в стиле выемчатых эмалей для варварского населения Восточной Европы, возможная специализация мастерских, а также более точное определение “авторства” этих украшений. Предположения, выдвинутые в заключительной части публикации, вероятно, еще долго будут нуждаться в солидной доказательной базе. Важным шагом в решении последнего из поставленных вопросов может стать изучение химического состава стекла,

первые результаты которого в настоящее время готовятся к введению в научный оборот.

Выражаю благодарность хранителю Государственного Исторического музея Н.А. Биркиной за помощь и содействие при работе с материалами Брянского клада.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00269.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахмедов И.Р., Обломский А.М., Радюш О.А. Брянский клад вещей с выемчатыми эмалями (предварительная публикация) // РА. 2015. № 2. С. 146–166.
- Ахмедов И.Р., Обломский А.М., Радюш О.А. Клад из Суземского района Брянской области // Археологические исследования в Еврорегионе “Днепр” в 2012 г.: научный ежегодник / Ред. О.М. Демиденко. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2013. С. 99–107.
- Бреполь Э. Художественное эмалирование / Пер. с нем. И.В. Кузнецовой; ред. И.З. Засухина. Л.: Машиностроение, Ленингр. отд., 1986. 127 с.
- Емельянов А.Ю., Емельянова Е.В., Смольняков Д.В., Федяева Т.Н. Цветные горячие эмали и технология художественного эмалирования. 2013 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://hotemal.ru/node/247>.
- Корзухина Г.Ф. Предметы убора с выемчатыми эмалями V – первой половины VI в. н.э. в Среднем Поднепровье. Л.: Наука, 1978 (САИ; Вып. Е1-43). 123 с.
- Левада М.Е. Сухоноска // Terra Barbarica. Łódź; Warszawa, 2010 (Monumenta Archaeologica Barbarica. Series Gemina; Т. II). S. 557–594.
- Львова З.А. Признаки способа изготовления изделий из стекла (по материалам раннесредневековых стеклянных украшений) // Археологический сб. ГЭ. № 21. Л.: Искусство, 1980. С. 75–84.
- Обломский А.М. Замятинский археологический комплекс – “перекресток этнокультурных традиций” // Острая Лука Дона в древности: Замятинский археологический комплекс гуннского времени М.: ИА РАН, 2004 (Раннеславянский мир; Вып. 6). С. 148–163.
- Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Предметы убора с выемчатыми эмалями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г.Ф. Корзухиной, И.К. Фролова и Е.Л. Гороховского) // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в.) / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007 (Раннеславянский мир; Вып. 10). С. 113–141.
- Петраускас О.В. Деякі підсумки досліджень комплексу пам'яток пізньоримського часу біля с. Комарів // ОІУМ. № 4: Черняхівська культура: пам'яті В.П. Петрова / Ред. О.В. Петраускас, С.А. Горбаненко. Київ: ІА НАН України, Ін-т історичної освіти НПУ ім. М.П. Драгоманова, 2014. С. 165–183.
- Поболь Л.Д., Наумов В.Д. О некоторых предметах материальной культуры селища Абидня // Доклады к XI конф. молодых ученых Белорусской ССР (ноябрь 1967 г.). Минск, 1967. С. 424–441.
- Флеров А.В., Демина М.Т., Елизаров А.Н., Шеманов Ю.А. Техника художественной эмали, чеканки иковки: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1986. 191 с.
- Benea D. Die römischen Perlenwerkstätten aus Tibiscum. Timișoara: Excelsion Art, 2004. 287 S.
- Bayley J. Roman enamels and enameling // Glass of the Roman world / Eds J. Bayley, I. Freestone, K. Jackson. Oxford, Philadelphia: Oxbow books, 2015. P. 178–189.
- Bitner-Wróblewska A. East European ornaments and the character of contacts between the Baltic Sea and the Black sea // Inter Ambo Maria: Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period / Eds I. Khrapunov, F.-A. Stylegar. Simferopol: Dolya Publishing House, 2011. P. 11–24.
- Bitner-Wróblewska A., Stawiarska T. Badania technologiczne wschodnioeuropejskich zabytków zdobionych emalią // Bałtowie i ich sąsiedzi / Eds A. Bitner-Wróblewska, G. Iwanowska. Warszawa: PMA, 2009. S. 303–352.
- Challet V. Les Celtes et l'émail. Paris: Éditions du Comité des Travaux historiques et scientifiques, 1992. 197 p.
- Moora H. Zur Frage nach der Herkunft des ostbaltischen emailverzierten Schmucks // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakaus kirja. Helsinki, 1934. T. 40. S. 75–90.
- Sode T. Anatolske Glasperler. København: Forlaget Thot, 1996. 73 p.
- Welham K., Jackson C.M., Smedley J.W. Colour formation in sealing wax red glass // Annales du 14e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre (Venice/Milan 1998). Lochem: AIHV, 2000. P. 11–15.

ORNAMENTS WITH POLYCHROME ENAMELS FROM THE BRYANSK HOARD: THE TECHNIQUE AND 'AUTHORSHIP'

Olga S. Rumyantseva

The Institute of Archaeology RAS, Moscow (o.roumiantseva@mail.ru)

Among the ornaments made in Eastern European champlevé enameling style from the Bryansk hoard of the late 2nd–3rd century AD a series of finds with polychrome enamel fields is of particular interest. A study of their production technology carried out taking into account the data on modern techniques of artistic enameling enabled us to identify a wide range of technological methods, e.g. decoration by drawn applied elements; decoration by wet powdered enamel; filling of needles without metal bars simultaneously with ground glass pieces and powdered enamel of various colours, etc. Different technologies used to produce various elements of ornaments show that craftsmen paid particular attention to the difference of melting temperatures of enamels of different colours as well as to colour formation in red and orange opaque glass. The use of complex enameling techniques in combination with those of hot glass-working implies that the ornaments of the Bryansk hoard were custom-made for the local population by provincial Roman artisans.

Keywords: Eastern Europe, Eastern European champlevé enamels, Roman time, technology, glass working, forest zone, Dnieper basin.

REFERENCES

- Akhmedov I.R., Oblomskiy A.M., Radyush O.A., 2013. Klad iz Suzemskogo rayona Bryanskoy oblasti [A hoard from the Suzemka district of the Bryansk oblast]. *Arkheologicheskie issledovaniya v Evroregione "Dnepr" v 2012 g.: nauchnyy ezhegodnik [Archaeological Investigations in the 'Dnieper' Euroregion: A Scientific Annual]*. O.M. Demidenko, ed. Gomel': Gomel. gos. univ. im. F. Skoriny, pp. 99–107.
- Akhmedov I.R., Oblomskiy A.M., Radyush O.A., 2015. Bryanskiy klad veshchey with vyemchatymi emalyami (predvaritel'naya publikatsiya) [A Bryansk hoard of articles with champlevé enamels (a preliminary publication)]. *RA [RA]*, 2, pp. 146–166.
- Bayley J., 2015. Roman enamels and enameling. *Glass of the Roman world*. J. Bayley, I. Freestone, K. Jackson, eds. Oxford, Philadelphia: Oxbow books, pp. 178–189.
- Benea D., 2004. Die römischen Perlenwerkstätten aus Tibiscum. Timișoara: Excelsion Art. 287 p.
- Bitner-Wróblewska A., 2011. East European ornaments and the character of contacts between the Baltic Sea and the Black Sea. *Inter Ambo Maria: Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period*. I. Khrapunov, F.-A. Stylegar, eds. Simferopol: Dolya Publishing House, pp. 11–24.
- Bitner-Wróblewska A., Stawiarska T., 2009. Badania technologiczne wschodnioeuropejskich zabytków zdobionych emalią. *Bałtowie i ich sąsiedzi*. A. Bitner-Wróblewska, G. Iwanowska, eds. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne, pp. 303–352.
- Brepol' E., 1986. Khudozhestvennoe emalirovanie [Artistic Enameling]. I.V. Kuznetsova, trans., I.Z. Zasukhina, ed. Leningrad: Mashinostroenie. 127 p.
- Challet V., 1992. Les Celtes et l'émail. Paris: Éditions du Comité des Travaux historiques et scientifiques. 197 p.
- Emel'yanov A.Yu., Emel'yanova E.V., Smol'nyakov D.V., Fedyaeva T.N. Tsvetnye goryachie emali i tekhnologiya khudozhestvennogo emalirovaniya [Coloured Hot Enamels and the Technology of Artistic Enameling]. 2013. Electronic resource. (<http://hotemal.ru/node/247>).
- Flerov A.V., Demina M.T., Elizarov A.N., Shemanov Yu.A., 1986. Tekhnika khudozhestvennoy emali, chekanki i kovki: uchebnoe posobie [The Technique of Artistic Enameling, Engraving and Forging: A Manual]. Moscow: Vysshaya shkola. 191 p.
- Korzukhina G.F., 1978. Predmety ubora s vyemchatymi emalyami V – pervoy poloviny VI v. n.e. v Srednem Podneprov'e [Dress Ornaments with Champlevé Enamels of the 5th–first half of the 6th century AD in the Middle Dnieper Area]. Leningrad: Nauka. 123 p. (SAI, E1-43).
- Levada M.E., 2010. Sukhonosivka [Sukhonosivka]. *Terra Barbarica*. Łódź; Warszawa, pp. 557–594. (Monumenta Archaeologica Barbarica. Series Gemina, II).
- L'vova Z.A., 1980. Priznaki sposoba izgotovleniya izdeliy iz stekla (po materialam rannesrednevekovykh steklyannykh ukrasheniy) [Markers of the glasworking technique (from early medieval glass ornaments)]. *Arkheologicheskiy sbornik GE [Collection of Archaeological Papers of State Ermitage]*, 21. Leningrad: Iskusstvo, pp. 75–84.

- Moora H., 1934. Zur Frage nach der Herkunft des ostbaltischen emailverzierten Schmucks. *Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakaus kirja*. Helsinki, 40, pp. 75–90.
- Oblomskiy A.M., 2004. Zamyatinskiy arkheologicheskiy kompleks – “perekrestok etnokul’turnykh traditsiy” [The Zamyatino archaeological complex – ‘a crossroads of ethnocultural traditions’]. *Ostraya Luka Dona v drevnosti: Zamyatinskiy arkheologicheskiy kompleks gunnskogo vremeni [The Ostraya Luka of the Don in Antiquity: The Zamyatino archaeological complex of the Hun time]*. Moscow: IA RAN, pp. 148–163. (Ranneslavyanskiy mir, 6).
- Oblomskiy A.M., Terpilovskiy R.V., 2007. Predmety ubora s vyemchatymi emalyami na territorii lesostepnoy zony Vostochnoy Evropy (dopolnenie svodov G.F. Korzukhinoy, I.K. Frolova i E.L. Gorokhovskogo) [Dress Ornaments with Champlevé Enamels in the Steppe-forest Zone of Eastern Europe: A Supplement to the Catalogues of G.F. Korzukhina, I.K. Frolov and E.L. Gorokhovskiy]. *Pamyatniki kievskoy kul’tury v lesostepnoy zone Rossii (III – nachalo V v.) [Sites of Kiev Culture in the Steppe-forest Zone of Russia (the 3rd–early 5th century AD)]*. A.M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN, pp. 113–141. (Ranneslavyanskiy mir, 10).
- Petrauskas O.V., 2014. Deyaki pidsumki doslidzhen’ kompleksu pam’yatok pizdnorims’kogo chasu bilya s. Komariv [Some results of the investigation of a complex of the late Roman time near the village of Komariv] *[OIUM, no. 4: The Chernyakhovskaya Culture: In Memory of V.P. Petrov]*. O.V. Petrauskas, S.A. Gorbanenko, eds. Kiiv: IA NAN Ukraïni, Institut istorichnoi osviti Nats. ped. univ. im. M.P. Dragomanova, pp. 165–183.
- Pobol’ L.D., Naumov V.D., 1967. O nekotorykh predmetakh material’noy kul’tury selishcha Abidnya [Some objects of material culture of the Abidnya habitation site]. *Doklady k XI konf. molodykh uchenykh Belorusskoy SSR [Papers Presented to the 11th Conf. of Young Scholars of the Belorussian SSR]*. Minsk, pp. 424–441.
- Sode T., 1996. Anatolske Glasperler. København: Forlaget Thot. 73 p.
- Welham K., Jackson C.M., Smedley J.W., 2000. Colour formation in sealing wax red glass. *Annales du 14e Congrès de l’Association Intern. pour l’Histoire du Verre (Venice/Milan 1998)*. Lochem: Association Intern. pour l’Histoire du Verre, pp. 11–15.

ПОГРЕБЕНИЯ ВСАДНИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА (по материалам кремационных некрополей VIII–XIII вв.)

© 2016 г. П.С. Успенский

Институт археологии РАН, Москва (uspenskiy07@mail.ru)

В статье рассмотрены основные типы всаднических погребений, характерные для могильников VIII–IX вв. с обрядом трупосожжения на Северо-Западном Кавказе и картографировано их процентное соотношение с погребениями других типов во всем ареале кремационных некрополей. Выделены основные формы подчеркивания всаднического статуса умершего, характерные для погребений VIII–IX, X–XII вв. и конца XII–XIII в. Выполнен сравнительный анализ изучаемых погребальных комплексов с материалами из других памятников юга Восточной Европы.

Ключевые слова: эпоха средневековья, Северо-Западный Кавказ, погребения всадников, кремация.

Традиция подчеркивания всаднического статуса погребенного является одной из интересных черт погребального обряда средневекового населения Северо-Западного Кавказа. Эта традиция была широко распространена в погребениях по обряду трупосожжения в VIII–XIII вв. Способы маркирования погребений всадников был различными.

Погребения с подчеркнутым всадническим статусом, относящиеся к VIII–IX вв., известны на всем ареале трупосожжений и выявлены в могильниках Дюрсо, Борисово, Молдовановский, Казазово, Пескупский и др. Как показывает картографирование данных о могильниках и их исследование методом ГИС-анализа, этот ареал может быть разделен на три основные территориальные группы (Успенский, 2013. С. 90–91). В некрополях Северо-Восточного Причерноморья всаднические маркеры содержат 17% погребений от общего числа обнаруженных на этой территории, в степной части Западного Закубанья – 30%, а в северо-восточной части Западного Закубанья (зона Краснодарского водохранилища) – 14% захоронений (рис. 1).

В комплексах хазарского времени основной чертой, маркирующей погребение всадника, является присутствие предметов конского снаряжения. Подавляющее большинство таких погребений – безурновые трупосожжения, которые характерны для всего ареала кремационных погребений хазарского времени (рис. 2, 1–3, 6–10). Предметы конского снаряжения находились в захоронениях вперемешку с остальным инвентарем, сопровождавшим кре-

мированные останки, и особенностей в их расположении не прослеживается.

Наибольшее сходство с анализируемыми комплексами Северо-Западного Кавказа прослеживаются в кремационных захоронениях типа Сухой Гомольши на Северском Донце. Как справедливо заметили В.С. Аксенов и В.К. Михеев, отличительная особенность сухогомольшанских трупосожжений и некрополей типа Дюрсо – довольно большое количество погребений, снабженных предметами вооружения и элементами конского снаряжения (Аксенов, Михеев, 2006. С. 181).

Погребения, где присутствие лошади символизирует наличие только конского снаряжения, известны в Нетайловском могильнике. Здесь они размещались как в нишах-подбоях, так и просто на дне ямы. Захоронения со сбруей, расположенной рядом с умершим в одной грунтовой яме, были обнаружены в могильниках IX–X вв. на территории Венгрии. Наличие предметов конского снаряжения, без сопутствующего захоронения лошади, является характерной чертой погребального обряда курганов IX–X вв. на Южном Урале (Аксенов, 2012. С. 210; Балинд, 1972. С. 177, 178. Рис. 1, 1; Мажитов, 1981. Рис. 19, 31).

В некрополе 8-я Щель под Новороссийском были исследованы два кремационных погребения, сопровождаемых целым костяком лошади (рис. 2, 4, 5). Одно из них являлось безурновой кремацией (погр. 3), второе – урновое (Конonenko, 1995). Урна с кремированными останками была установлена в юго-восточной части могильной ямы. Рядом с ур-

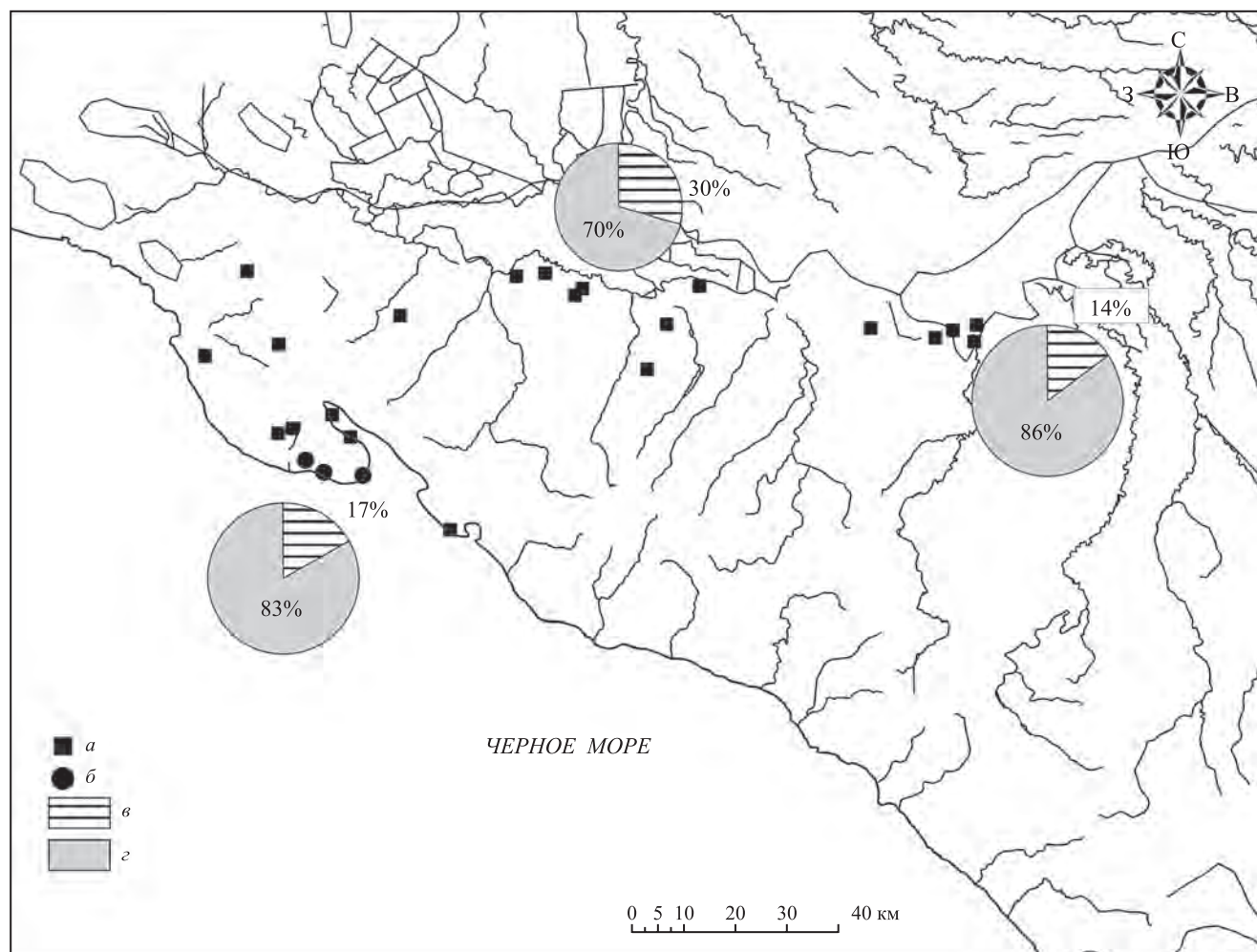

Рис. 1. Карта могильников VIII–IX вв. Условные обозначения: *а* – грунтовый могильник; *б* – курганный и грунтовый могильник; *в* – погребения с всадническими маркерами; *г* – погребения остальных типов.

ной находился небольшой сосуд и наконечник копья, на самой урне – фрагменты сабли. Захоронение лошади располагалось ниже, костяк был уложен на левый бок с подогнутыми к туловищу ногами, черепом ориентирован на СЗ, за позвоночником лошади лежали железные удила и пряжка (Кононенко, 1995. С. 6. Рис. 2, 3). Помимо описанных погребений, на раскопанной площади некрополя выявлено еще 11 захоронений лошадей без человеческих погребений. В двух случаях погребение было совершено в грунтовой яме овальной формы, в остальных комплексах яма не прослежена. Все без исключения костяки лежат на боку (шесть на левом, пять на правом), с подогнутыми к животу ногами (рис. 2, 17). Ориентировка костяков различная, с преобладанием северо-западной (шесть погребений), по два погребения были ориентированы на запад и северо-восток, ориентировка одного трудно определима, но предположительно в северном секторе (рис. 2, 18). В четырех погребениях инвентарь полно-

стью отсутствовал, в остальных комплексах представлен весьма скудным набором (удила, пряжка).

В научной литературе подобные погребения нередко именуют поминальными, или кенотафами. Однако факт кенотафа мы можем признавать только в том случае, когда в могиле присутствуют вещи, принадлежавшие умершему человеку, который по каким-то причинам не мог быть погребен на родовом кладбище. Следовательно, рассматриваемые захоронения могильника 8-я Щель приравнять к кенотафам нельзя. Как справедливо отмечает В.С. Аксенов, подобные комплексы с элементами конского снаряжения могут быть погребениями боевых коней, погибших в бою или умерших своей естественной смертью и погребенных за свои заслуги, по желанию хозяина, на родовом участке могильника (Аксенов, 2012. С. 210, 211).

В более раннее время (V–VII вв.) на Северо-Западном Кавказе погребения лошадей, как отдельные,

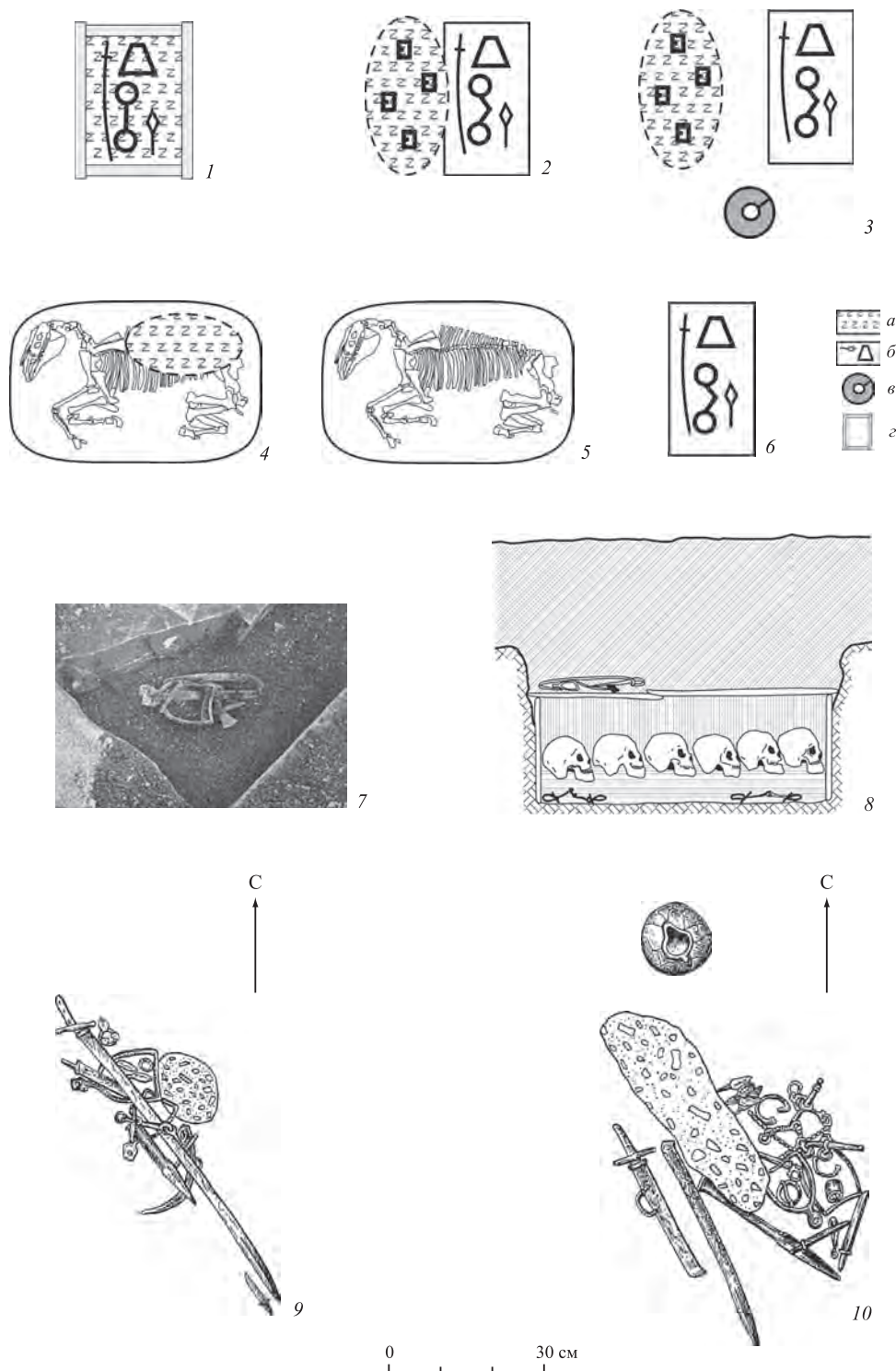

Рис. 2. Погребения и комплексы с маркерами всаднического статуса VIII–IX вв.: 1 – трупосожжение в каменном ящике; 2, 3 – безурновые трупосожжения; 4 – безурновое трупосожжение в сопровождении захоронения лошади; 5 – отдельное погребение лошади; 6 – отдельное захоронение вещей (а – кремированные останки, б – погребальный инвентарь, в – керамический сосуд, г – каменный ящик); 7, 8 – погр. № 99 Борисовского могильника; 9 – погр. № 15 могильника Дюрсо; 10 – погр. № 17 могильника Дюрсо; 11 – погребение-кенотаф № 25 Молдовановского могильника (инвентарь: 1 – пластины бронзовые, 2 – топор, 3 – наколочник копья, 4 – удила, 5 – мотыжка, 6 – сабля, 7 – стремя, 8 – оковка седла, 9 – кольцо бронзовое, 10 – пряжка железная, 11 – оковка колчанная, 12 – удила); 12 – конский начельник; 13 – стремя; 14 – сбруйная бляха; 15 – оковка луки седла; 16 – удила, 17 – план захоронения лошади № 5 могильника 8-я Щель (Птицефабрика); 18 – распределение ориентировок лошадей из могильника 8-я Щель (7–10 – по: Дмитриев, 2003; 11–16 – по: Пьянков, Тарабанов, 2006; 17 – по: Кононенко, 1994).

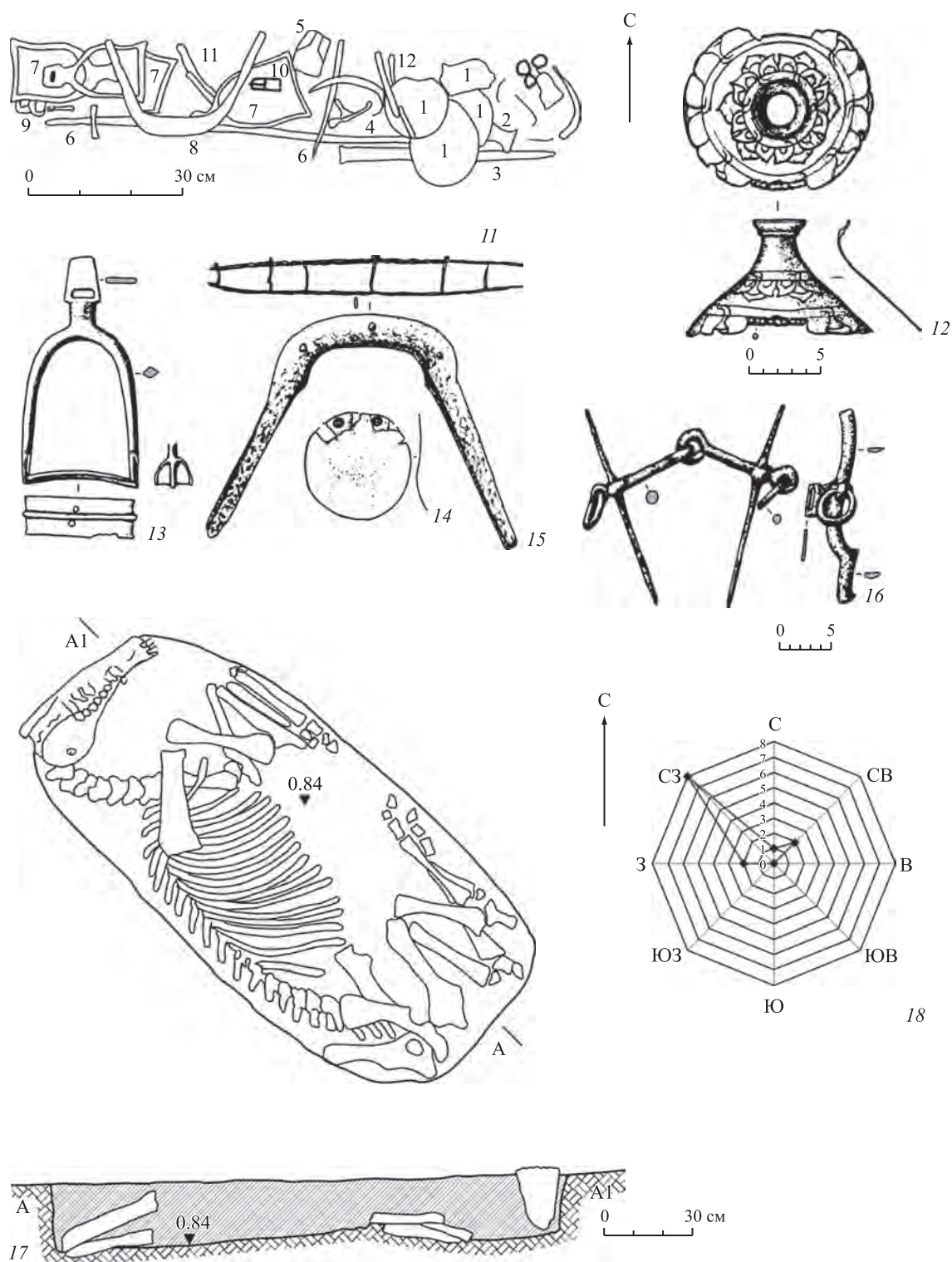

Рис. 2. (Окончание.)

так и сопровождавшие человеческие погребения, были исследованы на некрополе Дюрсо. В трех комплексах лошадь сопровождала ингумационные погребения. Во всех случаях погребения всадников сопровождались богатым инвентарем и, возможно, принадлежали представителям военной аристократии, а одно из них (погр. 500) интерпретируется как захоронение вождя (Дмитриев, 1979. С. 228, 229; Ковалевская, 2010. С. 226, 227).

Следует отметить, для некрополей с кремациями на Северо-Западном Кавказе VIII–IX вв., за исключением погребений из могильника 8-я Щель, захоронения лошадей не характерны. Близкая ситуация представлена в Сухогомольшанском некрополе, где среди всех кремационных погребений не встречено ни одного конского захоронения. В Красногорском могильнике единственное захоронение лошади сопровождало ямное трупосожжение; не выявлены погребения лошадей и в нижнедунайских кремациях (Пьянков, Тарабанов, 2008. С. 282; Аксенов, Михеев, 2006. С. 181).

В могильниках Северо-Западного Кавказа встречаются отдельные захоронения предметов вооружения и конского снаряжения (без следов костяка лошади и человеческого погребения) (рис. 2, 11–16). Они могут быть интерпретированы как погребения-кенотафы. Во всех случаях о связи их с обрядом кремирования умерших говорит наличие предметов, побывавших в огне. В нескольких подобных комплексах обнаружены конские наконечники и другие предметы парадного конского убранства (рис. 2, 12–16). Следует отметить, что по данным из катакомбных погребений, связываемых с аланским компонентом салтово-маяцкой культуры, наконечники являлись атрибутом воинов, принадлежавших к воинской верхушке (Афанасьев, 1993. С. 137). Учитывая этот факт, можно предположить, что часть рассматриваемых захоронений-кенотафов, именно с богатым набором погребального инвентаря, принадлежала погибшим на стороне воинам из нередового населения.

Подобные ритуальные комплексы известны на Северском Донце: скопление отдельных вещей найдено у с. Мохнач и у с. Кочеток. Один комплекс, принадлежавший воину-всаднику, исследован в урочище Лысый Горб. На берегу безымянного притока р. Гомольши, в 1 км от кремационного некрополя Сухая Гомольша, были обнаружены отдельные “захоронения” вещей. Недавно на Кочетокском могильнике выявлены шесть комплексов с побывавшими в огне предметами, но без кремированных останков. Единственное захоронение вещей без следов погребенного или костяка лошади обнаружено в Нетайловском могильнике (Пьян-

ков, Тарабанов, 2008. С. 276; Дегтярь, 1984. С. 239. Рис. 1, 2; Аксенов, 2005. С. 257. Рис. 1–4; 2012. С. 210; Свистун, 2012. С. 83, 84. Ил. 2–5).

У народов Хазарского каганата обычай сопровождать погребение человека захоронением лошади, а также совершать индивидуальные конские захоронения был распространен достаточно широко. Практически все погребения из курганов с ровиками (независимо от пола и возраста погребенного) сопровождались захоронением лошади или ее чуела, а в 21% погребений находился полный костяк лошади (Иванов, 1999. С. 119). Сопутствующие конские захоронения встречаются в грунтовых ямных и катакомбных могильниках лесостепной полосы, таких как Дмитровский, Нетайловский, Крымский, Рубежанский (Пьянков, Тарабанов, 2008. С. 282; Плетнева, 1989. С. 247; Аксенов, 2012. С. 207; Савченко, 1986. Рис. 9).

В лесостепных памятниках салтово-маяцкой культуры не существовало унифицированного способа маркирования всаднических комплексов (Аксенов, 2012. С. 209, 210. Рис. 1, 3, 6). В погребениях IX–X вв. на территории Венгрии довольно широко была распространена традиция сопровождать человеческое погребение шкурой лошади (по данным Ч. Балинда, из 2500 известных погребений около 400 сопровождалась захоронением коня) (Балинд, 1972. С. 181).

В следующий период (X–XII вв.) погребальный обряд некрополей с кремационными погребениями частично меняется, отражается это и на всаднических комплексах. В погребениях полностью исчезает традиция сопровождать умершего отдельными предметами конского снаряжения; пропадают и захоронения вещей без человеческого погребения. В грунтовых некрополях этого времени основным маркером всаднического статуса становится присутствие в погребении целого костяка лошади в сопровождении конского снаряжения и другого погребального инвентаря. Пять таких погребений обнаружены в могильнике Ленинохабль, два погребения происходят из некрополя Черноклен, одно из разрушенного комплекса в поселке Абрау-Дюрсо. Синхронными ленинохабльским и чернокленовским погребениям являются частично разрушенные комплексы из Южноозереевского могильника, а также богатый кенотаф из некрополя Андреевская щель. Распределение всаднических комплексов (от общего числа исследованных) по территориальным группам кремационных могильников выглядит следующим образом: в северо-восточной части Западного Закубанья выявлено 20% погребений с всадническими маркерами, в степной части Западного Закубанья, в междуречье Абина и Уби-

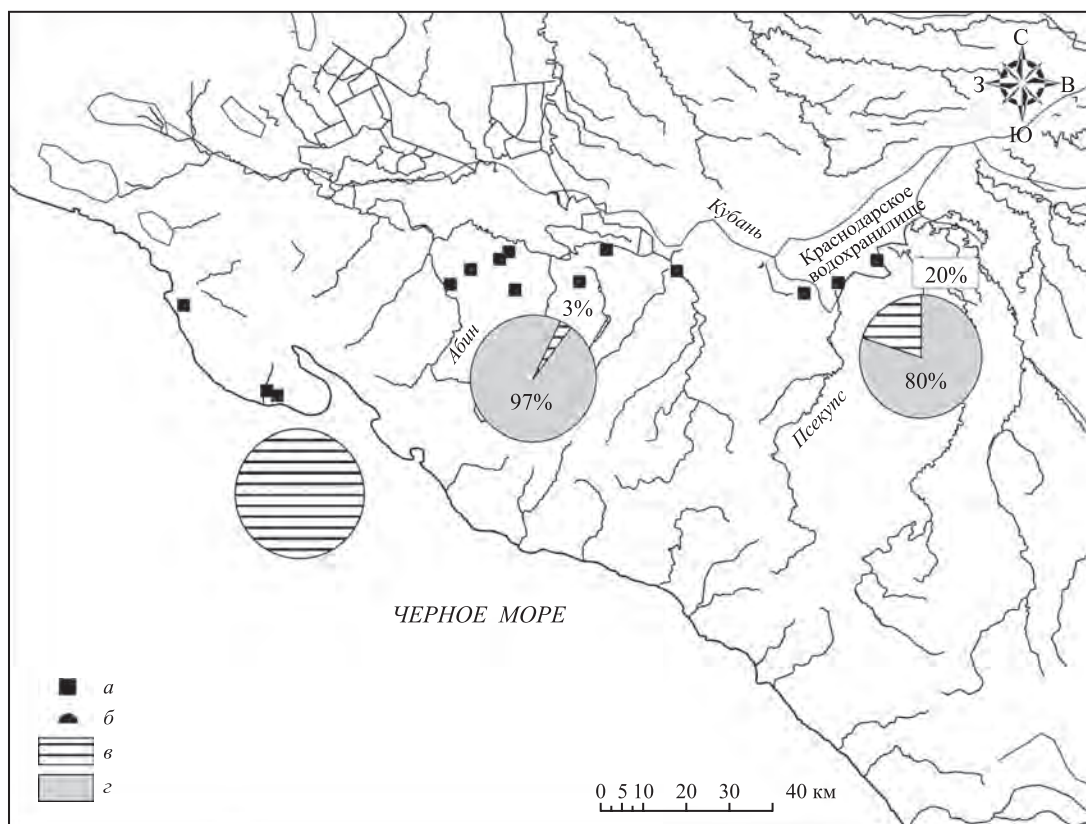

Рис. 3. Карта грунтовых могильников X–XII вв. (здесь и на рис. 4: а – грунтовый могильник, б – курганный могильник, в – погребения с всадническими маркерами; з – погребения остальных типов).

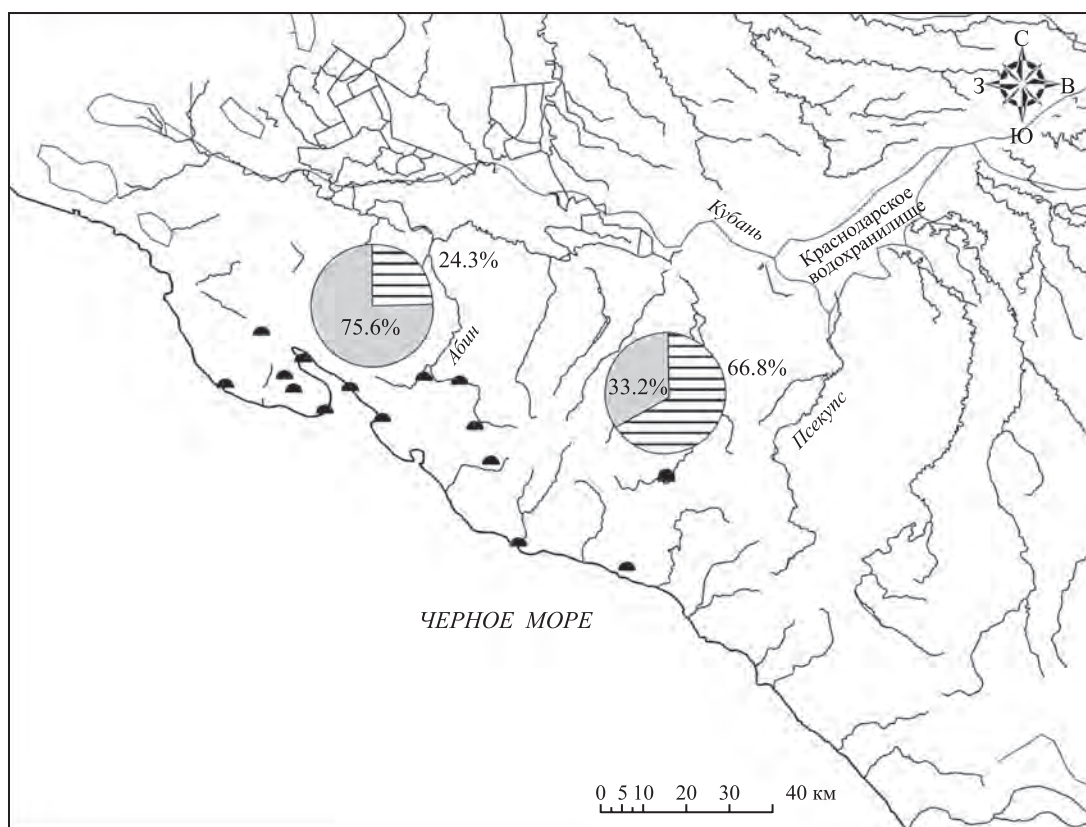

Рис. 4. Карта курганных могильников конца XII – XIII в.

на всаднические погребения составляют 3%. Все грунтовые погребения из Северо-Восточного Причерноморья X – перв. пол. XII в. содержали всаднические маркеры (рис. 3).

В этот период подавляющее большинство погребений совершены с использованием сосудов-урн. Урна с кремированными останками во всех случаях располагалась рядом с костяком лошади и стояла у ее морды или у задних конечностей (рис. 5, 1, 3). Захоронения лошадей, вероятно, находились в простых грунтовых ямах. Во всех погребениях урна с кремацией сопровождалась только одним полным костяком лошади. В четырех случаях костяк лежал на левом боку, а в семи погребениях – на правом (данные с учетом кенотафа из Андреевской Щели и разрушенных погребений Южноозереевского могильника). Устойчивой ориентировки исследуемых конских погребений не прослеживается, но преобладающими направлениями являются юго-восток и восток (рис. 5, 2).

В расположении погребального инвентаря в могильной яме зафиксировано два варианта:

- все вещи были сосредоточены в одной части ямы (три погребения);

- инвентарь располагался в определенном порядке: удила в зубах у лошади, стремяна в районе спины-живота, у морды могли лежать различные детали несохранившейся узды, сабля размещалась за позвоночником или в ногах лошади, там же мог находиться и колчан со стрелами. Между головой и передними ногами лошади, помимо погребальной урны, иногда располагался кувшин. По-видимому, при втором варианте расположения лошадь помещалась в погребение уже взнузданной и оседланной.

В могильниках X–XII вв. сохраняется традиция погребений-кенотафов, связываемых с воинами-всадниками, однако, в отличие от погребений предшествующего этапа, основным типом кенотафов является захоронение лошади с набором сопутствующего инвентаря, без кремированных останков. Наиболее ярким комплексом этого периода является кенотаф могильника Андреевская щель (Новичихин, 2008. С. 26–33. Рис. 1) (рис. 5, 5–13).

В синхронных погребальных памятниках с территории юга Восточной Европы традиция сопребения человека и лошади является ярким признаком погребального обряда средневековых кочевников. В междуречье Дона и Волги и на части территории Северного Кавказа новые памятники, связанные с кочевниками, датируются уже концом IX–XI в. В частности, в Краснодарском крае несколько погребений кочевников известно в низовьях Кубани. Однако в отличие от кремаций Закубанья (где зафиксированы только целые костяки лошадей) синхронным кочевническим погребениям свойственны в большей степени чучела (шкуры) лошадей (Атавин, 2008. С. 78, 85).

Помимо степных кочевнических комплексов, захоронения лошадей известны в Змейском катакомбном могильнике X–XII вв., где выделяются три группы погребений. Кроме этого, в центральных районах Предкавказья захоронения лошадей были обнаружены в могильниках Байтал-Чапкан, Директорская горка, Хазнидон, Даргавс (Сосранов, 1986. С. 93, 97, 100. Рис. 3; Дзаттиаты, 2014. Табл. CC, CCV, CCX).

В течение следующего этапа (конец XII–XIII в.) распространяются погребения под небольшими курганными насыпями (рис. 6, 1, 2). В курганных некрополях Северо-Восточного Причерноморья и горной зоны Западного Закубанья насчитывается 24.3% погребений с всадническими маркерами; в трех компактно расположенных могильниках в верховьях р. Шебш было исследовано 66.8% всаднических комплексов (рис. 4).

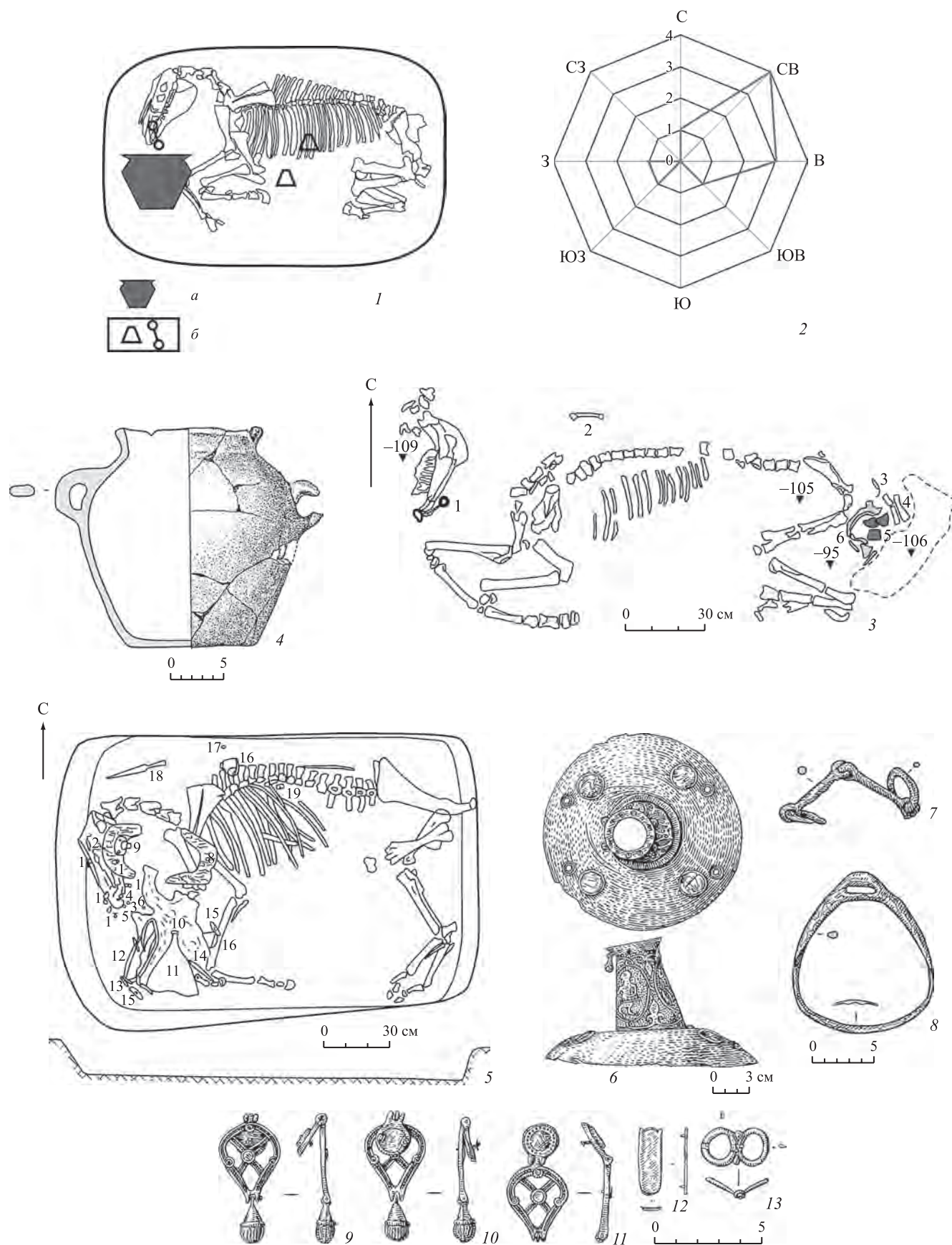
Всаднические комплексы этого периода представлены следующими типами:

- урновые/безурновые трупосожжения, сопровождаемые захоронением лошади с предметами конского снаряжения и иного инвентаря (рис. 6, 3, 4, 7; 7, 1);

- урновые/безурновые погребения в сопровождении ямы с набором конского снаряжения и другого погребального инвентаря и частью скелета лошади (как правило, только череп) (рис. 6, 5, 6, 8; 8, 4);

Рис. 5. Грунтовые погребения X–XII вв. с подчеркнутым всадническим статусом: 1 – основной тип маркирования всаднических погребений (урновая кремация в сопровождении лошади: а – урна; б – удила и стремяна); 2 – распределение ориентировок костяков лошадей; 3 – план погр. № 67 могильника Черноклен (1 – удила; 2 – стремя; 3 – наконечник стрелы; 4 – фрагменты сабли; 5 – фрагменты красноглиняного сосуда; 6 – урна); 4 – погребальная урна; 5 – богатый кенотаф из могильника Андреевская щель (1 – подвески-решмы с бубенчиками; 2 – крестовидные накладки; 3 – заклепки; 4 – удила; 5 – пряжка; 6 – наконечник ремня; 7, 8 – луки седла; 9 – начельник; 10 – кольчуга; 11 – шлем; 12 – сабля; 13 – наконечники стрел и детали колчана; 14 – нож; 15 – петли; 16 – стремя; 17 – монета; 18 – наконечник копья; 19 – пряжка); 6 – начельник; 7 – удила; 8 – стремяна; 9–11 – составные украшения конской упряжи; 12 – наконечник ремня; 13 – ременной разделитель (3, 4 – по: Пьянков, 2001; 5–13 – по: Новичихин, 2008).

– захоронения лошадей или яма с набором погребального инвентаря без погребения человека (рис. 8, 5, 6).

Урновых трупосожжений, сопровождаемых захоронением лошади, в исследуемой выборке насчитывается 23, и только 1 безурновое; погребений, сопровождаемых ямой с инвентарем, – 15, и также 1 безурновое.

В урновых кремациях местоположение захоронения лошади или ямы с инвентарем во внутрикурганном пространстве зависит от положения погребальной урны. В первом случае урна находится отдельно от захоронения лошади / ямы с инвентарем (рис. 6, 2). В 13 комплексах урна стояла отдельно от ямы с конским погребением и в 11 – отдельно от ямы с инвентарем. В том случае, если погребальная урна находилась отдельно от ямы с захоронением лошади, она располагалась в центральной части кургана.

Во втором случае (урна в одной могильной яме с захоронением лошади) семь погребальных комплексов находились в центре насыпи (могильники Шизе IV, Цемдолинский, Сапун, Жане, Кедровая роща), четыре комплекса были смещены от центра (могильники Чайка, Шизе IV, Сапун) (рис. 7, 1).

Безурновые кремации в сопровождении захоронения лошадей, или отдельной ямой с набором погребального инвентаря, для рассматриваемого периода редки. С большой долей сомнения к этому типу погребений мы можем отнести комплекс № 31 из Цемдолинского некрополя (рис. 6, 7) (Армарчук, Малышев, 1997. С. 92. Рис. 11). Одно безурновое захоронение из кург. № 17 могильника Шебш-2 сопровождалось ямой с набором погребального инвентаря (рис. 6, 8).

Погребения лошадей совершались в ямах прямоугольной (5 погребений), овальной (13 погребений) или округлой формы (одно погребение), в остальных случаях яма не прослежена. Яма, как правило, впусклась в материк на глубину до 0.75 м. Иногда над ямой создавалась каменная наброска из нескольких слоев камней или верхний уровень заполнения мог быть завален камнями. В одном комплексе стенки могильной ямы и ее дно были укреплены деревянными плахами. Длина ям распределяется преимущественно в интервале от 2.0 до 2.5 м (рис. 7, 3). Несколько иная картина наблюдается в распределении ширины могильных ям. Наиболее узкие ямы исследованы в могильнике Шизе IV (0.75–1.0 м). От 1.0 до 1.6 м распределяются по ширине могильные ямы некрополей на г. Сапун, Чайка и Цемдолинский. Наибольшая ширина ям зафиксирована в Кедровой роще (до 2.0 м) (рис. 7, 4).

В могильной яме находилось, как правило, по одному целому костяку лошади. Лошадей укла-

дывали на левый (8 случаев) или правый бок (15 случаев) с подогнутыми к туловищу ногами. В ориентировке костяков преобладает северо-западное, западное и юго-западное направление (рис. 7, 2).

Парные захоронения лошадей встречаются редко. Одно исследовано в кург. № 1 могильника Чайка. Оба костяка, покоившиеся на древнем горизонте, были уложены на правый бок и ориентированы на северо-восток. Погребальные урны и сопровождающий инвентарь располагались рядом с лошадьми (рис. 7, 7). Второе парное захоронение лошадей сопровождало урновое погребение в кургане 4 Цемдолинского некрополя, однако здесь каждый костяк лошади располагался в отдельной яме (Армарчук, Дмитриев, 2014. Рис. 10).

Проведенные зоологические определения скелетов лошадей из Цемдолинского могильника показали, что все особи принадлежали взрослым жеребцам лучшей физической формы, причем не обнаружены различия в размерах лошадей из погребений римского и средневекового времени. Это свидетельствует о том, что в исследуемом регионе существовала в течение длительного времени устойчивая экологическая форма (аборигенное отродье или порода) лошади, отвечающая предгорьям и горам (Армарчук, Дмитриев, 2014. С. 13, 14).

Ямы с набором погребального инвентаря были обнаружены в двух крупных курганных могильниках на территории Западного Закубанья – Шебш-1 и -2 – и являются отдельным вариантом маркирования всаднических погребений. В этих некрополях подобной ямой сопровождалась 15 урновых подкурганных погребений.

В семи погребениях яма полностью не прослежена, в четырех комплексах она была овальной формы, в трех – прямоугольной. Длина ям изменяется в пределах от 1.8 до 2.1 м, а ширина – от 1.0 до 1.2 м (в могильнике Шебш-1), тогда как ширина ям некрополя Шебш-2 распределяется в несколько большем интервале 0.7–1.25 м (рис. 8, 1, 2). Подавляющее большинство могильных ям ориентировано по линии север – юг и северо-запад – юго-восток, в меньшей степени в направлении северо-восток – юго-запад, практически не зафиксировано комплексов с широтной ориентировкой (рис. 8, 3). Для описываемых комплексов характерно наличие только инвентаря, лишь в пяти комплексах был обнаружен череп лошади (рис. 8, 4). В остальных захоронениях на дне фиксируется только угольная подсыпка, следы костей (помимо безурновой кремации, рассмотренной выше) или сопровождающих погребений полностью отсутствуют.

Без сомнения, рассматриваемые грунтовые ямы с набором инвентаря являются сопутствующими

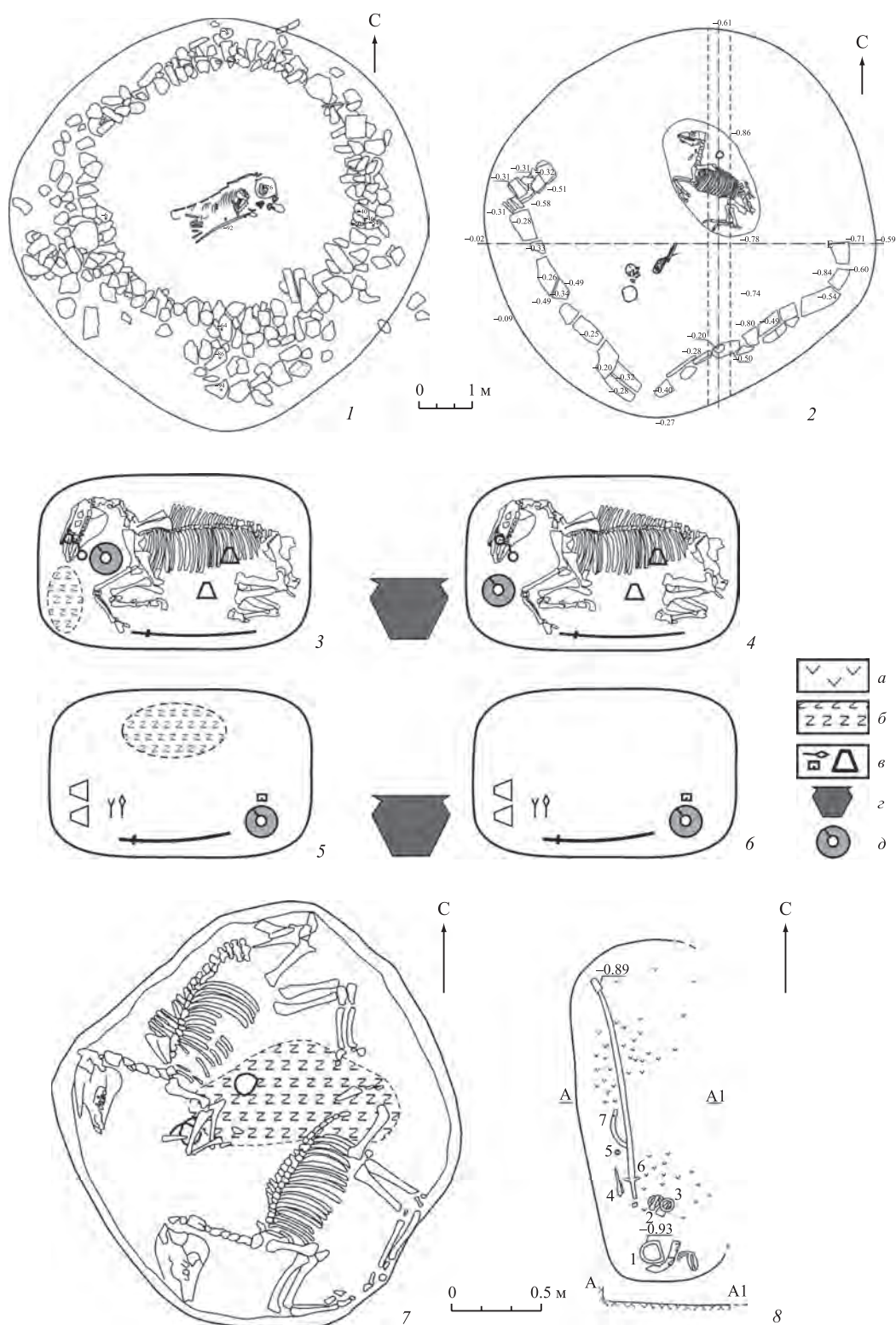

Рис. 6. Подкурганые погребения конца XII–XIII в. с подчеркнутым всадническим статусом: 1 – план кург. № 2 могильника на р. Жанэ; 2 – план кург. № 14 Цемдолинского могильника; 3 – безурновое погребение в сопровождении захоронения лошади; 4 – урновое погребение в сопровождении ямы с набором погребального инвентаря; 5 – безурновое погребение в сопровождении ямы с набором погребального инвентаря; 6 – урновое трупосожжение в сопровождении ямы с набором инвентаря (а – древесный уголь; б – кремнированные останки; в – погребальный инвентарь; з – урна; д – керамический сосуд); 7 – погр. № 31 Цемдолинского могильника; 8 – погр. № 1 из кург. 17 могильника Шебш-2 (1 – по: Успенский, 2012; 2 – по: Армарчук, Дмитриев, 2014; 7 – по: Армарчук, Малышев, 1997).

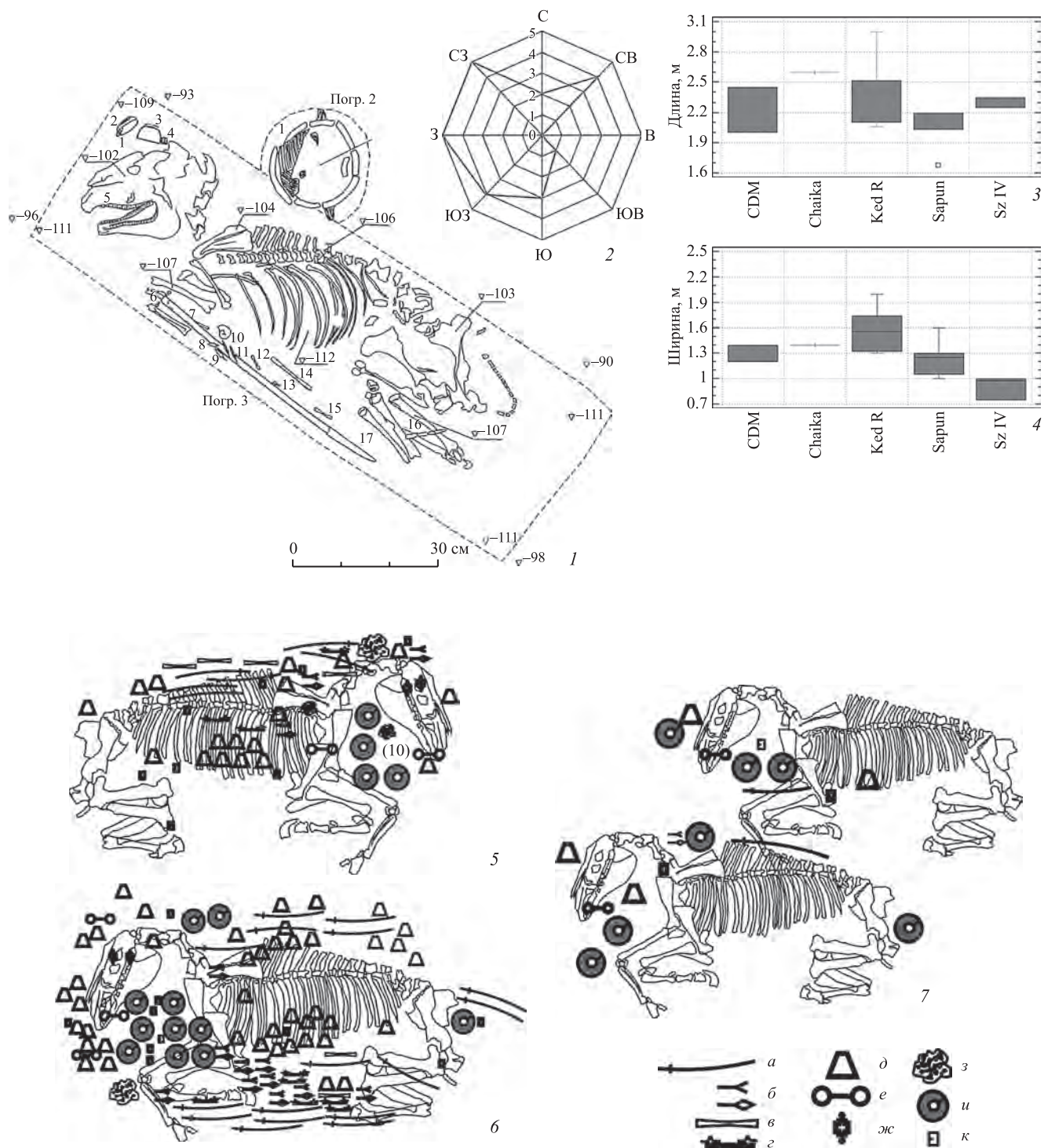

Рис. 7. Погребения всадников конца XII – XIII в., сопровождаемые захоронением лошади: 1 – план погр. 2 и 3 из кург. 1 могильника Шизе IV (погр. 2: 1 – развал сосуда; погр. 3: 1 – пряжка; 2, 3 – стремя; 4 – пряжка подпружная; 5 – удила; 6 – фрагменты перекрестия сабли; 7 – сабля; 8–11 – наконечники стрел; 12, 15 – петли колчанные; 13, 17 – фрагменты ножен сабли; 14 – накладка лука срединная; 16 – накладка лука концевая); 2 – распределение ориентировок костяков лошадей; 3, 4 – распределение могильных ям из курганных могильников по длине (3) и ширине (4) (CDM – Цемдолинский; Chaika – Чайка; Ked R – Кедровая роща; Sapun – на г. Сапун; Sz IV – Шизе IV); 5–7 – аккумулятивные схемы расположения погребального инвентаря относительно костяка лошади (а – сабля; б – наконечники стрел; в – детали лука; г – детали колчана; д – стремя; е – удила; жс – детали оголовья; з – кольчуга; и – керамический сосуд; к – пряжка).

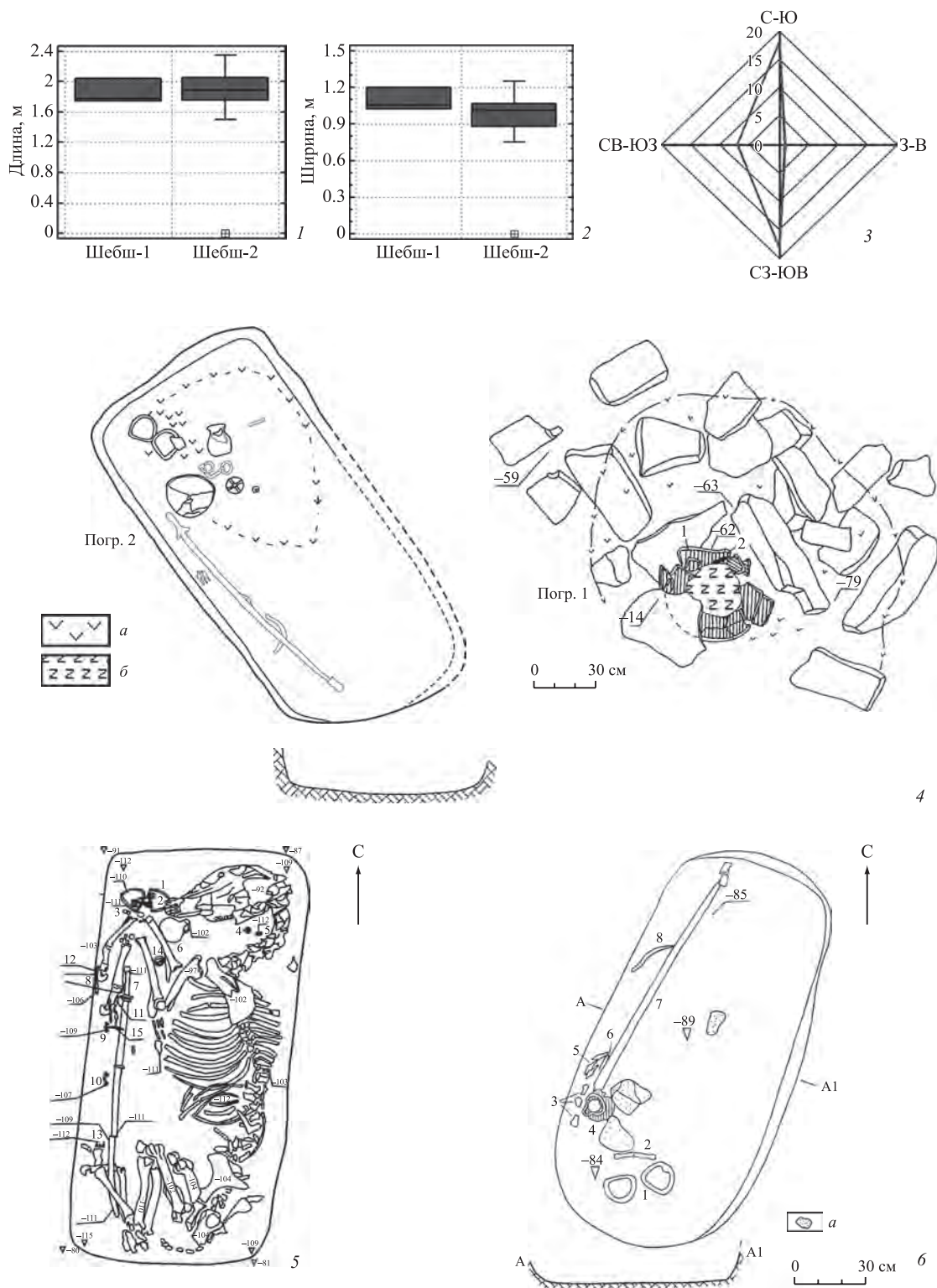

Рис. 8. Кремационные погребения всадников, сопровождаемые ямой с набором погребального инвентаря и поминальные комплексы-кенотафы из курганных могильников: 1, 2 – распределение могильных ям по длине (1) и ширине (2) из могильников Шебш-1 и -2; 3 – распределение ориентировок могильных ям из некрополей Шебш-1 и -2; 4 – погр. 1 (урна с кремацией) и 2 (сопутствующая яма с набором инвентаря) из кург. 2 могильника Шебш-1 (а – древесный уголь; б – кремированные останки); 5 – погребение-кенотаф из кург. 190 могильника Шизе IV (1 – стремяна, 2 – удила, 3–5, 8, 14 – пряжки; 6 – кувшин красноглиняный; 7 – сабля; 9,10 – петли колчанные; 11 – наконечники стрел; 12 – накладка лука; 13 – гвозди колчанные; 15 – скоба колчанная); 6 – погребение-кенотаф из кург. 41 могильника Шебш-2 (1 – стремяна, 2 – удила, 3 – предмет железный; 4 – сосуд гончарный; 5 – наконечники стрел; 6 – нож; 7 – сабля; 8 – серповидный нож; а – камень).

для погребения человека, они связаны с культом коня и необходимостью подчеркнуть всаднический статус погребенного. Рассматриваемые погребальные комплексы характерны только для двух рядом расположенных некрополей, поэтому можно предполагать существование этой отличительной черты погребального обряда у небольшой группы населения внутри единого этнического массива (Успенский, 2010. С. 336–340).

Найти однозначное объяснение такой вариативности погребального обряда довольно сложно. Расположение комплексов во внутрикурганном пространстве, конструктивные особенности могильных ям, их ориентировка, наличие предметов конского снаряжения и черепов коней, отчасти – расположение погребального инвентаря (о котором будет сказано ниже) во многом сближают описываемые комплексы с теми, где присутствует целый остов лошади. Возможно, такие погребальные конструкции могут являться своеобразной имитацией захоронения целого костяка лошади или же отдельным типом-маркером погребений воинов-всадников. Не исключено, что данный тип сопутствующих погребений отражает наличие социальной дифференциации в среде закубанского населения. Судя по материалам погребальных комплексов из могильников Шебш-1 и -2, они могут демонстрировать социальные различия в среде близких по имущественному положению людей. На это в определенной степени указывает отсутствие здесь вещей – маркеров наиболее высокого социального статуса (конский начельник, богатые украшения узды и др.), присутствующих в погребениях, сопровождаемых целым костяком лошади.

В погребениях, сопровождаемых захоронениями лошадей или ямой с набором инвентаря, прослежены два основных варианта расположения вещей относительно костяка лошади:

- все вещи укладывались компактно в одной части ямы (четыре погребения);
- инвентарь располагался в определенном и довольно строгом порядке (11 погребений), наиболее устойчивое расположение имели сабли, детали колчана, наконечники стрел, предметы конского снаряжения и керамика.

Такой набор погребального инвентаря, отличающийся только отсутствием здесь предметов парадного конского убранства, был выявлен в грунтовых ямах из некрополей Шебш-1 и -2. Здесь наблюдаются оба варианта расположения вещей. В 11 погребениях в распределении инвентаря фиксируется определенный порядок. Сабля лежит у длинной стенки (параллельно ей) могильной ямы, рядом с клинком может находиться серповидный нож

и наконечники стрел. У дальнего края ямы со стороны сабельной рукояти укладывали стремяна, удила, детали уздечки и другие предметы. Часто в комплексах находился керамический сосуд. В четырех захоронениях инвентарь был сосредоточен в одной части ямы, единым скоплением.

Для подкурганных погребений конца XII–XIII в. характерно присутствие кенотафов с предметами конского снаряжения. В зависимости от особенностей погребального сооружения и/или сопутствующего захоронения они делятся на следующие типы:

- подкурганное захоронение в отдельной яме целого остова лошади с сопровождающим инвентарем, без следов человеческого погребения (рис. 8, 5);
- подкурганное захоронение в отдельной яме части скелета лошади (череп) или без следов конского костяка, с набором инвентаря (рис. 8, 6).

К первому типу относятся два захоронения лошадей из могильников Шизе IV и Кедровая роща, несколько таких же комплексов исследовано в Цемдолинском могильнике (на пашне). Погребения второго типа были обнаружены только в могильниках Шебш-1 и -2 (45 комплексов).

Оба типа погребений идентичны ритуальным захоронениям, сопровождающим человеческие погребения. В рассматриваемых комплексах среди инвентаря найдены не только вещи, связанные с предметами конского снаряжения, но и предметы, которые обычно находят в погребениях людей, что и позволяет связать их с обычаем кенотафов.

Сравнивая подкурганные всаднические погребения, с захоронениями предшествующего этапа, необходимо отметить сохранение основного способа маркирования захоронений воинов-всадников – сопогребение человека и целой туши лошади. Единые тенденции фиксируются во всех особенностях захоронения лошади: положение целого костяка взнузданной, а иногда оседланной лошади, в грунтовую яму, поза на боку, расположение вещей относительно костяка и др. В подкурганных погребениях лошадей зафиксированы те же категории погребального инвентаря, которые были характерны для предшествующего периода.

С появлением курганного обряда основой погребального комплекса становится курган, в связи с этим происходят изменения в местоположении погребальной урны относительно сопутствующего погребения лошади. Во внутрикурганном пространстве погребальная урна чаще располагается отдельно от захоронения коня.

В подкурганных комплексах несколько изменяется распределение ориентировок костяков ло-

шадей. Для грунтовых могильников преобладает северо-восточное и восточное направление, а для курганов – западное с отклонениями к северу и югу. Не характерно для грунтовых погребений предшествующего периода использование камня или дерева в оформлении могильных ям, данная черта выявлена только по материалам подкурганых комплексов.

Проблема сопребения человека и лошади давно привлекает к себе внимание исследователей, важные разработки этого вопроса основаны на материалах кочевнических погребений юга Восточной Европы.

На Северо-Западном Кавказе синхронные с подкурганными трупосожжениями ингумационные погребения, сопровождаемые захоронениями лошадей, исследованы в Цемдолинском могильнике (Армарчук, Малышев, 1997. Рис. 3, 6, 16). Названные комплексы соотносятся с погребениями типа БХШ по Г.А. Федорову-Давыдову (в широкой яме, конь располагается к северу от погребения человека, головой на запад). По мнению С.А. Плетневой, такие погребения характерны для смешанного печенего-торческо-половецкого обряда (Федоров-Давыдов, 1966. С. 142, 145; Плетнева, 1981. С. 219; Армарчук, Малышев, 1997. С. 112). Рассматривая варианты погребений БХШ-ХIV золотоордынского времени и опираясь на их корреляцию с вещевыми находками, Г.А. Федоров-Давыдов делает заключение об их принадлежности черным клобукам (Федоров-Давыдов, 1966. С. 153). По всей видимости, следы именно этого этнокомпонента, появившегося здесь во второй половине XIII в., несут на себе ингумации из Цемдолины, сопровождаемые захоронениями лошадей (Дружинина, Чхаидзе, Нарожный, 2011. С. 134).

Анализируемые в данной статье захоронения лошадей сходны с погребениями из некрополей кочевников, однако это сходство не является абсолютным.

В первую очередь отметим процентное соотношение погребений с конскими захоронениями. В подкурганных могильниках с трупосожжениями этот тип погребений составляет 24,3% от всего числа комплексов. По сведениям, отраженным в исследовании А.Г. Атавина, погребения кочевников (в так называемую половецкую эпоху), сопровождаемые лошадей, составляют 50,6% от всех погребений, причем из 134 погребений с лошадьми только в 32 были уложены целые туши, а в остальных – чучела коней (Атавин, 2008. С. 91).

В могильниках с кремациями захоронения лошадей совершены в простых грунтовых ямах, и в них не выявлено разнообразия погребальных сооружений, распространенных у кочевников (в подбойных

могилах, на ступеньке в могиле, над погребением человека, дополняемое различными деревянными конструкциями, и др.). Однако, по мнению А.Г. Атавина, положение коня в отдельной яме или на древнем горизонте у могилы человека является сугубо половецким обычаем (Федоров-Давыдов, 1966. С. 126–128; Атавин, 2008. С. 91). Сопоставима и поза лошади в погребении – на правом или левом боку, с подогнутыми к туловищу ногами. В одном из кочевнических погребений в Восточном Приазовье зафиксировано чучело лошади, имитирующее положение “на брюхе” – поза, не характерная для кремационных некрополей.

При сопоставлении ориентировок костяков лошадей необходимо обратить внимание на тот факт, что в большинстве кочевнических погребений лошадь располагалась в одной яме с захоронением человека или в иной конструкции, так или иначе связанной с человеческим погребением. Следовательно, мы можем предполагать, что ориентировка лошади в определенной степени зависела от ориентировки погребения человека, тогда как в кремационных могильниках данный признак носил самостоятельный характер и направление ориентировки лошади определялось по другим критериям.

Рассмотренный в настоящей работе материал из всаднических погребений позволяет проследить динамику развития обряда захоронений всадников в кремационных некрополях Северо-Западного Кавказа. В течение хазарского времени доминирующим типом погребений были комплексы, содержавшие только предметы конского снаряжения. Случаи сопровождения трупосожжений целой тушей лошади единичны. Отдельные захоронения лошадей в этот период редки и являлись преимущественно погребениями боевых коней. Широко была распространена традиция погребений-кенотафов – отдельных захоронений побывавших в огне вещей (в том числе и с предметами конского снаряжения) без следов кремированных останков.

В последующий период (X–XII вв.) способ маркирования погребений всадников становится достаточно унифицированным: это захоронение совместно с кремированными человеческими останками целой лошади, в сопровождении разнообразного погребального инвентаря. Данная традиция сохраняется и развивается в подкурганных трупосожжениях конца XII–XIII в. Отличительной чертой от погребений из грунтовых могильников X–XII вв. является взаиморасположение захоронения лошади и погребения человека во внутрикурганном пространстве. В это же время появляются погребения, сопровождаемые отдельной ямой с набором погребального инвентаря без следов скелета лоша-

ди, однако они известны только на двух компактно расположенных могильниках предгорий Западного Закубанья. На протяжении X–XIII вв. сохраняется традиция создания поминальных комплексов-кено-тафов, их роль выполняют отдельные захоронения лошадей или ямы с набором погребального инвентаря без человеческого погребения.

Подчеркивание всаднического статуса умершего в хазарское время было распространено на обширной территории юга Восточной Европы. Рассматриваемые нами кремационные комплексы находят аналогии в различных памятниках и культурах, но наибольшее сходство прослеживается с погребениями типа Сухая Гомольша на Северском Донце.

В последующие два этапа захоронения сопровождались целой тушей лошади, что в определенной степени сближает их с кочевническими комплексами. Может возникнуть вопрос, не была ли эта традиция заимствована или привнесена на Северо-Западный Кавказ кочевниками? Однако, как показал сравнительный анализ, распространение сопутствующих захоронений лошадей связано не столько с заимствованием извне, сколько с развитием внутри общества носителей обряда кремации обычая подчеркивать всаднический статус погребенного. Это же касается и подкурганых погребений, однако не исключено, что увеличение процента всаднических погребений связано с взаимодействием кочевников и населения Северо-Западного Кавказа. Этот вопрос является темой для отдельного исследования.

Наличие скелета лошади может являться устойчивым маркером высокого социального статуса погребенного индивида. По сравнению с погребениями других типов (простые урновые и безурновые кремации) практически во всех всаднических комплексах присутствует более разнообразный сопровождающий инвентарь. В большинстве таких погребений представлены предметы вооружения и конского снаряжения. Отдельно выделяются комплексы с предметами парадного конского убранства и полным набором вооружения, подобные захоронения могли принадлежать военным вождям или знатым воинам.

По многочисленным археологическим данным из восточноевропейских погребальных комплексов, захоронение лошади являлось одним из характерных признаков погребений кочевников. Нередко захоронения, сопровождаемые скелетом лошади, определялись как кочевнические. Как показывает проанализированный материал, захоронение лошади, сопровождающее погребение человека, не может являться строгим этническим признаком. Определенная близость ряда черт погребений с лошадьми у кочевников и в подкурганых кремаци-

ях Северо-Западного Кавказа может указывать на присутствие в среде местного населения кочевнических элементов. Однако для утвердительного ответа на этот вопрос требуется привлечение данных антропологии. Сопоставление синхронных погребений по обряду кремации на Северо-Западном Кавказе и погребений кочевников может указывать не только на заимствование традиции сопребения человека и лошади, но и на возможность двух параллельных путей развития этой черты погребального обряда.

Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 14-1803755.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аксенов В.С.* Новые поминальные комплексы воинов-всадников салтовского времени с территории Верхнего Подонечья // *Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4. Хазарское время* / Ред. А.В. Евглевский. Донецк: Изд-во ДНУ, 2005. С. 357–368.
- Аксенов В.С.* Погребения всадников Нетайловского могильника салтовской культуры: типология и хронология (по материалам 2003–2010 годов) // *Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 9. Хазарское время* / Ред. А.В. Евглевский. Донецк: Изд-во ДНУ, 2012. С. 207–242.
- Аксенов В.С., Михеев В.К.* Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. «Сухогомольшанский могильник VIII–X вв.» // *Хазарский альманах. Т. 5. Киев; Харьков, 2006. 312 с.*
- Армарчук Е.А., Дмитриев А.В.* Цемдолинский кургано-грунтовой могильник. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-история, 2014. 132 с.
- Армарчук Е.А., Малышев А.А.* Средневековый могильник в Цемесской долине // *ИАА. Вып. 3. Армавир; М., 1997. С. 92–114.*
- Атавин А.Г.* Погребальный обряд и имущественно-социальная структура кочевников лесостепной и степной зоны юга России в конце IX – первой половине XIII в. (печенеги, торки, половцы) // *Древности юга России: памяти А.Г. Атавина* / Ред. Г.Е. Афанасьев. М.: Таус, 2008. С. 71–105.
- Афанасьев Г.Е.* Система социально-маркирующих предметов в мужских погребальных комплексах донских алан // *СА. 1993. № 4. С. 131–144.*
- Балинд Ч.* Погребения с конями у венгров в IX–X вв. // *Проблемы археологии и древней истории угров* / Ред. А.П. Смирнов. М.: Наука, 1972. С. 176–188.
- Дегтярь А.К.* Комплекс из погребения воина у с. Кочеток на Северском Донце // *СА. 1984. № 2. С. 239–244.*
- Дзаттиаты Р.Г.* Аланские древности Даргавса. Владикавказ: Ир, 2014. 239 с.
- Дмитриев А.В.* Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо, близ г. Новороссийска // *СА. 1979. № 4. С. 212–232.*

- Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И. Средневековые кочевники в Восточном Приазовье. Армавир; М.: Центр археологических исследований Армавирской ГПА, 2011. 266 с.
- Ковалевская В.Б. Компьютерный анализ планиграфии раннесредневекового могильника Дюрсо на Северном Кавказе // КСИА. 2010. Вып. 224. С. 214–228.
- Кононенко А.П. Отчет о доисследовании могильника в зоне строительства жилых домов в пос. Цемдолина (8-я Щель) г. Новороссийск в 1994 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 18812.
- Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.: Наука, 1981. 164 с.
- Новичихин А.М. Воинский кенотаф с захоронением боевого коня на средневековом могильнике Андреевская щель // Военная археология. сб. мат. семинара при Государственном Историческом музее. Вып. 1 / Ред. О.В. Двуреченский. М.: Квадрига, 2008. С. 26–41.
- Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.: Наука, 1989. 285 с.
- Плетнева С.А. Печенеги, торки, половцы // Степи Евразии в эпоху средневековья / Ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981 (Археология СССР). С. 213–222.
- Пьянков А.В. Касоги–касахи–кешаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // МИАК. Вып. 1. Краснодар, 2001. С. 198–213.
- Пьянков А.В., Тарабанов В.А. Кремационные погребения Кубани и Подонья салтовского времени: опыт сопоставления // Древности юга России: памяти А.Г. Атавина / Ред. Г.Е. Афанасьев. М.: Таус, 2008. С. 275–295.
- Савченко Е.И. Крымский могильник // Археологические открытия на новостройках. Вып. 1: Древности Северного Кавказа (материалы работ Северокавказской экспедиции) / Ред. И.С. Каменецкий. М.: Наука, 1986. С. 70–101.
- Свистун Г.Е. Новый кремационный могильник на территории Чугуево-Бабчанского лесничества (предварительная информация) // Салтово-маяцкая археологическая культура: проблемы та дослідження: збірник наукових праць, присвячених проблемам та перспективам салтовознавства, за матеріалами Міжнародної наукової конференції XVI Слобожанські читання. Вип. 2 / Ред. Г.Є. Свистун. Харків: Видавець Савчук О.О., 2012. С. 79–84, 133–141.
- Сосранов Р.С. Захоронения коней на Змейском могильнике как показатель дружинной организации аланского общества в X–XII вв. // Этнокультурные проблемы эпохи бронзы Северного Кавказа / Ред. Т.Б. Тургиев. Орджоникидзе: СОГУ, 1986. С. 92–100.
- Успенский П.С. Могильники с трупосожжениями VIII–XIII вв. на Северо-Западном Кавказе (динамика ареала погребального обряда) // РА. 2013. № 4. С. 86–98.
- Успенский П.С. Об одном из вариантов погребального обряда кремаций XI–XIII вв. в Закубанье // XXVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. Тез. докл. междунар. науч. конф. / Ред.: М.Х. Багаев и др. Магас: Археологический центр им. Е.И. Крупнова, 2010. С. 336–340.
- Успенский П.С. Погребения по обряду трупосожжения курганного могильника на р. Жане // ИАА. Вып. 11. Армавир; Краснодар; М., 2012. С. 105–118.
- Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во МГУ, 1966. 276 с.

HORSEMEN'S BURIALS IN THE NORTHWEST CAUCASUS (based on the materials from cremation cemeteries of the 8th–13th centuries AD)

Pavel S. Uspenskiy

Institute of Archaeology RAS, Moscow (uspenskiy07@mail.ru)

This paper investigates the main types of riders' complexes characteristic of Northwest Caucasian cremation cemeteries of the 8th–9th century AD. The major markers of rider's status of the deceased typical of burials of the 8th–9th, 10th–12th and the late 12th–13th centuries are distinguished. A comparative analysis of the complexes under investigation and the materials from other sites of the south of Eastern Europe was made.

Keywords: Middle Ages, Northwest Caucasus, riders' burials, cremation.

REFERENCES

- Afanas'ev G.E., 1993. Sistema sotsial'no-markiruyushchikh predmetov v muzhskikh pogrebal'nykh kompleksakh donskikh alan [The system of socially marking articles in male burial complexes of the Don Alans]. *SA*, 4, pp. 131–144.
- Aksenov V.S., 2005. Novye pominal'nye komplekсы voynov-vsadnikov saltovskogo vremeni s territorii Verkhnego Podonech'ya [New funeral complexes of mounted warriors of the Saltovo time from the upper reaches of the Donets River]. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya [The Steppes of Europe in the Middle Ages]*, 4. Khazarskoe vremya [The Khazar Time]. A.V. Evglevskiy, ed. Donetsk: Izdatel'stvo Donetskogo natsional'nogo universiteta, pp. 357–368.
- Aksenov V.S., 2012. Pogrebeniya vsadnikov Netaylovskogo mogil'nika saltovskoy kul'tury: tipologiya i khronologiya (po materialam 2003–2010 godov) [Horsemen's burials of the Netaylovo cemetery of the Saltovo Culture: Typology and chronology (from the materials of 2003–2010)]. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya [The Steppes of Europe in the Middle Ages]*, 9. Khazarskoe vremya [The Khazar Time]. A.V. Evglevskiy, ed. Donetsk: Izdatel'stvo Donetskogo natsional'nogo universiteta, pp. 207–242.
- Aksenov V.S., Mikheev V.K., 2006. Naselenie Khazarskogo kaganata v pamyatnikakh istorii i kul'tury. "Sukhogomol'shanskiy mogil'nik VIII–X vv." [The Population of the Khazar Chaganate in the Monuments of History and Culture. The Sukhaya Gomolsha Cemetery of the 8th–10th centuries]. Kiev; Khar'kov. 312 p. (Khazarskiy al'manakh, 5).
- Armarchuk E.A., Dmitriev A.V. 2014. Tsem dolinskiy kurganno-gruntovyy mogil'nik [The Tsem dolina Barrow-ground Cemetery]. Moscow: IA RAN; St.Petersburg: Nestor-istoriya. 132 p.
- Armarchuk E.A., Malyshev A.A., 1997. Srednevekovyy mogil'nik v Tsemesskoy doline [Medieval cemetery in Tsemes valley]. *Istoriko-arkheologicheskiy al'manakh [Historical-archaeological Almanach]*, 3. Armavir; Moscow, pp. 92–114.
- Atavin A.G., 2008. Pogrebal'nyy obryad i imushchestvenno-sotsial'naya struktura kochevnikov lesostepnoy i stepnoy zony yuga Rossii v kontse IX – pervoy polovine XIII v. (pechenegi, torki, polovtsy) [Funerary rites and socioeconomic structure of the nomads of the steppe and steppe-forest zone of southern Russia in the late 9th – first half of the 13th centuries (The Pechenegs, Torks and Polovets)]. *Drevnosti yuga Rossii: pamyati A.G. Atavina [Antiquities of the South of Russia: In Memory of A.G. Atavin]*. G.E. Afanas'ev, ed. Moscow: Taus, pp. 71–105.
- Balind Ch., 1972. Pogrebeniya s konyami u vengrov v IX–X vv. [Burials with horses among the Hungarians in the 9th–10th century]. *Problemy arkheologii i drevney istorii ugrov [Issues of Archaeology and Early History of the Ugrians]*. A.P. Smirnov, ed. Moscow: Nauka, pp. 176–188.
- Degtyar' A.K., 1984. Kompleks iz pogrebeniya voyna u s. Kochetok na Severskom Dontse [A complex from a warrior's burial near the village of Kochetok on the Severskiy Donets]. *SA*, 2, pp. 239–244.
- Dmitriev A.V., 1979. Pogrebeniya vsadnikov i boevykh koney v mogil'nike epokhi pereseleniya narodov na r. Dyurso, bliz g. Novorossiyska [Burials of riders and chargers in a cemetery of the migration period on the Dyurso River near the city of Novorossiysk]. *SA*, 4, pp. 212–232.
- Druzhinina I.A., Chkhaidze V.N., Narozhnyy E.I., 2011. Srednevekovye kochevniki v Vostochnom Priazov'e [Medieval Nomads in the Eastern Azov Area]. Armavir; Moscow: Tsentr arkheologicheskikh issledovaniy Armavirskoy gosudarstvennoy pedagogicheskoy akademii. 266 p.
- Dzattiaty R.G., 2014. Alanskoe drevnost' Dargavs [The Alanian Antiquities of Dargavs]. Vladikavkaz: Ir. 239 p.
- Fedorov-Davydov G.A., 1966. Kochevniki Vostochnoy Evropy pod vlast'yu zolotoordynskikh khanov [The Nomads of Eastern Europe under the Rule of the Golden Horde Khans]. Moscow: MGU. 276 p.
- Kononenko A.P. Otchet o doissledovanii mogil'nika v zone stroitel'stva zhilykh domov v pos. Tsem dolina (8-ya Shchel') g. Novorossiysk v 1994 g. [A report on the re-investigation of a cemetery in the zone of housebuilding in the township of Tsem dolina (The 8th Shchel) in the city of Novorossiysk in 1994]. *Archive of IA RAN*, R-1, no. 18812 (in Russian, unpublished).
- Kovalevskaya V.B., 2010. Komp'yuternyy analiz planigrafii rannesrednevekovogo mogil'nika Dyurso na Severnom Kavkaze [Computer-aided analysis of the planigraphy of the early medieval cemetery of Dyurso in the North Caucasus]. *KSIA*, 224, pp. 214–228.
- Mazhitov N.A., 1981. Kurgany Yuzhnogo Urala VIII–XII vv. [Barrows of the South Urals of the 8th–12th Centuries]. Moscow: Nauka. 164 p.
- Novichikhin A.M., 2008. Voinskiy kenotaf s zakhoroneniem boevogo konya na srednevekovom mogil'nike Andreevskaya shchel' [A warrior's cenotaph with burial of a warhorse in the Andreevskaya Shchel medieval cemetery]. *Voennaya arkheologiya: sbornik materialov seminara pri Gosudarstvennom Istoricheskom muzee [Military Archaeology: A Collection of Materials of the Seminary at the State Historical Museum]*, 1. O.V. Dvurechenskiy, ed. Moscow: Kvadriga, pp. 26–41.
- Pletneva S.A., 1981. Pechenegi, torki, polovtsy [The Pechenegs, Torks and Polovets]. *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya [The Steppes of Eurasia in the Middle Ages]*. S.A. Pletneva, ed. Moscow: Nauka, pp. 213–222 (Arkheologiya SSSR).
- Pletneva S.A., 1989. Na slavyano-khazarskom pogranič'e. Dmitrievskiy arkheologicheskiy kompleks [In the Slav-Khazar Borderland. The Dmitriev Archaeological Complex]. Moscow: Nauka. 285 p.
- P'yankov A.V., 2001. Kasogi-kasakhi-keshaki pis'mennykh istochnikov i arkheologicheskie realii Severo-Zapadnogo Kavkaza [The Kasogs-Kasakhs-Keshaks of written sources and archaeological realia of the Northwest Caucasus]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani*

- [*Materials and Studies on the Archaeology of the Kuban*], 1. Krasnodar, pp. 198–213.
- P'yankov A.V., Tarabanov V.A., 2008. Krematsionnye pogrebeniya Kubani i Podon'ya saltovskogo vremeni: opyt sopostavleniya [Cremation burials of the Kuban and Don areas of the Saltovo time: An attempt at confrontation]. *Drevnosti yuga Rossii: pamyati A.G. Atavina* [Antiquities of the South of Russia: In Memory of A.G. Atavin]. G.E. Afanas'ev, ed. Moscow: Taus, pp. 275–295.
- Savchenko E.I., 1986. Krymskiy mogil'nik [The Krymsk cemetery]. *Arkheologicheskie otkrytiya na novostroykakh* [Archaeological Discoveries in Development Areas], 1. *Drevnosti Severnogo Kavkaza (materialy rabot Severo-kavkazskoy ekspeditsii)* [Antiquities of the North Caucasus (Materials of the North Caucasian Expedition)]. I.S. Kamenetskiy, ed. Moscow: Nauka, pp. 70–101.
- Sosranov R.S., 1986. Zakhoroneniya koney na Zmeyskom mogil'nike kak pokazatel' družinnoy organizatsii alanskogo obshchestva v X–XII vv. [Horse burials in the Zmeyskaya cemetery as a marker of warlike organization of the Alan society in the 10th–12th centuries]. *Etnokul'turnye problemy epokhi bronzy Severnogo Kavkaza* [Ethnocultural Issues of the North Caucasian Bronze Age]. T.B. Turgiev, ed. Ordzhonikidze: Severo-Osetinskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 92–100.
- Svistun G.E., 2012. Novyy krematsionnyy mogil'nik na territorii Chuguevo-Babchanskogo lesnichestva (predvaritel'naya informatsiya) [A new cremation cemetery in the territory of the Chuguev-Babchanskoe forestry (preliminary information)]. *Saltovo-mayats'ka arkheologichna kul'tura: problemi ta doslidzhennya: zbirnik naukovikh prats', prisvyachenikh problemam ta perspektivam saltovoznavstva, za materialami Mizhnarodnoi naukovoï konferentsii XVI Slobozhans'ki chitannya* [The Saltovo-Mayatskoe Archaeological Culture: Issues and Studies: a Collection of Scholarly Works Dedicated to the Problems and Prospects of Saltovo Studies after the Materials of the International Scholarly Conference 'Sixteenth Readings of the Slobodskaya Ukraine'], 2. G.E. Svistun, ed. Kharkiv: Vidavets' Savchuk O.O., pp. 79–84, 133–141.
- Uspenskiy P.S., 2010. Ob odnom iz variantov pogrebal'nogo obryada krematsiy XI–XIII vv. v Zakuban'e [On a variant of the cremation funerary rite of the 11th–13th centuries in the Transkuban area]. *XXVI Krupnovskie chteniya po arkheologii Severnogo Kavkaza: Problemy khronologii i periodizatsii arkheologicheskikh pamyatnikov i kul'tur Severnogo Kavkaza: tezisy dokladov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Twenty sixth Krupnov Conference on the Archaeology of the North Caucasus: Chronology and Periodization of Archaeological Sites and Cultures of the North Caucasus: Abstracts of Papers Read at the International Scholarly Conference]. M.Kh. Bagaev, ed. Magas: Arkheologicheskiy tsentr imeni E.I. Krupnova, pp. 336–340.
- Uspenskiy P.S., 2012. Pogrebeniya po obryadu truposozhzheniya kurgannogo mogil'nika na r. Zhane [Cremation burials of a barrow cemetery on the Zhane River]. *Istoriko-arkheologicheskiy al'manakh* [Historical-archaeological Almanach], 11. Armavir; Krasnodar; Moscow, pp. 105–118.
- Uspenskiy P.S., 2013. Mogil'niki s truposozhzheniyami VIII–XIII vv. na Severo-Zapadnom Kavkaze (dinamika areala pogrebal'nogo obryada) [Cremation cemeteries of the 8th–13th centuries in the Northwest Caucasus (dynamics of the funerary rite area)]. *RA*, 4, pp. 86–98.

СЕРЕБРО НА СЕЛИЩАХ: МОНЕТЫ И ТОРГОВЫЙ ИНВЕНТАРЬ IX–XI вв. В СУЗДАЛЬСКОМ ОПОЛЬЕ

© 2016 г. Н.А. Макаров, П.Г. Гайдуков, А.А. Гомзин

Институт археологии РАН, Москва

(nmakarov10@yandex.ru, russianchange@yandex.ru, gomzin_a@mail.ru)

В статье рассматриваются восточные, западноевропейские и византийские монеты IX–XI вв. (всего чуть более 100), собранные за последние 15 лет полевых работ в центральной части Суздальской земли – в Суздальском Ополе; в коллекции преобладают дирхемы X в. Основная масса монет и весовых гирек собрана не в самом Суздале, а на “больших поселениях” – крупных поселенческих комплексах X–XI вв. и связанных с ними некрополях. Очевидно, подобное соотношение находок отражает особую роль больших поселений в экономической жизни Северо-Восточной Руси.

Ключевые слова: средневековые поселения, Русь, Суздальское Ополе, денежное обращение, дирхемы, денарии, милиарисии, весовые гирьки, функции монет.

В качестве главного источника для изучения обращения серебра и состояния товарно-денежных отношений в Северной Европе и на Руси в IX–XI вв. традиционно рассматриваются монетные клады, обзоры которых открывают большинство трудов, посвященных экономике и общественным отношениям в эпоху викингов. Однако в последнее время в реконструкции общей картины ввоза и использования монетного серебра все большее значение приобретает изучение монетных находок на поселениях (Means of Exchange..., 2008; Jørgensen, 2006; Гайдуков и др., 2007; Захаров, 2012. С. 225, 226). Интерес к этим находкам во многом объясняется резким увеличением их количества с расширением полевых работ на поселениях, внедрением в практику раскопок промывки культурного слоя (Захаров, 2007. С. 76–95; 2011) и широким использованием металлодетекторов для сбора металлических вещей на поверхности памятников. Другой источник, подпитывающий интерес, – осознание того, что монетные клады документируют накопление сокровищ, значительная часть которых не была востребована в реальной экономике, и которые, следовательно, не в полной мере отражают уровень монетизации и характер использования серебра в торговле и повседневном обиходе тех областей, куда оно ввозилось с востока и запада (Brather, 2010. Р. 147, 148). Введение в научный оборот сведений о находках дирхемов и денариев в культурном слое Гнёздова (Пушкина, 1999; Пушкина и др., 2012), Новгородского (Рюрикова) городища

(Гайдуков и др., 2007), поселений Ильменского Поозерья (Гайдуков, Молчанов, 2005), поселения Крутик на Шексне (Захаров, 2012. С. 225, 226) и селищ на Кубенском озере у д. Минино (Зайцева, 2008. С. 65–68; Макаров, 2009. С. 55) впервые позволило составить представление об объемах серебра, находившихся в руках обитателей раннегородских центров и поселений более низкого иерархического уровня; о хронологических группах монет, поступавших на эти поселения; возможном использовании их в качестве платежных средств, украшений или сырья для ювелирного производства.

В статье рассматриваются восточные, западноевропейские и византийские монеты IX–XI вв., собранные за последние 15 лет полевых работ с поселений и могильников центральной части Суздальской земли – Суздальского Ополя.

Значение Суздальского (Владимирско-Юрьевского) Ополя как исторического ядра Северо-Восточной Руси (наряду с районом оз. Неро и Плещеева озера) подробно обосновано в публикациях последних лет (Макаров и др., 2004; Макаров, 2012; Макаров и др., 2013). Археологическое свидетельство этой роли – выявление на компактной территории между Клязьмой, Нерлю и верховьями р. Селекши более 350 средневековых селищ, составляющих лишь часть общей сети средневекового расселения. Монетные находки IX–XI вв. находились в центре внимания исследователей на протяжении всей истории изучения археологических памятников этой территории начиная с курганных раскопок

1851–1852 гг., заложивших основу современных знаний о средневековых древностях этой области (Уваров, 1872. С. 119–123). При этом Суздальское Ополе, в отличие от сопредельных территорий, – района оз. Неро и Ярославского Поволжья, откуда происходит несколько кладов восточных монет, не рассматривалось как значимый центр на путях международной торговли, аккумулировавший большие массы серебра. Действительно, в центре Суздальской земли известен лишь один клад куфических монет, обнаруженный на западной границе Ополя, на городище Выжегша (Леонтьев, 1988). Не документированы здесь и находки кладов западноевропейских денариев. В ходе широких раскопок Суздаля, охвативших значительную часть кремля, где локализуются участки с древнейшим культурным слоем (Седова, 1997), не найдено ни одной куфической монеты.

Полевые исследования Суздальской археологической экспедиции ИА РАН в Ополе в 2001–2015 гг. включали выявление и обследование средневековых поселений со сбором подъемного материала на распаханной поверхности; раскопки отдельных участков на селищах; раскопки могильника Шекшово, начатые в 2011 г. В результате было собрано более 80 восточных, западноевропейских и византийских монет – целых экземпляров и фрагментов. Большинство находок происходит из распаханых культурных отложений или перемешанного пахотой слоя на площадках могильников и не связаны с археологическими комплексами, однако они имеют четкую привязку к памятникам и пространственные координаты. Вместе с этим нумизматическим материалом целесообразно рассмотреть монетные находки 1950–1990-х годов, большая часть которых уже введена в научный оборот (Седова, 1997. С. 180, 181; Лапшин, 1989; Родина, 2004; Нумизматические находки..., 2013. С. 16–25), а также находки из грабительских раскопок, переданные во Владимиро-Суздальский музей-заповедник (Родина, 2012. С. 86–94; Нумизматические находки..., 2013. С. 16–19). За пределами сводки остаются монеты из раскопок А.С. Уварова 1851–1854 гг., среди которых, по подсчетам М.Е. Родиной, – около 230 дирхемов и 110 денариев, происходящих с территории между Клязьмой и оз. Неро (2004. С. 19). Принадлежность этих монет к конкретным памятникам не может быть достоверно определена без углубленного изучения архивов и коллекций. Таким образом, вся совокупность находок, сопровождающихся надежной документацией, составляет 104 монеты (табл. 1; рис. 1). Они найдены на 24 памятниках, из которых 17 – неукрепленные поселения, 2 – местонахождения, 4 – могильники; а также в Суздале на территории кремля. Очевидно, что это

меньшая часть монет, еще недавно находившихся в распаханном культурном слое селищ, – значительное их число оказалось добычей грабителей и не попало в руки археологов и в государственный музейный фонд.

На памятниках Суздальского Ополя зафиксированы 73 находки дирхемов, среди которых – 16 целых (включая дирхем, разломанный на 3 части) и 57 фрагментов (табл. 2; рис. 2); большая часть – находки последних 15 лет, лишь 8 дирхемов происходят из раскопок 1970–1990-х годов. В коллекции – 31 саманидская монета, 8 – аббасидских, 4 – бувайхидских, 1 – марванидская; 3 представляют собой подражания саманидским дирхемам, 1 – аббасидскому; 2 определены как дирхемы волжских болгар. Время чекана 8 монет определено как VIII–IX вв., 53 монеты датированы X – началом XI в. Из 37 монет, дата выпуска которых установлена с точностью свыше 10-летия, 30 были чеканены в интервале между 910 и 1010 гг. Часть монет использовалась в качестве украшений: 13 целых дирхемов имеют ушки и отверстия для подвешивания (рис. 2, А, 4–8, 17; Б, 2, 11, 12), лишь в 2 случаях на целых монетах достоверно установлено их отсутствие (рис. 2, А, 3). Среди фрагментов представлены как обломки, так и части разрезанных монет, последних – 13 (рис. 2, А, 8, 10, 12, 18, 20, 22; Б, 2, 4, 7), среди них – 2 половинки и 5 обрезков, составляющих $\frac{1}{4}$ монеты.

Дирхемы найдены на 15 памятниках: 12 поселениях и 3 могильниках, в 8 локальных группах. 39 целых монет и фрагментов происходят с поселений, 33 – из могильников, в том числе 26 – из могильника Шекшово. Монеты с ушками обнаружены как в могильниках (5 экз. – Шекшово, Сунгирь), так и на поселениях (Яновец 1, Тарбаево 6, Гнездилово 2). Находки обрезанных монет в трех погребениях в могильниках Шекшово и Сунгирском среди сопровождающих вещей, в том числе в кошельках, свидетельствуют о том, что части монет использовались как платежное средство.

Западноевропейских денариев 21 (табл. 3; рис. 3, I–II), они найдены на 14 памятниках: в культурном слое 12 поселений (17 монет), в том числе в Суздале на территории кремля (4 монеты), и в двух могильниках (4 монеты). 11 из них собраны в ходе новейших полевых работ. В коллекции представлены германские (15), фризские (1) и английские (2) монеты, чеканенные между 936 и 1076 гг., в их числе – широко распространенные в монетных кладах Северной Руси, Скандинавии и Балтийского региона германские денарии Оттона и Адельгейды (983–1002 гг.), английские денарии Этельреда (978–1016) и подражание монете Кнута Великого (1016–1035). 18 денариев – целые монетные кружки, 2 – обломки,

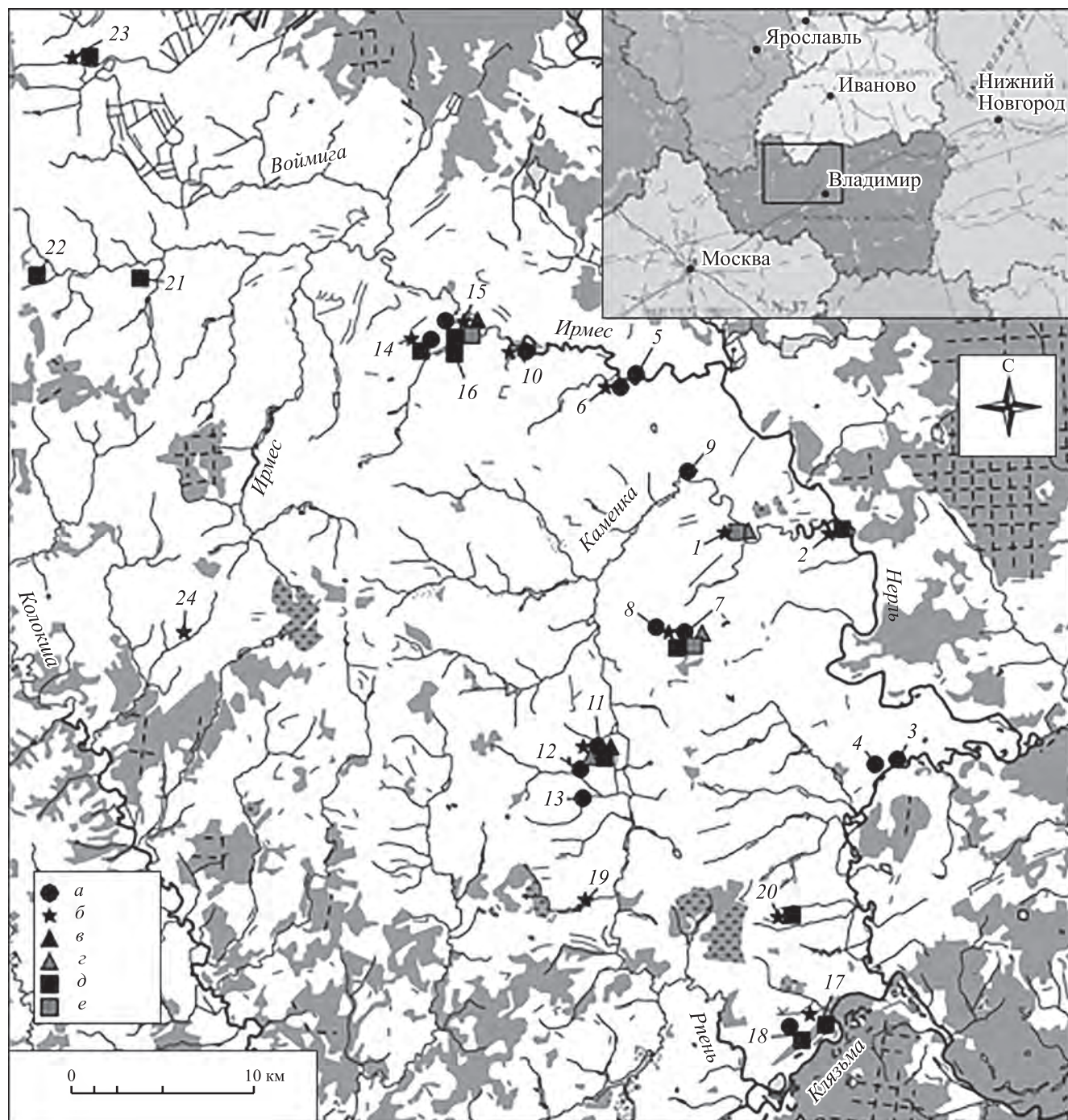

Рис. 1. Находки монет и весовых гирек на археологических памятниках Суздальского Ополя. 1 – Суздаль, кремль; 2 – Новоселка, могильник; 3 – Васильково 1, селище; 4 – Васильково 4, могильник; 5 – Весь 5, селище; 6 – Весь 1, селище; 7 – Гнездилово 2, селище; 8 – Гнездилово 7, местонахождение; 9 – Кибол 7, селище; 10 – Ратницкое 4, селище; 11 – Тарбаево 5–6, селище; 12 – Тарбаево 8, местонахождение; 13 – Яновец 1, селище; 14 – Шекшово 2, селище; 15 – Шекшово 9, могильник; 16 – Большое Давыдовское 2, селище; 17 – Сунгирь, селище; 18 – Сунгирь, могильник; 19 – Новгородское 6, селище; 20 – Суворотское 8, селище; 21 – Парша 3, селище; 22 – Кубаево 6, селище; 23 – Григорово 1, селище; 24 – Лыково 3, селище. Условные обозначения: а – дирхемы; б – денарии; в – византийские милиарисии; з – византийские медные монеты; д – весовые гирьки; е – детали весов.

Таблица 1. Находки монет и торгового инвентаря IX–XI вв. на археологических памятниках Суздальского Ополья

Памятники	Монеты					Весовые гири	Детали весов
	куфические	западноевропейские	византийские		серебряники		
			милиарисии	фоллисы			
Суздаль, кремль	–	4	–	1	–	1	2
Новоселка, могильник	–	1	–	–	–	1	–
Васильково 1, селище	2	–	–	–	–	–	–
Васильково 4, могильник	1	–	–	–	–	–	–
Весь 5, селище	13	–	–	–	–	–	–
Весь 1, селище	1	1	–	–	–	–	–
Гнездилово 2, селище	5	1	–	1	–	3	2
Гнездилово 7, местонахождение	1	–	–	–	–	–	–
Кибол 7, селище	1	–	–	–	–	–	–
Ратницкое 4, селище	2	1	–	–	–	–	–
Тарбаево 5–6, селище	2	2	1	5	–	–	–
Тарбаево 8, местонахождение	1	–	–	–	–	–	–
Яновец 1, селище	1	–	–	–	–	–	–
Шекшово 2, селище	9	2	–	–	–	5	–
Шекшово 9, могильник	28	3	1	–	–	5	1
Большое Давыдовское 2, селище	–	1	–	–	–	1	–
Сунгирь, селище	–	1	–	–	–	1	–
Сунгирь, могильник	6	–	–	–	–	2	–
Новгородское 6, селище	–	1	–	–	–	–	–
Суворотское 8, селище	–	1	–	–	–	1	–
Парша 3, селище	–	–	–	–	–	1	–
Кубаево 6, селище	–	–	–	–	–	2	–
Григорово 1, селище	–	1	–	–	–	1	–
Лыково 3, селище	–	1	–	–	–	–	–

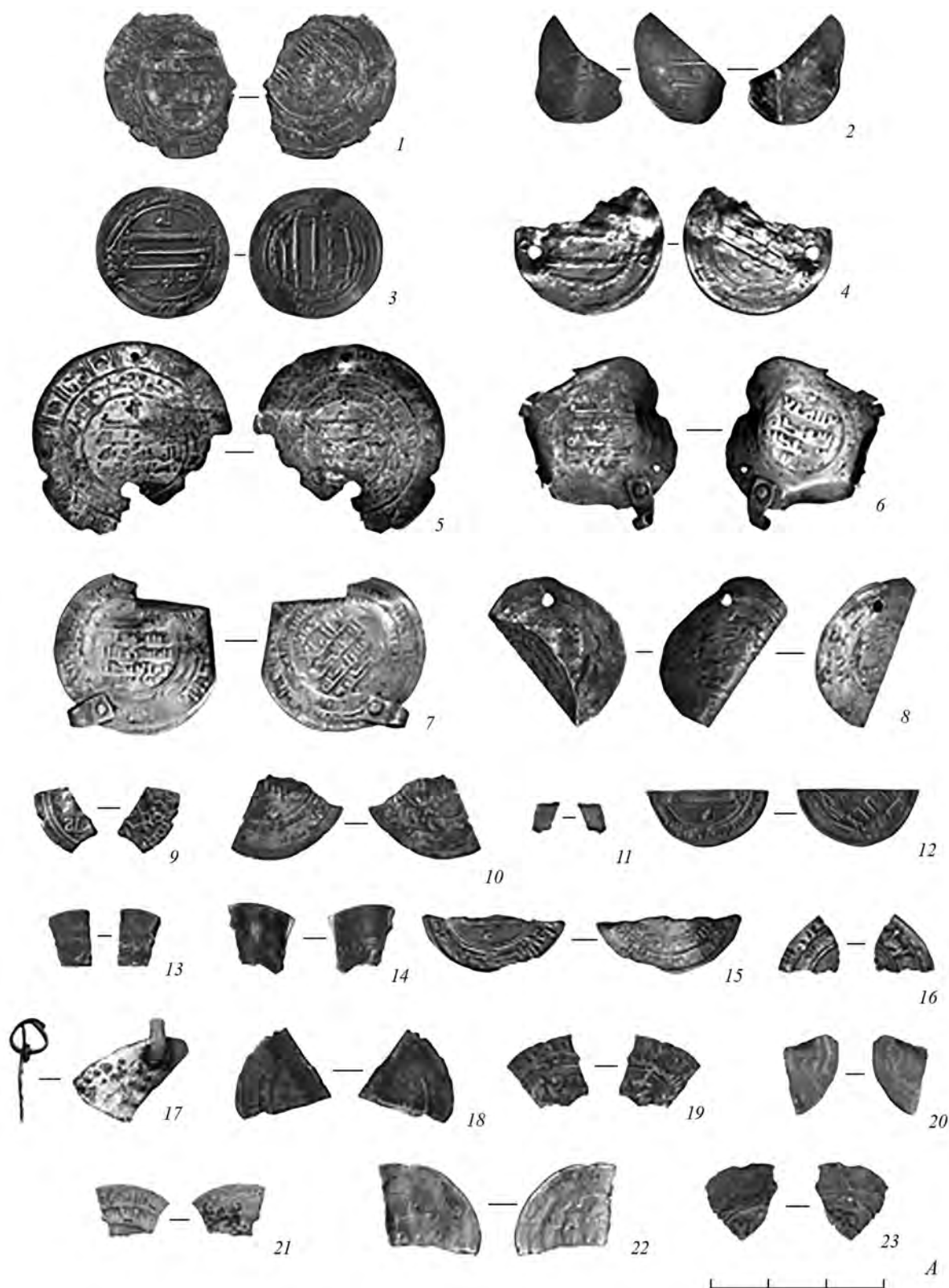

Рис. 2. Дирхемы из раскопок и сборов на археологических памятниках Суздальского Ополя. А: 1 – Васильково 4 (табл. 2, 3); 2, 3, 11–16 – Весь 5 (табл. 2, 12, 14, 9–11, 13, 15, 16); 4, 17–19 – Гнездилово 2 (табл. 2, 22, 19–21); 5, 6 – Ратницкое 4 (табл. 2, 25, 26); 7 – Тарбаево 6 (табл. 2, 28); 8 – Яновец 1 (табл. 2, 30); 9, 10 – Васильково 1 (табл. 2, 1, 2); 20 – Гнездилово 7 (табл. 2, 23); 21 – Кибол 7 (табл. 2, 24); 22 – Тарбаево 5 (табл. 2, 27); 23 – Тарбаево 8 (табл. 2, 29).

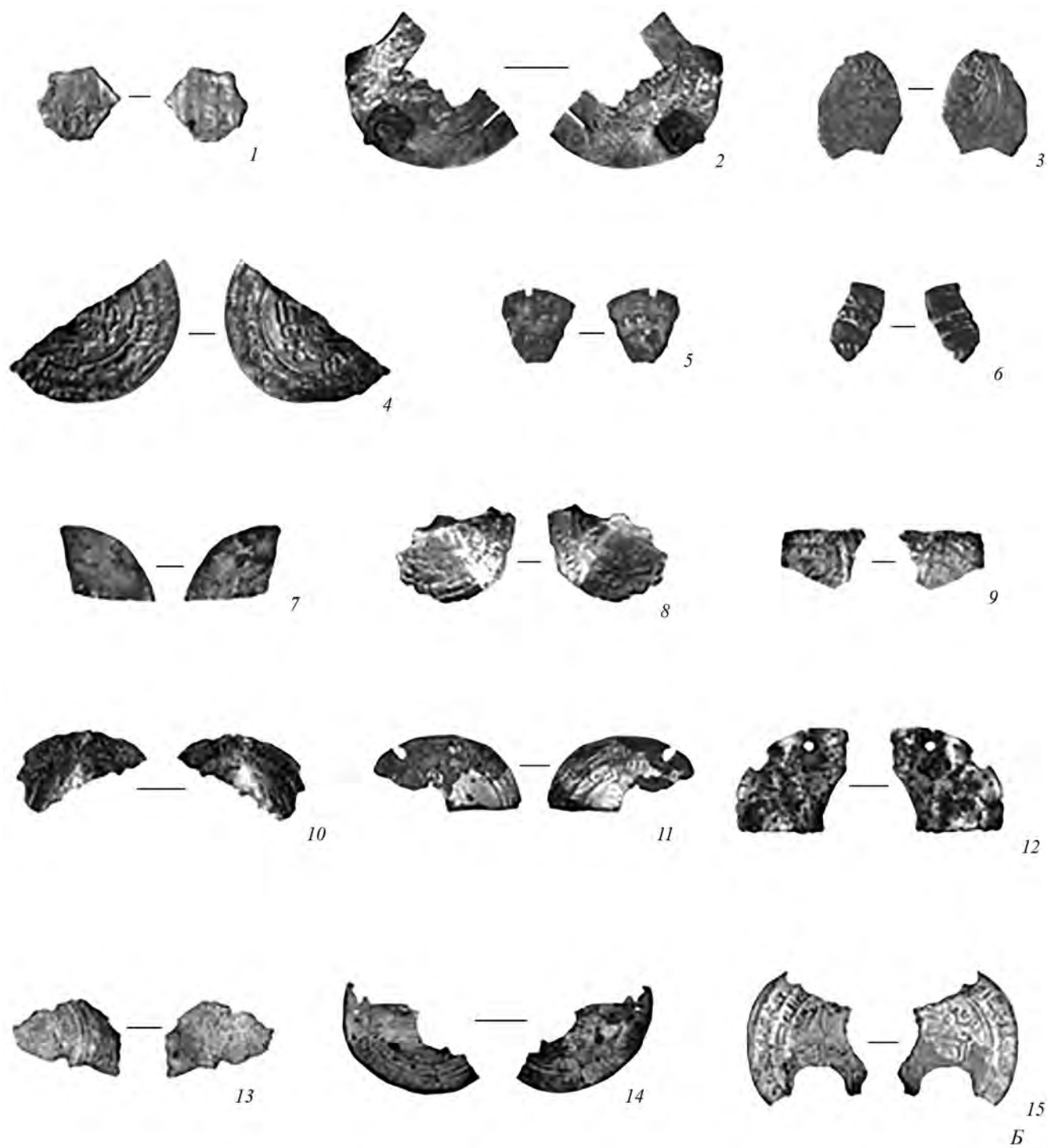

Рис. 2. Б: 1–6 – Шекшово 2 (табл. 2, 34–39); 7–15 – Шекшово 9 (табл. 2, 44, 57, 58, 65, 60–62, 66, 67).

Таблица 2. Находки куфических монет на археологических памятниках Суздальского Ополя

№	Памятник	Год находки	Происхождение	Состояние	Определение	Дата (гг.)	Автор определения
1	Васильково 1, селище	2012	Сборы, № 4	Вес 0.9 г; обломок, около 1/7	Марваниды, Мумаххид ад-даула Абу Мансур, место чеканки не установлено	390-е гг. х. (1000–1009)	А.А. Гомзин
2	Васильково 1, селище	2014	Сборы, № 38	Фрагмент, около 1/4, обрезан с одного края	Саманиды, 'Абд ал-Малик б. Нух, Бухара	343 г.х. (954/955)	—
3	Васильково 4, могильник	2012	Сборы, № 23	Вес 2.62 г; обломок, около 2/3	Бувайхиды, Руكن ад-даула Абу 'Али, Исфахан	354 г.х. (965)	—
4	Весь 5, селище	2004	Раскопки, № 17	Фрагмент, около 1/4	Аббасиды, ал-Му'тазз биллах	866–867	А.А. Молчанов
5	—	—	Раскопки, № 305	Фрагмент, около 1/4	Бувайхиды, Му'аййид ад-даула, Кармисин	967–983	—
6	—	—	Раскопки, № 16	Мелкий фрагмент	Династия, эмитент, место и год чеканки не установлены	Вторая половина VIII–X в.	—
7	—	—	Раскопки, № 285	—	—	—	—
8	—	—	Раскопки, № 341	—	—	—	—
9	—	2006	Раскопки, № 83	—	—	VIII – X вв.	—
10	—	—	Раскопки, № 622	Обрезок, около 1/2	Аббасиды, Харун-ар-Рашид, место чеканки обрешено, по типу – Мадинаг ас-Салам	192 г.х. (807/808)	—
11	—	—	Раскопки, № 662	Мелкий фрагмент	Династия, эмитент, место и год чеканки не установлены	X в.	—
12	—	2009	Сборы, № 220	Обрезок-обломок, около 1/2	Подражание Аббасидам	IX в.	А.А. Гомзин
13	—	2009	Сборы, № 89	Обломок, около 1/8	Подражание Саманидам	X в.	—
14	—	2012	Сборы, № 2	Вес 2.81 г; целый	Аббасиды, ал-Ма'мун, Мадинаг Исфахан	200 г.х. (815/816)	—
15	—	—	Сборы, № 5	Вес 0.82 г; обломок, около 1/3	Подражание Саманиду Насру б. Ахмаду, “322 г.х.”	Не ранее 934 г.	—

Таблица 2. Продолжение 1

№	Памятник	Год находки	Происхождение	Состояние	Определение	Дата (гг.)	Автор определения
16	–”–	–”–	Сборы, № 59	Вес 0.35 г; обломок, около 1/9	Саманиды, имя амира и год чеканки отломлены, Самарканд	X в.	–”–
17	Весь 1, селище	1987	Раскопки, ВСМЗ, № АВ-834	Целая, сильно обломана, три отверстия	Монетовидная подвеска	Конец X–XI в.	В.С. Кулешов
18	Гнездилово 2, селище	1984	Раскопки, ВСМЗ, № АС-3364	Целый, с ушком	Аббасиды, ал-Махди, Мадинаг Джей	16 (2?) г.х. (778/779)	И.Г. Добровольский
19	–”–	2014	Сборы, № 195	Фрагмент, около 1/5	Саманиды, Нух б. Наср, место и год чеканки отломлены	331–343 гг.х. (943–954)	А.А. Гомзин
20	–”–	–”–	Сборы, № 103	Вес 1.28 г; обресток-обломок, около 1/3, помят	Саманиды, Наср б. Ахмад, Самарканд, год чеканки обрестан	301–331 гг.х. (914–943)	–”–
21	–”–	–”–	Сборы, № 126	Вес 1.1 г; обресток-обломок, около 1/4	Бувайхиды, Му’аййид ал-даула Абу Мансур, лакаб другого амира, место и год чеканки обрестаны	356–367 гг.х. (966–978)	–”–
22	–”–	–”–	Сборы, № 371	Вес 2.24 г; обломок, около 2/3, помят, с отверстием	Аббасиды, ал-Мансур, ал-Мухаммадийа	155 г.х. (771/772)	–”–
23	Гнездилово 7, селище	–”–	Сборы, 531/9	Обресток-обломок, около 1/4	Аббасиды, Харун ар-Рашид, место и год чеканки отломлены	185–192 гг.х. (801–808)	–”–
24	Кибол 7, селище	2005	Раскопки	Небольшой фрагмент	Династия, эмитент, место и год чеканки не установлены	X в.	А.А. Молчанов
25	Ратницкое 4, селище	2007	Сборы, № 9	Край сильно обломан, не менее трех отверстий	Подражание Саманиду Исма’илу б. Ахмаду, “Самарканд, [2]93 г.х.”	Не ранее 906 г.	–”–
26	Ратницкое 4, селище	2007	Сборы, № 14	Целый, погнут, с ушком и отверстием	Саманиды, Наср б. Ахмад, место и год чеканки затерты, по типу – Андараба	322–329 гг.х. (934–940)	–”–

Таблица 2. Продолжение 2

№	Памятник	Год находки	Происхождение	Состояние	Определение	Дата (гг.)	Автор определения
27	Тарбаево 5, селище	2010	Сборы, № 16	Фрагмент, 1/4	Волжская Булгария	Вторая половина X в.	А.А. Гомзин
28	Тарбаево 6, селище	2010	Сборы, № 221	Целый, погнут, с ушком	Саманиды, Нух б. Наср, Балх	341 г.х. (952/953)	—”—
29	Тарбаево 8, селище	2011	Сборы, № 2	Обломок, около 1/8	Саманиды, Наср б. Ахмад, место и год чеканки отломлены, по типу – Самарканд	326–331 гг.х. (937–943)	—”—
30	Яновец 1, селище	2011	Сборы, № 27	Целый, погнут, с отверстием, следы крепления ушка	Саманиды, Наср б. Ахмад, Ма’дан	320 г.х. (932)	—”—
31	Шекшово 2, селище	до 2004	Несанкционированные сборы	Мелкий фрагмент	Саманиды, Мансур б. Нух	960-е гг.х.	А.А. Молчанов
32	—”—	—”—	—”—	Помятая половинка	Саманиды, Мансур б. Нух, ап-Шаш	968–969	—”—
33	—”—	—”—	—”—	Слегка согнутая половинка	Саманиды, Нух б. Мансур, Андараба	980–981	—”—
34	—”—	2013	Сборы, № 24	Вес 0.85 г; обломок, около 1/6	Аббасиды, ал-Му’тамид ‘ала-ллах, место и год чеканки отломлены	273–278 гг.х. (886–892)	А.А. Гомзин
35	—”—	2014	Сборы, № 916/23	Обломок, около 1/3, погнут, с остатками ушка	Саманиды, Наср б. Ахмад, Самарканд	323 г.х. (934/935)	—”—
36	—”—	—”—	Сборы, № 962/69	Обломок, около 1/3	Саманиды, Нух б. Мансур, место и год чеканки отломлены, Нисабур (?)	370-е гг.х. (980-е годы)	—”—

Таблица 2. Продолжение 3

№	Памятник	Год находки	Происхождение	Состояние	Определение	Дата (гг.)	Автор определения
37	—” —	—” —	Сборы, № 1090/197	Обрезок-обломок, около 1/2	Саманиды, Мансур б. Нух, Самарканд	361 г.х. (971/972)	—” —
38	—” —	—” —	Сборы, № 1109/216	Обломок, около 1/5, с отверстием (?)	Саманиды, имя амира и место чеканки отломлены, по типу Нух б. Наср или ‘Абд ал-Малик б. Нух, аш-Шаш	34-х г.х. (951–961)	—” —
39	—” —	—” —	Сборы, № 1140/247	Мелкий фрагмент	Эмитет не определен	X в.	—” —
40	Шекшово 9, могильник	2011	Сборы, № 4	Целый, с ушком	Саманиды, Мансур б. Нух, Самарканд	365 г.х. (975/976)	—” —
41	—” —	—” —	Сборы, № 5	Целый, края сильно обломаны	Саманиды, ‘Абд ал-Малик б. Нух, Нисабур	345 г.х. (956/967)	—” —
42	—” —	—” —	Сборы, № 27	Целый, с ушком	Саманиды, Мансур б. Нух, Бухара	358 г.х. (968/969)	—” —
43	—” —	—” —	Сборы, № 37	Целый, сильно согнут, с отверстием	Саманиды, Наср б. Ахмад, Самарканд	323 г.х. (934/935)	—” —
44	—” —	2012	Сборы, № 43	Вес 0.59 г; обломок, около 1/8	Династия, эмитент, место и год чеканки не установлены	X в.	—” —
45	—” —	—” —	Сборы, № 57	Вес 1.54 г; обломок, около 1/2	Волжские булгары, Микаил б. Джа’фар (?), две оборотные стороны	Середина X в.	—” —
46	—” —	—” —	Сборы, № 58	Целый, поцарапан, немного погнут, с отверстием и остатками заклепки от ушка	Саманиды, ‘Абд ал-Малик б. Нух, Бухара	348 г.х. (959/960)	—” —

Таблица 2. Продолжение 4

№	Памятник	Год находки	Происхождение	Состояние	Определение	Дата (гг.)	Автор определения
47	—” —	—” —	Раскопки, № 42	Вес 2.81 г; целый, погнут, поцарапан, край немного обломан	Саманиды, Ахмад б. Исма'ил, Андараба	300 г.х. (912/913)	—” —
48	—” —	—” —	Раскопки, № 119	Вес 0.2 г; обломок, около 1/8	Бувайхиды или Зийариды, с лакабом бувайхидского амира Рукн ад-даула Абу 'Али, место и год чеканки отломлены	335–364 гг.х. (947–975)	—” —
49	—” —	—” —	Раскопки, № 135	Мелкий фрагмент с заклепкой от ушка	Династия, эмитент, место и год чеканки не установлены	?	—” —
50	—” —	—” —	Раскопки, № 140	Вес 0.12 г; мелкий фрагмент	Династия, эмитент, место и год чеканки не установлены	?	—” —
51	—” —	—” —	Раскопки, № 143	Общий вес 4.34 г; разрезан и разломлен на три неравные части, погнут, с отверстием и остатками ушка, край подрезан	Саманиды, Нух б. Наср, Балх (дирхам с широким полем)	3(40?) г.х. (951/952(?))	—” —
52	—” —	—” —	Раскопки, № 145	Обрезок-обломок, около 1/6, с ушком	Династия, эмитент, место и год чеканки не установлены	X в.	—” —
53	—” —	—” —	Раскопки, № 156	Вес 0.09 г; мелкий фрагмент	Саманиды (?), имя амира, место и год чеканки отломлены	X в.	—” —
54	—” —	—” —	Раскопки, № 160	Вес 0.04 г; мелкий фрагмент	Династия, эмитент, место и год чеканки не установлены	?	—” —
55	—” —	—” —	Раскопки, погребение 1, № 6	Вес 0.57 г, обломок, около 1/5	Саманиды, имя амира, место и год чеканки отломлены	X в.	—” —

Таблица 2. Продолжение 5

№	Памятник	Год находки	Происхождение	Состояние	Определение	Дата (гг.)	Автор определения
56	—”—	2013	Сборы, № 37	Вес 0.36 г; обломок, около 1/7	Династия, эмитент, место и год чеканки не установлены	X в.	—”—
57	—”—	—”—	Сборы, № 49	Вес 0.71 г; обломок, около 1/4, погнут	Саманиды, Нух б. Наср, Бухара	341 г.х. (952/953)	—”—
58	—”—	—”—	Сборы, № 51	Вес 0.38 г; обломок, около 1/6	Династия, эмитент, место и год чеканки не установлены	IX–X вв.	—”—
59	—”—	—”—	Сборы, № 52	Вес 0.595 г; обломок, около 1/4	Аббасиды, ал-Муктадир биллах, место и год чеканки отломлены	295–320 гг.х. (908–932)	—”—
60	—”—	—”—	Раскопки, № 86	Вес 0.79 г; обломок, около 1/4, немного погнут, отверстие с выломанным краем	Саманиды, Ахмад б. Исма‘ил, место чеканки отломлено, по типу – аш-Шаш	298 г.х. (910/911)	—”—
61	—”—	—”—	Раскопки, заполнение ямы погребения 3, № 314/1	Вес 0.92 г; обломок, около 1/4, с отверстием, деформирован	“Слепой” дирхам (?), монетовидная пластинка (?)	?	—”—
62	—”—	—”—	Сборы, № 43	Вес 0.53 г; бракт, обломок, около 1/4	Подражание оборотной стороне куфической монеты	X в.	—”—
63	—”—	—”—	Сборы, № 206	Вес 0.37 г; обломок, около 1/10	Саманиды, имя амира и место чеканки отломлены, по типу – Наср б. Ахмад, Самарканд	309 г.х. (921/922)	—”—
64	—”—	—”—	Раскопки, № 14	Вес 0.41 г; обломок, около 1/20	Саманиды или подражание Саманидам, эмитент, место и год чеканки не установлены (дирхам с широким полем)	Вторая половина X в.	—”—

Таблица 2. Продолжение 6

№	Памятник	Год находки	Происхождение	Состояние	Определение	Дата (гг.)	Автор определения
65	–”–	2014	Раскопки, № 3	Вес 0.75 г; обломок, около 1/6, оплавлен	Династия, эмитент, место и год чеканки не установлены	IX–X вв.	–”–
66	–”–	–”–	Раскопки, № 95	Обрезок-обломок, около 1/3, оплавлен	Саманиды, Ахмад б. Исма'ил, аш-Шаш	295–301 гг.х. (907–914)	–”–
67	–”–	–”–	Раскопки, № 354	Вес 0.98 г; обломок, около 1/3	Саманиды, Исма'ил б. Ахмад, место и год чеканки отломлены, по типу – Балх	289–295 гг.х. (902–908)	–”–
68	Сунгирский могильник	1972	Разрушенное погребение, ВСМЗ, АВ-2575	Целый, отверстие, в котором сохранились заклепка и часть ушка	Саманиды, Мансур б. Нух, Бухара	353 г.х. (964/965)	В.С. Кулешов, А.А. Гомзин
69	–”–	–”–	Разрушенное погребение, ВСМЗ, АВ-2576	Целый, два отверстия, в одном из которых сохранилась часть заклепки от ушка	Бувайхиды, Руكن ад-даула Абу 'Али и 'Адуд ад-даула Абу Шуджа', Арраджан	364 г.х. (974/975)	–”–
70	–”–	–”–	Погребение 5 (?), ВСМЗ, В-14439/25	Фрагмент, около 1/4, обломан, обрезан	–	X – начало XI в.	–”–
71	–”–	–”–	Разрушенное погребение, ВСМЗ, В-14439/143	Фрагмент, края обкрошились	Дирхем или монетовидная пластина (?)	Последняя четверть X в.	–”–
72	–”–	–”–	Погребение 7(?), ВСМЗ, В-14439/103	Обломок, около 1/2	Дирхем, надпись не прочеканилась	X – начало XI в.	–”–
73	–”–	–”–	Разрушенное погребение, ВСМЗ, В-14439/98	Два фрагмента	Подражание куфической монете	X–XI вв.	–”–

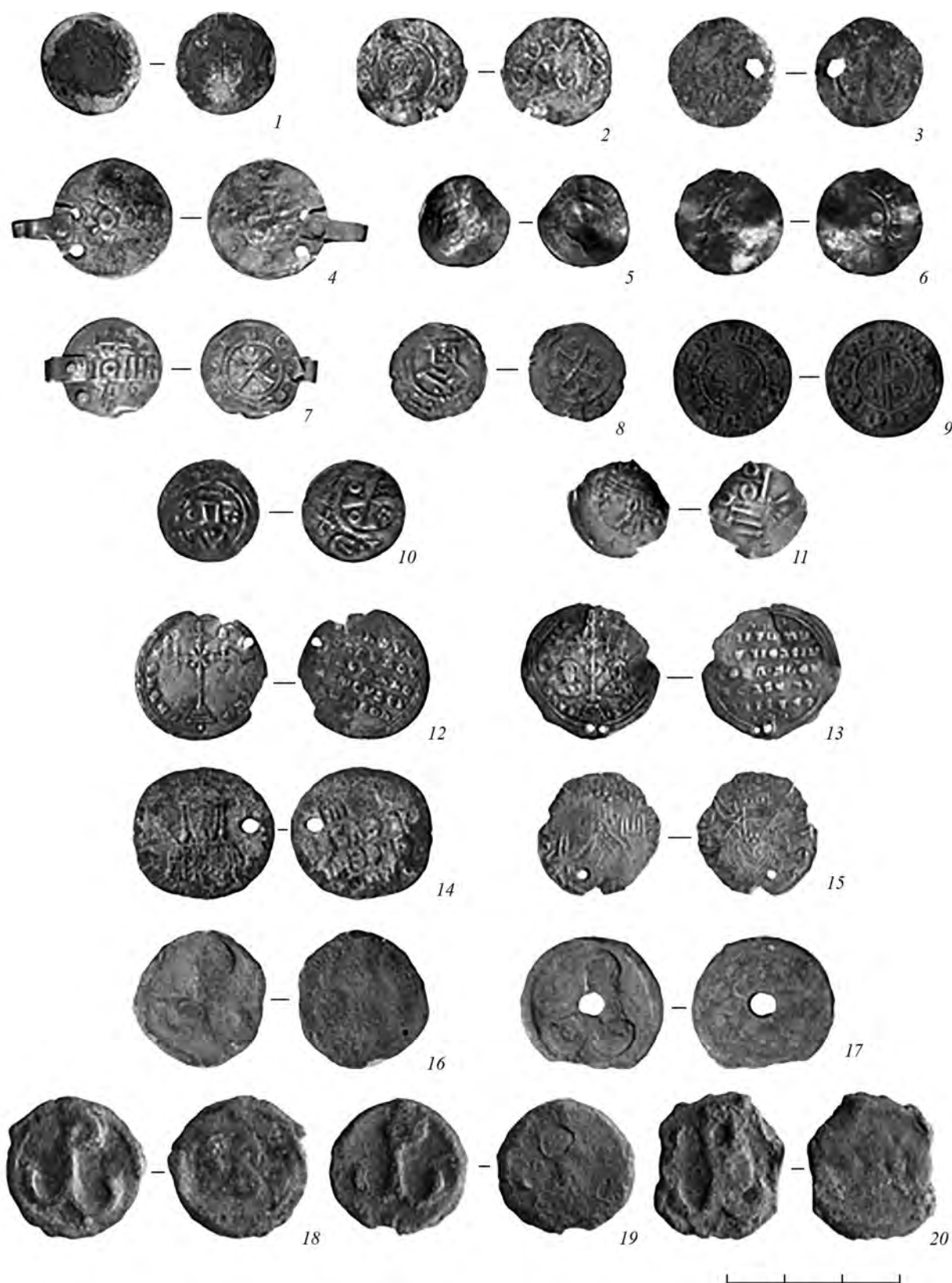

Рис. 3. Денарии и византийские монеты из раскопок и сборов на археологических памятниках Суздальского Ополья. 1 – Большое Давыдовское 2 (табл. 3, 21); 2, 14 – Гнездилово 2 (табл. 3, 7, 8); 3 – Григорово 1 (табл. 3, 29); 4 – Новгородское 6 (табл. 3, 10); 5 – Суворотское 8 (табл. 3, 11); 6 – Шекшово 2 (табл. 3, 22); 7–9 – Шекшово 9 (табл. 3, 25–27); 10, 11, 13, 15 (сребреник), 18–20 – Тарбаево 5–6 (табл. 3, 19, 20, 14–16); 12 – Шекшово 9 (табл. 3, 24); 16 – Тарбаево 6 (табл. 3, 18); 17 – Тарбаево 5 (табл. 3, 17).

Таблица 3. Находки западноевропейских и византийских монет IX–XI вв. на археологических памятниках Суздальского Ополя

№	Памятник	Год находки	Происхождение	Состояние	Определение	Дата (гг.)	Автор определения
1	Суздаль, кремль	1979	Раскопки	Целая монета	Византия. Роман I Лакапин. Фоллис	931–944	В.В. Кротошкин
2	–”–	–”–	–”–	Обломок монеты	Германия. Фризия. Утрехт. Вильгельм де Понте. Денарий	1054–1076	А.С. Беляков
3	–”–	–”–	–”–	Половинка монеты, обломана	Германия. Прирейнские земли. Майнц. Епископ Бардо. Денарий	1031–1051	–”–
4	–”–	–”–	–”–	Целая монета, край частично обломан	Подражание германскому денарию	XI в.	–”–
5	–”–	–”–	–”–	Не сохранилась	Подражание германскому денарию	XI в.	–”–
6	Весь 1, селище	1989	–”–	Целая монета	Подражание английскому денарию (Кнут Великий)	Первая половина XI в.	–”–
7	Гнездилово 2, селище	2014	Сборы, № 415/327	С отверстием (?)	Подражание германскому денарию (Прирейнские земли. Ремаген. Генрих III)	1039–1056, после 1046	П.Г. Гайдуков
8	Гнездилово 2, селище	2014	Сборы, № 207/119	С отверстием	Византия. Роман I Лакапин. Фоллис класса 4	931–944	П.Г. Гайдуков
9	Новоселка Нерльская, могильник	1985	Раскопки, курган 2, погребение 3	Одна четверть, обрезана	Германский (?) денарий	XI в.	А.С. Беляков
10	Новгородское 6, селище	2012	Сборы, № 11	Целая монета с ушком и двумя отверстиями	Германия. Прирейнские земли. Кёльн. Оттон II или Оттон III. Денарий	973–983 или 983–1002	П.Г. Гайдуков
11	Суворотское 8, селище	2015	Сборы, № 7	Без отверстий, смятая	Денарий, требует определения	–	–”–
12	Ратническое 4	2007	Сборы, № 301	С ушком, петля обломана	Германия. Прирейнские земли. Майнц. Оттон III. Денарий (или подражание?)	983–1002	–”–

Таблица 3. Продолжение

№	Памятник	Год находки	Происхождение	Состояние	Определение	Дата (гг.)	Автор определения
13	Тарбаево 5–6, селище	До 2009	Несанкционированные раскопки, № АВ-3061	Целая монета, с двумя отверстиями	Византия. Василий II и Константин VIII. Милиарисий класса Па	977–989	–”–
14	–”–	–”–	Несанкционированные раскопки, № АВ-3063	Целая монета	Византия. Херсон. Роман IV. Медная монета с монограммой “PO”	1068–1071	–”–
15	–”–	–”–	Несанкционированные раскопки, № АВ-3064	–”–	–”–	–”–	–”–
16	–”–	–”–	Несанкционированные раскопки, № АВ-3065	–”–	–”–	–”–	–”–
17	Тарбаево 5, селище	2011	Сборы, № 301	Целая монета с отверстием в центре	–”–	–”–	–”–
18	Тарбаево 6, селище	2011	Сборы, № 42	Целая монета	–”–	–”–	–”–
19	Тарбаево 5–6, селище	До 2009	Несанкционированные раскопки, № АВ-3062	Целая монета	Германия. Саксония. Оттон III и Адельгейда. Денарий	991–995	–”–
20	Тарбаево 5–6, селище	До 2009	Несанкционированные раскопки, № АВ-3807	Целая монета, края частично обломаны	Германия. Прирейнские земли. Кёльн. Генрих II. Фальшивая медная монета	1002–1024	–”–
21	Большое Давыдовское 2, селище I	2010	Раскопки, № 18	Целая монета	Денарий, требует определения	–	–”–
22	Шекшово 2, селище	2013	Сборы, № 505	Целая монета, без ушка (?)	Германия. Саксония. Оттон III и Адельгейда. Денарий	Около 983–991	–”–

Таблица 3. Окончание

№	Памятник	Год находки	Происхождение	Состояние	Определение	Дата (гг.)	Автор определения
23	Шекшово 2, селище	2014	Сборы, № 1152–259	Целая монета	Германия, Майнц или Шпаер. Денарий	1020–1030-е	–”–
24	Шекшово 9, могильник	2013	Сборы, № 151	Целая монета, с ушком	Византия. Константин VII Порфирогенет. Милиарисий	945–959	–”–
25	–”–	2011	Сборы	Целая монета, с ушком	Германия. Прирейнские земли. Кёльн. Оттон I. Денарий	936–962	–”–
26	–”–	2013	Раскопки, № 32	Целая монета	Германия. Прирейнские земли. Чекан региона Франконии. Оттон II или Оттон III. Денарий	973–1002	–”–
27	–”–	2014	Раскопки, погребение 12	Целая монета, с остатками заклёпки для подвешивания	Англия. Этельред II. Лондон. Монетчик Леофнод. Денарий типа С	991–997	–”–
28	Сунгирь, селище	1954	Раскопки	Целая монета, с отверстием	Германия. Саксония. Герцог Ордульф или Отто. Денарий	1059–1071	В.Л. Янин
29	Григорово 1, селище	2015	Сборы	Целая монета, с отверстием	Германия. Саксония. Евер. Граф Герман. Денарий	1059–1086	П.Г. Гайдуков
30	Львово 3, селище	2015	Сборы, № 8	Целая монета, край частично обломан	Подражание германскому денарию (Саксония. Вормс. Генрих III)	1039–1056	П.Г. Гайдуков

около половины монеты, 1 – аккуратный обрезок монеты, составляющий $\frac{1}{4}$. Шесть экземпляров имеют ушки или отверстия для подвешивания, у семи целых монет ушки и отверстия отсутствуют, в ряде случаев наличие или отсутствие ушек не может быть точно определено, так как края монет обломаны. Обрезанная четверть монеты происходит из одного из погребений могильника Новоселки. Таким образом, денарии, как и дирхемы, использовались в качестве украшений и находились в обороте как деньги. Оценивая количественное соотношение между дирхемами и денариями следует отметить, что участки с культурным слоем XI – начала XII в. в Суздальском Ополе не уступают по своей площади участкам с напластованиями IX–X вв., периода основного обращения дирхемов. Таким образом, более чем трехкратное преобладание дирхемов над денариями отражает реальное сокращение ввоза монеты в Волго-Клязьменское междуречье в XI в.

Византийских монет всего девять (рис. 3, 12–14, 16–20), включая пять медных херсонской чеканки, часть этих находок уже опубликована (Седова, 1997. С. 181; Родина, 2012. С. 86, 87). Среди них – два византийских милиарисия – Константина VII Порфирогенета 945–959 гг. (рис. 3, 12) и Василия II и Константина VIII класса IIa 977–989 гг. (рис. 3, 13); два фоллиса – императора Романа I Лакапина класса 4 931–944 гг. (рис. 3, 14). Оба милиарисия и один из фоллисов имеют отверстия, свидетельствующие, что они использовались в качестве подвесок (рис. 3, 12–14). Еще пять медных монет – с монограммой имени императора Романа “PO” на лицевой стороне и плохо читаемым изображением шестиконечного креста на оборотной (рис. 3, 16–20). Подобные монеты выпускались в Херсоне в XI–XII вв., изготавливались путем отливки (Анохин, 1977. С. 123, 124; Наследие византийского Херсона..., 2011. С. 569). Одна из монет, с четко выписанной монограммой и просматривающимся крестом на оборотной стороне (рис. 3, 18), может быть отнесена к выпускам Романа IV 1068–1071 гг. (Анохин, 1977. С. 165. № 457), остальные, с плохо читаемой монограммой и практически невидимым крестом, изготовлены в сильно сработанных формах и принадлежат к выпускам последней четверти XI и, возможно, XII в. (Анохин, 1977. С. 165, 166. № 461–464)¹. Еще одна монета имеет отверстие в центре, очевидно, служившее для крепления или использования ее в качестве пуговицы (рис. 3, 17). В Херсоне монеты с монограммой PO, отлитые в сильно изношенных формах, оставались в обращении до XIII в.; известны случаи использования подобных

монет в качестве пуговиц. Все пять херсонских монет происходят из Тарбаевского археологического комплекса: три переданы в музей копателями, две собраны при обследовании селищ сотрудниками Суздальской археологической экспедиции; есть сведения, что еще три монеты, оказавшиеся в руках копателей, утрачены. При обследовании селищ монеты были найдены на двух удаленных друг от друга участках. Анонимные монеты херсонского выпуска – исключительно редкие находки на памятниках Северо-Восточной Руси, вероятно, экземпляры с монограммой PO из Тарбаевского комплекса попали на север как одна партия вещей.

Хорошо известно, что ввоз византийских монет в Центральную и Восточную Европу имел скромные масштабы в сравнении с ввозом куфических и западноевропейских – этот факт убедительно подтверждают недавние сводки находок с территории Чехии, Польши и Эстонии (Profantova, 2009; Gliksman, 2009; Leimus, 2009). Характер использования византийских медных монет, ввозившихся на Русь в IX–XI вв., остается предметом активного обсуждения, оживившегося после публикации новых находок из Гнёздова, с Рюрикова городища и других памятников (Ениосова, Пушкина, 2012. С. 38–45; Носов, 2012. С. 109; Леонтьев, 2008; Мусин, 2010. С. 35–45). При этом внимание акцентируется обычно на том, что византийские медные монеты не использовались как платежное средство, а ввозились, прежде всего, как память о дальних путешествиях; своеобразные сувениры, возможно, сырье для ювелирного производства. Отмечалось также, что монеты могли использоваться в качестве гирек (Ениосова, Пушкина, 2012. С. 41). Н.В. Ениосова и Т.А. Пушкина справедливо указали на значительный хронологический разрыв между временем чекана некоторых византийских монет, найденных на древнерусских памятниках, и датировкой археологических комплексов, в которых они обнаружены (2012. С. 43–45). Это наблюдение вступает в противоречие с распространенным мнением о том, что период использования византийских монет был недолгим, и находки их могут быть непосредственно соотнесены с историческими событиями – военными походами и посольствами, близкими времени их выпуска. О том, что медные монеты не были полностью выключены из сферы торговли, свидетельствуют находки четырех таких монет в кошельке в одном из камерных погребений Киева, открытом под церковью Александра Невского (Ivliev, 2009. P. 659–666; Ениосова, Пушкина, 2012).

Из Тарбаевского комплекса происходит серебряник Владимира Святославича, несущий на лицевой стороне погрудное изображение князя с трезуб-

¹ Авторы признательны Н.А. Алексеенко за помощь в атрибуции монет.

цем над левым плечом, а на обороте – погрудное изображение Христа (рис. 3, 15). Монета использовалась в качестве подвески, над головой Христа пробито сквозное отверстие (Родина, 2012. С. 86, 87; Макаров, 2012. С. 209, 210). Сребреник относится к типу I, выпуск подобных монет, согласно М.П. Сотниковой и И.Г. Спасскому, производился в Киеве около 989 г. (1983. С. 64–69, 81, 121–139). Это единственная находка сребреника Владимира на территории Северо-Восточной Руси.

Прием серебряной монеты в IX–XI вв. наряду со счетом предполагал ее взвешивание; гирьки и веса для малых взвешиваний рассматриваются как предметы, необходимые прежде всего для определения веса серебра при осуществлении торговых операций (Янин, 1956. С. 174, 175; Steuer, 1997. S. 9–11, 342–356; Pedersen, 2008. P. 119–198; Kilger, 2011. P. 259–275; Brather, 2010. P. 152–155; Kilger, 2010. P. 165–169). Стандартное оформление гирек, откалиброванных для взвешивания монеты, имело важное значение как элемент общей торговой субкультуры, призванный обеспечить большее доверие участников сделок (Gustin, 2004; Kilger, 2011. P. 264, 265). На Руси бронзовые гирьки в форме куба со срезанными углами и железные бочонковидные с бронзовой обтяжкой вошли в обиход во второй половине IX в. (Пушкина, 1991. С. 232, 233; Плавинский, 2012. С. 9–13). Помимо гирек стандартных типов в Скандинавии в эпоху викингов широко использовались свинцовые гирьки кубической, призматической, цилиндрической, конической и иных форм без специального оформления (Пушкина, 1991. С. 229–231; Pedersen, 2008. P. 121–125; Haldenby, Kershaw, 2014), однозначное определение отдельных подобных предметов, найденных в качестве гирек, остается под вопросом. На ряде памятников, например в Каупанге, свинцовые гирьки нестандартных форм составляют основную часть торгового инвентаря (Pedersen, 2008. P. 121–125).

На памятниках Суздальского Ополя собраны 27 весовых гирек стандартных типов (рис. 4) и несколько фрагментов весов. В коллекциях присутствуют также отдельные свинцовые и железные предметы, которые, предположительно, могут быть атрибутированы как гирьки нестандартных форм, однако определенно аргументировать принадлежность их к этой категории вещей пока невозможно, поэтому эта группа находок не рассматривается в настоящей публикации. 25 гирек – бочонковидные железные (рис. 4, 1–21), из них 19 покрыты медной обтяжкой или имеют ее следы, на 11 видны точки кратности и орнамент на торцевых сторонах. Вес варьирует от 4,7 до 38,1 г, в коллекции присутствуют серии с весом 11,1–11,5 и 27,5–27,9 г, одна-

ко вопросы весовых стандартов и метрологической атрибуции гирек требуют обсуждения с привлечением более обширного материала и не рассматриваются в настоящей работе. Х. Штойер разделил бочонковидные гирьки на несколько типов и подтипов по форме и характеру оформления точек кратности на торцевых сторонах и пришел к выводу, что бочонковидные гирьки некоторых типов были в употреблении в XI–XII вв. (Steuer, 1997. S. 45, 285–320). В соответствии с этой типологией гирьки из суздальских памятников должны быть отнесены к типам B1 (23 экз.: рис. 4, 1, 3–9, 11–21) и B2 (2 экз.: рис. 4, 2, 10). В суздальской коллекции представлена гирька подвида B1 ранний (рис. 4, 4), время бытования которого Х. Штойер определяет как конец IX – X в., шесть гирек подвида B1 средний (XI в.) (рис. 4, 2, 3, 14, 15) и одна гирька подвида B1 поздний (конец XI – начало XIII в.) (рис. 4, 8). В рамках XI – начала XIII в. датируются и гирьки типа B2. Две гирьки из суздальской коллекции – бронзовые 14-гранные в форме куба со срезанными углами с точками кратности на гранях (рис. 4, 22) – должны быть отнесены к типу А, время их бытования на Севере Европы определяется в пределах конца X – середины XI в. (Steuer, 1997. S. 320). Находки гирек зафиксированы на 14 памятниках – 11 поселениях и 3 могильниках – в 10 локальных группах. Наиболее крупные серии гирек происходят из Шекшово – с поселения и могильника (10 экз.), с селищ Тарбаевского комплекса (3 экз.) и из Гнездилово (3 экз.), в Суздале при раскопках найдена лишь одна гирька (Седова, 1997. С. 181. Рис. 70, 4). Гирьки трижды встречены в могильниках в мужских погребениях по обряду ингумации (Сунгирь, погр. 5; Новоселки, кург. 3, погр. 2; Шекшово 9, погр. 2) в составе погребального инвентаря: в двух случаях они находились в кошельках, в одном – вместе с монетой. Из сборов на площадке могильника Шекшово происходит фрагмент чашечки весов, с поселения Гнездилово 2 – фрагмент коромысла весов, ранее фрагменты коромысла весов и чашечка были найдены при раскопках в Суздале (Седова, 1997. С. 181) и на селище Гнездилово 2 (Макаров, 2009. С. 56, 57). Большинство весовых гирек, как и монет, происходят из нарушенного распашкой слоя, что затрудняет их датирование. Два погребальных комплекса, в составе которых присутствуют гирьки (в Новоселках и Шекшово), датируются первой половиной XI в., усадьба А1 в Суздальском кремле, с которой связана находка чашечки весов, датирована М.В. Седовой XI в. (1997. С. 95). Очевидно, гирьки и веса для малых взвешиваний использовались в Суздальском Ополе как в X, так и в XI в., что соответствует современным представлениям о времени бытования их на Севере Европы.

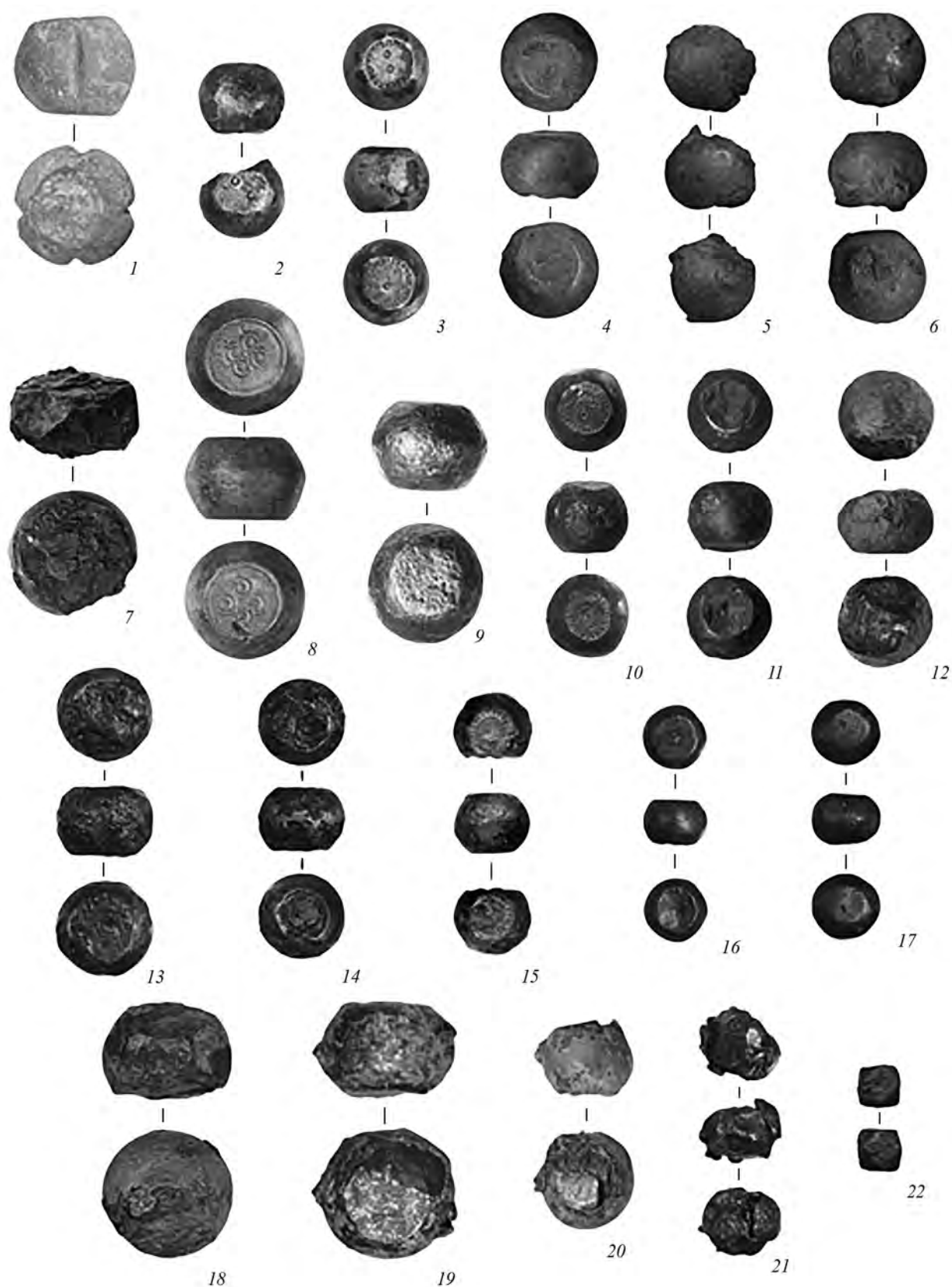

Рис. 4. Весовые гирьки из раскопок и сборов на археологических памятниках Суздальского Ополя. 1 – Большое Давыдовское 2; 2, 3 – Гнездилово 2; 4 – Григорово 1; 5, 6 – Кубаево 6; 7 – Парша 3; 8 – Суворотское 8; 9 – Сунгирь; 10, 11 – Тарбаево 5; 12 – Тарбаево 6; 13–17 – Шекшово 2; 18–22 – Шекшово 9.

Хотя гирьки и весы для малых взвешиваний традиционно рассматриваются как одна из важных категорий вещевых материалов, характеризующих культуру и экономику Руси IX–XI вв., значимых для выделения торгово-ремесленных и раннегородских поселений, посвященные именно ей работы немногочисленны (наиболее подробная: Пушкина, 1991) и не дают возможности оценить частоту встречаемости этих предметов и их распространенность на памятниках разного иерархического статуса. Наиболее крупные серии торгового инвентаря, известные сегодня по публикациям, происходят из Гнёздовских (14 весов, 77 гирек) и Тимеревских курганов (Пушкина, 1991. С. 230–232; Недошивина, Зозуля, 2012. С. 188). Т.А. Пушкина высказала мнение, что гирьки и весы для малых взвешиваний, связанные со специфической экономикой торгово-ремесленных центров, лишь sporadически использовались на поселениях Смоленского Поднепровья за пределами Гнёздовского поселения (1991. С. 233, 234), однако публикация торгового инвентаря из Полоцкой земли (Плавинский, 2012) показывает, что бытование этих предметов не было ограничено раннегородскими поселениями. Коллекция гирек из Суздальского Ополя численно существенно уступает находкам из Гнёздова и раннегородских центров Северной Европы, сведения о которых приведены в книге Х. Штоейра (Steuer, 1997. S. 19, 20), тем не менее это весьма представительная серия находок, заметная на общедревнерусском фоне.

Таким образом, полевые исследования последнего десятилетия в Суздальском Ополе документируют заметную концентрацию здесь монетного серебра IX–XI вв. Корректные количественные сравнения с другими районами и памятниками затруднены, поскольку пути формирования коллекций и методики сбора материала на разных памятниках были разными. Нумизматическая коллекция из Суздальского Ополя в 4 раза меньше коллекции из Гнёздова (Пушкина и др., 2012. С. 262) и в 1.5 – коллекции, собранной на Рюриковом городище (Гайдуков и др., 2007. С. 82–88), однако в составе этих собраний учтены случайные находки и монеты из несанкционированных раскопок, находящихся в частных руках. В то же время суздальская коллекция близка по своим размерам коллекции из Каупанга (Kilger, 2008), коллекциям из Тиссё – одного из наиболее исследованных центров власти эпохи викингов в Зеландии (Дания) (Jørgensen, 2006. P. 196–203) и селищ Ильменского Поозерья (Гайдуков, Молчанов, 2005. С. 266–274). Присутствие значительного количества монет в последнее время зафиксировано на целом ряде поселений Балтийского региона, территория которых обследована

с использованием металлодетекторов. Среди памятников Северо-Восточной Руси известен пока лишь один, из культурного слоя которого происходит серия монет, сопоставимая по своей численности с суздальской коллекцией, – поселение Крутик на Шексне (Захаров, 2012. С. 225, 226). Однако собрание монетных находок Крутика (65 экз.) включает значительное количество очень мелких обломков и обрезков, полученных в результате промывки, которые невозможно извлечь из пахотного слоя при обследовании селищ с металлодетектором.

Монеты использовались в качестве украшений, находились в обращении как денежное средство и служили источником металла для ювелиров, при этом функции их могли легко меняться. Более половины дирхемов, денариев и византийских монет имеют ушки и отверстия для подвешивания, указывающие на использование их в costume в качестве подвесок. Фрагментация монет, находки их в кошельках и совместная встречаемость дирхемов, денариев и весовых гирек на многих поселениях могут рассматриваться как отражение употребления монет как платежного средства.

Город Суздаль, возникший, согласно М.В. Седовой, в X в., не является в Ополе основной точкой концентрации монетных находок. Эта ситуация не может быть объяснена лишь тем, что основные раскопки в Суздальском кремле проводились в годы, когда металлодетекторы еще не использовались в археологии для сбора мелких металлических вещей, она отражает реальное распределение монет. Основная масса монет и весовых гирек собрана на больших поселениях – крупных поселенческих комплексах X–XI вв. и связанных с ними некрополях (табл. 1; рис. 1). Находки монет зафиксированы на семи подобных поселенческих комплексах (Васильково, Весь 1–5, Гнездилово 2, Тарбаево, Шекшово, Суворотское 8, Григорово) и в трех близлежащих могильниках (Васильково 4, Шекшово 9, Сунгирь). Лишь восемь монет обнаружены при обследовании поселений небольшой площади (Ратницкое 4, Гнездилово 7, Кибол 7, Яновец 1, Новгородское 6, Лыково 1), не входящих в состав больших поселений. Стоит отметить, что подобное соотношение находок, происходящих из раннегородского центра и остальной сети поселений, существенно отличается от распределения монет в Приильменье, где находки с Рюрикова городища намного более многочисленны, чем находки на селищах. Наиболее крупная серия монетных находок в Суздальском Ополе происходит из Шекшовского комплекса (43 экз.), однако в настоящее время трудно дать однозначный ответ на вопрос, в какой мере данный факт отражает особое положение этого центра, а в какой – большую его исследо-

ванность по сравнению с другими большими поселениями. Существенно, что в обиходе обитателей больших поселений находилось не только серебро, поступавшее в Волго-Клязьменское междуречье в результате торговых операций, но и византийские медные монеты, не имевшие денежной стоимости, которые правомерно скорее рассматривать как память о дальних путешествиях или предметы, обладающие определенным символическим значением.

Хронологический состав коллекции указывает на то, что основной приток монетного серебра в Суздальское Ополье приходится на X в. Присутствие восточных монет в центре Суздальской земли в более раннее время – в IX в. – документировано пока находками лишь на двух памятниках – городище Выжегша и селище Весь V. Хронологическое распределение восточных монет, таким образом, сходно с распределением их на памятниках Белоозерья, где почти три четверти всех монет составляют дирхемы, чеканенные в X в. (Захаров, 2012. С. 225, 226), и отличается от распределения на Рюриковом городище, в коллекции которого преобладают аббасидские дирхемы IX в.

Относительная малочисленность западноевропейских денариев в центре Суздальской земли выявляется не только при сравнении их с находками дирхемов X в. в Ополье, но и при сравнении с находками денариев в Новгороде, на памятниках Верхнего Поволжья (Степанова, 2011) и Белоозерья (Захаров, 2004. С. 158. Табл. 102; Макаров, 1990. С. 98–102, 120; 2009. С. 55, 57). Пример Белоозерского региона особенно выразителен: при раскопках Мининского археологического комплекса, одного из локальных центров расселения на Кубенском озере, было собрано почти столько же денариев (16 экз.), сколько на всех суздальских памятниках. Между тем Суздальское Ополье в XI в., несомненно, представляло собой один из наиболее богатых и густонаселенных районов Северо-Восточной Руси. Трудно усомниться в том, что подъем Суздаля и больших поселений Ополья в этот период сопровождался увеличением объема и интенсивности торговли. Можно полагать, что западноевропейские денарии, оставаясь в обращении, не были основным платежным средством в этих торговых операциях, в особенности при осуществлении крупных сделок. Очевидно, они были более востребованы на севере, на периферии Северо-Восточной Руси, в тех районах, где в XI в. продолжалась добыча пушнины как привычного средства расчетов между промысловиками и торговцами мехами.

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проекты № 14-06-0042а, 14-06-1003к).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). Киев: Наукова думка, 1977. 202 с.
- Гайдуков П.Г., Молчанов А.А. Новые находки куфических монет в Ильменском Поозерье // Центральная Азия: источники, история, культура: матер. Междунар. науч. конф., посв. 80-летию Е.А. Давидович и Б.А. Литвинского (Москва, 3–5 апреля 2003 г.). М.: Восточная литература, 2005. С. 266–274.
- Гайдуков П.Г., Молчанов А.А., Носов Е.Н. Находки восточных монет VI–X вв. на Новгородском (Рюриковом) городище // У истоков русской государственности: К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова городища и Новгородской областной археологической экспедиции: историко-археол. сб.: матер. Междунар. науч. конф. 4–7 октября 2005 г., Великий Новгород. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 81–88.
- Енисова Н.В., Пушкина Т.А. Находки византийского происхождения из раннегородского центра Гнёздово в свете контактов между Русью и Константинополем в X в. // Сугдейский сборник. Вып. V: матер. V Судацкой междунар. науч. конф. “Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре” (г. Судак, 23–24 сентября 2010 г.). Киев; Судак: Горобец, 2012. С. 34–85.
- Зайцева И.Е. Изделия из цветных металлов и серебра // Археология севернорусской деревни X–XIII вв.: Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. Т. II: Материальная культура и хронология / Ред. С.Д. Захаров. М.: Наука, 2008. С. 57–142.
- Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик, 2004. 392 с.
- Захаров С.Д. Средневековый культурный слой поселений: методы и приемы исследований // Археология севернорусской деревни X–XIII вв.: Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. Т. I: Средневековые поселения и могильники / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: Наука, 2007. С. 76–95.
- Захаров С.Д. Методика промывки культурного слоя средневековых памятников // Новые исследования по археологии стран СНГ и Балтии: Материалы Школы молодых археологов: Кириллов, 3–12 сентября 2011 г.: сб. / Отв. ред. и сост. В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН, 2011. С. 211–238.
- Захаров С.Д. Белоозеро // Русь в IX–X вв.: Археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 212–240.
- Липин В.А. Археологический комплекс у с. Гнездилово под Суздалем // КСИА. 1989. Вып. 195. С. 66–71.
- Леонтьев А.Е. Городище Выжегша и происхождение Выжегшевского клада // Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси): сб. науч. тр. / Отв. ред. М.В. Седова. М., 1988. С. 94–102.
- Леонтьев А.Е. Пужбол, Шурскол и Согило: археологические данные к истории поселений Ростовской округи // Сельская Русь в IX–XIV веках: сб. ст. / Отв. ред.

- Н.А. Макаров, С.З. Чернов; сост. И.Н. Кузина. М.: Наука, 2008. С. 74–81.
- Макаров Н.А. Население Русского Севера в XI–XIII вв.: по материалам могильников Восточного Прионежья / Отв. ред. В.В. Седов М.: Наука, 1990. 216 с.
- Макаров Н.А. Мининский археологический комплекс на фоне древнерусских селищ лесной полосы Восточной Европы: общее и особенное // Археология севернорусской деревни: Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. Т. 3: Палеоэкологические условия, общество и культура / Отв. ред. Н.А. Макаров; сост. Е.И. Зайцева. М.: Наука, 2009. С. 55–59.
- Макаров Н.А. Суздальское Ополе // Русь в IX–X вв.: Археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 194–211.
- Макаров Н.А., Леонтьев А.Е., Шполянский С.В. Средневековое расселение в Суздальском Ополе // РА. 2004. № 1. С. 19–34.
- Макаров Н.А., Федорина А.Н., Шполянский С.В. Земля и город: средневековые селища в округе Владимира-на-Клязьме // РА. 2013. № 4. С. 58–74.
- Мусин А.Е. Находки Херсоно-Византийских монет на территории Древней Руси и “Пути из варяг в греки” // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 35–45.
- Наследие византийского Херсона: К 185-летию раскопок Херсонеса Таврического / Науч. ред. В. Залеская, Т. Яшаева, А. Рабинович. Севастополь: Телескоп; Остин: Институт клас. арх. Техас. ун-та, 2011. 708 с.
- Недошивина Н.Г., Зозуля С.С. Курганы Ярославского Поволжья // Русь в IX–X веках: Археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 179–193.
- Носов Е.Н. Новгородская земля: Северное Приильменье и Поволховье // Русь в IX–X вв.: Археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 92–122.
- Нумизматические находки X–XVII веков из археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника: Каталог / Сост. О.Ю. Захарова, Н.А. Князева, Н.А. Кокорина, А.Н. Пальцева. Владимир, 2013. 76 с.
- Плавинский Н.А. Находки весов и гирек-разновесов на территории Полоцкой земли (конец IX – XI в.) // Банкаўскі веснік. 2012. № 7 (552). Март (Статейный). Спецвыпуск: матер. Междунар. нумизмат. конф. “Деньги и банки на территории Беларуси: история и современность”, 28–30 сентября 2011 г. Ч. 2. Минск: Изд. центр Нац. Банка; РУП “Минсктипроект”, 2012. С. 9–13.
- Пушкина Т.А. Торговый инвентарь из курганов Смоленского Поднепровья // Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города): сб. / Ред. Д.А. Авдусин. М.: МГУ, 1991. С. 226–243.
- Пушкина Т.А. Нумизматические материалы из раскопок Гнёздова // Великий Новгород в истории средневековой Европы: к 70-летию В.Л. Янина / Ред. А.А. Гиппиус, Е.Н. Носов, А.С. Хорошев. М.: Русские словари, 1999. С. 405–418.
- Пушкина Т.А., Мурашева В.В., Енисосова Н.В. Гнёздовский археологический комплекс // Русь в IX–X вв.: Археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 242–273.
- Родина М.Е. Международные связи Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. (по материалам Ростова, Суздаля, Владимира и их округи): ист.-археол. очерки. Владимир: Аркаим, 2004. 207 с.
- Родина М.Е. Находки с селищ у с. Тарбаево близ Суздаля в собрании Владимиро-Суздальского музея-заповедника // Археология Владимиро-Суздальской земли. 2012. Вып. 5. С. 86–94.
- Седова М.В. Суздаль в X–XV вв. М.: Русский мир, 1997. 235 с.
- Сотникова М.П., Спасский И.Г. Тысячелетие древнейших монет России: сводный каталог русских монет X–XI вв. Л.: Искусство, 1983. 240 с.
- Степанова Ю.В. Монеты в древнерусских погребениях Верхневолжья // Вестн. ТГУ. 2011. № 31. Сер. “История”. Вып. 4. С. 15–38.
- Уваров А.С. Меряне и их быт по курганным раскопкам. М.: Синодальная типография, 1872. 230 с.
- Янин В.Л. Денежно-весовые системы Русского средневековья. Домонгольский период. М.: МГУ, 1956. 208 с.
- Brather S. Silver, weights and scales around the Baltic, 8th to 11th centuries // Trade and communication networks of the first millennium AD in the northern part of Central Europe: Central places, Beach Markets, Landing Places and Trading Centers / Eds B. Ludowici, H. Jöns, S. Klinggärtner, Jo. Scheschkewitz, M. Hardt. Hannover, 2010 (Neue Studien zur Sachsenforschung; Bd. 1). P. 143–164.
- Brather S. Frühmittelalterliche Dircham-chatzfunde in Europa. Problem ihrer wirtschaftsgeschichtlichen Interpretation aus archäologischer Perspektive // Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters, Jahrg. 1995/1996. 23/24. S. 73–153.
- Gustin I. Mellan gåva och marknad. Handel, tillit och materiell kultur under vikingatid. Lund; Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 2004 (Lund studies in Medieval Archaeology; 34). 360 s.
- Gliksmann A. Some remarks on the beginning of influx of Byzantine coins into Wielkopolska in the 10th century // Byzantine coins in Central Europe between the 5th and the 10th century: proceedings from the conference organized by Polish Academy of Arts and Sciences and Institute of Archaeology University of Reszów under the patronage of Union Académique Internationale (Programme № 57 Moravia Magna). Kraków, 23–26 IV 2007 / Ed. M. Wołoszyn. Kraków 2009 (Moravia Magna; Seria Polonia, 3). P. 605–623.
- Haldenby D., Kershaw J. Viking-Age Lead Weights from Cottam // Yorkshire Archaeological Jr. 2014. V. 86. P. 106–123.
- Ivliev M. A remarkable 10th century warrior burial from the tumulus on the territory of Prince Vladimir’s town in

- Kyiv, Ukraine // Byzantine coins in Central Europe between the 5th and the 10th century: Proceedings from the conference organized by Polish Academy of Arts and Sciences and Institute of Archaeology University of Reszów under the patronage of Union Académique International (Programme № 57 Moravia Magna). Kraków, 23–26 IV 2007 / Ed. M. Wołoszyn. Kraków 2009 (Moravia Magna; Seria Polona, 3). P. 659–666.
- Jørgensen L.* Tracking down the aristocracy. Distribution patterns and coin use at the Viking manor and market at Lake Tissø, Denmark // 6th Nordic Numismatic Symposium. Single finds: the Nordic Perspective / Eds H.W. Horsnæs, J.C. Moesgaard. Copenhagen, 2006 (Nordic Numismatic Jr.; 2000–2002). P. 190–204.
- Kilger C.* Kaupang from afar. Aspects of the interpretation of dirham finds in Northern and Eastern Europe between the late VIII and early Xth centuries // Means of Exchange: Dealing with Silver in the Viking Age / Ed. D. Skre (Kaupang Excavation Project Publication Ser.; V. 2) (Norske Oldfunn; XXIII). Århus: Aarhus University Press, 2008. P. 199–252.
- Kilger C.* General comment on: Silver, weights and scales around the Baltic, 8th to 11th centuries (S. Brather) // Trade and communication networks of the first millennium AD in the northern part of Central Europe: Central places, Beach Markets, Landing Places and Trading Centers / Hannover: Niedersächsisches Landesmuseum, 2010 (Neue Studien zur Sachsenforschung; Bd.1). P. 165–169.
- Kilger C.* Hack-Silver, Weights and Coinage: the Anglo-Scandinavian Bullion Coinages and their Use in Late Viking-Age Society // Silver Economies, Monetisation and Society in Scandinavia AD 800–1100 / Eds J. Graham-Campbell, S. Sindbæk, G. Williams. Århus: Aarhus University Press, 2011. 380 p.
- Leimus I.* Funde byzantinischer münzen in Estland // Byzantine coins in Central Europe between the 5th and 10th century: Proceedings from the conference organized by Polish Academy of Arts and Sciences and Institute of Archaeology University of Reszów under the patronage of Union Académique International (Programme № 57 Moravia Magna). Kraków, 23–26 IV 2007 / Ed. M. Wołoszyn. Kraków 2009 (Moravia Magna; Seria Polona, 3). P. 635–651.
- Means of Exchange: Dealing with Silver in the Viking Age / Ed. D. Skre (Kaupang Excavation Project Publication Ser.; V. 2) (Norske Oldfunn; XXIII). Århus: Aarhus University Press, 2008. 380 p.
- Pedersen U.* Weights and balances // Means of Exchange: Dealing with Silver in the Viking Age / Ed. D. Skre (Kaupang Excavation Project Publication Ser.; V. 2) (Norske Oldfunn; XXIII). Århus: Aarhus University Press, 2008. P. 119–195.
- Profantova N.* Byzantine coins from the 9th–10th century from the Czech Republic // Byzantine coins in Central Europe between the 5th and 10th century: Proceedings from the conference organized by Polish Academy of Arts and Sciences and Institute of Archaeology University of Reszów under the patronage of Union Académique International (Programme № 57 Moravia Magna). Kraków, 23–26 IV 2007 / Ed. M. Wołoszyn. Kraków 2009 (Moravia Magna; Seria Polona, 3). P. 581–598.
- Steuer H.* Waagen und Gewichte aus dem mittelalterlichen Schleswig. Funde des 11. bis 13. Jahrhunderts aus Europa als Quellen zur Handels- und Währungsgeschichte. Köln; Bonn: Rheinland-Verlag, 1997 (Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters; Beiheft 10). 442 s.

SILVER ON SETTLEMENTS: COINS AND TRADING IMPLEMENTS OF THE 9TH–11TH CENTURIES AD FROM THE SUZDAL OPOLYE

Nikolai A. Makarov, Pëtr G. Gaidukov, Andrei A. Gomzin

Institute of Archaeology RAS, Moscow
(*nmakarov10@yandex.ru, russianchange@yandex.ru, gomzin_a@mail.ru*)

The paper deals with over 100 items of oriental, western European and Byzantine coins of the 9th–11th centuries excavated in the central part of the Suzdal land, the so-called Suzdal Opolye, during the last 15 years' fieldwork. Dirhams of the 10th century prevail in the collection. The bulk of coins and weights was encountered not in Suzdal proper but at 'big settlements', i.e. large habitation sites of the 10th–11th centuries and cemeteries related to them. It seems likely that such a distribution of finds reflects a special role of big settlements in the economy of North-Eastern Rus.

Keywords: medieval settlements, Rus, Suzdal Opolye, monetary circulation, dirhams, denarii, miliarisii, weights, coin functions.

REFERENCES

- Anokhin V.A., 1977. Monetnoe delo Khersonesa (IV v. do n.e. – XII v. n.e.) [Coinage of Chersonesos in the 4th century BC – 12th century AD]. Kiev: Naukova dumka. 202 p.
- Brather S., 1995/1996. Frühmittelalterliche Dircham-chatzfunde in Europa. Problem ihrer wirtschaftsgeschichtlichen Interpretation aus archäologischer Perspektive. *Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters*, 23/24, pp. 73–153.
- Brather S., 2010. Silver, weights and scales around the Baltic, 8th to 11th centuries. *Trade and communication networks of the first millennium AD in the northern part of Central Europe: Central places, Beach Markets, Landing Places and Trading Centers*. B. Ludowici, ed. Hannover, pp. 143–164 (Neue Studien zur Sachsenforschung, 1).
- Eniosova N.V., Pushkina T.A., 2012. Nakhodki vizantiyskogo proiskhozhdeniya iz rannegorodskogo tsentra Gnezdovo v svete kontaktov mezhdru Rus'yu i Konstantinopolem v X v. [Finds of Byzantine origin from the early urban centre of Gnezdovo in the light of contacts between Rus and Constantinople in the 10th century AD]. *Sugdeyskiy sbornik [The Sugdaia Collection of Papers], V. Materialy V Sudatskoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Prichernomor'e, Krym, Rus' v istorii i kul'ture" [Proceedings of the 5th Sudak International Scholarly Conference 'The Pontic Area, the Crimea and Rus in History and Culture']*. Kiev; Sudak: Gorobets, pp. 34–85.
- Gaydukov P.G., Molchanov A.A., 2005. Novye nakhodki kuficheskikh monet v Il'menskom Poozer'e [New finds of Kufic coins in the Ilmen Lake area]. *Tsentrāl'naya Aziya: istochniki, istoriya, kul'tura: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 80-letiyu E.A. Davidovich i B.A. Litvinskogo [Central Asia: Sources, History and Culture: Proceedings of the International Scholarly Conference Dedicated to the 80th Anniversary of E.A. Davidovich and B.A. Litvinskiy]*. Moscow: Vostochnaya literature, pp. 266–274.
- Gaydukov P.G., Molchanov A.A., Nosov E.N., 2007. Nakhodki vostochnykh monet VI–X vv. na Novgorodskom (Ryurikovom) gorodishche [Finds of oriental coins of the 6th–10th centuries at the Novgorod (Rurik's) settlement]. *U istokov russkoy gosudarstvennosti: K 30-letiyu arkheologicheskogo izucheniya Novgorodskogo Ryurikova gorodishcha i Novgorodskoy oblastnoy arkheologicheskoy ekspeditsii: Istoriko-arkheologicheskii sbornik: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [At the Roots of Russian Statecraft: To the 30th Anniversary of the Archaeological Investigation of the Novgorod Rurik's Settlement and the Novgorod Oblast Archaeological Expedition: A Collection of Historical-archaeological Papers: Proceedings of the International Scholarly Conference]*. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 81–88.
- Gliksmann A., 2009. Some remarks on the beginning of influx of Byzantine coins into Wielkopolska in the 10th century. *Byzantine coins in Central Europe between the 5th and the 10th century: Proceedings from the conference organized by Polish Academy of Arts and Sciences and Institute of*
- Archaeology University of Reszów under the patronage of Union Académique International (*Programme № 57 Moravia Magna*). M. Wołoszyn, ed. Kraków, pp. 605–623 (Moravia Magna; Seria Polona, 3).
- Gustin I., 2004. Mellan gåva och marknad. Handel, tillit och materiell kultur under vikingatid. Lund; Stockholm: Almqvist & Wiksell International. 360 p. (Lund studies in Medieval Archaeology, 34).
- Haldenby D., Kershaw J., 2014. Viking-Age Lead Weights from Cottam. *Yorkshire Archaeological Journal*, 86, pp. 106–123.
- Ivliev M., 2009. A remarkable 10th century warrior burial from the tumulus on the territory of Prince Vladimir's town in Kyiv, Ukraine. *Byzantine coins in Central Europe between the 5th and the 10th century: Proceedings from the conference organized by Polish Academy of Arts and Sciences and Institute of Archaeology University of Reszów under the patronage of Union Académique International (Programme № 57 Moravia Magna)*. M. Wołoszyn, ed. Kraków, pp. 659–666 (Moravia Magna, Seria Polona, 3).
- Jørgensen L., 2006. Tracking down the aristocracy. Distribution patterns and coin use at the Viking manor and market at Lake Tissø, Denmark. *6th Nordic Numismatic Symposium. Single finds: the Nordic Perspective*. H.W. Horsnæs, J.C. Moesgaard, eds. Copenhagen, pp. 190–204 (Nordic Numismatic Journal, 2000–2002).
- Kilger C., 2008. Kaupang from afar. Aspects of the interpretation of dirham finds in Northern and Eastern Europe between the late VIIIth and early Xth centuries. *Means of Exchange: Dealing with Silver in the Viking Age*. D. Skre, ed. Århus: Aarhus University Press, pp. 199–252 (Kaupang Excavation Project Publication Series, 2) (Nordiske Oldfunn, XXIII).
- Kilger C., 2010. General comment on: Silver, weights and scales around the Baltic, 8th to 11th centuries (S. Brather). *Trade and communication networks of the first millennium AD in the northern part of Central Europe: Central places, Beach Markets, Landing Places and Trading Centers*. B. Ludowici, ed. Hannover: Niedersächsisches Landesmuseum, pp. 165–169 (Neue Studien zur Sachsenforschung, 1).
- Kilger C., 2011. Hack-Silver, Weights and Coinage: the Anglo-Scandinavian Bullion Coinages and their Use in Late Viking-Age Society. *Silver Economies, Monetisation and Society in Scandinavia AD 800–1100*. J. Graham-Campbell, ed. Århus: Aarhus University Press. 380 p.
- Lapshin V.A., 1989. Arkheologicheskii kompleks u s. Gnezdilovo pod Suzdalem [An archaeological complex near the village of Gnezdilovo near Suzdal]. *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 195, pp. 66–71.
- Leimus I., 2009. Funde byzantinischer münzen in Estland. *Byzantine coins in Central Europe between the 5th and 10th century: Proceedings from the conference organized by Polish Academy of Arts and Sciences and Institute of Archaeology University of Reszów under the patronage of Union Académique International (Programme № 57*

- Moravia Magna*). M. Wołoszyn, ed. Kraków, pp. 635–651 (*Moravia Magna, Seria Polona*, 3).
- Leont'ev A.E., 1988. Gorodishche Vyzhegsha i proiskhozhdenie Vyzhegsheskogo klada [The Vyzhegsha settlement and the origin of the Vyzhegsha hoard]. *Problemy izucheniya drevnerusskoy kul'tury rassele-nie i etnokul'turnye protsessy na Severo-Vostoke Rusi*: sbornik nauchnykh trudov [Issues of the Study of Old Rus Culture (settling and ethnocultural processes in the Northeastern Rus): A Collection of Papers]. M.V. Sedova, ed. Moscow: IA, pp. 94–102.
- Leont'ev A.E., 2008. Puzhbol, Shurskol i Sogilo: arkheologicheskie dannye k istorii poseleniy Rostovskoy okrug [Puzhbol, Shurskol and Sogilo: The archaeological data on the history of settlements of the Rostov neighbourhood]. *Sel'skaya Rus' v IX–XIV vekakh: sbornik statey [Rural Rus in the 9th–14th centuries: A Collection of Papers]*. N.A. Makarov, S.Z. Chernov, eds., I.N. Kuzina, comp. Moscow: Nauka, pp. 74–81.
- Makarov N.A., Fedorina A.N., Shpolyanskiy S.V., 2013. Zemlya i gorod: srednevekovye selishcha v okruge Vladimira-na-Klyaz'me [Land and city: Medieval settlements in the neighbourhood of Vladimir-on-Klyazma]. *RA [Russian Archaeology]*, 4, pp. 58–74.
- Makarov N.A., 1990. Naselenie Russkogo Severa v XI–XIII vv.: Po materialam mogil'nikov Vostochnogo Prionezh'ya [The Population of the Russian North in the 11th–13th centuries: From the Materials of Cemeteries of the Eastern Onega Lake Area]. V.V. Sedov, ed. Moscow: Nauka. 216 p.
- Makarov N.A., 2009. Mininskiy arkheologicheskiy kompleks na fone drevnerusskikh selishch lesnoy polosy Vostochnoy Evropy: obshchee i osobennoe [The Minino archaeological complex against the background of Old Russian settlements of the forest zone of Eastern Europe: The general and specific traits]. *Arkheologiya severno-russkoy derevni: Srednevekovye poseleniya i mogil'niki na Kubenskom ozere [The Archaeology of the North Russian village: Medieval Settlements and Cemeteries at the Kubenskoe Lake]*, 3. *Paleoekologicheskie usloviya, obshchestvo i kul'tura [Palaeoecological Conditions, Society and Culture]*. N.A. Makarov, ed., E.I. Zaytseva, comp. Moscow: Nauka, pp. 55–59.
- Makarov N.A., 2012. Suzdal'skoe Opol'e [The Suzdal Opolye]. *Rus' v IX–X vv.: Arkheologicheskaya panorama [Rus in the 9th–10th centuries: An Archaeological Panorama]*. N.A. Makarov, ed. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 194–211.
- Makarov N.A., Leont'ev A.E., Shpolyanskiy S.V., 2004. Srednevekovoe rasselenie v Suzdal'skom Opol'e [Medieval settling of the Suzdal Opolye]. *RA [Russian Archaeology]*, 1, pp. 19–34.
- Means of Exchange: Dealing with Silver in the Viking Age. D. Skre, ed. Århus: Aarhus University Press, 2008 (*Kaupang Excavation Project Publication Series*, 2) (*Norske Oldfunn*, XXIII). 380 p.
- Musin A.E., 2010. Nakhodki Khersono-Vizantiyskikh monet na territorii Drevney Rusi i "Puti iz varyag v greki" [Finds of Chersonese-Byzantine coins in Old Rus and on "the route from the Varangians to the Greeks"]. *Dialog kul'tur i narodov srednevekovoy Evropy: K 60-letiyu so dnya rozhdeniya Evgeniya Nikolaevicha Nosova [Dialogue of Cultures and Peoples of medieval Europe: To the 60th anniversary of Evgeniy Nikolaevich Nosov]*. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 35–45.
- Nasledie vizantiyskogo Khersona: K 185-letiyu raskopok Khersonesa Tavricheskogo [The Heritage of Byzantine Chersonese: To the 185th Anniversary of Excavations of Chersoneses Taurica]. V. Zaleskaya, ed. Sevastopol': Teleskop; Ostin: Institut klassicheskoy arkheologii Tekhasskogo universiteta, 2011. 708 p.
- Nedoshivina N.G., Zozulya S.S., 2012. Kurgany Yaroslavskogo Povolzh'ya [Barrows of the Yaroslavl Volga valley]. *Rus' v IX–X vekakh: Arkheologicheskaya panorama [Rus in the 9th–10th centuries: An Archaeological Panorama]*. N.A. Makarov, ed. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 179–193.
- Nosov E.N., 2012. Novgorodskaya zemlya: Severnoe Priil'men'e i Povolkhov'e [The Novgorod land: the northern Lake Ilmen area and the Volkhov River valley]. *Rus' v IX–X vv.: Arkheologicheskaya panorama [Rus in the 9th–10th centuries: An Archaeological Panorama]*. N.A. Makarov, ed. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 92–122.
- Numizmaticheskie nakhodki X–XVII vekov iz arkheologicheskikh kollektсий Gosudarstvennogo Vladimiro-Suzdal'skogo muzeya-zapovednika: Katalog [Numismatic Finds of the 10th–17th Centuries from Archaeological Collections of the State Vladimir-Suzdal Museum-reserve: A Catalogue]. O.Yu. Zakharova, comp. Vladimir, 2013. 76 p.
- Pedersen U., 2008. Weights and balances. *Means of Exchange: Dealing with Silver in the Viking Age*. D. Skre, ed. Århus: Aarhus University Press, pp. 119–195 (*Kaupang Excavation Project Publication Series*, 2) (*Norske Oldfunn*, XXIII).
- Plavinskiy N.A., 2012. Nakhodki vesov i girek-raznovesov na territorii Polotskoy zemli (konets IX–XI v.). [Finds of scales and sets of weights in the territory of the Polotsk land (the late 9th–11th century)]. *Bankaŭski vesnik [The Bank Bulletin]*, 7 (552). *March (Stateynny)*. *Spetsvypusk: Materialy Mezhdunarodnoy numizmaticheskoy konferentsii "Den'gi i banki na territorii Belarusi: istoriya i sovremennost'" [Proceedings of the International Numismatic Conference 'Money and Banking in the territory of Belarus: History and the Present']*, 2, pp. 9–13.
- Profantova N., 2009. Byzantine coins from the 9th–10th century from the Czech Republic. *Byzantine coins in Central Europe between the 5th and 10th century*: Proceedings from the conference organized by Polish Academy of Arts and Sciences and Institute of Archaeology University of Reszów under the patronage of Union Académique International (*Programme № 57 Moravia Magna*). M. Wołoszyn, ed. Kraków, pp. 581–598 (*Moravia Magna, Seria Polona*, 3).

- Pushkina T.A., 1991. Torgovyy inventar' iz kurganov Smolenskogo Podneprov'ya [Trading equipment from barrows of the Smolensk Dnieper valley]. *Smolensk i Gnezdovo (K istorii drevnerusskogo goroda): sbornik [Smolensk and Gnezdovo (On the History of the Old Russian City): A Collection of Papers]*. D.A. Avdusin, ed. Moscow: MGU, pp. 226–243.
- Pushkina T.A., 1999. Numizmaticheskie materialy iz raskopok Gnezdova [Numismatic materials from excavations of Gnezdovo]. *Velikiy Novgorod v istorii srednevekovoy Evropy: k 70-letiyu V.L. Yanina [Velikiy Novgorod in the History of Medieval Europe: To the 70th Anniversary of V.L. Yanin]*. A.A. Gippius, ed. Moscow: Russkie slovari, pp. 405–418.
- Pushkina T.A., Murasheva V.V., Eniosova N.V., 2012. Gnezdovskiy arkhologicheskiy kompleks [The Gnezdovo archaeological complex]. *Rus' v IX–X vv.: Arkheologicheskaya panorama [Rus in the 9th–10th Century: An Archaeological Panorama]*. N.A. Makarov, ed. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 242–273.
- Rodina M.E., 2004. Mezhdunarodnye svyazi Severo-Vostochnoy Rusi v X–XIV vv. (po materialam Rostova, Suzdalya, Vladimira i ikh okrug): istoriko-arkheologicheskie ocherki [International Relations of Northeastern Rus in the 10th–14th centuries (from the materials of Rostov, Suzdal, Vladimir and their vicinities): Historical-archaeological Essays]. Vladimir: Arkaim. 207 p.
- Rodina M.E., 2012. Nakhodki s selishch u s. Tarbaevo bliz Suzdalya v sobranii Vladimiro-Suzdal'skogo muzeyazapovednika [Finds from habitation sites near the village of Tarbaevo in the vicinity of Suzdal in the collection of the Vladimir-Suzdal Museum]. *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoy zemli [The Archaeology of the Vladimir-Suzdal Land]*, 5. S.V. Shpolyanskiy, comp. Moscow: IA RAN, pp. 86–94.
- Sedova M.V., 1997. Suzdal' v X–XV vv. [Suzdal in the 10th–15th Centuries]. Moscow: Russkiy mir. 235 p.
- Sotnikova M.P., Spasskiy I.G., 1983. Tysyacheletie drevneyshikh monet Rossii: svodnyy katalog russkikh monet X–XI vv. [The Thousandth Anniversary of the Earliest Russian Coins: A Collated Catalogue of Russian Coins of the 10th–11th Centuries]. Leningrad: Iskusstvo. 240 p.
- Stepanova Yu.V., 2011. Monety v drevnerusskikh pogrebeniyakh Verkhnevolzh'ya [Coins in Old Russian burials of the Upper Volga reaches]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tver State University]*, 31. Seriya "Istoriya" [Series "History"], 4, pp. 15–38.
- Steuer H., 1997. Waagen und Gewichte aus dem mittelalterlichen Schleswig. Funde des 11. bis. 13. Jahrhunderts aus Europa als Quellen zur Handels- und Währungsgeschichte. Köln; Bonn: Rheinland-Verlag. 442 p. (Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters, 10).
- Uvarov A.S., 1872. Meryane i ikh byt po kurgannym raskopkam [The Merya and their Daily Life from Barrow Excavations]. Moscow: Sinodal'naya tipografiya. 230 p.
- Yanin V.L., 1956. Denezhno-vesovye sistemy Russkogo srednevekov'ya. Domongol'skiy period [Monetary and Weight Systems of the Russian Middle Ages. The Pre-Mongol Period]. Moscow: MGU. 208 p.
- Zakharov S.D., 2004. Drevnerusskiy gorod Beloozero [The Old Russian Town of Beloozero]. Moscow: Indrik. 392 p.
- Zakharov S.D., 2007. Srednevekovyy kul'turnyy sloyposeleniy: metody i priemy issledovaniy [Medieval occupation deposit at settlements: methods and techniques of the study]. *Arkheologiya severnorusskoy derevni X–XIII vekov: Srednevekovye poseleniya i mogil'niki na Kubenskom ozere [The Archaeology of the North Russian village: Medieval Settlements and Cemeteries at the Kubenskoe Lake]*, 1. Poseleniya i mogil'niki [Settlements and Cemeteries]. N.A. Makarov, ed. Moscow: Nauka, pp. 76–95.
- Zakharov S.D., 2011. Metodika promyvki kul'turnogo sloysrednevekovykh pamyatnikov [Methods of irrigation of occupation deposit of medieval sites]. *Novye issledovaniya po arkheologii stran SNG i Baltii: materialy Shkoly molodykh arkheologov: sbornik [Recent Studies on the Archaeology of CIS Countries and the Baltic: Proceedings of the School of Young Archaeologists: A Collection of Papers]*. V.E. Rodinkova, ed., comp. Moscow: IA RAN, pp. 211–238.
- Zakharov S.D., 2012. Beloozero [The Beloe Lake]. *Rus' v IX–X vv.: Arkheologicheskaya panorama [Rus in the 9th–10th centuries: An Archaeological Panorama]*. N.A. Makarov, ed. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 212–240.
- Zaytseva I.E., 2008. Izdeliya iz tsvetnykh metallov i serebra [Articles from non-ferrous metals and silver]. *Arkheologiya severnorusskoy derevni X–XIII vv.: Srednevekovye poseleniya i mogil'niki na Kubenskom ozere [The Archaeology of the North Russian Village of the 10th–13th Centuries: Medieval Settlements and Cemeteries at the Kubenskoe Lake]*, II: Material'naya kul'tura i khronologiya [Material Culture and Chronology]. S.D. Zakharov, ed. Moscow: Nauka, pp. 57–142.

НОВЫЕ НАХОДКИ АМУЛЕТОВ-ЗМЕЕВИКОВ В ВЕЛИКОМ НОВГОРОДЕ

© 2016 г. О.М. Олейников

Институт археологии РАН, Москва (olejnikov1960@yandex.ru)

Статья вводит в научный оборот три новые датированные находки амулетов-змеевиков, обнаруженные в Великом Новгороде: с изображением свв. Бориса и Глеба, Богоматери Умиление и Распятия. Акцент сделан на двуединую изобразительную формулу змеевиков, определившую их особое положение среди средневековых амулетов. Подчеркнута условность выделения лицевой и оборотной сторон змеевиков и, как следствие, отсутствие понятий главного и второстепенного изображений. Обосновывается ранняя датировка иконографии Бориса и Глеба; обобщены данные о змеевиках, обнаруженных в погребениях.

Ключевые слова: Великий Новгород, амулет-змеевик, Борис и Глеб, Богоматерь Умиление, Распятие, двуединая иконографическая формула, датирование, змеевики в погребениях.

Змеевики представляют стилистически завершенный тип амулетов, в оформлении которых заложена особая двуединая иконографическая программа, определяющая позиционное равенство сторон. Главным выразительным средством является единство христианского и змеевидного изображений. Легкость, с которой змеевидная композиция на протяжении столетий выдерживала соседство христианских изводов, доказывает, что подобное совмещение не было следствием религиозного компромисса, а отражало цельное мировоззрение, в русле которого особое внимание к зрительным образам составляло специфическую особенность русского благочестия.

Интерес исследователей к этим уникальным памятникам искусства и быта не ослабевает, хотя история изучения амулетов-змеевиков насчитывает почти два века. С 1821 г., когда под Черниговом был обнаружен золотой змеевик с изображением архангела Михаила – знаменитая “черниговская гривна”, постоянно накапливался новый материал, ставший основой фундаментальных работ (Толстой, 1888; Уварова, 1908; Граф Алексей Сергеевич Уваров..., 1910; Орлов, 1926; Николаева, Чернецов, 1991), заметок (Барсов, 1874) и большого числа специальных публикаций (Анастасевич, 1821; 1822; Берлинский, 1822; Крузе, 1836; Амфилохий, архимандрит, 1871; Даль, 1874; Прозоровский, 1878; Соколов, 1889; 1895; Петров, 1898; Щепкин, 1898; Леонид, архимандрит, 1889; Напирский, 1836; Эрдман, 1836; Евгений (Болховитинов), митрополит киевский, 1833;

Вагнер, 1961; Рындина, 1972; Спасский, 1976; Бланков, 1973; Переседов, 2004; Коваль, 2007 и др.).

Одной из актуальных проблем остается датирование змеевиков. В научной литературе неоднократно отмечались обстоятельства, затрудняющие установление даты их изготовления и определение хронологических границ их бытования (Лесючевский, 1928. С. 10; Николаева, Чернецов, 1991. С. 8, 30). В общих чертах они сводятся к следующему. Основная масса змеевиков входит в огромный круг предметов литья¹. Сама техника этих изделий, допускающая механическое перевоспроизведение отдельного экземпляра в течение неопределенно долгого времени, делает возможной комбинацию разных и по форме, и по времени изображений, что затрудняет определение места памятника в хронологической цепи аналогичных ему произведений.

В этой связи находки амулетов-змеевиков при археологических работах в Великом Новгороде представляют особый интерес. Специфика новгородского культурного слоя позволяет надежно датировать археологические комплексы и фиксировать хронологические рамки бытования определенных предметов (Янин, Колчин, 1978. С. 6, 7).

К настоящему времени обнаруженные в Новгороде змеевики представляют серию из 14 датированных памятников (Седова, 1966; 1981; Покровская, Тянина, 2009; Олейников, 2013; 2014), 3 из

¹ Экземпляры, вырезанные на яшме и ониксе, единичны.

Рис. 1. Опорный историко-археологический план Великого Новгорода с указанием мест обнаружения новых амулетов-змеевиков. Условные обозначения: *а* – древние улицы; *б* – современные улицы; *в* – археологические раскопы.

которых были найдены сотрудниками Новгородской археологической экспедиции ИА РАН при работах 2008 и 2012 гг. (рис. 1). Христианский извод на этих амулетах представлен изображениями Бориса и Глеба, Богоматери Умиление и Распятия (рис. 2).

Змеевик с изображением первых канонизированных русских святых Бориса и Глеба (рис. 2, 1; 3, 4).

Такие змеевики очень редки: новгородский амулет стал четвертым экземпляром и первой находкой этого типа, имеющей стратиграфическую привязку.

Три змеевика из собрания Государственного Исторического музея являются случайными находками (Орлов, 1926. С. 33, 34; Николаева, Чернецов, 1991. С. 80, 81, 110. Табл. XVII, 3). Первый змеевик (серебро, диаметр – 36 мм) был обнаружен в 1904 г. в Киевской губернии (рис. 3, 1). Второй (“из серого металлического сплава”, диаметр – 35 мм) был найден в 1924 г. во Владимирской губернии (рис.

3, 2). Место обнаружения третьего (“зеленомедного серебренного”, диаметр – 37 мм), поступившего в музей в конце XIX в., неизвестно (рис. 3, 3).

Амулет найден в 2008 г. на Софийской стороне Людина конца Великого Новгорода на раскопе Десятинный-1 в слое, датируемом началом XIV в.² (11 ярус), в юго-западном (“красном”) углу сруба жилой постройки 4 × 4 м, расположенной в северо-западной части усадьбы Б общей площадью более 500 м². Состав вещей на месте находки обычен для средневековой жилой усадьбы Новгорода (Олейников, 2009. С. 41; 2013. С. 103).

Представляет собой круглую подвеску; диаметр без ушка – 36 мм, толщина – 3 мм, вес – 16,84 г. Изготовлен из легкоплавкого оловянно-свинцового сплава с незначительной примесью меди (Sn –

² Дендрохронологическое определение – О.А. Тарабардиной.

Рис. 2. Новые находки амулетов-змеевиков в Великом Новгороде: 1 – с изображением свв. Бориса и Глеба, XIII – начало XIV в., раскоп Десятинный-1, 2008 г., оловянно-свинцовый сплав; 2 – с изображением Богоматери Умиление, XII–XIII вв., раскоп Десятинный-3, многокомпонентная латунь; 3 – с изображением Распятия, вторая половина XI – начало XII в., раскоп Лукинский-2, оловянная бронза. Фото О.М. Олейникова.

Рис. 3. Амулеты-змеевики с изображением свв. Бориса и Глеба: 1 – Киевская губерния, 1904 г., серебро; 2 – Владимирская губерния, 1924 г., бронза; 3 – случайная находка, конец XIX в.; 4 – Великий Новгород, 2008 г., бронза. Фото С.Ю. Каинова (1–3), О.М. Олейникова (4).

75.3%; Pb – 23.5%; Cu – 1.2%)³ в двусторонней литейной форме.

Сохранность амулета невысокая: изображения сильно потертые, надписи, позволяющие однозначно атрибутировать изображенных у креста святых, утрачены. По аналогии со змеевиками из собрания ГИМ, святые, изображенные на новгородском змеевике, атрибутированы как Борис и Глеб.

Змеевидная композиция по классификации А.С. Орлова относится к типу I “мощному”, версии 4, варианту 2 (1926. С. 14,15). По краю идет неразборчивая надпись, сохранившаяся фрагментарно.

Сильная потертость обеих сторон говорит о длительном ношении амулета, поэтому время отливки

новгородского змеевика – не позднее начала XIII в. Иконография изображения свв. Бориса и Глеба представлена одним из древнейших изводов, связанным с ранним (“Глеборисовским”) периодом становления культа свв. Бориса и Глеба, для которого характерен целительный аспект почитания князей и который хронологически можно определить концом XI в. (Алешковский, 1972. С. 107).

Историки и филологи неоднократно отмечали, что в развитии культа Бориса и Глеба были этапы раздельного почитания братьев и периоды различной оценки их святого предназначения, что нашло отражение в многообразии вариантов их иконографии (Лесючевский, 1946. С. 238–240; Алешковский, 1972. С. 110–114, 119, 123; Биленкин, 1993. С. 54–64; Уханова, 2009. С. 170, 172, 173). К моменту канонизации 1072 г. и последующего церковного оформления культа братья почитались прежде всего как целители. К концу XI и особенно в начале XII в. культ святых братьев-целителей трансформировался в культ небесных помощников русских князей, дружины и всего отечества.

³ Исследование химического состава лицевой и оборотной сторон трех змеевиков, обнаруженных в Новгороде, проведено без повреждения объектов на аналитическом сканирующем низковакуумном электронном микроскопе JSM-5610LV, оснащенный энергодисперсионным рентгеновским спектрометром Energy-450, и на рентгеновском микроанализаторе JXA-8100 фирмы JEOL Н.В. Трубкиным и И.Г. Грибоедовой в Институте геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии РАН.

К XIII в. иконография Бориса и Глеба отличалась большим разнообразием существующих изводов (Смирнова, 2009). На известных змеевиках представлено только полнофигурное изображение святых у креста. Выбор для размещения на целебном амулете этого извода позволяет предположить, что данная композиция ассоциировалась с целительной силой святых князей.

Христианский извод “борисоглебских” змеевиков представлен парными полнофигурными фронтальными изображениями святых, предстоящих восьмиконечному кресту, при этом рука Глеба касается креста выше, чем рука Бориса, что свидетельствует о преимущественном почитании Глеба (Лесючевский, 1946; Алешковский, 1972; Биленкин, 1993).

По сторонам фигур размещены колончатые надписи “БРС” и “ГЛБ”. Никаких атрибутов врачей – ларцов с лекарствами, свитков, инструментов – у святых нет и быть не могло. Не являясь врачами, Борис и Глеб исцеляли не с помощью лекарств, а чудесным образом – через Благодать, полученную от Бога как награду за свой подвиг.

Подробное исследование письменных источников, свидетельствующих о преимущественном почитании Глеба на ранних этапах развития культа святых братьев, приведено в упомянутых работах В.И. Лесючевского, М.Х. Алешковского, В.А. Биленкина. Отметим только одно весьма интересное свидетельство конца XI в., сохранившееся в иностранной хронике. 16 октября 1095 г. в чешском Сазавском монастыре были освящены два алтаря. В одном из них с правой стороны вместе с мощами особо почитаемых святых находились мощи св. Глеба и его сподвижника (“*sw. Glebia a towaryše jeho*”). Подчеркнем, что для автора этой хроники, монаха Сазавского монастыря (*mnich Sázavský*), главной фигурой был младший брат Глеб, поскольку имя старшего брата он считал возможным даже не упомянуть (Pramery dějin českých, 1932. P. 251)⁴.

Трехчастная композиция с крестом в центре пришла на Русь из Византии, где часто встречается на монетах, печатях, книжных миниатюрах и мозаиках. Следует отметить, что у креста – первой и главной христианской святыни – изображались только Христос, ангелы (извод “Прославление Креста”), Богоматерь, византийские императоры и члены их семьи⁵,

первоверховные апостолы Петр и Павел⁶ и свв. равноапостольные Константин и Елена.

Изображением у креста первых канонизированных русских святых подчеркивалась их избранность. В службе, составленной Борису и Глебу, отмечается, что крест является оружием, которое дается избранным (Ильина книга, 2005. С. 74. 11v, строфы 16–20; 12г, строфы 1, 2). Факт исключительно почетного изображения князей на таком триумфальном сюжете утверждал святость и богоизбранность Бориса и Глеба, что в свою очередь было принципиально важно для утверждения божественной природы правящей династии в самый ранний период становления культа святых князей.

Можно предположить, что изображение свв. Бориса и Глеба у креста складывалось с учетом иконографии верховных апостолов Петра и Павла, которая к XI–XII вв. имела длительную традицию, восходящую к IV в. (Моршакова, 2013. С. 58). Известны их изображения в рост по обе стороны креста, датирующиеся XI и XIV вв. (Lexicon der christlichen iconographie, 1968. S. 163). Русским князьям были известны и папские буллы, на которых с конца XI в. помещалось парное изображение апостолов Петра и Павла (Lexicon der christlichen iconographie, 1976. P. 163). При составлении службы Борису и Глебу были использованы стихиры из служб Василию Великому, Григорию Богослову, Иоанну Златоусту и, что особенно интересно, апостолам Петру и Павлу (Ильина книга, 2005. С. 635, 636). Тем не менее в древнерусском искусстве композиция с Петром и Павлом у креста не утвердилась.

Возможно, прообразами изображению, воплощенному на змеевиках, служили парные изображения свв. равноапостольных Константина и Елены у креста, весьма почитаемые и хорошо известные в Древней Руси. С определенными утратами они сохранились до наших дней. Это знаменитая фреска Мартирьевской паперти южной галереи собора Св. Софии XI в.; восстановленная фреска из ц. Спаса на Ковалево XIV в. и фреска из ц. Симеона Богоприимца Зверина Покровского монастыря в Новгороде XV в.; створка медной иконки-складня “хорошего дела и древняя по содержанию” из собраний графа А.С. Уварова (Уваров, 1908. С. 95, 96. Рис. 73); анонимная свинцовая печать с поясным изображением святых (№ 336А), обнаруженная в 2004 г. на Никитинском раскопе в Новгороде вне стратиграфического слоя (Гайдуков, Янин, 2005. С. 105, 110. Табл. 2, 20); каменные иконки конца XII – второй половины XV в. с ростовым фронтальным изображением святых (Николаева, 1983.

⁴ Автор выражает благодарность канд. ист. наук Е.В. Бирюковой за помощь в работе с чешскими источниками.

⁵ Искусство Византии..., 1977. С. 82, 83, 113, 188, 189; Толстой, 1991. С. 24 (№ 8), 132 (№ 6, 9), 146 (№ 6, 7); Гайдуков, Калинин, 2012. С. 406. Рис. 4, 1, 2, 4, 6; С. 415. Рис. 10, 2; Меч и златник..., 2012. С. 144 (№ 361–363), 145 (№ 364), 194 (№ 499).

⁶ Lexicon der christlichen iconographie, 1968. P. 163.

С. 117, 118. Табл. 47, 4 (№ 271); С. 124. Табл. 51, 4 (№ 289); С. 141. Табл. 62, 1 (№ 348)). Следует отметить, что на фреске Мартирьевской паперти XI в., печати № 336А и на каменной иконке из Полоцка конца XII в. отмечен тот же иконографический акцент, что и на змеевиках, — рука святого, стоящего ошуюю от креста, касается его выше, чем рука святого, стоящего одесную.

Для периода феодальной раздробленности отражение в иконографии местночтимых святых может являться указанием на центр изготовления памятника. Первые змеевики с изображением Бориса и Глеба, видимо, были отлиты в киевских мастерских.

Змеевик, обнаруженный в Новгороде, с большой вероятностью является работой новгородских мастеров, широко использовавших легкоплавкие металлы для тиражирования недорогих копий. Это предположение косвенно подтверждают и состав сплава, и небольшой производственный брак при отливке ушка для привешивания. Хорошо видно, что оно представляет собой пластину, загнутую обжимными клещами внахлест. Надвиг соединяемых деталей составил около 3 мм, увеличив при этом толщину стенки ушка со стороны змеевидной композиции амулета в 2.5 раза. Морфология ушка указывает на особенности ношения конкретного змеевика: сторона с изображением Бориса и Глеба была внешней.

Исторический контекст не исключает новгородского происхождения змеевика. Во второй половине XIII в. в Новгороде имело место усиление борисоглебского культа, причем заинтересованной стороной выступало прусское боярство, консолидирующее политические силы Людина и Загородского концов (Прусская улица была политическим центром обоих этих концов Софийской стороны). Одним из проявлений укрепления культа Бориса и Глеба стало приобретение ц. Бориса и Глеба в Околотке особого статуса общегосударственного административного и религиозного центра. По мнению В.Л. Янина, первоначальная версия “Жития Александра Невского”, куда вошла легенда о видении Пелгусия, была создана в Новгороде по инициативе прусского боярства для возвеличивания кончанского борисоглебского храма (1974. С. 90–93). Особый статус свв. Бориса и Глеба подтверждает летопись, сообщая, что в 1242 г. Александру Ярославичу в Ледовой битве помогло покровительство небесных сил — мудрость Божия (св. София) и свв. мученики Борис и Глеб (Новгородская первая летопись..., 2000. С. 78, 296).

Полной аналогии изображениям, помещенным на змеевиках, пока не обнаружено. Ближайшее

сходство выявляется в двух типах памятников. Это четыре небольшие свинцовые княжеские печати, оттиснутые одной парой матриц и предварительно датированные П.Г. Гайдуковым концом XII — началом XIII в. На одной стороне печатей — трехчастная композиция с погрудным изображением свв. Бориса и Глеба в высоких конусовидных княжеских шапках у центрального креста, на другой — погрудное парное изображение апостолов Петра и Павла. Сопутствующие надписи отсутствуют. Помещение на печати первых собственных святых, создавших ареол святости над всей династией Рюриковичей, можно рассматривать как своеобразную византийскую цитату, подчеркивающую богоизбранность власти.

Вторым иконографически близким памятником является тонкая (меньше 1 мм) бронзовая позолоченная пластина-фольга, обнаруженная в 1985 г. на Рюриковом городище в нижней части культурного слоя между постройками II и III (Носов, Плохов, 2005. С. 57. Табл. III, 3; Пескова, 2005. С. 394–398)⁷. Идентифицирующие надписи также отсутствуют, но по иконографическим признакам авторы публикации с большой долей вероятности предполагают, что на пластине изображены свв. Борис и Глеб. Этот извод особый: святые изображены в рост предстоящими кресту, с атрибутами мученичества (четыреконечный крест перед грудью) и княжеского достоинства (левой рукой каждый святой поддерживает висящий на поясе меч), возможно, пластина служила накладкой на реликварий (Пескова, 2005. С. 397, 398. Прим. 6).

Подводя краткие итоги, можно отметить, что изображения Бориса и Глеба у креста, известные в трех иконографических вариантах (ростовое, поясное и ростовое с мученическим крестом и мечом), отражали разные грани почитания святых князей в процессе развития их культа. На ранних этапах (конец XI в.) оно ассоциировалось с целительным аспектом культа (амулеты-змеевики), начиная с XII в. было связано с темой небесного покровительства и заступничества (печати и пластина с Рюрикова городища). На примере змеевиков мы видим, что иконографический извод конца XI в. мог тиражироваться в течение довольно длительного периода — вплоть до начала XIV в.

Змеевик с изображением Богоматери Умиление (рис. 2, 2). Обнаружен в 2008 г. на Софийской стороне Великого Новгорода на Десятинном-3 раскопе на усадьбе Д в слое огорода XV в., который переме-

⁷ Авторы публикаций датируют находку по ближайшим аналогиям в круге памятников XIII в. с гипотетическим выходом в начало XIV в. (Пескова, 2005. С. 396, 397).

шал слои второй половины XII – XV в. (Олейников, 2009. С. 41; 2013. С. 104).

Принадлежит к наиболее распространенному типу (2 по сводке Т.В. Николаевой) змеевиков с изображением Богоматери Умиление, которые появляются в XII в. и бытуют до XIV–XV вв. (Николаева, Чернецов, 1991. С. 30, 31, 60, 99). Особенности начертания надписей на некоторых экземплярах авторы публикаций относят к началу XI в. (Амфилохий, архимандрит, 1873. С. 179; Уварова, 1908. С. 99).

Датировка основана на палеографических признаках надписи и особенностях изображения христианского извода. В надписи “БОГОРОМН” форма буквы Р – ранняя, не позже XIII в. (Янин, Зализняк, 2000. С. 291–416; консультация чл.-корр. РАН А.А. Гippiуса). Особенностью христианского извода являются большеголовые изображения Богоматери и младенца с крупными лицами и широко раскрытыми, как бы выпученными глазами, что также характерно для искусства XIII в. (Николаева, 1960. С. 30). Они позволяют определить бытование амулета периодом XII–XIII вв.

Диаметр змеевика – 48 мм, толщина – 3–4 мм, вес – 37,07 г. Отлит из многокомпонентной латуни (Cu – 84, Zn – 7,2, Pb – 5,5, Sn – 3,3%).

Профиль ушка, заметно выступающий со стороны христианского извода и совпадающий с плоскостью змеевидной стороны, значительно более потертой, указывает на способ ношения конкретного амулета: сторона с изображением Богоматери была внешней.

Иконный образ (тип Владимирской Богоматери) был создан на рубеже XI–XII вв. в мастерских императоров Комнинов в Константинополе (Русские иконы, 2010. С. 88). Находок с подобными иконографическими схемами, но отлитыми в разных литейных формах, отличающихся размерами и проработкой деталей изображений, на сегодняшний день известно довольно много. Змеевики с изображением Богоматери были очень популярны в Средние века, Богородица всегда почиталась как “скорая помощница и заступница во всяких напастях” (Сokolov, 1889. С. 365).

В центре амулета помещено изображение Богоматери с младенцем на правой руке, обрамленное по краю рельефным бортиком из поперечных насечек. Обе фигуры слиты в объятии и воспринимаются единым силуэтом.

Слева от Богоматери вдоль бортика идет надпись, конец которой искажен, в результате чего получилось не вполне вразумительное сокращение “БОГОРОМН”. Возможно, мастер начал писать “БОГОРОДИЦА”, а потом, из-за недостаточности

места или по иной причине, приписал “МИ” от “БОГОМАТИ”.

На другой стороне в центре изображена уже не личина, а женская голова. От нее отходят змеиные туловища, плавно скручивающиеся сверху и снизу в валюты (I тип мощный: Орлов, 1926. С. 14). При помощи этой композиции можно проиллюстрировать не только пример заимствования готового изображения, но и факт того, что змеевидные композиции наполнены скрытым смыслом и в них следует видеть не только то, что изображено, но и то, что подразумевается. Трактовка изображения женской головы в этом варианте лишена устрашающего облика, что характеризует змеиное изображение как пережиточно-защитное, а не демоническое (Вагнер, 1961. С. 28). Кроме этого, змеиные туловища имеют головы, скорее, драконов или грифонов, изображенных на многих змеевиках (Толстой, 1888. Табл. XV–XVII), что прямо указывает на пережиточное апотропеическое (греч. *ἀποτροπαῖος* – отводящее порчу) значение змеевидной композиции. Тем не менее и этот конкретный образ, и все другие змеевидные композиции на Руси олицетворяли вредоносную демоническую силу. Противоречия здесь нет. Ни один из типов змеевидной композиции не имеет черт славянского происхождения. В Византийской культуре эти образы появились в X в. в готовом виде, не неся на себе следов становления (Spier, 1993. Р. 31–33). В основе трактовки змеевидных мотивов лежат мифологические образы, связанные с античным мировосприятием, в котором изначально значение змей соединялось с понятием о здоровье и долголетию человека (Толстой, 1888. С. 45; Бланков, 1973. С. 203–206; Вагнер, 1961. С. 27, 28; Спасский, 1976. С. 361; Николаева, Чернецов, 1991. С. 24, 34–46).

Амулет с большой вероятностью является работой местных мастеров, которым был известен византийский образец.

Змеевик с изображением Распятия (рис. 2, 3). Обнаружен в 2012 г. на Торговой стороне Великого Новгорода на раскопе Лукинский-2 усадьбы В в слое начала XII в., ярус 17 (Гайдуков, Олейников, 2013. С. 24–29; Олейников, 2014. С. 290). Потертость змеевика, свидетельствующая о длительном ношении, и особенности иконографии Распятия позволяют отнести его изготовление ко второй половине XI в.

Амулет представляет собой круглую литую подвеску диаметром 36,5 мм и толщиной 3 мм, вес до реставрации – 17,98 г. Ушко для привешивания цилиндрическое, внешний диаметр – 7 мм, внутренний – 4,5. Ушко отогнуто в сторону христианского изображения, что указывает на особенность ноше-

ния данного амулета: сторона с изображением Распятия была внешней.

Обе стороны амулета окантованы рельефным ободком, имитирующим жемчужную обнизь. Змеевик отлит из оловянной бронзы с примесью сурьмы, свинца и железа (Cu – 66–85, Sn – 11–34, Sb ~ 6, Pb – 3–4, Fe ~ 2%).

Подобные змеевики, включенные Т.В. Николаевой в каталог, датируются первой половиной XII – XV в. (Николаева, Чернецов, 1991. С. 31, 71, 81, 82, 106. Табл. XIII, III; XVIII).

Находки змеевиков с изображением Распятия – центрального сюжета христологического цикла – представлены единичными экземплярами: медный змеевик с прямым основанием и дугообразным верхом (Государственный Русский музей, № 5046), датируемый по иконографическим признакам XV в. (Николаева, Чернецов, 1991. С. 81, 82, 111. Табл. XVIII, 3); аналогичный змеевик-складень, в конце XIX в. находился в собрании Ростовского музея церковных древностей (Дестунис, 1890. С. 112); круглый серебряный амулет, обнаруженный в Новгороде на мостовой Великой улицы, датируемой первой половиной XII в. (Седова, 1966. С. 234, 244. Рис. 1, 2); “красномедный змеевик”, обнаруженный Г.Р. Шмидтом в Гдовском уезде Петербургской губ. (Орлов, 1926. С. 6, 37, 38); “маленькая тонкая гривенка” из собрания П.И. Щукина, Государственный Исторический музей (Даль, 1874. С. 76. Ил. 4; Толстой, 1888. С. 21. № 16; Николаева, Чернецов, 1991. С. 111. Табл. XVIII. Рис. 2); змеевик, найденный в 2000 г. в Старой Руссе на Борисоглебском раскопе в слоях первой половины XII в. (Торопова и др., 2001. С. 18. Рис. 2, 4).

Изобразительная формула двух последних змеевиков аналогична новгородскому.

Змеевидный мотив образует крестообразную симметричную композицию, не имеющую аналогов на других типах змеевиков. В центре изображена личина, от которой отходят извивающиеся, но не переkreщающиеся между собой тонкие тела 12 змей.

Распятие представляет строгий (однофигурный) тип – на восьмиконечном кресте с предстоящими. Христос изображен препоясанным, со склоненной к правому плечу головой. Его тело слегка изогнуто, руки имеют небольшой изгиб в локтях, ноги вытянуты прямо, носки обращены врозь. Предстоящие изображены в рост, в традиционной иконографии, выполненной на основании Евангелия от Иоанна: слева от Христа – скорбящая фигура Богоматери, справа – апостола Иоанна.

Над перекладинами креста круглыми выпуклыми точками переданы стилизованные изображения

Солнца и Луны, образы которых уже с VI в. входят в обиход церковного искусства в виде круглых ликов. Основу для этого иконописцы, бесспорно, находили в текстах Писания (Мф. 27: 45; Мк. 15: 33; Лк. 23: 44, 45).

Иконография Распятия на змеевиках находится в прямой зависимости от иконографии крестов. Изображение Христа препоясанным в сцене Распятия находит аналогии на лицевой створке византийского меднолитого креста X–XI вв. из коллекции Б.И. и В.Н. Ханенко (Корзухина, Пескова, 2003. С. 47. Кат. I.1/17. Табл. 5; Пескова, Строкова, 2012. С. 142); на двух лицевых створках неизвестного происхождения из коллекций музеев Рима и Афин и на двух оборотных створках из музеев Афин (Пескова, Строкова, 2012. С. 143). Лицевые створки Б. Питаракис датирует X–XI вв. и предположительно связывает их изготовление с Константинополем (Pitarakis, 2006. Р. 194, 195).

Среди крестов IX–X вв. нет ни одного, где бы Христос в сцене Распятия был изображен препоясанным. Изображение на нательных и процессионных (литургических) крестах Христа в сцене Распятия препоясанным становится широко распространенным в XI в. Изготовление новой модели могло состояться только в одном из крупных центров культовой пластики, прежде всего в Константинополе (Пескова, Строкова, 2012. С. 43, 143).

Подобное изображение Распятия встречается не только на крестах-реликвариях середины XI – середины XII в., но и на иконах, мозаике и фресках начиная со второй половины XI в. (Пескова, 2006. С. 131).

Древнейшая схема так называемого сирийского типа представляет собой краткий извод: однофигурное Распятие, по сторонам Богоматерь и Иоанн Богослов с Евангелием в руке. Ладонь правой руки он обычно прижимает к щеке. На этой основе сложилась классическая византийская схема, известная по мозаикам Хозиос Лукас в Фокиде (начало XI в.), Неа Мони на Хиосе (1042–1056 гг.), Дафнии (вторая половина XI в.), Софии Киевской и другим, которые могут смело рассматриваться как наиболее зрелые решения византийской монументальной живописи (Бобров, 1995. С. 59; Лазарев, 1986. С. 64).

На змеевике Лукинского раскопа, как и на всех известных змеевиках с Распятием, отсутствуют *hystera*-формулы, в которые нередко включалось имя хозяина амулета. Возможно, это связано с тем, что безымянные змеевики создавались не под заказ, а предназначались для продажи или передачи другому лицу.

Несомненно, амулет был создан благодаря высокой технической культуре опытного и образованного литейщика, знакомого с античным наследием Византии. Отливку могли сделать где угодно, в том числе и на территории, располагающей собственными рудными источниками.

Ближневосточные мастера, пользуясь общим набором приемов и бесконечно варьируя их, сохраняли при этом общую стилистику (Пескова, Строкова, 2012. С. 38), поэтому нельзя исключить возможность работы в новгородской мастерской византийского ремесленника. Возможно, создание модели змеевика с препоясанным Христом в сцене Распятия было определено специальным заказом, сделанным с учетом новейших требований. Такой заказ мог быть ограниченным, рассчитанным на узкий круг представителей социальной или церковной элиты.

При отсутствии прямых археологических подтверждений о месте изготовления данного амулета можно говорить лишь гипотетически. Мы склоняемся к его принадлежности к ближневосточному кругу византийской культовой пластики. В Великий Новгород он мог быть завезен в качестве паломнической реликвии. Судя по особенностям иконографии и степени сохранности, время его изготовления – вторая половина XI в.

Исследования новгородских древностей продолжаются.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алешковский М.Х. Русские глеборисовские энколпионы 1072–1150 годов // Древнерусское искусство: Художественная культура домонгольской Руси / Ред. В.Н. Лазарев, Г.К. Вагнер, М.А. Ильин, О.И. Подобедова. Т. 6. М.: Наука, 1972. С. 104–125.
- Амфилохий (архимандрит). О древней гривне // Древности / Под ред. К.К. Герца и В.Е. Румянцев. М.: Синод. тип., 1871 (Тр. МАО; Т. III. Вып. 2). С. 177–179.
- Анастасевич В.Г. Известие о золотой гривне, найденной близ Чернигова в 1821 году: статья, напечатанная в Отечественных записках, ч. 8, кн. 20, исправленная и умноженная. СПб.: в тип. В. Плавильщикова, 1821. 22 с.
- Анастасевич В.Г. О золотой гривне, найденной близ Чернигова // Тр. ВОЛРС. 1822. Ч. XVII. С. 314–349.
- Барсов Е.В. Сообщение о докладе на заседании Археологического общества 5 декабря 1874 г. // Московские ведомости. 12 декабря 1874 г. № 311. С. 3.
- Берлинский М.Ф. Объяснение изображений на медали, найденной подле Чернигова в 1821 г. // Тр. ВОЛРС. 1822. Ч. XVII. С. 116–119.
- Биленкин В.А. “Чтение” преп. Нестора как памятник “глеборисовского культа” // ТОДРЛ. 1993. Т. 47. С. 54–64.
- Бланков Ж.А. О двоеверии и амулетах-змеевиках // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа: Искусство и культура: сб. ст. в честь В.Н. Лазарева / Ред. В.Н. Гращенков и др. М.: Наука, 1973. С. 203–210.
- Бобров Ю. Г. Основы иконографии древнерусской живописи. СПб.: Мифрил, 1995. 252 с.
- Вагнер Г.К. О змеевидной композиции на древнерусских амулетах-змеевиках // КСИА. 1961. Вып. 85. С. 26–30.
- Гайдуков П.Г., Калинин В.А. Древнейшие русские монеты // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: Вологда: Древности Севера, 2012. С. 403–436.
- Гайдуков П.Г., Олейников О.М. Археологические исследования на торговой стороне Новгорода в 2012 г. (Лукинский 2 раскоп) // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Вып. 27: Матер. науч. конф., посвящ. 80-летию со дня рождения М.Х. Алешковского, 22–24 января 2013 г. Великий Новгород, 2013. С. 20–30.
- Гайдуков П.Г., Янин В.Л. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2004 г. // Новгород и новгородская земля: матер. науч. конф. Вып. 19. Великий Новгород, 2005. С. 91–111.
- Граф Алексей Сергеевич Уваров. Сборник мелких трудов: Издан ко дню 25-летия со дня кончины / Под ред. гр. П.С. Уваровой: в 3 т. Т. I: Христианские древности и зодчество. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1910. 408 с.
- Даль Л.В. Заметка о медных гривнах XII века // Древности / Под ред. В.Е. Румянцева. М.: Синод. тип., 1874 (Тр. МАО; Т. IV. Вып. 2). С. 74–76.
- Дестунис Г.С. Еще о “змеевиках”: Взгляд на Кружево объяснение греческой надписи, начинающейся со слова ‘Υστέρᾱ // ЗРАО. 1889. Т. IV. Новая серия. С. 100–119.
- Евгений (Болховитинов), митрополит киевский. Замечания о Черниговской гривне // ТЛОИДР. 1833. Ч. XI. С. 121–123.
- Ильина книга. Рукопись РГАДА. Тип. 131: Лингвистическое издание / Подгот. греч. текста, коммент., словоуказ. В.Б. Крысько. М.: Индрик, 2005. 904 с.
- Искусство Византии в собраниях СССР: каталог выставки: в 3 т. / Авт.-сост. А.В. Банк, М.А. Бессонова. М.: Советский художник, 1977.
- Коваль В.Ю. О древнерусских амулетах-змеевиках // КСИА. 2007. Вып. 221. С. 54–63.
- Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI–XIII вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003 (Тр. ИИМК РАН; Т. VII). 432 с.
- Круже Ф. Объяснение черниговской медали по двум надписям, вновь найденным в Готе, и по другим известным до сего времени и относящимся к тому же роду (перевод И. Ставровского) // ЖМНП. 1836. Ч. IX. № 1–3. С. 336–354.

- Лазарев В.Н. История византийской живописи. М.: Искусство, 1986. 329 с.
- Леонид, архимандрит. Добавление к статье Г.С. Дестуниса “Еще о змеевиках” // ЗРАО. 1889. Т. IV. Вып. III. Новая серия. С. 109, 110.
- Лесючевский В.И. Некоторые змеевики в собрании художественного отдела Государственного Русского музея // Материалы по русскому искусству. Т. I. Л.: Тип. изд-ва “Ленинградская правда”, 1928. С. 10–21.
- Лесючевский В.И. Вышгородский культ Бориса и Глеба в памятниках искусства // СА. 1946. Вып. VIII. С. 225–247.
- Меч и златник: К 1150-летию зарождения Древнерусского государства / Сост. Д.В. Журавлев, В.В. Мурашова. М.: Кучково поле: ГИМ, 2012. 320 с.
- Моршакова Е.А. Древнерусская мелкая пластика: наперсные кресты, иконы и пангии XII–XV веков: каталог / Науч. рук. И.А. Стерлигова. М.: Сканрус, 2013. 360 с.
- Напирский Г. Описание и объяснение древней медали // ЖМНП. 1836. Ч. 9. № 1–3. С. 355–359.
- Николаева Т.В. Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв. М.: Наука, 1983 (САИ; Е1-60). 161 с.
- Николаева Т.В. Произведения мелкой пластики XIII–XVIII веков в собрании Загорского музея: каталог. Загорск: Тип. ЦБТИ Мособлсовнархоза, 1960. 338 с.
- Николаева Т.В., Чернецов А.В. Древнерусские амулеты-змеевики. М.: Наука, 1991. 124 с.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. Т. 3. М.: Языки русской культуры, 2000. 720 с.
- Носов Е.Н., Плохов А.В. Исследования центральной части Городища в 1984–1989 гг. // Городище под Новгородом и поселения северного Приильменья (Новые материалы и исследования). Приложение 2. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005 (Тр. ИИМК РАН; Т. XVIII). С. 33–66.
- Олейников О.М. Работы в северо-западной части Людина конца Великого Новгорода в 2008 г. (Десятинный I, III, IV раскопы) // Новгород и Новгородская земля: матер. науч. конф. Вып. 23. Великий Новгород, 2009. С. 36–44.
- Олейников О.М. Новые находки амулетов-змеевиков в Великом Новгороде // Археология Подмосковья: матер. науч. семинара. Вып. 9. М.: ИА РАН, 2013. С. 101–105.
- Олейников О.М. Новая находка амулета-змеевика с Распятием в Великом Новгороде // Археология Подмосковья: матер. науч. семинара. Вып. 10. М.: ИА РАН, 2014. С. 290–303.
- Орлов А.С. Амулеты “змеевики” Исторического Музея // Отчет Государственного исторического музея за 1916–1925 гг. Приложение V. М.: Работник просвещения, 1926. С. 1–58.
- Переседов И.Г. Об амулетах и их связи с нательными крестами и иными предметами церковной культуры // Византия в контексте мировой истории: матер. науч. конф., посвящ. памяти А.В. Банк / Науч. ред. В.Н. Залесская. СПб.: Изд-во ГЭ, 2004. С. 108–121.
- Пескова А.А. Пластина с изображением святых воинов из раскопок на Рюриковом Городище // Городище под Новгородом и поселения северного Приильменья (Новые материалы и исследования). Приложение 2. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005 (Тр. ИИМК РАН; Т. XVIII). С. 394–399.
- Пескова А.А. Истоки иконографии энколпионов // Христианская иконография Востока и Запада в памятниках материальной культуры Древней Руси и Византии: Памяти Т. Чуковой / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. С. 121–162.
- Пескова А.А., Строкова Л.В. Христианские древности Византии в “Сирийской коллекции” Б.И. и В.Н. Халенко. СПб.; Киев: Петербургское Востоковедение, 2012. 224 с.
- Петров Н.И. О некоторых змеевиках, энколпионах и образах, найденных в Киевской губернии и вообще на юге России // Археологические известия и заметки, издаваемые МАО / Под ред. Д.Н. Анучина и А.И. Кирпичникова. Т. VI. № 5, 6. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1898. С. 157–163.
- Покровская Л.В., Тянина Е.А. Амулеты-змеевики средневекового Новгорода (хронология, топография, семантика) // Хорошие дни: сб. памяти Александра Степановича Хорошева / Ред.-сост. А.Е. Мусин. Великий Новгород: СПб.; М.: ЛеопАрт, 2009. С. 432–445.
- Прозоровский Д.И. О древних медальонах, называемых “змеевиками”. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1878 (Отт. из журн. “Христианские древности”. 1977. Кн. 1). 46 с.
- Рындина А.В. Суздальский змеевик // Древнерусское искусство: Художественная культура домонгольской Руси / Ред. В.Н. Лазарев, Г.К. Вагнер, М.А. Ильин, О.И. Подобедова. Т. 6. М.: Наука, 1972. С. 217–234.
- Русские иконы / Ред. Т. Каширина и др. М.: Мир энциклопедий Аванта+: Астрель, 2010 (Самые красивые и знаменитые). 183 с.
- Седова М.В. Новгородские амулеты-змеевики // Культура древней Руси: сб. ст., посвящ. 40-летию науч. деятельности Н.Н. Воронина / Отв. ред. А.Л. Монгайт. М.: Наука, 1966. С. 243–245.
- Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 193 с.
- Смирнова Э.С. Ранние этапы иконографии святых князей Бориса и Глеба. Вопрос византийских образцов и сложения русской традиции // Борисоглебский сборник / Ред. К. Цукерман. Вып. I. Paris: Association Des Amis du Centre d’Histoire et Civilisation de Byzance, 2009. С. 57–116.
- Соколов М.И. Апокрифический материал для объяснения амулетов, называемых змеевиками // ЖМНП. 1889. Ч. CCLXIII. Отд. II. С. 339–368.
- Соколов М.И. Новый материал для объяснения амулетов, называемых змеевиками // Древности. М.: Тип.

- Э. Лисснера и Ю. Романа, 1895 (Тр. славянской комиссии МАО; Т. I). С. 131–202.
- Спасский И.Г. Три змеевика с Украины // Средневековая Русь: сб. статей памяти Н.Н. Воронина / Ред. Г.К. Вагнер, Д.С. Лихачев, П.А. Раппопорт. М.: Наука, 1976. С. 358–362.
- Торопова Е.В., Антропова Я.В., Журинов И.Г., Торопов С.Е. Старая Русса: археологические исследования на Борисоглебском раскопе в 2000 г. (результаты и перспективы) // Новгород и новгородская земля: История и археология: матер. науч. конф. Вып. 15. Великий Новгород, 2001. С. 16–19.
- Толстой И.И. Византийские монеты. Вып. 10. Барнаул: День, 1991. 176 с.
- Толстой И.И. О русских амулетах, называемых змеевиками // ЗРАО. 1888. Т. III. Вып. 3/4. С. 408, 409.
- Уварова П.С. Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова. Отд. VIII–XI. М.: Тип. Общества распространения полезных книг, арендуемая В.И. Вороновым, 1908. 219 с.
- Уханова Е.В. Древнейшие изображения св. князя Бориса. К истории библиотеки Владимира Мономаха // Борисоглебский сборник / Ред. К. Цукерман. Вып. I. Paris: Association Des Amis du Centre d'Histoire et Civilisation de Byzance, 2009. С. 117–156.
- Щепкин В.Н. Серебряный змеевик, найденный в Рязанской губернии // Археологические известия и заметки, издаваемые МАО / Под ред. Д.Н. Анучина и А.И. Кирпичникова. Т. VI. № 3, 4. М.: Тов-во тип. А.И. Мамонтова, 1898. С. 132, 133.
- Эрдман Ф. Письмо Ординарного Профессора Казанского Университета Эрмана к г. Министру Народного Просвещения “Объяснение еще одной древней медали” // ЖМНП. 1836. Ч. 9. № 1–3. Отд. II. С. 360–363.
- Янин В.Л. Церковь Бориса и Глеба в Новгородском детинце: О новгородском источнике “Жития Александра Невского” // Культура средневековой Руси: Посвящается 70-летию М.К. Каргера / Отв. ред. А.Н. Кирпичников, П.А. Раппопорт. Л.: Наука, 1974. С. 88–93.
- Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте: Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. Т. X: Из раскопок 1990–1996 гг. М.: Русские словари, 2000. 432 с.
- Янин В.Л., Колчин Б.А. Итоги и перспективы новгородской археологии // Археологическое изучение Новгорода. М.: Наука, 1978. С. 5–56.
- Lexicon der Christlichen Iconographie: Sonderausgabe in 8 Bd. Bd. 1 / Hrsg. von E. Kirschbaum. Rom, Freiburg, Basel, Wien: Verlag Herder, 1968. 720 s.
- Lexicon der Christlichen Iconographie: Sonderausgabe in 8 Bd. Bd. 8 / Hrsg. W. Braunsfels. Rom, Freiburg, Basel, Wien: Verlag Herder, 1976. 644 s.
- Pitarakis B. Les croix – reliquaires pectorales byzantines en bronze. Paris: Picard Edition, 2006 (Bibliothèque des cahiers archéologiques; 16). 446 p.
- Prameny dějin českých. T. VIII. Praha: Nadání Františka Palackého, 1932. 570 s.
- Spier J. Medieval Byzantine magical amulets and their tradition // Jr. the Warburg and Courtauld Institutes. V. 56. L., 1993. P. 25–75.

NEW FINDS OF ZMEEVIKS (AMULETS BEARING A SNAKE IMAGE) IN VELIKIY NOVGOROD

Oleg M. Oleinikov

*Institute of Archaeology RAS, Moscow
(olejnikov1960@yandex.ru)*

The paper makes accessible to academia three dated finds of *zmeeviks*, i.e. amulets bearing an image of a snake, found in Velikiy Novgorod: an amulet featuring the saints Boris and Gleb, an amulet depicting Holy Virgin Eleusa and an amulet with an image of Crucifixion. The ambivalent pictorial formula of *zmeeviks* accounting for their particular place among medieval amulets is emphasized. The conventionality of identification of the obverse and reverse sides of *zmeeviks* precludes the distinction of the main and secondary image. The early date of Boris and Gleb's iconography is substantiated and the data on *zmeeviks* recovered from burials are summarized.

Keywords: Velikiy Novgorod, *zmeevik*, Boris and Gleb, Holy Virgin Eleusa, Crucifixion, ambivalent iconographic formula, dating, *zmeeviks* in burials.

REFERENCES

- Aleshkovskiy M.Kh.*, 1972. Russkie gleboborisovskie enkolpiony 1072–1150 godov [Russian encolpions featuring SS. Boris and Gleb of AD 1072–1150]. *Drevnerusskoe iskusstvo: Khudozhestvennaya kul'tura domongol'skoy Rusi* [Old Russian Art: Artistic Culture of Pre-Mongol Rus], 6. V.N. Lazarev, ed. Moscow: Nauka, pp. 104–125.
- Amfilokhiy*, 1871. O drevney grivne [On an ancient pendant amulet]. *Drevnosti. Trudy Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva* [Antiquities. Transactions of the Moscow Archaeological Society], 2. K.K. Gerts, V.E. Rumyantsev, eds. Moscow: Sinodal'naya tipografiya, pp. 177–179.
- Anastasevich V.G.*, 1821. Izvestie o zolotoy grivne, naydennoy bliz Chernigova v 1821 godu: stat'ya napechatannaya v Otechestvennykh zapiskakh, ch. 8, kn. 20, ispravlenneya i umnozhennaya [A report on a gold pendant amulet found near Chernigov in 1821: The paper published in 'Otechestvennye zapiski,' part 8, no. 20, revised and enlarged]. St. Petersburg: V tipografii V. Plavil'shchikova. 22 p.
- Anastasevich V.G.*, 1822. O zolotoy grivne, naydennoy bliz Chernigova [On the gold pendant amulet found near Chernigov]. *Trudy Vol'nogo obshchestva lyubiteley rossiyskoy slovesnosti* [Transactions of the Free Society of the Amateurs of Russian Literature], XVII, pp. 314–349.
- Barsov E.V.*, 1874. Soobshchenie o doklade na zasedanii Arkheologicheskogo obshchestva 5 dekabrya 1874 g. [A report on the paper read at the meeting of the Archaeological Society on the 5th December 1874]. *Moskovskie vedomosti* [Moscow Gazette], 12 December, 311, p. 3.
- Berlinskiy M.F.*, 1822. Ob"yasnenie izobrazheniy na medali, naydennoy podle Chernigova v 1821 g. [The interpretation of images on a medal found near Chernigov in 1821]. *Trudy Vol'nogo obshchestva lyubiteley rossiyskoy slovesnosti* [Transactions of the Free Society of the Amateurs of Russian Literature], XVII, pp. 116–119.
- Bilenkin V.A.*, 1993. "Chtenie" prep. Nestora kak pamyatnik "gleboborisovskogo kul'ta" [Reverend Nestor's 'Reading' as a monument of the cult of SS. Gleb and Boris]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Transactions of the Department of Old Russian Literature], 47, pp. 54–64.
- Blankov Zh.A.*, 1973. O dvoeverii i amuletkh-zmeevikh [On double-belief and zmeevik amulets]. *Vizantiya. Yuzhnye slavyane i Drevnyaya Rus'. Zapadnaya Evropa: Iskusstvo i kul'tura: sbornik statey v chest' V.N. Lazareva* [Byzantium. South Slavs and Old Rus. Western Europe: Art and Culture. Collection of articles in honour of V.N. Lazarev]. V.N. Grashchenkov, ed. Moscow: Nauka, pp. 203–210.
- Bobrov Yu. G.*, 1995. Osnovy ikonografii drevnerusskoy zhivopisi [Fundamentals of Iconography of Old Russian Painting]. St. Petersburg: Mifril. 252 p.
- Dal' L.V.*, 1874. Zametka o mednykh grivnakh XII veka [A note on copper pendant amulets of the 12th century]. *Drevnosti. Trudy Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva* [Antiquities. Transactions of the Moscow Archaeological Society], vol. IV, iss. 2. V.E. Rumyantsev, ed. Moscow: Sinodal'naya tipografiya, pp. 74–76.
- Destunis G.S.*, 1889. Eshche o "zmeevikh": Vzgl'yad na Kruzevo ob"yasnenie grecheskoy nadpisi, nachina-yushcheysya so slova Ὑστέρᾱ [More about zmeeviks: A look at Kruse's explanation of a Greek inscription beginning with the word Ὑστέρᾱ]. *Zapiski russkogo arkheologicheskogo obshchestva* [Transactions of the Russian Archaeological Society], IV. Novaya seriya [New Series], pp. 100–119.
- Erdman F.*, 1836. Pis'mo Ordinarnogo Professora Kazanskogo Universiteta Erdmana k g. Ministru Narodnogo Prosveshcheniya "Ob"yasnenie eshche odnoy drevney medali" [A Letter of the Professor in Ordinary of Kazan University Erdmann to the Minister of Public Education 'Interpretation of yet another ancient medal']. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [The Journal of the Ministry of Public Education], part 9, no. 1–3, section II, pp. 360–363.
- Evgeniy (Bolkhovitinov)*, 1833. Zamechaniya o Chernigovskoy grivne [Remarks on the Chernigov pendant amulet]. *Trudy i letopisi Obshchestva istorii i drevnostey rossiyskikh* [Transactions and Annals of the Society of Russian History and Antiquities], XI, pp. 121–123.
- Gaydukov P.G., Kalinin V.A.*, 2012. Drevneyshie russkie monety [The oldest Russian coins]. *Rus' v IX–X vekakh: arkheologicheskaya panorama* [Rus in the 9th–10th centuries: An Archaeological Panorama]. N.A. Makarov, ed. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 403–436.
- Gaydukov P.G., Oleynikov O.M.*, 2013. Arkheologicheskie issledovaniya na trgovoy storone Novgoroda v 2012 g. (Lukinskiy 2 raskop) [Archaeological investigations in the trading quarter of Novgorod in 2012 (Lukinskii 2 excavation area)]. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya: Istoriya i arkheologiya, 27: materialy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 80-letiyu so dnya rozhdeniya M.Kh. Aleshkovskogo* [Novgorod and the Novgorod Land: History and Archaeology. Papers of a Scientific Conference devoted to the 80th Anniversary of M.H. Aleshkovskiy]. Velikiy Novgorod, pp. 20–30.
- Gaydukov P.G., Yanin V.L.*, 2005. Drevnerusskie vislye pechaty, zaregistrovannyye v 2004 g. [Old Russian pendant seals recorded in 2004]. *Novgorod i novgorodskaya zemlya: materialy nauchnoy konferentsii* [Novgorod and the Novgorod Land: papers of a Scientific Conference], 19. Velikiy Novgorod, pp. 91–111.
- Il'ina kniga. Rukopis' RGADA, Tip. 131: Lingvisticheskoe izdanie [Ilya's Book. Manuscript. Russian State Archives of Ancient Documents, Typography Collection, File 131: A Linguistic Edition]. V.B. Krys'ko, ed. Moscow: Indrik, 2005. 904 p.
- Iskusstvo Vizantii v sobraniyakh SSSR: katalog vystavki* [Byzantine Art in USSR Collections: Exhibition Catalogue]. A.V. Bank, M.A. Bessonova, eds., comp. Moscow: Sovetskiy khudozhnik, 1977. 3 vols.
- Korzukhina G.F., Peskova A.A.*, 2003. Drevnerusskie enkolpiony. Nagrudnye kresty-relikvarii XI–XIII vv. [Old

- Russian Encolpions. Pectoral Reliquary Crosses of the 11th–13th Centuries]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. 432 p. (Trudy IIMK RAN, VII).
- Koval' V.Yu., 2007. O drevnerusskikh amuletakh-zmeevikakh [On Old Russian zmeevik amulets]. *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 221, pp. 54–63.
- Kruze (Kruse) F., 1836. Ob "yasnenie chernigovskoy medali po dvum nadpisyam, vnov' naydennym v Gote, i po drugim izvestnym do sego vremeni i odnosyashchimsya k tomu zhe rodu (perevod I. Stavrovskogo) [The interpretation of the Chernigov medal from two inscriptions newly discovered in Gotha as well as from other ones of the same kind known so far (translated by I. Stavrovskiy)]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya [The Journal of the Ministry of Public Education]*, part IX, no. 1–3, pp. 336–354.
- Lazarev V.N., 1986. Istoriya vizantiyskoy zhivopisi [A History of Byzantine Painting]. Moscow: Iskusstvo. 329 p.
- Leonid, 1889. Dobavlenie k stat'e G.S. Destunisa "Eshche o zmeevikakh" [An addition to G.S. Destunis's paper "More about zmeeviks"]. *Zapiski russkogo arkheologicheskogo obshchestva [Transactions of the Russian Archaeological Society]*, vol. IV, iss. III. Novaya seriya [New Series], pp. 109, 110.
- Lesyuchevskiy V.I., 1928. Nekotorye zmeeviki v sobranii khudozhestvennogo otdela Gosudarstvennogo Russkogo muzeya [Certain zmeeviks in the collection of the Artistic Department of the State Russian Museum]. *Materialy po russkomu iskusstvu [Materials on Russian Art]*, I. Leningrad: Leningradskaya Pravda, pp. 10–21.
- Lesyuchevskiy V.I., 1946. Vyshgorodskiy kul't Boris i Gleba v pamyatnikakh iskusstva [The Vyshgorod cult of Boris and Gleb in art monuments]. *SA [Soviet Archaeology]*, VIII, pp. 225–247.
- Lexicon der Christlichen Iconographie: Sonderausgabe in 8 Bd., 8. W. Braunfels, ed. Rom: Verlag Herder, 1976. 644 p.
- Lexicon der Christlichen Iconographie: Sonderausgabe in 8 Bd., 1. von E. Kirschbaum, ed. Rom: Verlag Herder, 1968. 720 p.
- Mech i zlatnik: K 1150-letiyu zarozhdeniya Drevnerusskogo gosudarstva [Sword and Coin: To the 1150th Anniversary of the Emergence of Old Russian State]. D.V. Zhuravlev, V.V. Murashova, eds. Moscow: Kuchkovo pole: GIM, 2012. 320 p.
- Morshakova E.A., 2013. Drevnerusskaya melkaya plastika: napersnye kresty, ikony i panagii XII–XV vekov: katalog [Old Russian small plastics: Pectoral crosses, icons and panagias of the 12th–15th centuries: A catalogue]. I.A. Sterligova, ed. Moscow: Skanrus. 360 p.
- Napirskiy G., 1836. Opisanie i ob "yasnenie drevney medali [Description and interpretation of an old medal]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya [The Journal of the Ministry of Public Education]*, part 9, no. 1–3, pp. 355–359.
- Nikolaeva T.V., 1960. Proizvedeniya melkoy plastiki XIII–XVIII vekov v sobranii Zagorskogo muzeya: katalog [Small plastic articles of the 13th–18th centuries in the collection of the Zagorsk Museum: A catalogue]. Zagorsk: Tipografiya TsBTI Mosoblsovsnarkhoza. 338 p.
- Nikolaeva T.V., 1983. Drevnerusskaya melkaya plastika iz kamnya XI–XV vv. [Old Russian Stone Small Plastics of the 11th–15th Centuries]. Moscow: Nauka. 161 p. (SAI; E1-60).
- Nikolaeva T.V., Chernetsov A.V., 1991. Drevnerusskie amulety-zmeeviki [Old Russian Zmeevik Amulets]. Moscow: Nauka. 124 p.
- Nosov E.N., Plokhov A.V., 2005. Issledovaniya tsentral'noy chasti Gorodishcha v 1984–1989 gg. [Investigations of the central part of Gorodishche in 1984–1989]. *Gorodishche pod Novgorodom i poseleniya severnogo Priil'men'ya (Novye materialy i issledovaniya) [Gorodishche near Novgorod and settlements of the northern area of the Lake Ilmen (New materials and investigations)]*. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 33–66. Supplement 2 (Trudy IIMK RAN, XVIII).
- Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov [The First Novgorod Chronicle of the Older and Younger Recensions]. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete Collection of Russian Chronicles], 3. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 2000. 720 p.
- Oleynikov O.M., 2009. Raboty v severo-zapadnoy chasti Lyudina kontsa Velikogo Novgoroda v 2008 g. (Desyatinnyy I, III, IV raskopy) [Fieldwork in the northwestern part of the Lyudin district of Velikiy Novgorod in 2008 (Desyatinnyy I, II and III excavation areas)]. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya: materialy nauchnoy konferentsii [Novgorod and the Novgorod Land: papers of a Scientific Conference]*, 23. Velikiy Novgorod, pp. 36–44.
- Oleynikov O.M., 2013. Novye nakhodki amuletov-zmeevikov v Velikom Novgorode [New finds of zmeevik amulets in Velikiy Novgorod]. *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminara [The Archaeology of the Moscow Vicinities: Papers of a Scholarly Seminar]*, 9. Moscow: IA RAN, pp. 101–105.
- Oleynikov O.M., 2014. Novaya nakhodka amuleta-zmeevika s Raspyatiem v Velikom Novgorode [A new find of a zmeevik amulet featuring a crucifix in Velikiy Novgorod]. *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminara [The Archaeology of the Moscow Vicinities: Papers of a Scholarly Seminar]*, 10. Moscow: IA RAN, pp. 290–303.
- Orlov A.S., 1926. Amulety "zmeeviki" Istoricheskogo Muzeya [Zmeevik amulets of the Historical Museum]. *Otchet Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya za 1916–1925 gg. [The Report of the State Historical Museum for 1916–1925]*. Moscow: Rabotnik prosveshcheniya, pp. 1–58. Supplement V.
- Peresedov I.G., 2004. Ob amuletakh i ikh svyazi s natel'nymi krestami i inymi predmetami tserkovnoy kul'tury [On amulets and their relation to pectoral crosses and other items of church culture]. *Vizantiya v kontekste mirovoy istorii: materialy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati A.V. Bank [Byzantium in the context of world*

- history: Papers of the scholarly conference devoted to the memory of A.V. Bankl*. V.N. Zalesskaya, ed. St. Petersburg: Izdatel'stvo GE, pp. 108–121.
- Peskova A.A., 2005. Plastina s izobrazheniem svyatykh voynov iz raskopok na Ryurikovom Gorodishche [A plaque featuring saint warriors from the excavations on the Rurik Site]. *Gorodishche pod Novgorodom i poseleniya severnogo Priil'men'ya (Novye materialy i issledovaniya) [Gorodishche near Novgorod and settlements of the northern area of the Lake Ilmen (New materials and investigations)]*. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 394–399. Supplement 2 (Trudy IIMK RAN, XVIII).
- Peskova A.A., 2006. Istoki ikonografii enkolpionov [The sources of iconography of encolpions]. *Khristianskaya ikonografiya Vostoka i Zapada v pamyatnikakh material'noy kul'tury Drevney Rusi i Vizantii: Pamyati T. Chukovoy [Christian iconography of East and West in the monuments of material culture of Old Rus and Byzantium: In memory of T. Chukova]*. E.N. Nosov, ed. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, pp. 121–162.
- Peskova A.A., Strokova L.V., 2012. Khristianskie drevnosti Vizantii v "Siriyskoy kolleksii" B.I. i V.N. Khanenko [Christian Antiquities of Byzantium in the 'Syrian Collection' of B.I. and V.N. Khanenko]. St. Petersburg; Kiev: Peterburgskoe Vostokovedenie. 224 p.
- Petrov N.I., 1898. O nekotorykh zmeevikakh, enkolpionakh i obrazkakh, naydennykh v Kievskoy gubernii i voobshche na yuge Rossii [On some zmeeviks, encolpions and miniature icons found in the Kiev guberniya and in the south of Russia in general]. *Arkheologicheskie izvestiya i zametki, izdavaemye Moskovskim arkheologicheskim obshchestvom [Archaeological Proceedings and Notes Published by the Moscow Archaeological Society]*, vol. VI, no. 5, 6. D.N. Anuchin, A.I. Kirpichnikov, eds. Moscow: Tovarishestvo tipografii A.I. Mamontova, pp. 157–163.
- Pitarakis B., 2006. Les croix-reliquaires pectorales byzantines en bronze. Paris: Picard Edition (Bibliothèque des cahiers archéologiques, 16). 446 p.
- Pokrovskaya L.V., Tyanina E.A., 2009. Amulety-zmeeviki srednevekovogo Novgoroda (khronologiya, topografiya, semantika) [Zmeevik amulets of medieval Novgorod (chronology, topography and semantics)]. *Khoroshie dni: sbornik pamyati Aleksandra Stepanovicha Khorosheva [Good Days: A Collection of Papers in Memory of Alexandre Stepanovich Khoroshev]*. A.E. Musin, ed. Velikiy Novgorod; St. Petersburg; Moscow: LeopArt, pp. 432–445.
- Prameny dějin českých, VIII. Praha: Nadání Františka Palackého, 1932. 570 p.
- Prozorovskiy D.I., 1878. O drevnikh medal'onakh, nazyvaemykh "zmeevikami": Ottisk iz zhurnala "Khristianskie drevnosti" [On ancient medallions called 'zmeeviks': Offprint from the "Christian Antiquities" Journal] (1977, 1). St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk. 46 p.
- Russkie ikony [Russian Icons]. T. Kashirina, ed. Moscow: Mir entsiklopediy Avanta+: Astrel', 2010 (Samye kraivye i znamenitye). 183 p.
- Ryndina A.V., 1972. Suzdal'skiy zmeevik [The Suzdal zmeevik]. *Drevnerusskoe iskusstvo: Khudozhestvennaya kul'tura domongol'skoy Rusi [Old Russian Art: Artistic Culture of Pre-Mongol Rus]*, 6. V.N. Lazarev. Moscow: Nauka, pp. 217–234.
- Sedova M.V., 1966. Novgorodskie amulety-zmeeviki [The Novgorod zmeevik amulets]. *Kul'tura drevney Rusi: sbornik statey, posvyashchennyy 40-letiyu nauchnoy deyatel'nosti N.N. Voronina [Old Rus's culture: Collection of papers dedicated to the 40th anniversary of N.N. Voronin's scholarly activity]*. A.L. Mongayt, ed. Moscow: Nauka, pp. 243–245.
- Sedova M.V., 1981. Yuvelirnye izdeliya drevnego Novgoroda (X–XV vv.) [Jewellery of Old Novgorod (the 10th–15th centuries)]. Moscow: Nauka. 193 p.
- Shchepkin V.N., 1898. Serebryanny zmeevik, naydennyy v Ryazanskoy gubernii [A silver zmeevik found in the Ryazan guberniya]. *Arkheologicheskie izvestiya i zametki, izdavaemye Moskovskim arkheologicheskim obshchestvom [Archaeological Proceedings and Notes Published by the Moscow Archaeological Society]*, vol. VI, no. 3, 4. D.N. Anuchin, A.I. Kirpichnikov, eds. Moscow: Tovarishestvo tipografii A.I. Mamontova, pp. 132, 133.
- Smirnova E.S., 2009. Rannie etapy ikonografii svyatykh knyazey Borisa i Gleba. Vopros vizantiyskikh obraztsov i slozheniya russkoy traditsii [Early stages of iconography of Saint Princes Boris and Gleb. Byzantine examples and the formation of the Russian tradition]. *Boriso-Gleb'skiy sbornik [Boris and Gleb Collection]*, I. K. Tsukerman, ed. Paris: Association des Amis du Centre d'Histoire et Civilisation de Byzance, pp. 57–116.
- Sokolov M.I., 1889. Apokrificheskiy material dlya ob'yasneniya amuletov, nazyvaemykh zmeevikami [Apocryphal materials for the interpretation of amulets called zmeevik's]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya [The Journal of the Ministry of Public Education]*, part CCLXIII, section II, pp. 339–368.
- Sokolov M.I., 1895. Novyy material dlya ob'yasneniya amuletov, nazyvaemykh zmeevikami [New materials for the interpretation of amulets called zmeeviks]. *Drevnosti. Trudy slavyanskoy komissii Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva [Antiquities. Transactions of the Slav Commission of the Moscow Archaeological Society]*, I. Moscow: Tipografiya E. Lissnera i Yu. Romana, pp. 131–202.
- Spasskiy I.G., 1976. Tri zmeevika s Ukrainy [Three zmeeviks from the Ukraine]. *Srednevekovaya Rus': sbornik statey pamyati N.N. Voronina [Medieval Rus: A Collection of Papers in Memory of N.N. Voronin]*. G.K. Vagner, D.S., ed. Moscow: Nauka, pp. 358–362.
- Spier J., 1993. Medieval Byzantine magical amulets and their tradition. *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*, 56, pp. 25–75.
- Tolstoy I.I., 1888. O russkikh amuletkh, nazyvaemykh zmeevikami [On Russian amulets called zmeeviks].

- Zapiski Russkogo arkheologicheskogo obshchestva* [Transactions of the Russian Archaeological Society], vol. III, iss. 3/4, pp. 408, 409.
- Tolstoy I.I., 1991. Vizantiyskie monety [Byzantine coins], 10. Barnaul: Den'. 176 p.
- Toropova E.V., Antropova Ya.V., Zhurinov I.G., Toropov S.E., 2001. Staraya Russa: arkheologicheskie issledovaniya na Borisoglebskom raskope v 2000 g. (rezul'taty i perspektivy) [Staraya Russa: Archaeological investigations in the Boris and Gleb Church excavation area in 2000 (results and prospects)]. *Novgorod i novgorodskaya zemlya: Istoriya i arkheologiya: materialy nauchnoy konferentsii* [Novgorod and the Novgorod Land: History and Archaeology: Papers of a Scientific Conference], 15. Velikiy Novgorod, pp. 16–19.
- Ukhanova E.V., 2009. Drevneyshie izobrazheniya sv. knyazya Borisa. K istorii biblioteki Vladimira Monomakha [The oldest images of the Saint prince Boris. On the history of Vladimir Monomakh's library]. *Boriso-Glebskiy sbornik* [Boris and Gleb's Collection], I. K. Tsukerman, ed. Paris: Association des Amis du Centre d'Histoire et Civilisation de Byzance, pp. 117–156.
- Uvarov A.S., 1910. Sbornik melkikh trudov: Izdan ko dnyu 25-letiya so dnya konchiny [A Collection of Small Works: Published on Occasion of the 25th Anniversary of the Decease], I: Khristianskie drevnosti i zodchestvo [Christian antiquities and Architecture]. P.S. Uvarova, ed. Moscow: Tipografiya G. Lissnera i D. Sobko. 408 p.
- Uvarova P.S., 1908. Katalog sobraniya drevnostey grafa Alekseya Sergeevicha Uvarova [A Catalogue of Count Aleksey Sergeevich Uvarov's Collection of Antiquities]. Section VIII–XI. Moscow: Tipografiya Obshchestva rasprostraneniya poleznykh knig, arenduemaya V.I. Voronovym. 219 p.
- Vagner G.K., 1961. O zmeevidnoy kompozitsii na drevnerusskikh amuletkh-zmeevikakh [On snake-shaped composition on Old Russian zmeevik amulets]. *KSIA* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 85, pp. 26–30.
- Yanin V.L., 1974. Tserkov' Borisa i Gleba v Novgorodskom detintse: O novgorodskom istochnike "Zhitiya Aleksandra Nevskogo" [Boris and Gleb's Church in the Novgorod citadel: On the Novgorod source of "The Life of Alexandre Nevskiy"]. *Kul'tura srednevekovoy Rusi: Posvyashchaetsya 70-letiyu M.K. Kargera* [Culture of Medieval Rus: Dedicated to the 70th Anniversary of M.K. Karger]. A.N. Kirpichnikov, P.A. Rappoport, eds. Leningrad: Nauka, pp. 88–93.
- Yanin V.L., Kolchin B.A., 1978. Itogi i perspektivy novgorodskoy arkheologii [Results and prospects of the Novgorod archaeology]. *Arkheologicheskoe izuchenie Novgoroda* [The Archaeological Study of Novgorod]. Moscow: Nauka, pp. 5–56.
- Yanin V.L., Zaliznyak A.A., 2000. Novgorodskie gramoty na bereste: Paleografiya berestyanykh gramot i ikh vne-stratigraficheskoe datirovanie [Novgorod Inscriptions on Birchbark: Palaeography of Birchbark Inscriptions and Their Extrastratigraphic Dating], X. Iz raskopok 1990–1996 gg. [From the excavations of 1990–1996]. Moscow: Russkie slovari. 432 p.

КЕРАМИКА С ЛАКОВЫМ ПОКРЫТИЕМ ИЗ РАСКОПОК ПОСЕЛЕНИЯ ПОЛЯНКА В КРЫМСКОМ ПРИАЗОВЬЕ

© 2016 г. А.А. Масленников

Институт археологии РАН, Москва (iscander48@mail.ru)

В статье анализируются тип, форма и варианты, а также определяется хронология нескольких сотен профильных обломков столовой посуды с лаковым (черным и бурым) покрытием из многолетних раскопок поселения Полянка в Крымском Приазовье. В основном она датируется второй четвертью III – третьей четвертью II в. до н.э. Но встречаются фрагменты несколько более ранних изделий и, что значительно чаще, конца II – первой четверти I в. до н.э.

Ключевые слова: черно-буrolаковая посуда, типология, хронология, поселение Полянка, Крымское Приазовье, эллинизм.

Завершая серию соответствующих публикаций, обратимся к самой многочисленной и сложной группе рассматриваемого материала, равно как и к самому непростому из привлекаемых в этой связи памятников. Действительно, в отличие от соседних поселений Приазовья (Крутой берег и Золотое Восточное) этот объект в хронологическом и стратиграфическом плане более сложный. Напомним, небольшое по площади (около 0.55 га) городище Полянка раскопано примерно на две трети. Почти все сохранившиеся строительные остатки и соответствующие культурные напластования относятся к I в. до н.э. Им почти повсеместно предшествуют слои и находки более раннего времени, происхождение, топография и стратиграфия которых весьма специфичны (Масленников, 2013). Все это – отчасти сnivelированный и перемещенный зольно-мусорный грунт – сброс со скалистого холма, примыкающего к городищу с востока. В сущности, это единственное свидетельство некогда существовавшего там более раннего (эллинистического) поселения, хронология которого нас и интересует. (Иными словами, исследователь довольствуется изучением как бы “отражения” его жизни.)

Естественно, часть находок и грунта данного зольника либо попала в слой I в. до н.э., либо местами (у подножия холма) даже перекрывала его, поскольку продолжала сползать вниз по склону на уже заброшенные строительные остатки. Отсюда и многочисленные примеры совместного обнаружения фрагментов однозначно разновременной керамики, в том числе покрытой черным, бурым и настоящим красным лаком, что делает в ряде случаев соответствующие определения очень сложными. Поэтому

для чистоты эксперимента учитывались и анализировались не все покрытые черным и бурым лаком керамические находки, а лишь те, что происходили определенно из ранних культурных напластований. Почти исключительно это были слои, исследованные в восточной части основного раскопа, у подножия упомянутого холма. Мощности их достигала местами 1.5–3 м, а специфика происхождения (зольно-мусорная свалка) не вызывала сомнений.

Итак, было учтено 490 фрагментов рассматриваемой посуды: примерно 3.1% всех керамических обломков (15807), исключая амфорную тару. Таковыми же подсчетами по другим синхронным памятникам или/и слоям (комплексам) на Боспоре мы не располагаем. А вот на соседних объектах он равен в среднем 4 (Сююрташ) и 1.5 (Крутой берег). По всей видимости, упомянутый мусорный сброс по своему происхождению чисто бытовой и не связан с какой-либо специфической, например сакральной, деятельностью. В последнем случае находки в нем фрагментов покрытой лаком столовой посуды были бы, надо думать, более многочисленны, а ассортимент иным.

Бытовой характер зольника, видимо, повлиял и на такой показатель рассматриваемых артефактов, как степень их фрагментарности: в нашем распоряжении почти нет даже условно целых форм. В обычных условиях (“интерьеры” помещений, заполнения ям) таковые, а то и полностью сохранившиеся изделия хотя бы изредка, но встречаются. Здесь же все, что называется, разбито вдребезги. Поэтому в своем большинстве покрытые лаком обломки не пригодны для уверенного типологического и хронологического анализа. Все остальные

необходимые замечания и оговорки уже делались ранее при характеристике аналогичных собраний с других приазовских городищ.

Теперь о распределении рассматриваемой керамики по формам. (В “числителе” – чернолаковые фрагменты, в “знаменателе” – буrolаковые.) Судя по профильным частям, первенствуют чашки (венчики-края – 20/42) и миски (8/19). Донца тех и других различить невозможно, и соотношение их в общем 16/33. Целых форм нет, полных профилей всего два. На втором месте – тарелки: венчики-края – 18/26; донца – 2/4; профили – 1/1. Затем – канфары: венчики-края – 10/0; ручки – 11/1; ножки – 8/1. Потом – так называемые кубки: венчики-края – 0/10; ручки – 1/11; донца – 1/8. Следом – рыбные блюда: края-венчики – 4/2; донца – 3/1; профили – 2/0. Флаконы – унгентарии: горла – 0/2; тулово – 0/1; ножки – 0/7; целые – 0/1. Солонки: края – 1/1; донца – 2/0. Закрытые формы: горла-венчики – 1/1; донца – 0/2. Разумеется, эта статистика не совпадает с той, что представлена в таблицах, поскольку данная публикация, как и обе предшествующие, не является каталогом соответствующих находок.

Данная общая характеристика несколько отличается от оценок коллекций с упомянутых выше городищ. Прежде всего это касается форм посуды: заметно меньше канфаров и рыбных блюд, но выше доля тарелок, вернее, тарелочек, а также кубков. Изменился облик чашек, в меньшей степени мисок. Черный лак в основном тусклый, почти серый, тонкослойный. Больше половины рассматриваемых изделий покрыто разными оттенками бурого лака. Правда это наблюдение почти вовсе не касается некоторых старинно-традиционных форм: части канфаров, рыбных блюд и солонок, на которых черный лак, подчас весьма качественный, доминирует. Что касается поздних типов канфаров, тарелочек, чашек с мисками и тем более кубков, то их лаковое покрытие нередко демонстрирует смешение (неоднородность) цветов на одном сосуде: от черного до практически красного. Не беремся судить: следствие ли это менее качественного обжига, разницы температур “внутри” каждой партии изделий в печи или состава самого лака. О разнообразии оттенков цвета на собственно буrolаковых изделиях (от коричневого до красного) и говорить не приходится. Подчеркнем, о столовой посуде, покрытой именно красным лаком, в данном случае речь не идет вовсе, в том числе и в силу упомянутых выше стратиграфическо-хронологических ограничений.

Глина большинства рассматриваемых изделий красная с оттенками, хорошо отмученная. Но встречается светло-коричневая и даже изредка серая. Иногда в ней заметны мелкие блески (слюда),

белые (известняк) включения и поры. Но чаще она выглядит плотной и однородной. Штампованный орнамент на дне встречается редко, он очень прост: концентрические круги насечек; пальметты зафиксированы всего несколько раз.

Можно ли считать все сказанное выше хронологическим признаком, станет более или менее ясно после традиционного анализа форм, типов и вариантов посуды данной коллекции (см. таблицу).

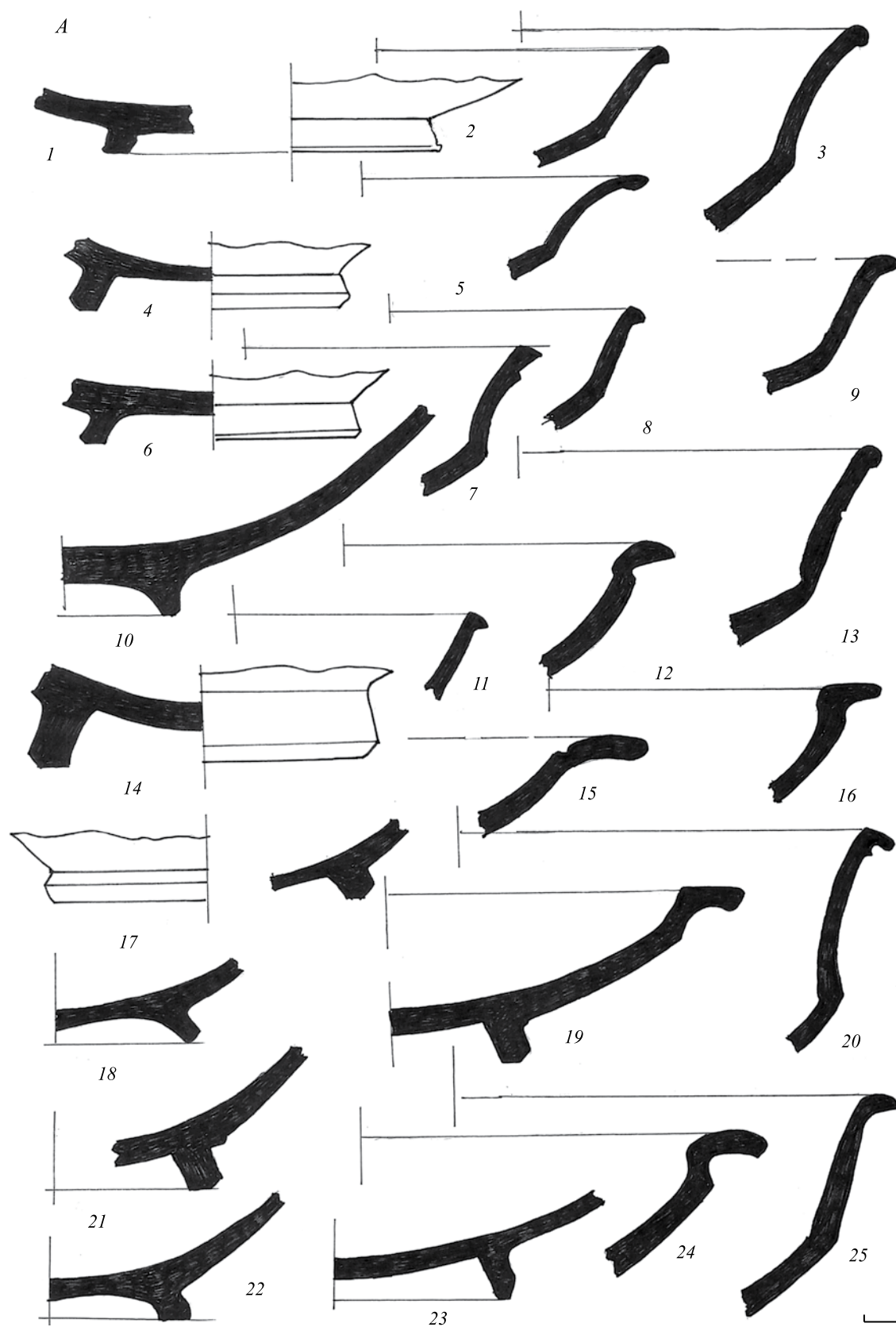
Чашки. Крайняя малочисленность даже условно целых изделий и неоднозначность в плане точной идентификации (чашки, миски, тарелки) донцев не оставляет иных предметов для рассмотрения, кроме краев – венчиков. И здесь в зависимости от формы венчика и характера (конфигурация и угол наклона) стенок можно выделить не менее 2-3 типов с несколькими вариантами (и подвариантами) каждый.

Прежде всего это относительно немногочисленный (“позднеклассический”) тип (I) чашек с небольшим, овально-округлым, подтреугольным или клювовидным венчиком (варианты 1–3). При этом практически всегда несильно отклоненный бортик (верхняя часть стенки), прямой или слегка вогнутый, переходит в нижнюю, плавно-пологую часть стенки посредством более или менее выраженного ребра. Плавный переход – скорее исключение. Есть случаи наличия неглубокого горизонтального желобка примерно в середине бортика или остроконечных также горизонтальных выступов-ребер непосредственно под венчиками (подварианты 1–3). Размеры этих довольно глубоких (от 3.5 до 7 см) изделий разные. Но преобладают, кажется, крупные (диаметр устья от 18 до 26 см). Донца в массе своей имели толщину, равную или немного меньшую, чем нижних частей стенок. Их внешняя поверхность ровная или слегка выпуклая, встречаются экземпляры и с коническим утолщением по центру, нередко без лакового покрытия. Поддоны, как правило, не особенно высокие, но достаточно толстые, в сечении подтрапцевидные или с овальной внешней стороной отогнуты наружу, чаще со скосом-ребром близ плоского, не покрытого лаком основания. Стенки умеренно толстые (рисунок, А). Датировка: последняя четверть IV – первая четверть (половина?) III в. до н.э.

Как известно, в трансформации форм чашек этого типа на протяжении III – первой половины II в. до н.э. выделяется три основные тенденции: венчик от слегка выступающего наружу с подтреугольным или клювовидным краем становится все более горизонтально-вытянутым. Переход двух частей стенок меняется от плавно-округлого к более или менее резко выраженному, с ребром.

Форма	Тип	Вариант	Дата (гг. до н.э.)									
			325–300	300–275	275–250	250–225	225–200	200–175	175–150	150–125	125–100	100–75
А	I	1										
		2										
		3										
	II	1										
		2										
		3										
	III	1										
		2										
		3										
Б	I	1										
	II	1										?
		2										?
		3										?
		4										
		5										
		6										
		7										
	III	1						?				
		2										
В	I	1										
	II	1										
Г	I	1										
		2				?						
		3					?					
	II	1										?
		2										
Д	I	1										
	II	1					?					
	III	1										
	IV	1							?			
		2							?			
		3										
		4						?				?
Е	I	1										
	II	1–2										
Ж	I	1										
З	I	1										
И	I	1–3										
	II	1–3										
	III	1										
К	I	1										
		2										
Л	I	1										
		2										
М												

Примечание: А – чашки; Б – миски; В – миниатюрные миски (солонки); Г – тарелки; Д – рыбные блюда; Е – канфары; Ж – канфаро-кубки; З – леканы (крышки); И – кубки; К – унгентарии; Л – кувшины/амфоры; М – кратер. Светло-серый цвет означает: «не вполне уверенно, вероятно».

Керамика с лаковым покрытием. А – 1–25; Б – 1–31; В – 1–14; Г – 1–32; Д – 1–21; Е – 1–22.

Верхняя часть стенки из наклонно-прямой становится наклонно-вогнутой. Поддон как бы упрощается в профилировке, становясь более толстым, подтрапцевидным, приземистым (Rotroff, 1997. Р. 333–335; Егорова, 2009. С. 32, 33, 52–54). Все эти признаки (эллинистический тип – тип II) отмечены выше в рассматриваемой коллекции. Поэтому в целом данный тип чашек следует датировать второй четвертью III – II в. до н.э. Но некоторые упомянутые выше детали и аналогии позволяют в ряде случаев сузить эту хронологию.

Так, чашку с относительно тонкими стенками, сильно отогнутым и вогнутым краем (бортиком) и слабо выраженным подовально-вытянутым венчиком (рисунок, А, 5), вероятно, можно датировать не ранее второй четверти III в. до н.э. (Егорова, 2009. С. 107. Рис. 15, № 214). Именно “не ранее”, ибо неизвестно, как выглядела ее нижняя часть, да и лак бурый. К тому же есть и иные, в массе своей более поздние (250–150 гг. до н.э.) аналогии (Rotroff, 1997. Р. 331, 336. Fig. 60, № 884, 927). Отметим, что вытягивание (большая высота) края (бортика) чашек – характерная черта этой посуды примерно со второй четверти II в. до н.э. Еще один поздний признак – “подсечка” или своего рода резкий переход от бортика к нижней части стенок изнутри сосуда (рисунок, А, 13, 20). На материалах афинской Агоры он фиксируется со второй четверти по конец II в. до н.э. (175–110 гг. до н.э.) и даже позже (Rotroff, 1997. Р. 336, 337. Fig. 60, № 934; 61, № 943, 947).

Чашки третьего типа отличаются (в рассматриваемой коллекции есть один целый профиль) относительно небольшой глубиной (3–4 см) при общей высоте 5–5.5 см, диаметре устья 22–24 и некоторой приземистостью. Наклонные поддоны толстые, в сечении подтрапцевидные, с плоским основанием и ребром снаружи. Но главное – довольно толстые, плавно изогнутые стенки с сильно вытянутым, горизонтально-отогнутым, плоским или овальным сверху венчиком. Иногда его валик вдаётся внутрь. Но всегда снаружи под венчиком имеется округлая, подчас совсем узкая выемка – горизонтальный желобок (рисунок, А, 12, 16, 19, 24, варианты 1–3). Дно по толщине и конфигурации – продолжение нижней части стенок. Глина темно-красная, красная, темно-коричневая; лак густой, черный, блестящий. Эти изделия чаще называют “соусницами с выступающим венчиком”, хотя и размеры, и функции их не отличаются от чашек. В других приазовских собраниях, да и в изданных материалах из Северного Причерноморья они почти не фиксировались (Егорова, 2009. С. 42, 57. Рис. 30, № 505; 43, № 645, 646). Соусницы по-

являются в Аттике не ранее второй четверти III в. до н.э. и доживают до второй четверти следующего века (Rotroff, 1997. Р. 149, 150). Рассматриваемые в настоящей работе экземпляры можно датировать по относительно близким аналогиям (Rotroff, 1997. Р. 319, 320. Fig. 52, 53, № 737, 756, 757): 250–175/150 гг. до н.э.

Миски. Эта более многочисленная категория керамики, как известно, делится на два основных вида (типа): мелкие и глубокие. Первые появились раньше, но к середине III в. до н.э. были почти вытеснены вторыми (Rotroff, 1997. Р. 161, 162; Егорова, 2009. С. 35, 36). Подавляющее большинство обломков рассматриваемой коллекции, прежде всего края, а также два условно целых профиля можно отнести к глубоким мискам 5 и 6 вариантов в зависимости от формы (острая, округлая, подтреугольная, утолщено-округлая, валикообразная и почти прямая) венчика, характера и степени изгиба (плавный, резко отогнутый, сильно загнутый) края сосуда и толщины стенок (тонкие и относительно толстые) (рисунок, Б). Поддоны в сечении подтрапцевидные и подтреугольные, как низкие, так и достаточно высокие. Донца ровные или слабо, плавно изогнутые, не толще стенок. В одном случае на внутренней стороне – тисненый орнамент из нечетких пальметт (рисунок, Б, 18). Размеры мисок варьируют от средних (диаметр устья 12–14 см) до достаточно больших (20–22 см), при глубине от 4–5 до 7 см.

Строго датирующих признаков (в рамках III–II вв. до н.э.) даже у целых глубоких мисок вроде бы нет (Rotroff, 1997. Р. 161–164; Егорова, 2009. С. 36). Разве что характер нанесения лакового покрытия: неполное – у более поздних сосудов. В изучаемом собрании есть фрагменты, причем с самыми толстыми стенками и округлым, остроконечным краем венчика, которые были покрыты бурым лаком тоже не полностью (рисунок, Б, 11, 17). Вероятно их можно отнести ко времени не ранее третьей четверти II в. до н.э. (Rotroff, 1997. Р. 164). Приведем также возможные аналогии и датировки хотя бы для нескольких наиболее примечательных вариантов мисок.

Это почти целый профиль красноглиняной миски на высоком плоском поддоне (с острым выступом в месте стыка со стенками): подтреугольный край загнут под углом, образуя ребро (рисунок, Б, 1), лак бурый (Rotroff, 1997. Р. 341. Fig. 63, № 1007–225–175 гг. до н.э.).

Другой пример – профиль светло-красноглиняной миски на низком, подтрапцевидном, плоском поддоне с внешним ребром: сужающийся к краю венчик плавно загнут внутрь; стенки равномер-

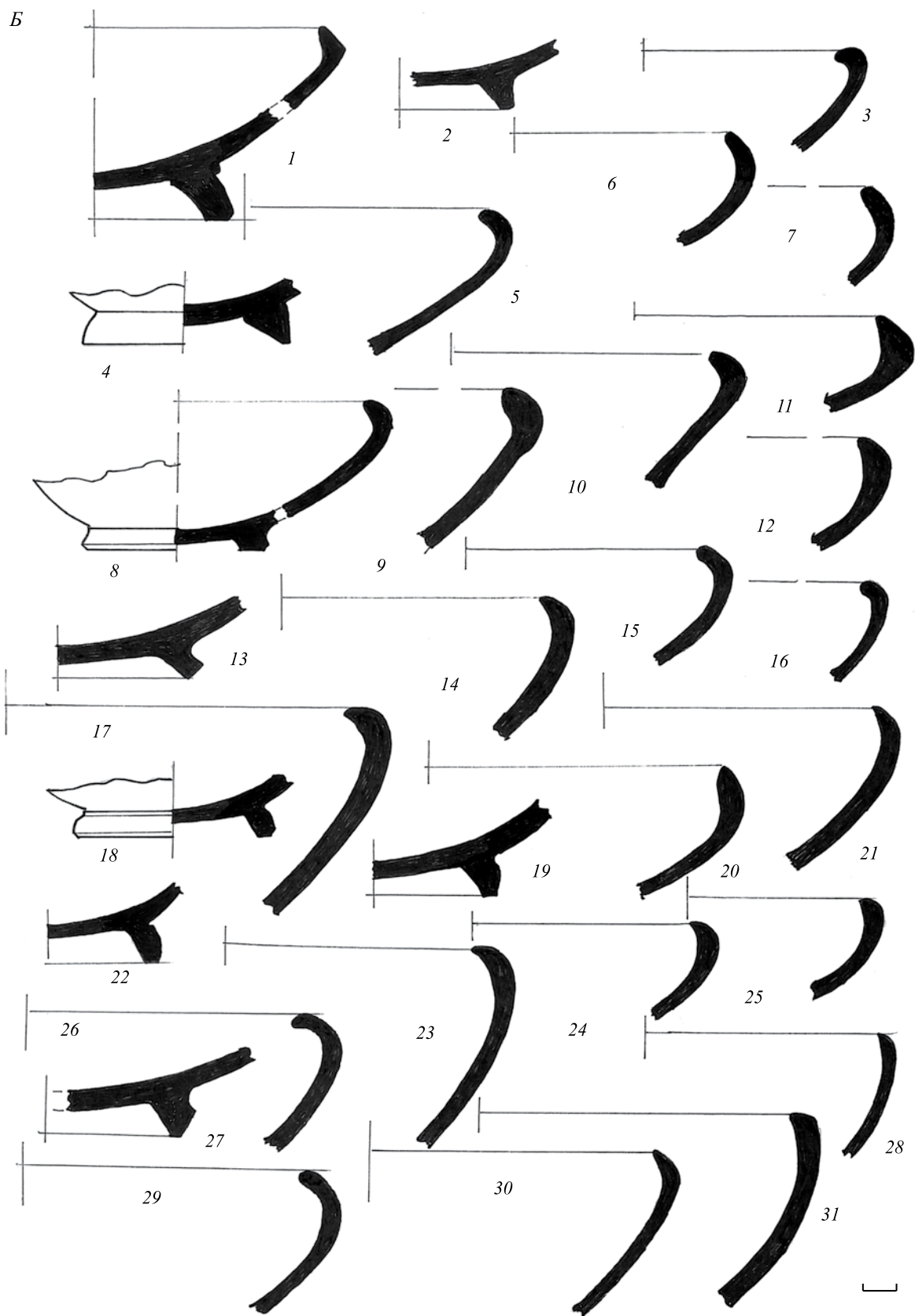

Рисунок (Продолжение.)

но-умеренно толстые; лак черно-бурый, блестящий (рисунок, *Б*, 8). Датировка – вероятно II в. до н.э. (Егорова, 2009. С. 122. Рис. 23, № 331; Rotroff, 1997. P. 341. Fig. 63, № 1001–290–275 гг. до н.э.). Но в обоих случаях речь у С. Ротрофф идет о собственно чернолаковых изделиях аттического производства.

Еще один пример – край светло-коричневоглиняной (с мелким песком) миски с сильно утолщенным в месте изгиба, подтреугольным, остроконечным венчиком; лак бурый (рисунок, *Б*, 11, 12). Датировать этот экземпляр можно скорее всего первой половиной III в. до н.э. (Егорова, 2009. Рис. 42, № 619), но глина, глубина сосуда и лак заставляют склониться к более поздней дате. Приблизительно то же можно сказать о крае светло-красноглиняной миски с валикообразным в сечении венчиком; лак черно-бурый (рисунок, *Б*, 9).

Весьма характерны для коллекции миски с сильно отогнутым (загнутым) венчиком. Его округлый край опущен как бы ниже уровня устья сосуда (рисунок, *Б*, 3, 15, 26). Стенки тонкие, глина светло-коричневая и серая с блестками; лак черно-бурый, тусклый. Вероятные аналогии (Егорова, 2009. Рис. 23, № 325, 334; Rotroff, 1997. P. 341. Fig. 63, № 1011, 1033) датируются последней четвертью III – первой половиной II в. до н.э. (175–150 гг.). Отмеченный признак – показатель весьма поздних изделий рассматриваемой группы, к тому же не аттического производства.

Следующий вариант глубоких мисок характеризуется острым краем венчика, как правило, не очень сильно загнутым внутрь. Стенки как толстые, так и тонкие. Глина светло-красная или красная. Лак черный тусклый, серый или бурый (рисунок, *Б*, 14, 17, 21, 23, 24, 28). Судя по северопричерноморским (Егорова, 2009. № 331, 631) и афинским (Retroff, 1997. Fig. 63, № 1017) аналогиям, эта особенность присуща изделиям II в. до н.э. Может быть, даже его второй половины – первой четверти следующего века. Ввиду плохой сохранности изделий точнее сказать невозможно.

Наконец так называемые миски с прямым, почти не загнутым внутрь, слегка скошенным краем (рисунок, *Б*, 31). Они достаточно редки (Егорова, 2009. С. 37, 56. № 326–329, 633–640; Rotroff, 1997. P. 164. Fig. 64, № 1039–1044). Датировка: последняя четверть III – первая четверть II в. до н.э., а по афинским материалам даже 140–110 гг. до н.э. Единственный экземпляр (красная, плотная глина без видимых включений, лак бурый, густой) из рассматриваемой коллекции имел слабо выраженный скос края не внутрь, а наружу, что, кажется, характерно

уже для краснолаковых мисок I в. до н.э. Отсюда и его более поздняя дата.

Но самым примечательным является тип мисок с прямым, высоким бортиком, отделенным от тулова резким переходом (ребром). (Их в соответствующих публикациях называют то чашками, то мисками. Думается, вернее второе наименование.) Как правило, это довольно большие и глубокие сосуды с двумя П-образными, приподнятыми, круглыми в сечении ручками, крепившимися на уровне этого ребра или чуть выше. В ранних вариантах ручки практически не возвышались над краем изделия и имели небольшую ширину. Высота, вертикальность и профилировка бортика различны даже в исследуемой коллекции и могут служить показателем вариантности этих изделий. Они покрыты красно-бурым лаком разного качества и нередко украшены по бортику растительно-геометрическим орнаментом белой краской, подработанным резцом. Вообще говоря, такие миски характерны для слоев и комплексов I в. до н.э. – рубежа эр, т.е. другой эпохи. И это в данном случае настораживает.

Но предельно перепроверив все обстоятельства находок такого рода, мы все-таки оставляем некоторые экземпляры в контексте рассматриваемых. В большинстве случаев (вариантов, которых можно выделить не менее двух) бортики высотой 2.8–4 см были слегка наклонены внутрь. При разной профилировке они или прямые, или заметно прогнутые. Край венчика или острый, иногда с внешней горизонтальной бороздкой, или же округлый и овально-вытянутый наружу. Упомянутая роспись отсутствовала. В одном случае уцелела ручка, немного выступавшая над краем сосуда. Диаметры устьев варьировались от 20 до 24 см, но в одном случае (рисунок, *Б*, 2) был меньше. О высоте мисок судить сложно, а стенки почти всех достаточно толстые (рисунок, *Б*, 2, 6, 8, 10, 11). Не исключено, что к этим мискам можно отнести и два-три довольно крупных донца с разной профилировкой и высотой плоских широких поддонов (рисунок, *Б*, 3–5). Глина и лак соответственно: светло-красная, плотная, хорошо отмученная, лак черный, густой; серо-коричнево-красная глина, лак черно-бурый, тусклый; светло-коричневая глина, темно-бурый лак; светло-коричневая, плотная глина, лак темно-бурый; светло-красная, плотная глина, бурый лак. Датировка этих мисок аттического и неаттического производства колеблется от 200 г. до рубежа II–I вв. до н.э., но данные экземпляры, кажется, можно отнести ко второй половине II – началу I в. до н.э. (Retroff, 1997. P. 284, 285, 399. Fig. 23, № 396–404; 96, № 1576–1578, 1584).

Так называемые *миниатюрные миски* представлены двумя обломками донцев (рисунок, В, 7, 13). Обе они относятся к типу с широким поддоном, но к какому именно варианту (с отогнутым наружу или загнутым внутрь краем) неизвестно. Основания поддонов (диаметром 5.4 и 8.4 см) плоские, покрытые лаком; дно с наружной стороны с характерным для сосудов этой группы утолщением. Глины: светло-красная, плотная, с мелкими блестками и темно-красная, плотная; лак черно-бурый, блестящий и черный, густой, блестящий. Мисочка меньшего размера явно лучшего качества (аттического производства) и выглядит несколько архаично. Ее вполне можно отнести к изделиям еще последней четверти IV – первой четверти III в. до н.э. (Егорова, 2009. С. 37, 38. Рис. 24, № 358; Rotroff, 1997. Fig. 64, № 1053–1057). Второй экземпляр – более поздний, но в пределах III в. до н.э. Миниатюрные мисочки могли выполнять функции настольных солонок, чем, вероятно, и объяснялась продолжительность их бытования.

Тарелки и тарелочки относительно неглубокие, с сильно отогнутыми стенками, на кольцевом низком поддоне большого диаметра можно поделить на две группы: классическую и эллинистическую. Первая представлена всего одним профилем маленького (диаметр устья 12 см) изделия с толстыми стенками, уплощенно-валикообразным, обращенным наружу венчиком, почти горизонтальной внутренней и слегка утолщенной к центру внешней поверхностями дна, короткими, плавно изогнутыми стенками без выступов под венчиком, низким плоским, подтрапецевидным в сечении поддоном (рисунок, Г, 21, 22). Глина красная, плотная, без видимых включений; лак черный, густой, блестящий. Датировка по близким и не очень близким аналогиям афинской Агоры: 325–300 гг. до н.э. (Rotroff, 1997. Р. 144, 145, 310. Fig. 46, № 642). Это тоже своего рода “бабушкин сервиз”. Не исключено, что к этой же, но с более поздней датировкой (первая четверть–треть III в. до н.э.) серии тарелок относятся и несколько фрагментов (краев) с валикообразным венчиком и двумя выступами-ребрами на внешней, выпукло-вогнутой поверхности стенок, а также и без них. Глина светло-красная и красная, плотная; лак черный, густой, слабо блестящий (рисунок, Г, 16, 17, 20, 26, 28) (Егорова, 2009. С. 40. Рис. 28, № 452, 453). Вероятно именно к этой группе тарелок принадлежат немногочисленные обломки довольно толстых донцев на низких также толстых поддонах с остатками штампованного орнамента (концентрические круги насечек с пальметтами) на внутренней поверхности. Второй четвертью III в. до н.э. можно датировать края тарелок с более или

менее выраженным (широким) желобком под венчиком (рисунок, Г, 18, 24, 30) (Rotroff, 1997. Р. 144).

Абсолютное же большинство краев тарелок исследуемой коллекции относится уже к позднему (эллинистическому) типу. Принято считать, что со второй четверти и, особенно, со второй половины III в. до н.э. форма тарелок заметно изменяется в сторону большего углубления, вытягивания и выравнивания стенок при уменьшении их толщины и сплющивании валика венчика, ставшего во II в. до н.э. изнутри остроконечным (Rotroff, 1997. Р. 144, 145; Егорова, 2009. С. 40, 41, 59. Рис. 28, 45). Глина этих изделий варьирует от красной до коричнево-серой; лак чаще всего буро-коричнево-серый, неоднородный, бледный, нередко облеслый (рисунок, Г).

В целом преобладают небольшие тарелочки, хорошо знакомые каждому археологу, имевшему дело с городскими и сельскими слоями позднеэллинистического времени. Пример тарелки этого типа – единственный полный профиль (рисунок, Г, 12). Диаметр устья – 18 см, высота – 2.5. Пологие стенки имеют характерное плавное утолщение в центральной части. Сплюснутый валик венчика обращен острой частью внутрь. Поддон низкий, подпрямоугольный в сечении, с плоским основанием и не особенно широкий (диаметр 7 см) – заметно меньший по отношению к диаметру устья, чем у изделий классической серии. Глина светло-оранжевая, с мелким песком и слюдой; лак черный, тусклый, жидкий. Датировка, вероятно, 150–110 или даже 110–86 гг. до н.э. (Rotroff, 1997. Р. 314. Fig. 50, № 700).

Рыбные блюда. Как уже отмечалось, доля данного вида керамики в рассматриваемой коллекции сократилась. К тому же – ни одного целого профиля. Невозможно решить, какому краю соответствует какое дно. Отсюда неопределенность типологии и невозможность буквального следования соответствующим выводам и хронологии признанных знатоков чернолаковой посуды (Rotroff, 1997. Р. 147–149).

Если брать за основу формального анализа донца как самую характерную часть рыбных блюд, то можно выделить три типа. Первый – толстостенные сосуды на массивных, высоких трапецевидных в сечении, плоских поддонах с глубокими, довольно большими в диаметре соусницами, отделенными ярко выраженными бортиками (рисунок, Г, 2, 4, 5). Стенки, судя по уцелевшим частям, уже достаточно высоко подняты. Глины и лак следующие: светло-красная, плотная, без видимых включений, хорошо отмученная, лак черный, тусклый; красная, плотная, лак черно-бурый, густой; красная, плот-

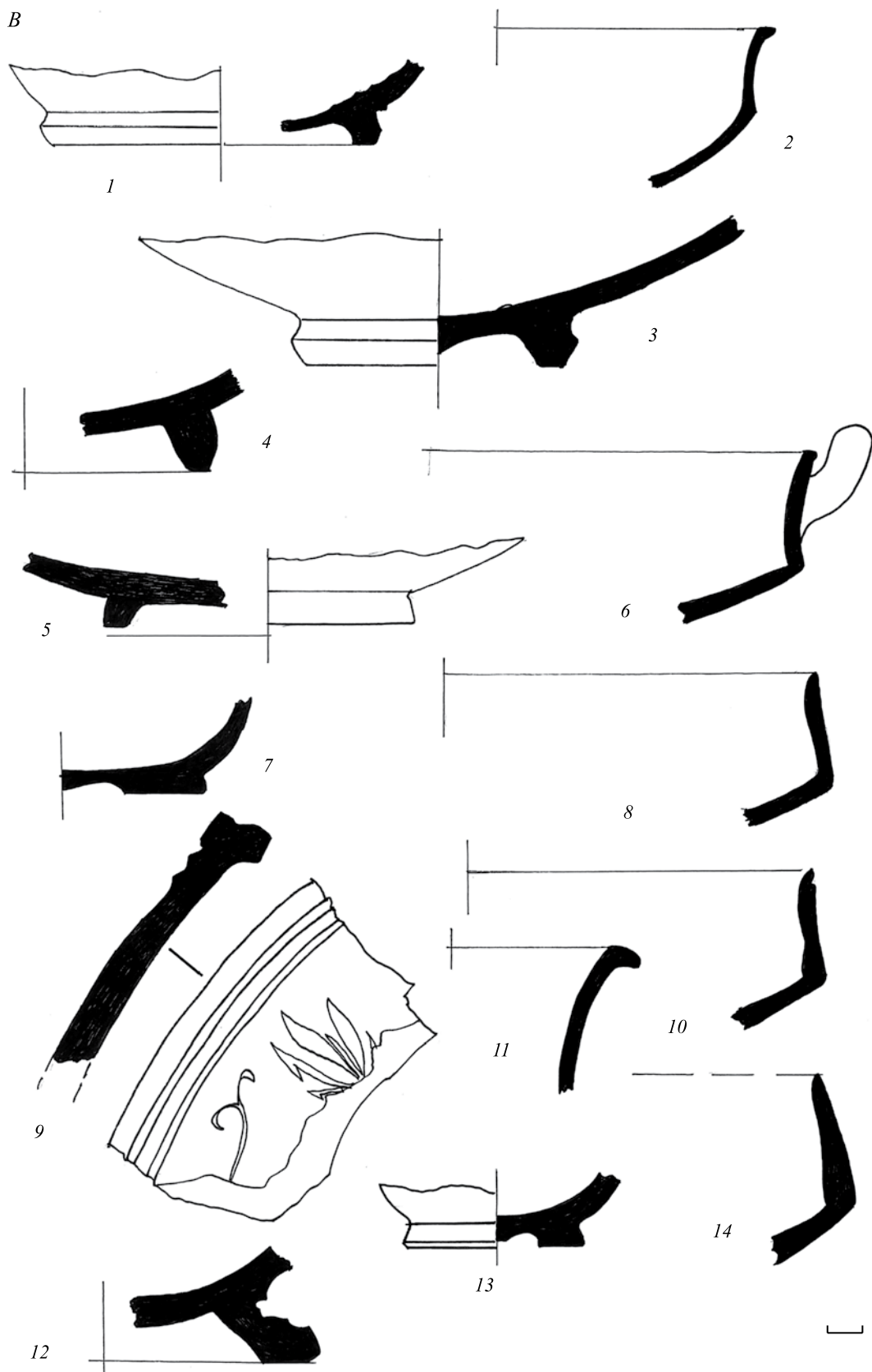

Рисунок (Продолжение.)

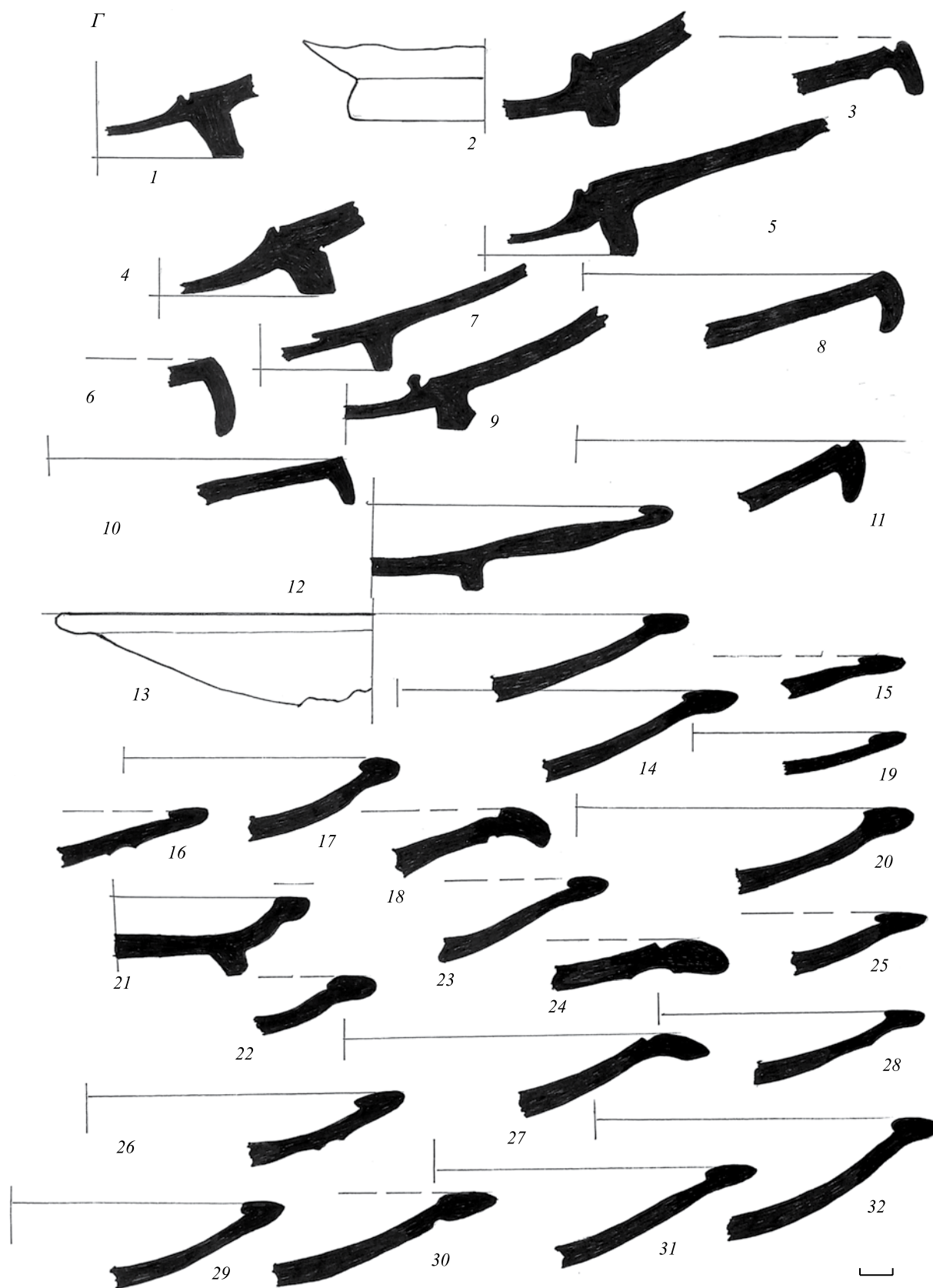

Рисунок (Продолжение.)

ная, без видимых включений, лак черный, слабо блестящий. Вероятная датировка: вторая–третья четверть III в. до н.э.

Второй тип – изделия с менее толстыми стенками, на высоких и не очень, довольно массивных поддонах разной (угловатой) профилировки с плоской подошвой. Соусницы, по-прежнему большие в диаметре, выделены бортиками, но заметно мельче (рисунок, Г, 1, 9). Глина красная, плотная; лак черный, блестящий или глина красная, плотная, без видимых включений; лак черный, тусклый, местами не сохранившийся. Датировка та же, но, может быть, и последняя четверть III в. до н.э.

Третий тип – тонкостенные изделия на высоком, тонком, подтрапцевидном в сечении поддоне с мелкой, как бы имитированной соусницей. Глина светло-красная, плотная, лак густой, бурый (рисунок, Г, 7). Найти прямые аналогии пока не удалось. Датировка: вторая четверть–вторая половина II в. до н.э. (Rotroff, 1997. Р. 149; Егорова, 2009. С. 42).

Теперь о венчиках, вернее, краях рыбных блюд. Ввиду их характерного профиля они тоже подлежат некоему распределению. Все фрагменты рассматриваемого собрания демонстрируют отмеченные выше тенденции трансформации, особенно заметные с последней четверти III в. до н.э. Это изменение угла наклона края (от вертикального к наклонному в разной степени), изменение его профилировки и ширины (от прямой к плавно изогнутой или вообще сложнопрофилированной) и вогнутость стенок (рисунок, Г, 3, 6, 8, 10, 11) (Rotroff, 1997. Р. 147, 148). Исходя из сказанного можно выделить не менее трех вариантов краев блюд: с почти ровным, отогнутым под углом примерно в 45°, небольшим краем с выраженным широким желобком под ним (с внешней стороны) и присущим рыбным блюдам классической серии узким желобком перед краем изделия снаружи. Стенки толстые, прямые (рисунок, Г, 3). Вероятно эти признаки характеризуют самые ранние (но не ранее второй четверти III в. до н.э.) изделия. Затем – блюда с почти аналогичной профилировкой края и стенок, но без всяких желобков (рисунок, Г, 10).

Самая многочисленная группа (вариант) – с вогнутыми стенками и плавно изогнутым, иногда довольно длинным, сильно наклоненным (почти вертикальным) краем (рисунок, Г, 6, 8). Принято считать, что данная группа появляется с конца III в. до н.э. и особенно характерна для второй половины II в. до н.э. (Rotroff, 1997. Р. 147, 148. Fig. 51, № 729, 730; Егорова, 2009. С. 42. Рис. 30, № 502). Быть может, самые ранние из них (вторая четверть II в. до н.э.?) отличались наличием верхнего желобка (рисунок, Г, 11).

Наконец, вариантом довольно поздних рыбных блюд (а не только соусниц) могли быть так называемые сложнопрофилированные края. Они отличались наличием двух – сверху и снизу (или реже одного сверху) – узких угловатых желобков при близком к горизонтальному положению плавно изогнутом, продолговато-овальном, довольно толстым венчике (рисунок, Г, 18, 24, 27, 30). Такие рыбные блюда появляются в самом конце III в. до н.э., но становятся обычными со второй четверти следующего века, доживая до начала I в. до н.э. (Rotroff, 1997. Р. 149, 150, 317, 418. Fig. 51, № 733; 102, № 1718; Егорова, 2009. С. 42. Рис. 30, № 503, 504). Все это были довольно глубокие, в основном неаттические изделия – тоже признак относительно позднего этапа их трансформации (Rotroff, 1997. Р. 147). Перечислим натуральные (глина, лак) показатели хотя бы упомянутых здесь фрагментов в порядке их последовательности: серая глина, лак черный, густой, блестящий; красная, плотная глина, черный лак; светло-коричневая, плотная глина, черный лак; плотная, красная глина, черный, густой лак; светло-красная, плотная глина, лак серый, тусклый; красная глина, черный лак; светло-красная глина, черно-бурый лак; светло-красная, плотная глина, черно-бурый, тусклый лак; красная, плотная глина, черный, тусклый лак.

Часть только что описанной группы закраин с почти горизонтально отогнутыми профилированными венчиками вполне могла принадлежать и упомянутым выше довольно глубоким сосудам – соусницам. Они распространились из Аттики примерно со второй четверти III в. до н.э. и были особенно популярны во II в. до н.э. (Rotroff, 1997. Р. 149, 150, 318. Fig. 51, № 743–745–200/175, 175/150 гг. до н.э.). Но, видимо, в Приазовье их было мало.

Сосуды для питья. Прежде всего это канфары, представленные двумя сериями (типами): классической и эллинистической. Первых немного. И, что примечательно (они известны на соседних городищах), среди них нет ни одного фрагмента с формованным венчиком! Напомним, этот тип сосудов исчезает к концу первой четверти III в. до н.э., в то время как поздние варианты канфаров с прямым венчиком доживают до середины этого века (Rotroff, 1997. Р. 83; Егорова, 2009. С. 27).

Единственный относительно целый (отсутствует ножка) профиль демонстрирует сосуд умеренно вытянутых пропорций с каннелированным туловом и ручкой с заметно поднятым, изогнуто-тонким “шипом” (рисунок, Д, 1). Глина красная, плотная, хорошо отмученная, без видимых включений; лак черный, тусклый. Наиболее приемлемая дата: рубеж первой–второй четвертей III в. до н.э.

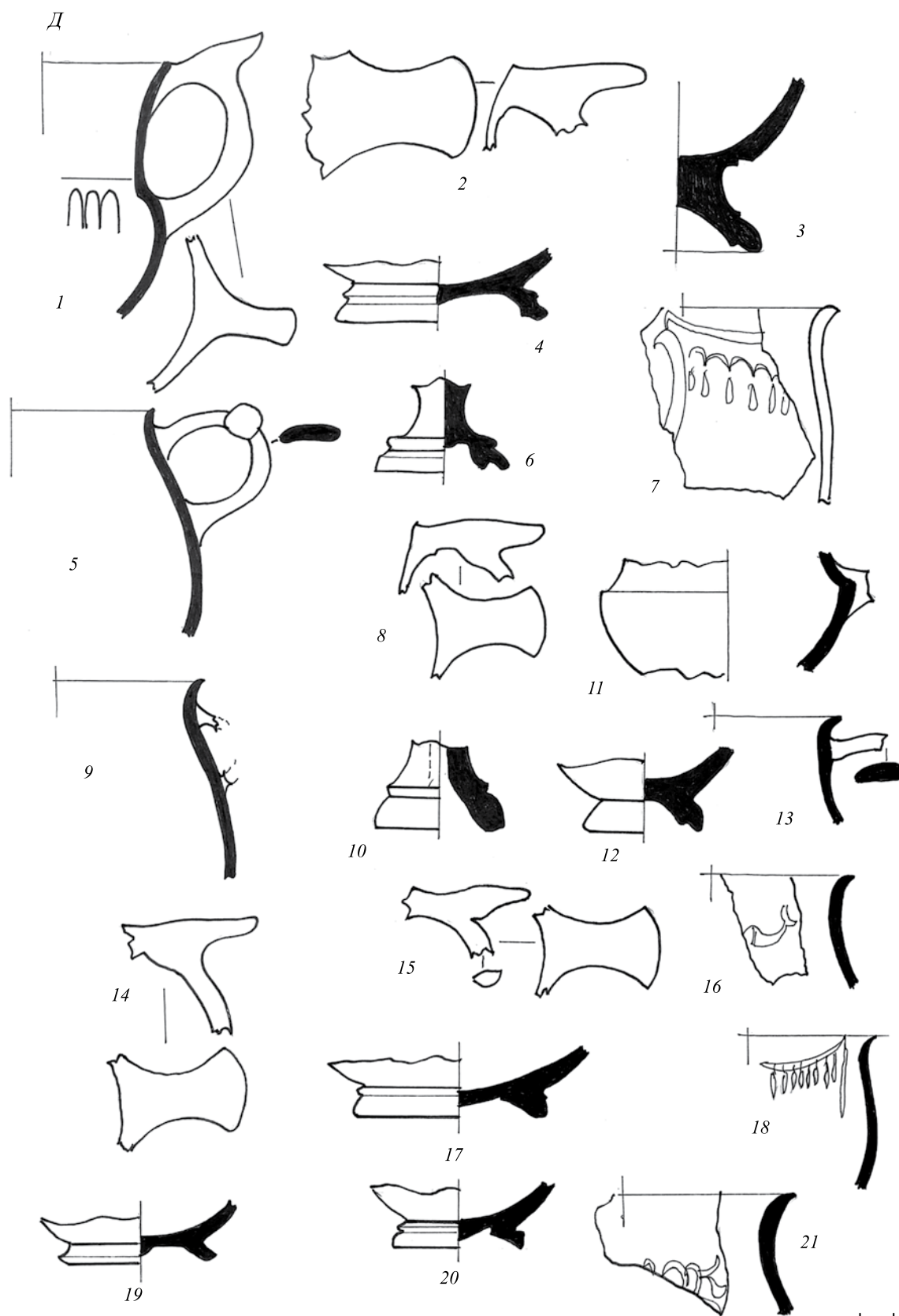

Рисунок (Продолжение.)

Производство – Аттика (Rotroff, 1997. Р. 245. Fig. 5, № 31–285/275 гг. до н.э.; Егорова, 2009. Рис. 4, № 42). К этому же типу и варианту канфаров можно отнести и довольно крупную ножку с частью гладкого тулова: глина красная, плотная; лак черный, умеренно густой и блестящий (рисунок, Д, 3). Вероятно то же самое, исходя из общих пропорций, можно сказать и о части тулова и горла с остатком ручки: глина светло-красная, плотная; лак черно-бурый, блестящий (рисунок, Д, 11). Обломки ручек канфаров из коллекции практически все однотипны: с плоской поверхностью лопатковидного широкого выступа-шипа (рисунок, Д, 8, 14, 15).

Один экземпляр отличается своими большими размерами (рисунок, Д, 2). Натурные показатели следующие: глина красная, плотная, лак черный, тусклый; все остальные: глина красная, плотная, лак черный, блестящий. Аттическое производство очевидно. Не ясно, в какой мере указанные формальные признаки – датирующие, но вряд ли будет ошибкой отнести и эти обломки к канфарам первой половины III в. до н.э. Несколько фрагментов (краев-венчиков) со следами орнаментации в стиле “западного склона” или без таковых вполне могли принадлежать канфарам этой же группы.

Зато следующий экземпляр – ножка – явно относится к небольшому изделию близкой формы. Она характеризуется тонким высоким стволом и сложной профилировкой поддона с овальным выступом в центре (рисунок, Д, 6). Глина красная, плотная, без видимых включений; лак черный, блестящий, густой. Пропорции и профилировка выдают ее принадлежность канфаро-кубкам классической серии с прямым венчиком. Вероятные аналогии, согласно С. Ротрофф, датируются 275/260 гг. до н.э. (Rotroff, 1997. Р. 249. Fig. 8, № 75, 76). Еще одна ножка (рисунок, Д, 10), возможно, того же круга (красная глина, черный, потертый лак) явно была вторично использована (пряслице?).

Одно небольшое и невысокое донце с несложной профилировкой поддона (глина светло-коричневая, плотная; лак черный, блестящий) (рисунок, Д, 12) могло принадлежать сосуду типа канфара с моделированными ручками или даже крышке леканы. Дата около середины III в. до н.э. наиболее предпочтительна.

Канфары эллинистической серии вроде бы многочисленнее, но еще более фрагментарны. Все это один тип – канфаро-кубки с подбиконическим (скорее, бочковидным) туловом, плавно отогнутым острым венчиком, на низком, узком, профилированном в сечении (с желобком на внешней поверхности) поддоне, с двумя вертикальными, тонкими, кольцевидными ручками. Орнамент (гирлянды

с каплевидными подвесками, листья плюща, фигурка дельфина?) нанесены жидкой глиной и изредка дополнены белой краской и резцом. Имеются только фрагменты стенок (края) иногда с остатками ручек и донца (рисунок, Д, 4, 5, 7, 9, 13, 16–21). Фигурные украшения ручек (округлые налепы в верхней части) единичны. Глина этих экземпляров варьируется от светло-коричневой до красной с включениями и без них; лак – от черного блестящего до бурого.

Как известно, канфары этого типа появляются в Аттике во второй четверти III в. до н.э. (Rotroff, 1997. Р. 101). Со второй половины этого века они производятся и в других центрах (главным образом в Пергаме, Эфесе, Македонии) и распространены практически по всему Восточному Средиземноморью, включая и Северопричерноморский регион (Егорова, 2009. С. 49–51). Предпочтительная датировка: конец III – первая половина II в. до н.э.

Последняя большая группа изделий: тонкостенные, на низком и очень низком, узком (рисунок, Е, 14) или относительно широком, профилированном поддоне (рисунок, Е, 6, 9) чаши или кубки, в большинстве своем полусферической или близкой к ней формы. Венчики (края) различаются профилировкой: плавно отогнутые острые (рисунок, Е, 19), овальные или овально-приплюснутые (овально-усеченные) (рисунок, Е, 12, 13, 15, 16, 20, 22), плавно, обратно-выгнутые в толщине стенок (рисунок, Е, 7, 8), очень маленькие, отделенные от тулова горизонтальной бороздкой (рисунок, Е, 11, 16), высокие (бортик) вертикальные, слегка прогнутые с горизонтальными узкими желобками (рисунок, Е, 21), овально-уплощенные, остроконечные, обращенные внутрь (рисунок, Е, 10). Тулово гладкое или украшенное (полностью либо отчасти) частыми горизонтальными желобками и/или острыми выступами-ребрами. Иногда в верхней части тулова между ними шел пояс вертикальных насечек, каплевидных или продолговатых желобков (рисунок, Е, 7, 16, 18). Отдельные чаши имели петлевидные (S-образные) налепные (“глухие”) ручки, не возвышавшиеся над краем (устьем) сосуда (рисунок, Е, 20). Размеры чаш/кубков варьируются, но в массе своей это небольшие (диаметр устья от 11 до 15 см при высоте 6–8) изделия. Встречаются и совсем маленькие (8–9 и 5–6 см).

В рассматриваемой коллекции нет ни одного целого/условно целого профиля, поэтому более точная характеристика, в том числе типология, невозможна. По указанным признакам можно предположительно выделить не менее трех их типов с несколькими вариантами каждый. “Сущностные” характеристики представленных на рисунках

E

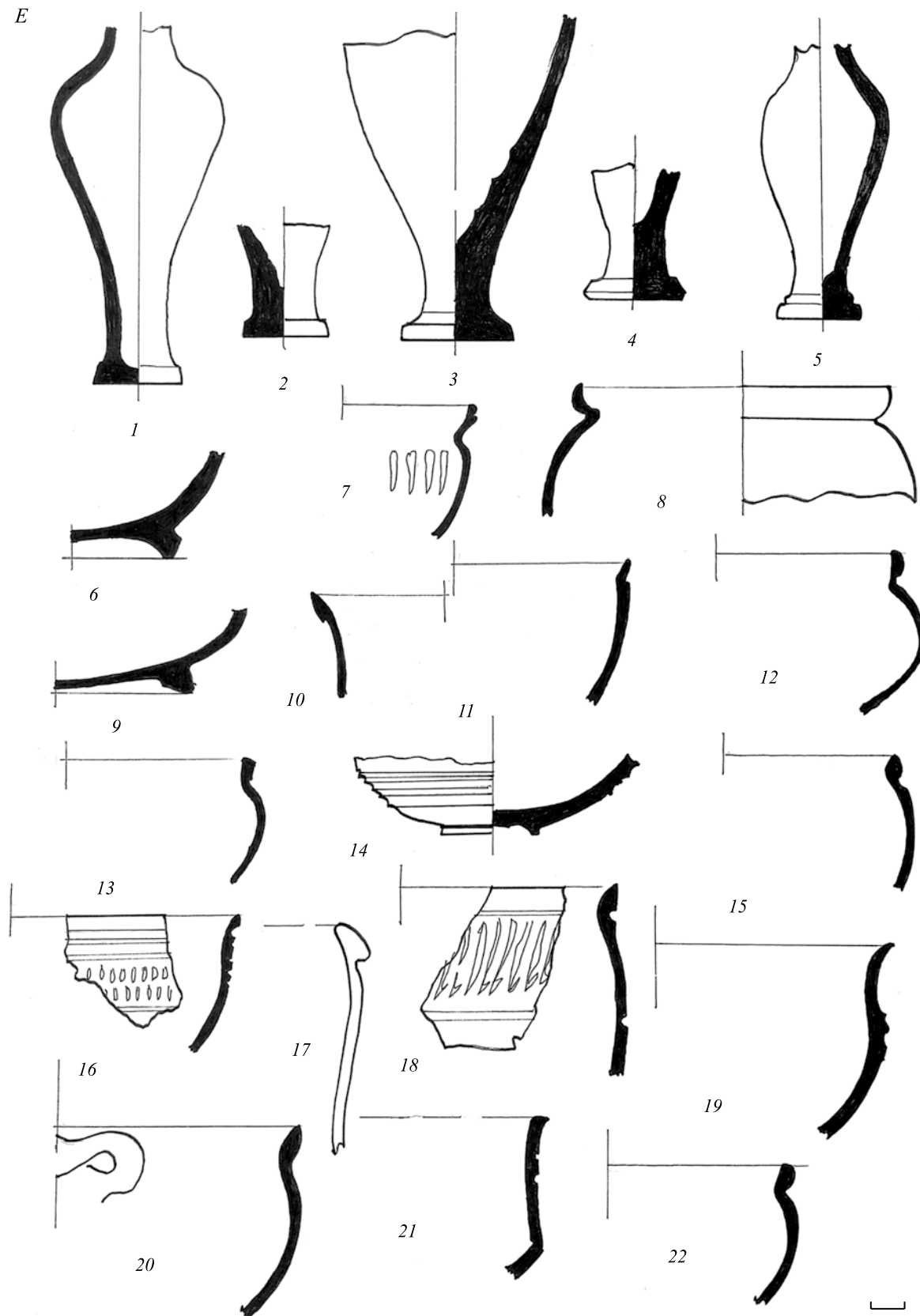

Рисунок (Окончание.)

фрагментов чаш (рисунок, *E*, 6–22) несколько различаются цветом и консистенцией глины (в основном оттенки красной). Лак же по большей части бурый, близкий к красному, но встречается и черный, хотя и тусклый.

Почти всем им в разных местах и изданиях находят более или менее близкие аналогии. Эта характерная для всей эпохи позднего эллинизма группа сосудов для питья датируется весьма широко: от второй половины (и даже отдельные типы – второй четверти) III в., в массе своей первой трети–середины II в. до н.э. (Rotroff, 1997. P. 275–284. Fig. 20–22). Самая поздняя группа – чаши с “сигма-образными” ручками (конец II – начало I в. до н.э.) (Rotroff, 1997. P. 284. Fig. 22). Отсутствие целых форм затрудняет более точную хронологию.

Столь же показательны для рассматриваемой коллекции – *флаконы (унгвентарии)*. Целых экземпляров нет. Все это примерно одинаковые, сильно вытянутые сосуды и сосудики с относительно небольшим плавно-раздутым туловом, высоким тонким горлом, вытянутой тонкой ножкой с плоским, подтрапецевидным в сечении основанием. Высота их не меньше 11–12 см (рисунок, *E*, 1–5). Один флакон был почти в полтора раза крупнее. Буро-лаковое покрытие, как правило, невысокого качества. Прочие характеристики следующие: глина красная, умеренно плотная, лак почти красный; глина красная, плотная, с мелкими блестками, лак бурый; глина светло-красная, лак черно-бурый, тусклый; глина красная, плотная, без видимых включений, лак бурый; красная, плотная глина, бурый лак. По своим пропорциям (лишь у № 1 на рисунке, *E* – ножка более тонкая и вытянутая) почти все унгвентарии (условно два варианта) можно датировать второй половиной III – первой половиной II в. до н.э. А изделие № 1 на указанном выше рисунке, по-видимому, – третьей четвертью II в. до н.э. (Парович-Пешикан, 1974. С. 110. Рис. 94, 9; 95, 5; Зайцев, 1998. С. 58. Рис. 3, 31; Rotroff, 2006. P. 292. Fig. 63, 64, № 438–442, 448–225/150 гг. до н.э.).

Из единично представленных сосудов упомянем донце *кувшина* (?) на широком, низком, профилированном поддоне с плоским непокрытым лаком основанием (рисунок, *B*, 1). Глина красная, умеренно плотная, с мелкими белыми включениями; лак (снаружи) черный, тусклый. Два фрагмента венчиков, скорее всего, также относились к кувшинам (амфорами?) с высоким горлом (рисунок, *B*, 11; *G*, 18). Глина светло-серая, плотная, с блестками, лак черный, тусклый и глина светло-красная, плотная, лак черно-бурый. Возможная датировка первого обломка: от последней четверти III до второй четверти–середины II в. до н.э. (Rotroff, 1997.

P. 293 (кувшин). Fig. 34, № 465, или P. 288 (амфора). Fig. 28, № 427).

Один обломок явно принадлежал краю большого, толстостенного сосуда с очень широким устьем (*кратер*?). Сильно отогнутый, короткий венчик сверху (снаружи) был выделен двумя угловатыми бороздками. Глина красная, плотная, яркая; лак черный, тусклый. На внешней поверхности уцелела роспись (пучок остроконечных листьев и тонкий стебель плюща?), нанесенная в технике жидкой глиной и белой краской (рисунок, *B*, 9). Возможные аналогии датируются первой четвертью II в. до н.э. (Rotroff, 1997. P. 306. Fig. 44, № 606–200/175 гг. до н.э.).

Вероятно к аналогичному изделию с той же датировкой (Rotroff, 1997. № 607) мог относиться и обломок толстостенного дна на высоком, сложно профилированном снаружи поддоне с плоским основанием (рисунок, *B*, 12). Глина светло-красная, плотная; черно-бурый лак достаточно густой и блестящий.

Итак, в массе своей рассматриваемая посуда датируется второй половиной III–II в. до н.э. Но велика доля изделий (среди наиболее распространенных и востребованных в быту) несколько более ранних. Самые ранние (конец IV – начало III в. до н.э.) – единичные раритеты. Одновременно заметна группа открытых сосудов позднеэллинистического (митридатского) периода, что показательно.

Подведем общие итоги по эллинистическим памятникам Крымского Приазовья. Самое главное – массовая, повседневно бытовая посуда с лаковым покрытием датируется второй четвертью III – третьей–четвертой четвертями II в. до н.э. Но для городища Крутой берег в качестве верхней границы можно говорить только о третьей четверти II в. до н.э. При этом отдельные экземпляры датируются несколько ранее указанной даты (последняя четверть IV – начало III в. до н.э.) и присутствуют везде. Это или достаточно редкие, качественные формы (типы), или типы и варианты изделий с весьма широким временем бытования. Скорее всего это проявление бытовой практики (состав керамического набора первопоселенцев), не имеющее прямого отношения ко времени основания рассматриваемых городищ. Есть и единичные явно старинные предметы, происхождение которых можно трактовать как угодно. Подчеркнем, что доля посуды с буролаковым покрытием ранжируется по рассматриваемым памятникам в следующем порядке: Полянка, Сююрташ, Крутой берег. На последнем памятнике такой керамики, как и вообще типов и форм митридатского времени (т.е. заходящих в I в. до н.э.), практически нет. Разумеет-

ся, всего рассмотренного выше недостаточно для сколь-либо основательных выводов о конкретной хронологии указанных приазовских памятников. Подчеркнем также крайне низкий по сравнению с предшествовавшей эпохой (IV – начало III в. до н.э.) процент покрытой лаком посуды с граффити. Данный факт по-своему подчеркивает дух эпохи и уровень традиционной (обыденной) культуры и достатка местного населения, вернее, их снижение. Наконец налицо постепенная утрата своих позиций традиционным центром соответствующего экспорта – Атикой. Особенно это заметно на материалах с городища Полянка: здесь “флер” позднеэллинистического керамического “койне” (Rotroff, 2005. Р. 27, 28) ощущается отчетливее всего. Такими краткие итоги исследования керамики с лаковым покрытием из раскопок поселения Полянка в Крымском Приазовье.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-31-10125.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Егорова Т.В.* Чернолаковая керамика IV–II вв. до н.э. с памятников Северо-Западного Крыма. М.: МГУ, 2009. 254 с.
- Зайцев Ю.П.* Неаполь скифский (II в. до н.э. – III в. н.э.). Симферополь: Универсум, 2003. 210 с.
- Масленников А.А.* О локальных геоморфологии, палеосейсмологии и археологии Крымского Приазовья или по следам древних землетрясений // *Древности Боспора*. Т. 17. М.: ИА РАН, 2013. С. 232–253.
- Парович-Пешикан М.* Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев: Наук. думка, 1974. 220 с.
- Rotroff S.I.* Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material. Princeton, 1997 (The Athenian Agora; V. XXIX). 575 p., 106 fig., 148 pl.
- Rotroff S.I.* Four Centuries of Athenian Pottery // *Chronologies of the Black Sea area in the period c. 400–100 BC* / Eds F. Stolba, L. Hannestad. Aarhus, 2005. P. 11–30.
- Rotroff S.I.* Hellenistic Pottery. The Plain Wares. Princeton, 2006 (The Athenian Agora; V. XXXIII). 440 p., 98 fig., 90 pl.

GLOSS POTTERY FROM THE EXCAVATIONS OF THE POLYANKA SETTLEMENT IN THE CRIMEAN AZOV SEA AREA

Aleksandr A. Maslennikov

Institute of Archaeology RAS, Moscow (iscander48@mail.ru)

This paper analyzes the type, form and varieties, as well as the chronology, of several hundreds profiled fragments of tableware with gloss black and brown coat from the excavations of the Polyanka settlement in the Crimean Azov Sea area. On the whole the pottery is dated to the second quarter of the 3rd–the third quarter of the 2nd century BC. However, fragments of earlier artefacts and, more often, of those of the late 2nd–the first quarter of the 1st century BC, including Attic and Asia Minor mass imports, can be encountered.

Keywords: black-brown lacquered tableware, typology, chronology, Polyanka settlement, Crimean Azov Sea area, Hellenistic period.

REFERENCES

- Egorova T.V.*, 2009. Chernolakovaya keramika IV–II vv. do n.e. s pamyatnikov Severo-Zapadnogo Kryma [Black Gloss Ware of the 4th–2nd Centuries BC from the Sites of Northwestern Crimea]. Moscow: MGU. 254 p.
- Maslennikov A.A.*, 2013. O lokal'nykh geomorfologii, paleoseysmologii i arkheologii Krymskogo Priazov'ya ili po sledam drevnikh zemletryaseni [On the local geomorphology, palaeoseismology and archaeology of the Crimean Azov Sea area, or tracing ancient earthquakes]. *Drevnosti Bospora [Antiquities of Bosphorus]*, 17. Moscow: IA RAN, pp. 232–253.
- Parovich-Peshikan M.*, 1974. Nekropol' Ol'vii ellinisticheskogo vremeni [The Necropolis of Olbia of the Hellenistic Time]. Kiev: Nauk. dumka. 220 p.
- Rotroff S.I.*, 1997. Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material. Princeton. 575 p., 106 fig., 148 pl. (The Athenian Agora, XXIX).
- Rotroff S.I.*, 2005. Four Centuries of Athenian Pottery. *Chronologies of the Black Sea area in the period c. 400–100 BC*. F. Stolba, L. Hannestad, eds. Aarhus, pp. 11–30.
- Rotroff S.I.*, 2006. Hellenistic Pottery. The Plain Wares. Princeton. 440 p., 98 fig., 90 pl. (The Athenian Agora, XXXIII).
- Zaytsev Yu.P.*, 2003. Neapol' skifskiy (II v. do n.e. – III v. n.e.) [Scythian Neapolis (the 2nd century BC–the 3rd century AD)]. Simferopol': Universum. 210 p.

КАТАКОМБА № 119 ВЕРХНЕ-САЛТОВСКОГО IV МОГИЛЬНИКА ПОД ХАРЬКОВОМ

© 2016 г. В.С. Аксенов

Харьковский исторический музей (aksyonovviktor@gmail.com)

Работа посвящена публикации материалов катакомбы № 119, открытой на Верхне-Салтовском IV могильнике в 2013 г. Погребальная камера содержала захоронение женщины 20–25 лет и ребенка (девочки) 4–5 лет. Останки женщины покоились на полу камеры, тогда как ребенок был уложен на слой грунта толщиной 0.25 м, перекрывавший всю поверхность пола. Женщина и ребенок принадлежали к социальной и имущественной верхушке верхнесалтовского общества. На это указывает обнаруженный при них инвентарь, в составе которого присутствовали два дирхема, украшавшие налобную повязку ребенка, и десять монет, превращенные в подвески и входившие в состав ожерелья женщины. Такое количество дирхемов в одной катакомбе обнаружено впервые на могильнике у с. Верхний Салтов. Состав инвентаря позволяет датировать катакомбу серединой – второй половиной IX в.

Ключевые слова: салтово-маяцкая культура, аланы, катакомба, дирхем, амулеты.

Несмотря на то что катакомбный могильник у с. Верхний Салтов исследуется с перерывами уже более ста лет, каждый новый открытый погребальный комплекс позволяет по-новому взглянуть на уже известное о погребальном обряде и материальной культуре аланского населения салтово-маяцкой культуры бассейна Северского Донца.

Катакомба № 119 была открыта на Верхне-Салтовском IV могильнике (ВСМ–IV), расположенном на восточных склонах Нетечинского яра в 800 м к северу от окраины с. Верхний Салтов Волчанского района Харьковской области. Открытие могильника было сделано в 1989 г. и связано с именем В.Г. Бородулина, который на тот момент являлся зав. отделом археологии Харьковского исторического музея (ХИМ). Под его руководством работы на могильнике велись в течении двух полевых сезонов (1989, 1990 гг.). Тогда же на некрополе было исследовано 17 катакомб салтово-маяцкой культуры. Работы на могильнике возобновились в 1996 г, когда экспедицией Харьковского педагогического университета им. Г.С. Сковороды под руководством В.В. Колоды было раскопано еще 10 катакомб (Колода, 2004). Еще через год к исследованиям ВСМ–IV, которые продолжаются по настоящее время, приступила экспедиция ХИМ под руководством автора данной статьи. Всего за годы исследований на ВСМ–IV раскопано 125 погребальных комплексов (114 катакомб, одно погребение в незаконченном дромосе, 9 погребений в ямах, один дромос без погребальной камеры).

Катакомба № 119 была обнаружена по провалу над погребальной камерой весной 2013 г. при проведении планового обследования территории могильника. На момент обнаружения наблюдалось проседание земли прямоугольной в плане формы, поросшее луговой растительностью. К началу исследования комплекса на месте провала был выявлен грабительский шурф размером 1.2 × 1.3 м, ориентированный своими длинными сторонами вдоль линии север – юг. Современные грабители довели свой шурф до глубины –3.0 м от уровня современной поверхности почвы. Поэтому в 2013 г. на месте грабительских раскопок нами был заложен раскоп размером 3.0 × 2.5 м, ориентированный длинными сторонами вдоль линии север – юг, и полностью исследована на затронутая грабителями погребальная камера катакомбы. В 2014 г. к западу от погребальной камеры был заложен раскоп, который позволил исследовать дромос данной катакомбы.

Пятно дромоса катакомбы № 119 было окончательно оконтурено на глубине –0.95 м (восточный край) и –1.7 м (западный край) от уровня современной поверхности почвы. Такая разница в глубине фиксации краев дромоса обусловлена тем фактом, что расположенный ниже по склону западный край пятна дромоса находился под искусственным земляным валом, насыпанным в середине XX века для предотвращения разрастания Нетечинского яра. На уровне зачистки пятно дромоса в плане имело форму сильно вытянутого прямоугольника с закругленными углами, который был ориентирован своими

длинными сторонами вдоль линии восток – запад с незначительным отклонением к северу (азимут 80°). Длина пятна дромоса на уровне зачистки – 5.5 м, ширина – 0.52 м (в начальной западной части дромоса) и 0.58 м (максимальная ширина в восточном краю дромоса) (рис. 1, 2). На уровне зачистки цвет пятна дромоса было не однородным. Восточная его часть на протяжении 2.9 м от края имела светло-серый цвет, тогда как остальная часть пятна дромоса была немного светлее окружающего его материка, представленного светло-коричневой/желтой глиной.

Заполнение начальной части дромоса состояло из материковой глины с краплениями мелких меловых конкреций, и поэтому трудно читалось на фоне окружающего материка. Оно было однородным до самого дна дромоса. С отметки –0.8 – –1.0 м от уровня зачистки оно легко отделялось от боковых стенок дромоса, на которых оставался налет белесоватого цвета (похожий на побелку) – результат жизнедеятельности микроорганизмов, находившихся в грунте.

Светло-серое заполнение восточной части дромоса связано с преднамеренным проникновением в погребальную камеру, совершенным в древности уже после того, как дромос был засыпан. Заполнение этой части дромоса было неоднородным. В вертикальном разрезе, возле восточной торцевой стенки дромоса (на удалении 0.4 м от нее) заполнение было представлено тремя массивами грунта, отличающимися между собой по цвету, а следовательно, и по составу. От уровня фиксации (зачистки) пятна дромоса и до глубины –2.2 м шел массив затечного грунта, состоящий из различных по цвету и структуре слоев (слои чистой материковой глины; слои материковой глины с примесью чернозема; слои чернозема с незначительной примесью материковой глины). Все слои данного массива грунта имели прогиб в сторону дна дромоса и наклон в сторону его восточной торцевой стенки. С отметки –2.2 м и до отметки –2.75 м от зачистки фиксировался массив плотного грунта коричневого цвета, представляющего собой смесь светло-коричневой материковой глины с черноземом. Ниже – с отметки –2.75 м и до отметки –2.95 м от зачистки – шел массив светло-коричневой материковой глины с вкраплениями мелких меловых конкреций, аналогичный заполнению начальной части дромоса и являвшийся первоначальным его заполнением.

Дно дромоса комбинированное. В начальном конце дромоса было зафиксировано семь ступенек. От последней ступеньки дно дромоса полого спускалось к восточной торцевой его стенке, а на последнем отрезке длиной 0.9 м, перед восточной

стенкой дно дромоса было горизонтальным. Глубина дромоса у его восточной стенки составляла –2.95 м от уровня зачистки (–3.85 м от уровня современной поверхности почвы). В торцевой его стенке был зафиксирован вход в погребальную камеру размером 0.45 x 0.4 м и глубиной 0.4 м. В плане он имел арковидную форму. На фоне окружающего его материка он выделялся своим серо-коричневым заполнением.

Погребальная камера катакомбы вскрывалась сверху. По мере углубления раскопа, в его южном и западном бортах стали видны следы конусообразной воронки, заполненной темно-коричневым затечным грунтом (рис. 1, 1). Воронка доходила до свода погребальной камеры, а затем расходилась вдоль ее стенок по рухнувшему своду, представленному мощным слоем чистой материковой глины. В затечных слоях встречались отдельные мелкие фрагменты салтовских керамических сосудов. Под слоем чистой материковой глины на глубине –3.25 м от уровня современной поверхности почвы было расчищено погребение № 1. На этой глубине уже прослеживались все четыре стенки погребальной камеры, и был зафиксирован вход в нее, расположенный в западном борту раскопа (со стороны Нетечинского яра). Дно входа в погребальную камеру располагалось на 0.2 м выше пола погребальной камеры, который был зафиксирован на глубине –3.5 м от уровня современной поверхности.

Погребальная камера располагалась перпендикулярно дромосу. В плане она имела форму прямоугольника с закругленными углами размером 2.43 x 1.88 м. На полу камеры располагалось погребение № 2, перекрытое слоем грунта толщиной 0.2 м, аналогичным по составу первоначальному заполнению дромоса. На этом слое и лежал костяк погребенного № 1. Вдоль боковых и дальней торцевой стенок погребальной камеры прослеживался затечный грунт темно-коричневого цвета, состоявший из светло-коричневой глины, перемешанной с большим количеством чернозема. Останки погребенного № 1 располагались в слое плотного грунта коричневого цвета, представляющего собой смесь светло-коричневой материковой глины с черноземом (аналогичном второму массиву из заполнения хода повторного проникновения). Верхняя граница слоя грунта, в котором находились останки ребенка, находилась на уровне верха входа в погребальную камеру. Выше него лежала чистая материковая глина – рухнувший в свод погребальной камеры.

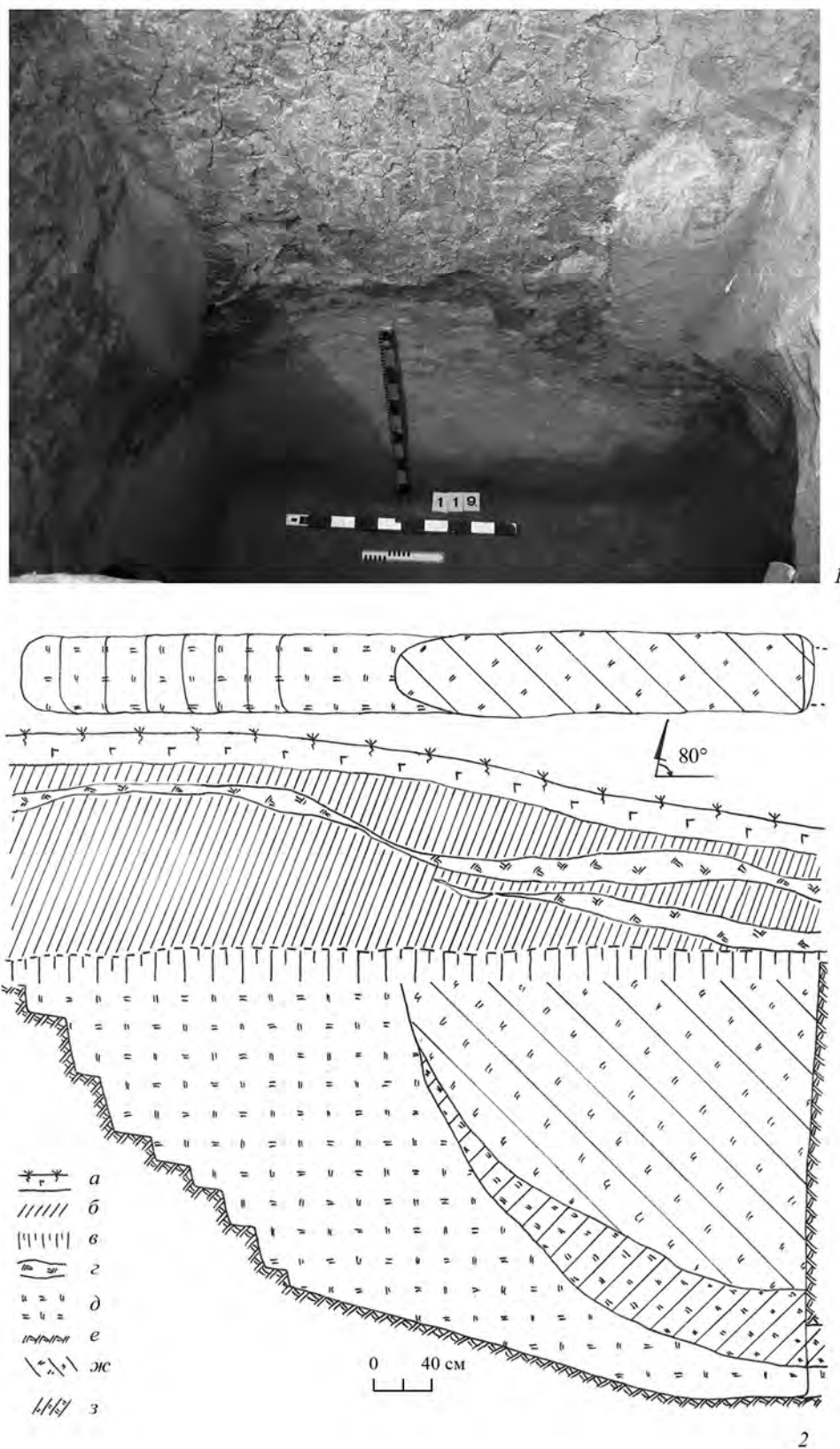

Рис. 1. Катакомба № 119: 1 – стратиграфия западного борта раскопа при вскрытии погребальной камеры; 2 – план и разрез дромоса. Условные обозначения: а – дерн; б – насыпной грунт; в – чернозем; г – рушенная глина; д – первоначальное заполнение дромоса; е – материк; ж, з – заполнение хода повторного проникновения в погребальную камеру.

Погребение № 1 принадлежало ребенку (4–5 лет)¹ (рис. 2, 1). Костяк ребенка располагался в 0.8–0.85 м от входа в погребальную камеру, вдоль ее длинной оси. Череп находился в 0.4 м к югу от северной боковой стенки камеры. Покойник был уложен в вытянутом положении на спине головой влево от входа. Руки вытянуты вдоль тела, ноги прямые. Кости скелета плохой сохранности. Полностью не сохранились кости предплечий обеих рук и кости ступни левой ноги. По обе стороны от черепа ребенка найдено по одной бронзовой литой сережке с неподвижной каплевидной привеской (рис. 2, 2). В районе височных костей, по обе стороны черепа зафиксировано по одной обрезанной в кружок монете, превращенной в нашивку (рис. 3, 1, 2). В районе шеи и грудной клетки ребенка были найдены семь стеклянных многосекционных бусин с металлической прокладкой (одна золотистого и остальные серебристого цвета) (рис. 2, 10) и три стеклянных многосекционных бусины синего цвета с продольными белыми полосами (рис. 2, 11) (МЕР 145, 110)². Чуть ниже ребер правой стороны грудной клетки лежали бронзовый литой бубенчик (рис. 2, 3) и крупная стеклянная глазчатая бусина черного цвета диаметром 2.0 см (рис. 2, 8) (МЕР 161). На правой безымянной тазовой кости ребенка, возле крестца, находился бронзовый амулет с соколиными головками (рис. 2, 6). С внешней стороны правой тазовой кости были расчищены два литых бронзовых бубенчика (рис. 2, 4, 5) и одна крупная глазчатая бусина черного цвета диаметром 1.9 см (МЕР 161) (рис. 2, 9). Под правым тазобедренным суставом найдена еще одна бронзовая подвеска-амулет с соколиными головками (рис. 2, 7).

Погребение № 2 принадлежало женщине (20–25 лет) (рис. 4, 1). Погребенная была уложена в вытянутом положении на спине головой влево от входа. Руки вытянуты вдоль тела и слегка разведены в стороны, ноги прямые. Кости ступней обеих ног отсутствуют. Только одна фаланга пальца ноги была найдена в кротовине в 0.1 м к северу от черепа женщины. Череп погребенной был обращен лицевым отделом вверх и в сторону южной стенки камеры.

При костяке женщины был обнаружены богатый инвентарь. В районе ушных раковин находились сложносоставные бронзовые с позолотой сережки с подвижной привеской, состоящей из четырех полых серебряных шариков (рис. 5, 1). На шее располагалась бронзовая проволочная гривна с внутренним диаметром 16 см (рис. 5, 10), сделанная

из крученного прямоугольного в сечении дрота размером 3 × 3 мм. Концы гривны оформлены в виде простых крючков, расположенных в перпендикулярных плоскостях.

В районе шеи, обеих ключиц и верхней части грудной клетки женщины было расчищено ожерелье, состоящее из 164 бусин (рис. 6, 1–34), десяти (10) монет, превращенных в подвески при помощи приклепанных бронзовых петелек (рис. 7, 1–10), и двух дисков из раковины моллюска (рис. 5, 11, 12). В ожерелье входили бусы: из горного хрусталя (5 экз.), сердолика (29 экз.), янтаря (4 экз.), роговики (21 экз.) (рис. 6, 15), коралла (10 экз.), лазурита (8 экз.), одноцветного (64 экз.) и многоцветного стекла (23 экз.). Бусы из горного хрусталя – круглые шаровидной формы (рис. 6, 1, 2). Сердоликовые бусы представлены несколькими типами: круглые шаровидной формы (21 экз.) (рис. 6, 11); круглые цилиндрические (3 экз.) (рис. 6, 12); бипирамидальные (5 экз.) (рис. 6, 13). Все бусы из лазурита имеют полиэдрическую форму (рис. 6, 17). Коралловые бусы плохого качества, бледно-розового цвета (рис. 6, 10). Янтарные бусы неправильной формы (рис. 6, 3–6), одна из них изготовлена, по-видимому, из отходов производства или брака (рис. 6, 6). Одноцветные стеклянные бусы представлены несколькими типами: МЕР 90 (6 экз.), 111 (1 экз.), 112 (38 экз.), 114 (6 экз.), 132 (2 экз.), 135 (рис. 6 экз.) (рис. 6, 7–9, 14, 29, 30) и мелкими круглыми эллипсоидными бусами непрозрачного стекла молочно-белого цвета (6 экз.) (рис. 6, 16). Бусы из многоцветного стекла относятся к следующим типам: МЕР 152 (1 экз.), 157 (1 экз.), 159 (3 экз.), 163 (1 экз.), 165 (1 экз.), 170 (6 экз.), 175 (2 экз.), 176 (2 экз.), 202 (1 экз.), 216 (1 экз.), 259 (1 экз.) (рис. 6, 18–28, 31–33). Найдены также три подвески из многоцветного стекла, состоявшие из петельки желтого цвета и полусферической “лепешки”, центр которой оформлен в виде круглого желтого “окна” с крестообразной фигурой из сине-бело-красных квадратов посередине; “окно” окружено зелено-желтыми “ресничками” (рис. 6, 34).

Диски из раковин располагались чуть ниже ключиц, по обеим сторонам грудной клетки. Под дисками было зафиксировано по одной бронзовой проволочной спиралевидной пронизи (рис. 6, 36). Под ожерельем, в верхней части грудной клетки были найдены две пуговицы: одна – маленькая бронзовая литая грибовидной формы (рис. 5, 8), вторая – бронзовая штампованная коническая с пластинчатой петелькой и тисненым орнаментом по тулову (рис. 5, 9).

На нижних ребрах, по обе стороны от позвоночного столба располагались цепочкой бусы и бронзовые проволочные спиралевидные пронизи

¹ Здесь и дальше антропологические определения В. А. Бондаренко, остеолога Музея природы ХНУ имени В. Н. Каразина.

² Типология бус приведена по разработкам В. Б. Ковалевской (Ковалевская, 2000).

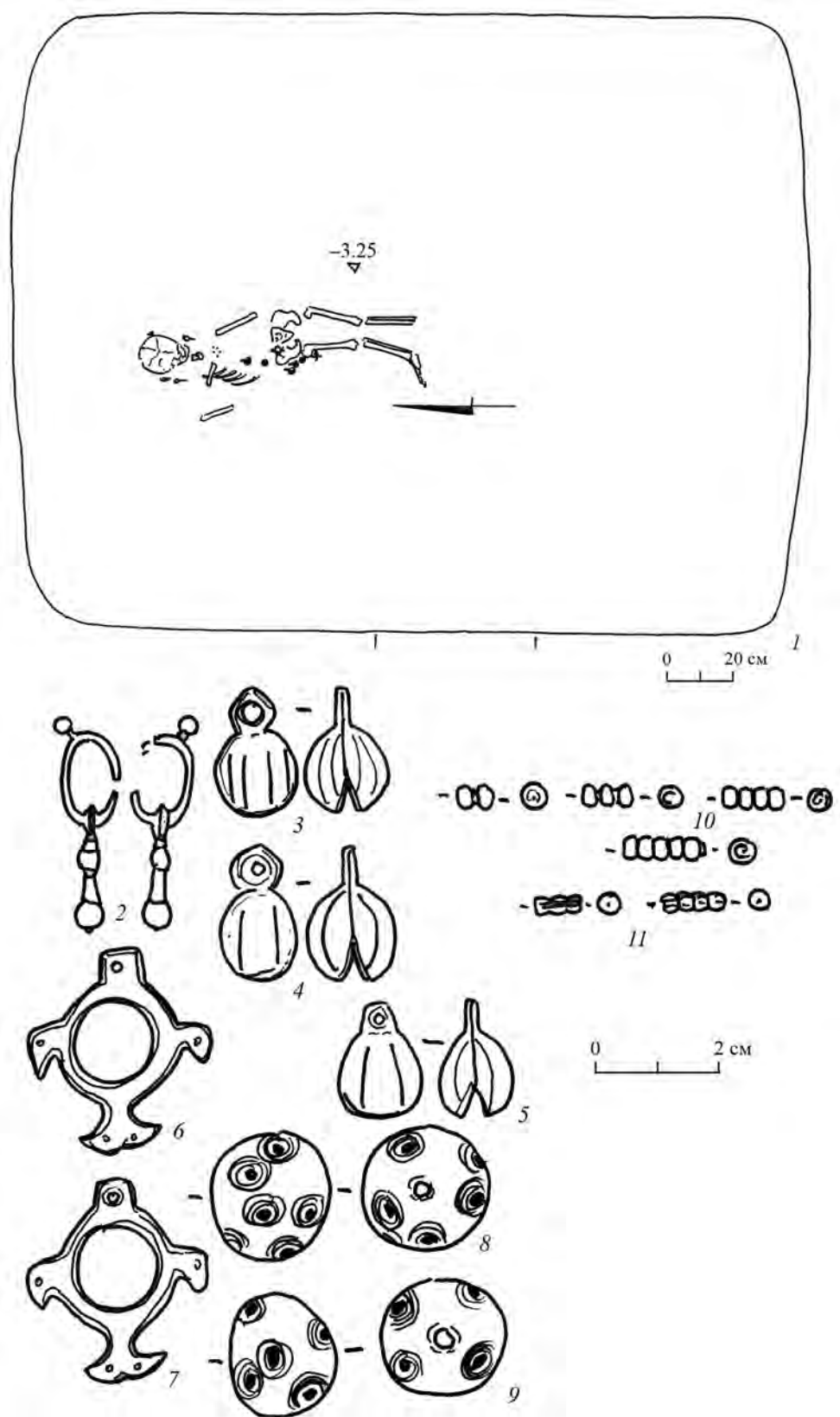

Рис. 2. Погребение № 1: 1 – план погребения; 2–11 – инвентарь (2–7 – бронза; 8–11 – стекло).

Рис. 3. Монеты-нашивки на налобную диадему из погребения № 1.

(рис. 6, 36–41), которые, вероятно, украшали косы погребенной женщины. Левая низка состояла из расположенных в следующем порядке украшений: семи проволоочных пронизей, трех бисерин синего цвета, двух бусин из роговика и еще одной бисерины синего цвета (рис. 6, 36, 38, 41). Правая низка включала в себя шесть проволоочных пронизей, две бисерины синего цвета, одну бусину из роговика, одну плитчатую бусину прямоугольной формы синего цвета (МЕР 132) и одну ребристую бусину из стекла синего цвета (МЕР 111) (рис. 6, 36, 37–41).

На поясе женщины располагался многочисленный набор амулетов. На левой безымянной тазовой кости, с внешней стороны ее и под ней располагались четыре литых бронзовых бубенчика (рис. 5, 2,

3), два бронзовых амулета в виде грифона (рис. 5, 14) и два бронзовых амулета в виде всадника на грифоне (рис. 5, 13). На правой безымянной тазовой кости находились три бронзовых литых бубенчика (рис. 5, 4, 5), четыре бронзовых амулета в виде всадника на грифоне (рис. 5, 13), бронзовая штампованная туалетная коробочка плохой сохранности с тисненым орнаментом, на которой сверху лежала бронзовая копоушка (рис. 5, 18), бронзовый амулет в виде когтя животного (рис. 5, 15), бронзовая подвеска-печатка с изображением утки (рис. 5, 16), двуконьковая подвеска финно-угорского типа (рис. 5, 17). Чуть выше правой тазовой кости лежали семь бронзовых литых бубенчиков (рис. 5, 4, 5), четыре бисерины синего цвета (МЕР 112) (рис. 6, 43),

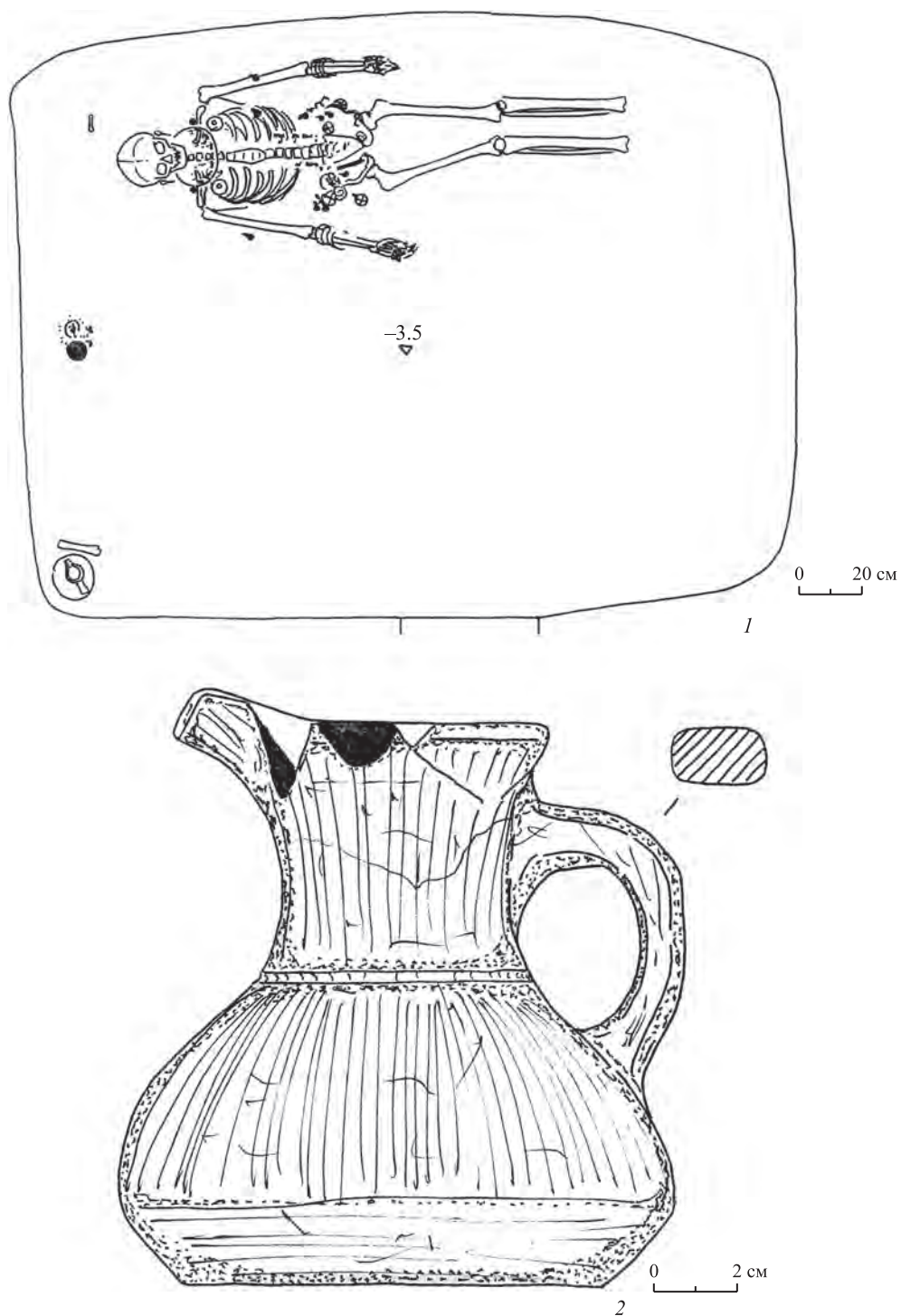

Рис. 4. Погребение № 2: 1 – план погребения; 2 – кувшин.

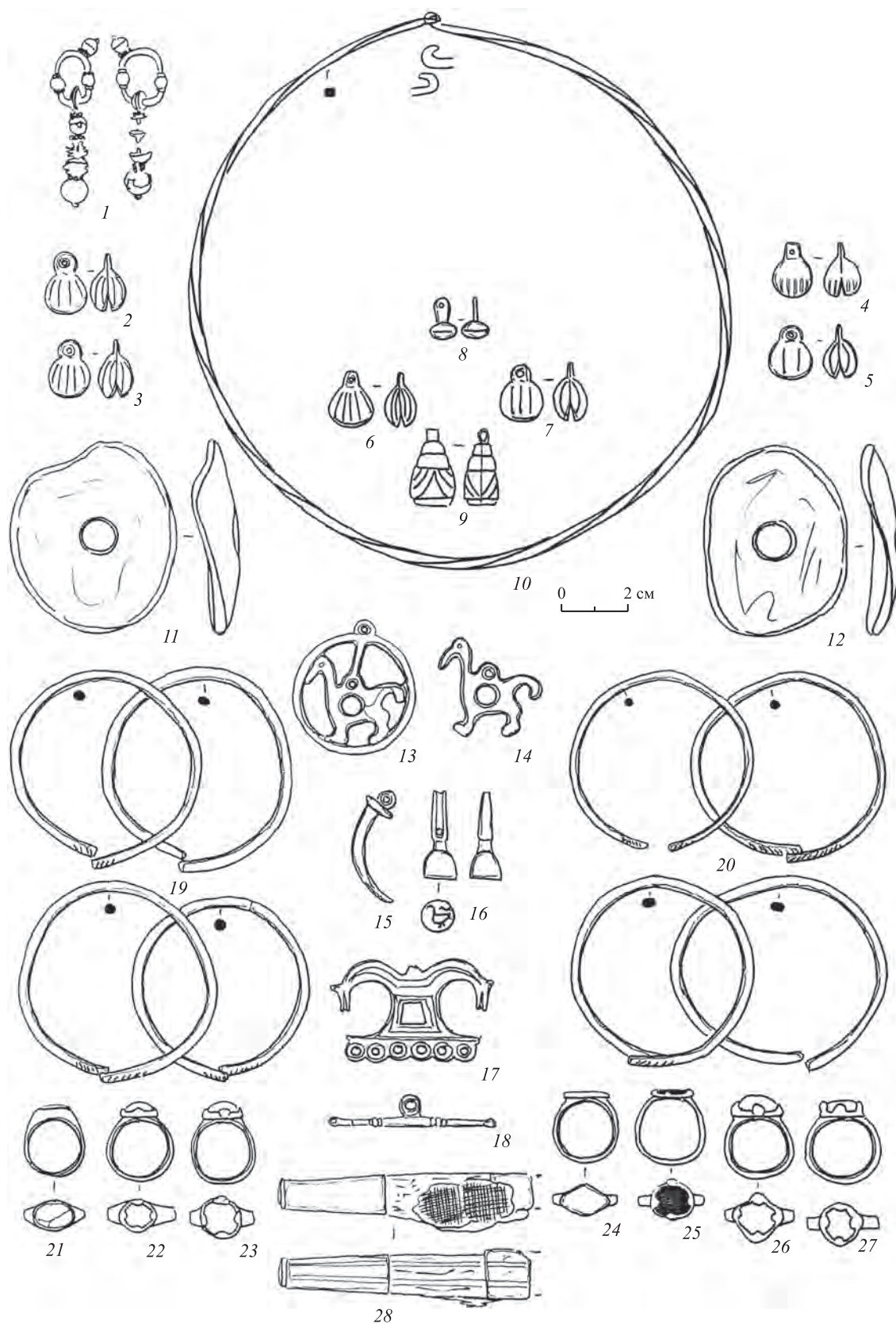

Рис. 5. Инвентарь погребения № 2 (1 – бронза с позолотой, серебро; 2–10, 13–20, 22–27 – бронза; 11, 12 – раковина моллюска; 21 – серебро; 23 – железо, дерево, серебро).

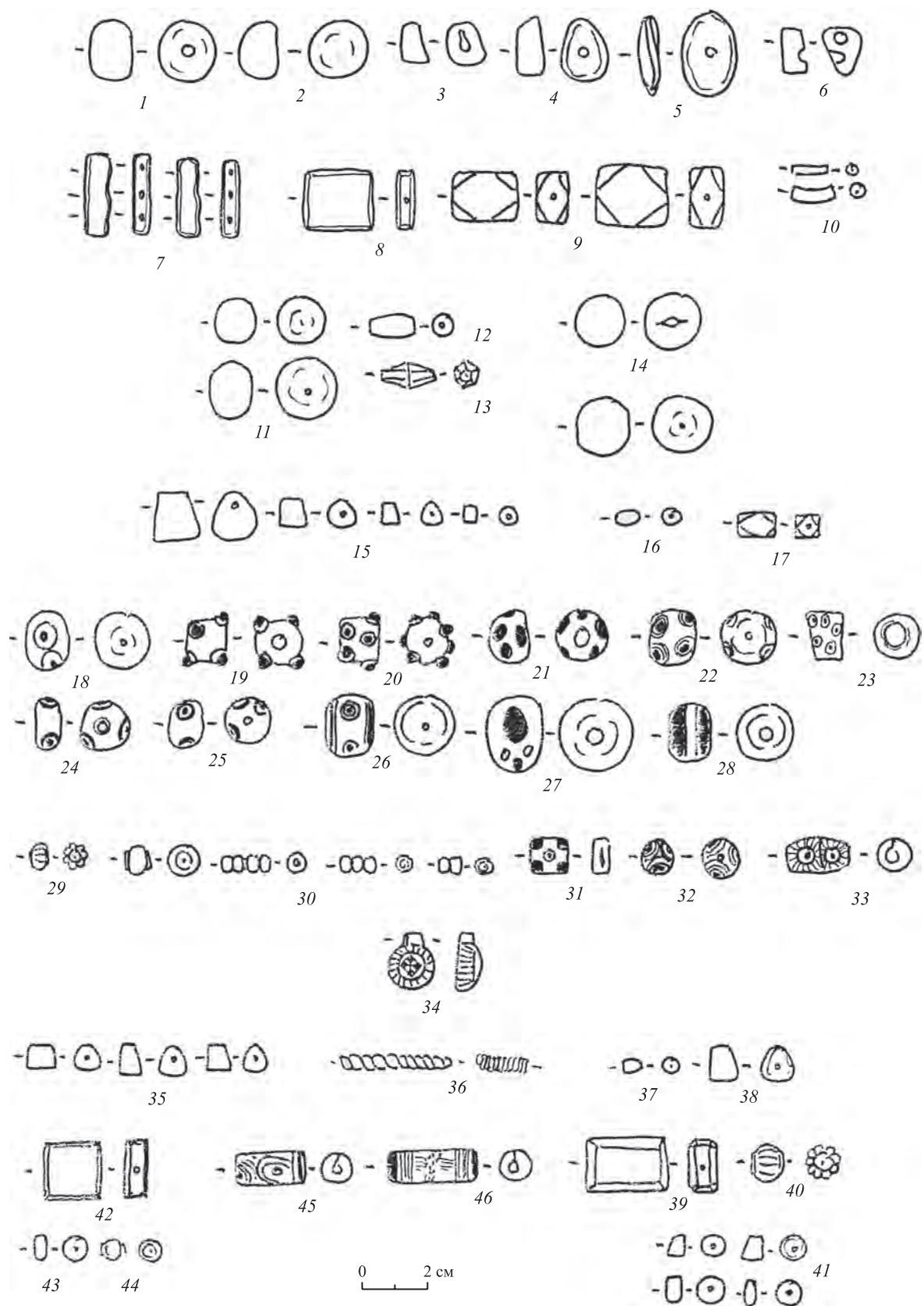

Рис. 6. Украшения из погребения № 2 (1, 2 – горный хрусталь; 3–6 – янтарь; 7–9, 14, 16, 18–34, 37, 39–46 – стекло; 10 – коралл; 11–13 – сердолик; 15, 35, 38 – роговик; 17 – лазурит; 36 – бронза).

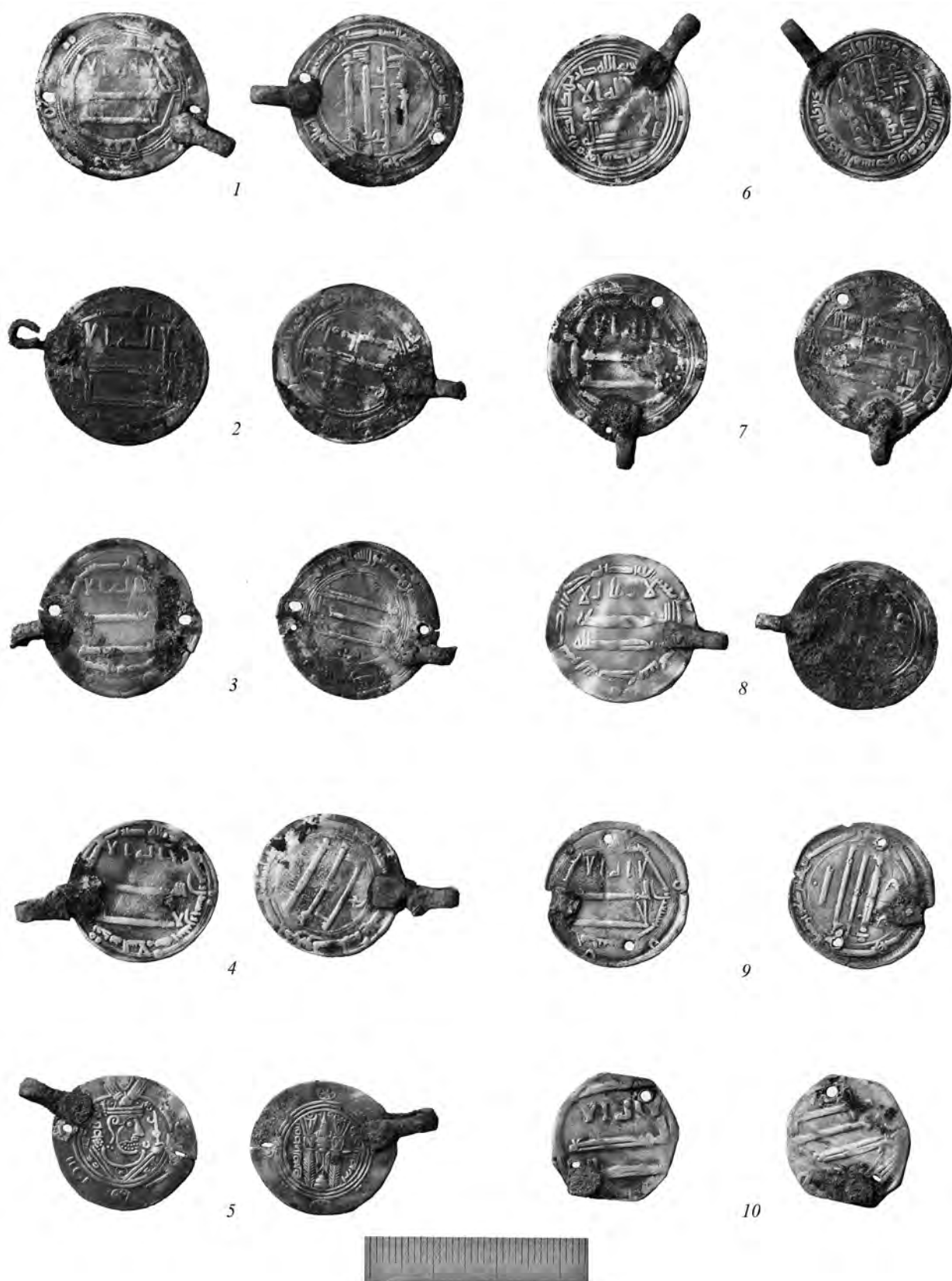

Рис. 7. Монеты-подвески из погребения № 2.

одна бусина с металлической прокладкой голубого цвета (МЕР 114) (рис. 6, 44), три бусины из роговика (рис. 6: 35), одна плитчатая бусина прямоугольной формы из стекла синего цвета (МЕР 132) (рис. 6, 42), две стеклянные цилиндрические бусины с многоцветным орнаментом (МЕР 273, 275) (рис. 6, 45, 46). На правой тазовой кости, у крестца находился пакет из трех ножей в деревянных ножнах скрепленных серебряными пластинчатыми оковками (рис. 5, 28).

На середине длины правой плечевой кости, с внешней ее стороны, был расчищен бронзовый литой бубенчик (рис. 5, 6). Второй такой же бубенчик (рис. 5, 7) располагался аналогично с внешней стороны левой плечевой кости женщины. Данные бубенчики, вероятно, были прикреплены к рукавам одежды покойницы.

На костях предплечья правой руки было зафиксировано четыре бронзовых проволочных браслета диаметром 5.5–6.3 см и с едва заходящими друг за друга концами (рис. 5, 19). Концы трех из четырех браслетов украшены насечками, образующими орнамент в виде ёлочки. Четыре таких же браслета располагались и на костях предплечья левой руки (рис. 5, 20).

На безымянном пальце правой руки покойной находился серебряный перстень со вставкой из прозрачного стекла светло-зеленого цвета (рис. 5, 21). На среднем пальце этой же руки были надеты два бронзовых перстня со вставками из непрозрачного стекла фиолетового (рис. 5, 22) и черного цвета (рис. 5, 23).

На костях указательного и безымянного пальцев левой руки было зафиксировано по два бронзовых перстня. На указательном пальце были надеты: перстень с плоским раскованным щитком ромбовидной формы (рис. 5, 24) и перстень со вставкой из непрозрачного стекла черного цвета (рис. 5, 25). На костях безымянного пальца находились перстень со вставкой из прозрачного стекла светло-зеленого цвета и перстень со вставкой из сердолика (рис. 5, 26, 27).

В районе ступней, в кротовинах, были найдены две серебряные штампованные бляшки (рис. 8, 40) и один серебряный штампованный наконечник (рис. 8, 41), украшавшие ремешки обуви женщины.

У северной боковой стенки камеры, на середине её длины – в 0.85 м от передней торцевой стенки и в 0.12 м от боковой стенки – лежал посмертный дар, состоящий из бронзового зеркала диаметром 6.4 см (рис. 8, 3), бронзового проволочного браслета размером 7 × 6.7 см (рис. 8, 1), трех бронзовых пуговиц-зеркалец диаметром 3–3.1 см (рис. 8, 4–6),

10 бронзовых проволочных спиралевидных пронизей (рис. 8, 2), 274 бусин (рис. 8, 7–39). В состав дара входили: круглые сердоликовые бусы шаровидной формы (17 экз.) (рис. 8, 7–9); бусы из роговика (128 экз.) (рис. 8, 39); круглые халцедоновые бусы шаровидной формы (3 экз.) (рис. 8, 22); стеклянные одноцветные бусы (114 экз.) – МЕР 90, 93, 110, 111, 112, 114, 116, 117, 132, 135 (рис. 8, 10–12, 24–38); стеклянные многоцветные бусы (12 экз.) – МЕР 149, 162, 165, 184, 204, 232, 259, 275, 301 (рис. 8, 13–21, 23).

В левом ближнем углу погребальной камеры находились остатки мясной жертвенной пищи в виде трубчатой кости шестимесячной козы. Здесь же стоял кувшинчик высотой 14.5 см (рис. 4, 2), обращенный носиком-сливом к южной боковой стенке погребальной камеры.

Погребальный инвентарь из катакомбы № 119 находит самые широкие аналогии в древностях аланского варианта салтово-маяцкой культуры и позволяет датировать комплекс серединой/второй половиной IX в. Для датировки наиболее подходят серьги и украшения ремней обуви из погребения № 2. Серьги (рис. 5, 1) представляют собой овальное кольцо с гвоздевидным слегка скошенным стержнем в верхней части, на который надет полый шарик, спаянный из двух половинок. Нижняя часть оформлена в виде двух дисков, между которыми пропущен проволочный стержень. Привеска серег представляет собой четыре полых шарика, нанизанных на проволочный стержень. Кольцо серег и проволочный стержень привески изготовлены из бронзовой проволоки. На кольце сережек имеются следы позолоты. Боковые стороны кольца дополнительно украшены двумя полыми серебряными шариками. Шарик наверху и привески также изготовлены из серебряной фольги. За пределами Подонья особенно много подобных серег в погребениях VIII–IX вв. со Средней и Верхней Кубани (Ковалевская, 1995. С. 164). Т.М. Минаева считала, что увеличение числа шариков, как и их размеров является хронологическим признаком, так же, как и усложнение дополнительными элементами самой привески (Минаева, 1971. С. 98). Серьги данного типа характерны как для катакомбных захоронений Подонья, так и для праболгарских погребений салтово-маяцкой культуры (Плетнева, 1989. Рис. 57. С. 113; Савченко, 1986. С. 92. Рис. 8, 23–26). В салтово-маяцких древностях такие серьги датируются второй половиной VIII – серединой IX в. (Сташенков, 1998. С. 229. Рис. 6; Плетнева, 1967. Рис. 36). Найденные при женщине штампованные бляшки и наконечник ремешков обуви (рис. 8, 40, 41), украшенные растительным орнаментом из бутонов лотоса, характерны для изделий III хронологиче-

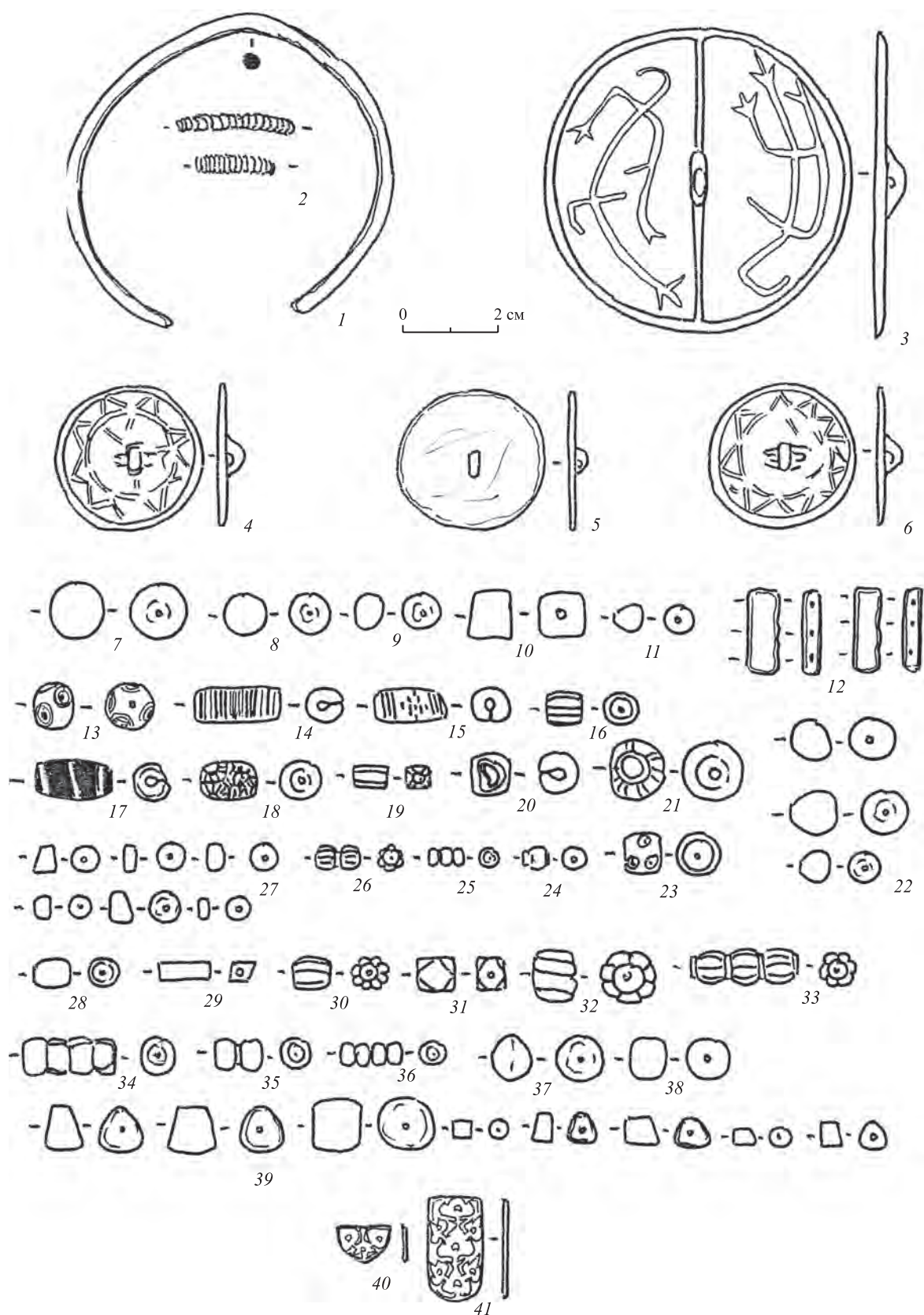

Рис. 8. Посмертный дар из погребения № 2 (1–6 – бронза; 7–9 – сердолик; 10–36 – стекло; 37, 38 – халцедон; 39 – роговик; 40, 41 – серебро).

ской группы салтово-маяцких древностей (вторая–третья четверть IX в.) (Комар, 1999. Табл. 4).

Монеты, обнаруженные в катакомбе (рис. 7), не могут существенно уточнить датировку захоронения, кроме как указать время, ранее которого погребальный комплекс не мог возникнуть. И эта дата определяется временем чеканки самой поздней монеты, входящей в ожерелье женщины – 792/793 гг. и монеты налобной ленты ребенка – 796/797 гг. (таблица). Учитывая разницу во времени между чеканкой самой молодой и самой старой монеты из ожерелья (78 лет), а также то, что монеты до включения в состав ожерелья еще какой-то период времени использовались в качестве нашивок, на что указывают пробитые в них отверстия для пришивания к мягкой основе, то создание данного погребального комплекса может быть определено рамками всего IX века. Интересно, что монеты, использованные в качестве украшений налобной повязки девочки (рис. 3), останки которой были помещены в погребальную камеру уже после совершения в ней захоронения женщины, отчеканены позже самой молодой монеты из ожерелья женщины, т.е. некоторое разнесение во времени смерти женщины и ребенка подтверждается и разницей во времени чеканки сопровождавших их монет. Возможно, в данном случае проявляется регулярность поступления арабской серебряной монеты к населению Верхнего Салтова на определенном этапе проживания здесь аланского населения.

Набор личных украшений захороненных людей указывает на их достаточно высокое имущественное положение. В первую очередь об этом свидетельствует присутствие в ожерелье женщины десяти арабских дирхемов, превращенных в подвески (рис. 7). Такие украшения, как зримое отражение имущественного достатка, были отмечены арабским путешественником Ибн-Фадланом у женщин руссов во время его пребывания на землях Волжской Булгарии в 921–922 гг. По его свидетельству, “на шеях у них несколько рядов монистов из золота или серебра, так как, если человек владеет десятью тысячами дирхемов, то он справляет своей жене одно монисто (в один ряд), а если владеет двадцатью тысячами, то справляет ей два мониста, и таким образом каждые десять тысяч дирхемов, которые у него прибавляются, прибавляются в виде одного мониста у его жены...” (Ковалевский, 1956. С. 141). Здесь мы имеем дело с разными народами, но с явлениями одного порядка.

В памятниках лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры второй половины VIII – первой половины X вв. арабские серебряные монеты встречаются в основном в погребальных комплексах.

Однако их количество как в одном закрытом комплексе, так и на одном могильнике, даже хорошо исследованном, в целом не велико. Так, на Дмитриевском катакомбном могильнике были обнаружены 2 индикации и 2 подражания византийским монетам (Плетнева, 1989. С. 111. Рис. 38; Сарапулкин, 2004. Л.41. Рис. 87: 1). На биритуальном могильнике Красная Горка на 317 исследованных погребений был найден всего один фальшивый дирхем (погр. № 300) (Михеев, 1994. С. 5. Табл. IX, 2, 3). На Ржевском грунтовом могильнике из 41 исследованных погребения только в двух (№ 2, 12) было найдено по одной монете (Сарапулкин, 2006. С. 202). На Нетайловском грунтовом могильнике (525 исследованных погребений) было обнаружено 18 дирхемов и три византийских монеты (Лаптев, 2013. С. 116–117. Табл. 1). Выделяются на этом фоне только могильники Верхнего Салтова. На всех участках катакомбного могильника у с. Верхний Салтов с момента его открытия и до 1961 года было найдено от 70 до 100 монет (Иченская, 1983. С. 144. Табл. 5, 6; Зайцев, 2001. С. 6–8). Исследования Верхне-Салтовского IV могильника, проводимые с перерывами с 1989 по 2012 гг., принесли еще 26 монетные находки, происходящие из 19 катакомбных захоронений (Лаптев, 2013. С. 114–116. Табл. 1). При этом в катакомбных захоронениях Верхнего Салтова количество монет, найденных в одном погребальном комплексе в большинстве своем составляла 1–2, и лишь в единичных случаях их количество доходило до пяти (кат. № 33 из раскопок А.М. Покровского) или шести (кат. № 4 из раскопок В.А. Бабенко 1910 г.) (Иченская, 1983. С. 145, 146. Табл. 5). Поэтому обнаружение в катакомбе № 119 12 монет – случай явно неординарный.

На принадлежность погребенной женщины к верхушке салтовского общества указывают также найденные при ней восемь браслетов (рис. 5, 19, 20), семь перстней (рис. 5, 21–27) и шейная гривна (рис. 5, 10). Шейные гривны являются для погребальных памятников салтово-маяцкой культуры редкой находкой. Одна гривна, изготовленная из гладкого дрота, происходит из разрушенного погребения Старокорсунского могильника на Кубани (Каминский, 1987. С. 198. Рис. 10, 55). Гривны из крученного бронзового дрота с последующей позолотой были обнаружены в катакомбах № 2 и 14 Старо-Салтовского могильника (Аксенов, 1999. Рис. 5, 5; 6, 50). Гривна из погр. № 143 Нетайловского могильника была свита из двух бронзовых проволок, круглых в сечении. Один конец гривны оформлен в виде петли, второй – в виде крючка. При этом и петля, и крючок выполнены из одной проволоки, тогда как концы второй проволоки образуют спиральную навивку у крючка и петли гривны, соот-

Монеты, обнаруженные в погребальной камере катакомбы № 119*

№ погребения	Атрибуция монеты (место чеканки, правитель)	Датировка	Способ крепления
1	Ифрикия, наместник Хартам	796/797 гг.	2 раза пробита, обрезана
1	Мадина́т ас-Салам, Аль-Махди	782 г.	2 раза пробита, обрезана
2	Мадина́т ас-Салам, Аль-Махди	776/777 гг.	2 раза пробита, петелька
2	Рей, Аль-Махди	763/764 гг.	1 раз пробита, петелька
2	Куфа времен аль-Мансура	758–764 гг.	3 раза пробита, петелька
2	Мадина́т ас-Салам	769/770 гг.	петелька
2	Табаристан, Умар	778 гг.	2 раза пробита, петелька
2	Омейяды, Васит	714/715 гг.	петелька
2	Мадина́т ас-Салам, Аль-Махди	775–784 гг.	2 раза пробита, петелька
2	имитация	—	петелька
2	Ифрикийя, Наср	792/793 гг.	2 раза пробита, петелька
2	Аббасиды	787–790 гг.	2 раза пробита, обрезана, петелька

* Атрибуция монет сделана Е. Лембергом (г. Одесса).

ветственно (Аксенов, 2012. Рис. 2, 4). Погребения, где были обнаружены эти гривны, датируются исследователями второй половиной VIII – началом IX в. Еще три гривны происходят из дореволюционных раскопок могильника у с. Верхний Салтов (кат. № 2 и 10 из раскопок В. А. Бабенко 1906 г., кат. № 15 из раскопок 1911 г.) (Бабенко, 1907. С. 391; 1914. С. 454). Если в салтовских материалах гривны достаточно редки, то они являются привычным атрибутом населения Днепровского лесостепного левобережья V–VII вв. (Щеглова, 1990. С. 176; Гаритухин, Обломский, 1996. С. 53. Рис. 16, 57), а также населения восточной и центральной части Северного Кавказа V–VIII вв. (Гавриутхин, Обломский, 1996. С. 264. Рис. 82, 40–42; Багаев, Виноградов, 1972. С. 83. Рис 2, 6).

В традиционных обществах набор личных украшений вместе с одеждой выступают зрительным индикатором этнического, социального, имущественного, семейного положения человека (Яценко, 2006. С. 5, 6). Учитывая это, можно утверждать, что в катакомбе № 119 были погребены представители социальной и имущественной верхушки верхне-салтовской общины. При этом весь набор довольно многочисленных личных амулетов-оберегов у погребенной женщины был направлен на всемерное обеспечение и повышенную защиту её детородных функций, что объясняется принадлежностью умершей к разряду молодых женщин репродуктивного возраста (20–25 лет). С идеей плодородия (Великой Богиней) связаны и круглые диски из ра-

ковин (Борозна, 1975. С. 289), и подвески в виде грифона (рис. 4, 14), и амулеты в виде всадника на грифоне (рис. 4, 13) (Флерова, 2001. С. 79, 82), и подвеска с протомами коней и стилизованной фигурой Великой Богини между ними (рис. 4, 17) (Флерова, 2001. С. 43–53, 79). Возможно, с божеством плодородия связано и изображение утки (рис. 4, 16), выгравированное на подвеске-печатке, найденной на поясе женщины. У многих народов мира утка принимала самое активное участие в акте сотворения мира (Иванов, Топоров, 1997. С. 347). В таком случае, она является одной из ипостасей все той же богини плодородия и подательницы жизни. Поэтому размещение дисков из раковин на груди женщины, а всех подвесок-амулетов – на поясе вполне закономерно. У женщин с высоким имущественным и социальным статусом, но в возрасте, близком к переходу в следующую возрастную группу (35–40 лет), амулеты, связанные с идеей плодородия, в виде грифона и всадника на грифоне представлены зачастую только единичными экземплярами (Колода, 2011. С. 268. Рис. 3, 7, 8). Тенденцию к уменьшению количества личных украшений и оберегов у женщин с переходом их из группы женщин репродуктивного возраста в группу старух демонстрируют как археологические материалы по аланскому населению салтово-маяцкой культуры (Албегова, 2001. С. 93), так и этнографические материалы (традиция передачи бус и украшений от старшего поколения младшему) (Столба, 2009. С. 125).

Таким образом, катакомбы № 119 дают нам представление о полном наборе личных украшений представителей имущественной и социальной верхушки аланского населения Верхнего Салтова, одного из основных пунктов Северо-Западной Хазарии.

Помимо этого, катакомба № 119 позволяет уточнить некоторые моменты в погребальной обрядности аланского населения бассейна Северского Донца. Стритиграфия заполнения дромоса и погребальной камеры показывает, что после помещения в камеру тела женщины (погр. № 2) камера была засыпана грунтом до уровня дна входа в неё. Вход в камеру был закрыт каким-то закладом, дромос засыпан грунтом, по составу аналогичным заполнению придонной части погребальной камеры. Спустя какое-то время дромос в восточной его части был вскрыт, но не до самого дна. Вход в погребальную камеру был освобожден, и на находившийся в камере слой грунта, перекрывавший погр. № 2, было уложено тело ребенка. После этого ход повторного проникновения в дромосе был частично засыпан. При этом грунт из дромоса попал и в погребальную камеру, перекрыв собой тело ребенка. Однако, ход повторного проникновения в камеру, по-видимому, в силу каких-то причин не был до конца засыпан. И только со временем его заполнил затечный грунт и грунт, обвалившийся со стенок. Позже обвалился свод камеры, перекрыв собою останки ребенка. Спустя еще какое-то время в камеру через обрушившийся свод начала просачиваться вода с землей и образовала затечное заполнение в пустотах по периметру камеры.

Таким образом, катакомба № 119 позволяет по-новому взглянуть на цели преднамеренного проникновения в катакомбные захоронения алан Подонцовья через специально сделанный в дромосе ход повторного проникновения в погребальную камеру.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аксенов В.С. Старосалтовский катакомбный могильник // *Vita antiqua*. 1999. № 2. С. 137–149.
- Аксенов В.С. Ранняя группа личных украшений салтовского населения Подонцовья (по материалам погребений с фибулами Нетайловского могильника) // *Древности*. 2012. Харьков, 2012. С. 172–187.
- Албегова З.Х. Палеосоциология аланской религии VII – IX вв. (по материалам амулетов из катакомбных погребений Северного Кавказа и Среднего Дона) // *РА*. 2001. № 2. С. 83–96.
- Бабенко В.А. Дневник раскопок в Верхнем Салтове, проведенных в 1905–6 году // *Труды XIII АС в Екатери-*

нославе. Т. 1. Ч. 1. М.: Тип. Г. Лисснера, Д. Собко, 1907. С. 387–393.

Бабенко В.А. Памятники хазарской культуры на юге России // *Труды XV АС в Новгороде*, 1911 г. Т. 1. / Под ред. П.С. Уваровой. М.: Тип. Г. Лисснера, Д. Собко, 1914. С. 446–464.

Багаев М.Х., Виноградов В.Б. Раскопки раннесредневекового могильника у сел. Харачой // *КСИА*. 1972. Вып. 132. С. 80–86.

Борозна Н.Г. Некоторые материалы об амулетах-украшениях населения Средней Азии // *Домусульманские верования и обряды в Средней Азии*. М.: Наука, 1975. С. 281–297.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.: “Спецэлектрострой”, 1996. 298 с.

Зайцев Б.П. Куфические монеты на территории Харьковщины // *Харьковский исторический альманах*. № 1. Харьков: Изд. Мачулин Л.И., 2002. С. 6–8.

Иванов В.В., Топоров В.Н. Птицы // *Мифы народов мира: энциклопедия* (в 2 т.) Т. 2. М.: Большая Российская энциклопедия, 1997. С. 346–349.

Иченская О.В. Особенности погребального обряда и датировка некоторых участков Салтовского могильника // *Вопросы хронологии и периодизации памятников Украины*. К.: Наук. думка, 1983. С. 140–148.

Каминский В.Н. Алано-болгарский могильник близ станции Старокорсунской на Кубани // *СА*. 1987. № 4. С. 187–205.

Ковалевская В.Б. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М.: ОНТИ ПНЦ РАН, 2000. 364 с.

Ковалевская В.Б. Хронология древностей северокавказских алан // *Аланы: история и культура* / Отв. ред. и сост. В.Х. Тменов. Владикавказ: СОИГИ, 1995. С. 123–183.

Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг.: статьи, переводы и комментарии. Харьков: Вища школа, 1956. 348 с.

Колода В.В. Исследования раннесредневековых катакомбных погребений близ с. Верхний Салтов в 1996 г. // *Хазарский альманах*. Т. 3. Киев; Харьков: Каравелла, 2004. С. 213–241.

Колода В.В. К вопросу о салтовских погребениях на поселениях (на примере богатого женского захоронения на городище Мохнач) // *Древности*. 2011. Харьков, 2011. С. 261–272.

Комар А.В. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы // *Vita antiqua*. 1999. № 2. С. 111–136.

Лантес А. Монеты в салтовских памятниках верхнего Подонцовья (Верхне-Салтовский IV-й катакомбный и Нетайловский грунтовой могильники) // *I Международная научная конференция “РАСМИР: Восточная нумизматика”* (29–31 июля 2011 г.): сборник научных трудов / Отв. ред. А.Н. Алешин. Киев: Альфа Рекла-ма, 2013. С. 114–124.

- Минаева Т.М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь: Ставропольское кн. изд-во, 1971. 247 с.
- Михеев В.К. Отчет о раскопках Средневековой археологической экспедиции Харьковского госуниверситета в 1994 году // Архив ІА НАНУ. 1994/34. 39 с.
- Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье: Дмитриевский археологический комплекс. М.: Наука, 1989. 286 с.
- Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М.: Наука. 1967 (МИА; № 142). 196 с.
- Савченко Е.И. Крымский могильник // Археологические исследования на новостройках. Вып. 1. М.: Наука, 1986. С. 70–101.
- Сарапулкін В.А. Отчет о раскопках могильников салтово-маяцкой культуры в Шебекинском районе Белгородской области в 2004 году // Архив Белгородского госуниверситета. 58 л.
- Сарапулкін В.А. Ржевский грунтовой могильник салтово-маяцкой культуры (предварительное сообщение) // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 12. Воронеж: Изд-во ВоронежскогоГУ, 2006. С. 195–204.
- Сташенков Д.А. Евразийская мода в эпоху раннего средневековья (к постановке проблемы) // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии): матер. II Междунар. археол. конф. (17–20 ноября 1997 г.) / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СамВен, 1998. С. 213–231.
- Столба В.Ф. Бусы, подвески и амулеты: вера в сглаз у греческого и местного населения Таврики // ВДИ. 2009. № 2. С. 109–128.
- Щеглова О.А. О двух группах “древностей антов” в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского левобережья: сб. науч. тр. Курск: Курский гос. обл. музей археологии, 1990. С. 162–203.
- Флёрова В.Е. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. Иерусалим; Москва: Мосты культуры, 2001. 158 с.
- Яценко С.А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М.: Вост. лит., 2006. 366 с.

CATACOMB 119 FROM VERKHNEE SALTOVO IV NECROPOLIS NEAR KHARKOV

Viktor S. Aksyonov

Kharkov Historical Museum (aksyonovviktor@gmail.com)

The paper is devoted to the publication of the materials of Catacomb 119 discovered at the Verkhnee Saltovo IV cemetery in 2013. Its burial chamber contained a grave of a woman of 20–25 years old and a girl 4–5 years old. The remains of the woman rested on the floor of the chamber while the child was laid on the soil layer of 0.25 m thick covering the entire surface of the floor. The woman and the child belonged to the elite of Verkhniy Saltov society. Their social position is indicated by grave goods, which include two dirhams decorating child's frontlet and ten coins reworked into pendants of the woman's necklace. Such a huge amount of dirhams in one catacomb was never encountered at Verkhniy Saltov before. The finds enable us to date the catacomb to the mid-second half of the 9th century AD.

Keywords: Saltovo-Mayatskoe culture, Alans, catacomb, dirham, amulets.

REFERENCES

- Aksenov V.S., 1999. Starsaltovskiy katakombnyy mogil'nik [Staroe Saltovo catacomb necropolis]. *Vita antiqua*, 2, pp. 137–149.
- Aksenov V.S., 2012. Rannaya gruppa lichnykh ukrasheniye saltovskogo naseleniya Podontsov'ya (po materialam pogrebeniy s fibulami Netaylovskogo mogil'nika) [Early group of private jewelry of a Saltovo population of Donetsk basin (on the materials of burials with fibulae of the Netailovskiy cemetery)]. *Drevnosti [Antiquities]*. Khar'kov, 2012, pp. 172–187.
- Albegova Z.Kh., 2001. Paleosotsiologiya alanskoy religii VII–IX vv. (po materialam amuletov iz katakombnykh pogrebeniy Severnogo Kavkaza i Srednego Dona) [Paleosociology of the Alan religion of the 7th–9th cc. (on the materials of amulets from the catacomb burials of Northern Caucasus and Middle Don)]. *RA*, 2, pp. 83–96.
- Babenko V.A., 1907. Dnevnik raskopok v Verkhnem Saltove, provedennykh v 1905–6 godu [The notebook of the excavations in Verkhneye Saltovo made in 1905–6]. *Trudy XIII Arkheologicheskogo s'ezda v Ekaterinoslavle [Transactions of the 13th Archaeological congress in Ekaterinoslav]*, vol. 1, part 1. Moscow: Tipografiya G. Lissnera, D. Sobko, pp. 387–393.

- Babenko V.A., 1914. Pamyatniki khazarskoy kul'tury na yuge Rossi [Khazar sites in the South of Russia]. *Trudy XV Arkheologicheskogo s'ezda v Novgorode [Transactions of the 15th Archaeological congress in Novgorod]*, vol. 1. Moscow: Tipografiya G. Lissnera, D. Sobko, pp. 446–464.
- Bagaev M.Kh., Vinogradov V.B., 1972. Raskopki rannesrednevekovogo mogil'nika u sel. Kharachoy [Excavations of the early medieval burial site at the village Kara-choi]. *KSIA*, 132, pp. 80–86.
- Borozna N.G., 1975. Nekotorye materialy ob amuletkh-ukrasheniyakh naseleniya Sredney Azii [Some materials on the amulets-jewelry of the population of Central Asia]. *Domusul'manskije verovaniya i obryady v Sredney Azii [Pre-Muslim beliefs in Central Asia]*. Moscow: Nauka, pp. 281–297.
- Flerova V.E., 2001. Obrazy i syuzhety mifologii Khazarii [Images and narratives of Khazar mythology]. Ierusalim; Moscow: Mosty kul'tury. 158 p.
- Gavritukhin I.O., Oblomskiy A.M., 1996. Gaponovskiy klad i ego kul'turno-istoricheskij kontekst [Gaponovo treasure and its cultural and historical context]. Moscow: Spetsselektrostroy. 298 p.
- Ichenskaya O.V., 1983. Osobennosti pogrebal'nogo obryada i datirovka nekotorykh uchastkov Saltovskogo mogil'nika [Peculiarities of the burial rite and dating of some parts of Saltovo burial site]. *Voprosy khronologii i periodizatsii pamyatnikov Ukrainy [Problems of chronology and periodization of the sites of the Ukraine]*. Kiev: Naukova dumka, pp. 140–148.
- Ivanov V.V., Toporov V.N., 1997. Ptitsy [Birds]. *Mify narodov mira: entsiklopediya: v 2 tomakh [Myths of the peoples of the world: 2 volumes]*, 2. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya, pp. 346–349.
- Kaminskiy V.N., 1987. Alano-bolgarskiy mogil'nik bliz stanitsy Starokorsunskoy na Kubani [Alan-Bulgarian cemetery near stanitsa Starokorsunskaya on Kuban]. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]*, 4, pp. 187–205.
- Koloda V.V., 2004. Issledovaniya rannesrednevekovykh katakombnykh pogrebeniy bliz s. Verkhniy Saltov v 1996 g. [Studies of early Medieval catacomb burials near the village Verkhnee Saltovo in 1996]. *Khazarskiy al'manakh [Khazarian miscellany]*, 3. Kiev; Khar'kov: Karavella, pp. 213–241.
- Koloda V.V., 2011. K voprosu o saltovskikh pogrebeniyakh na poseleniyakh (na primere bogatogo zhenskogo zakho-roneniya na gorodishche Mokhnach) [To the problem of Saltovo burials in the settlements (on the example of a rich woman burial in the fortified settlement Mokhnach)]. *Drevnosti [Antiquities]*. Khar'kov, pp. 261–272.
- Komar A.V., 1999. Predsaltovskie i rannesaltovskie gorizonty Vostochnoy Evropy [Pre-Saltovo and early Saltovo horizons of the Eastern Europe]. *Vita antiqua*, 2, pp. 111–136.
- Kovalevskaya V.B., 1995. Khronologiya drevnostey severo-kavkazskikh alan [Chronology of the antiquities of the northern Caucasian Alans]. *Alany: istoriya i kul'tura [Alans: history and culture]*. V.Kh. Tmenov, ed., comp. Vladikavkaz: Severo-Osetinskiy institut gumanitarnykh issledovaniy, pp. 123–183.
- Kovalevskaya V.B., 2000. Komp'yuternaya obrabotka massovogo arkheologicheskogo materiala iz rannesrednevekovykh pamyatnikov Evrazii [Computer processing of the mass archaeological material from the early medieval sites of Eurasia]. Moscow: Otdel nauchno-tehnicheskoy informatsii Pushchinskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. 364 p.
- Kovalevskiy A.P., 1956. Kniga Akhmeda Ibn-Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921–922 gg.: stat'i, perevody i kommentarii [The Book of Akhmed Ibn-Fadlan on his pilgrimage down Volga in 921–922: articles, translations and commentaries]. Khar'kov: Vishcha shkola. 348 p.
- Laptev A., 2013. Monety v saltovskikh pamyatnikakh verkhnego Podontsov'ya (Verkhne-Saltovskiy IV-y katakombnyy i Netaylovskiy gruntovoy mogil'nik) [Coins in Saltovo sites of the Upper Podontsovy (Upper Saltovskiy 4th catacomb and Netailovskiy burial sites)]. *I Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya "RASMR: Vostochnaya numizmatika": sbornik nauchnykh trudov [1st International Scientific Conference "Rasmir: Eastern numismatics"]*. A.N. Aleshin, ed. Kiev: Al'fa Reklama, pp. 114–124.
- Mikheev V.K. Otchet o raskopkakh Srednevekovoy arkheologicheskoy ekspeditsii Khar'kovskogo gosuniversiteta v 1994 godu [Report on the excavations of the Medieval archaeological expedition of the Kharkov State University in 1994]. *Arkhiv IA NANU [Archive of the Institute of archaeology of National Academy of Sciences of the Ukraine]*. 1994/34. 39 p. Unpublished.
- Minaeva T.M., 1971. K istorii alan Verkhnego Prikuban'ya po arkheologicheskim dannym [To the history of Alans of the Upper Kuban' region on the archaeological data]. Stavropol': Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo. 247 p.
- Pletneva S.A., 1967. Ot kocheviy k gorodam. Saltovomayatskaya kul'tura [From camps to cities. The Saltovo-Mayatskoe culture]. Moscow: Nauka. 196 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii USSR, 142).
- Pletneva S.A., 1989. Na slavyano-khazarskom pograni- ch'e: Dmitrievskiy arkheologicheskij kompleks [On the Slavic-Khazar border: Dmitrievskiy archaeological complex]. Moscow: Nauka. 286 p.
- Sarapulkin V.A. Otchet o raskopkakh mogil'nikov saltovomayatskoy kul'tury v Shebekinskom rayone Belgorodskoy oblasti v 2004 godu [Report on the excavation works of the cemeteries of the Saltovo-Mayaki culture in Shebekino District of the Belgorod Oblast in 2004]. *Arkhiv Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta [Archive of the Belgorod Stat University]*. 58 l.
- Sarapulkin V.A., 2006. Rzhhevskiy gruntovoy mogil'nik saltovomayatskoy kul'tury (predvaritel'noe soobshchenie) [Rzhevsk burial site of the Saltovo-Mayatskoe culture (preliminary note)]. *Arkheologicheskie pamyatniki Vostochnoy Evropy [Archaeological sites of Eastern Europe]*, 12. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 195–204.

- Savchenko E.I., 1986. Krymskiy mogil'nik [Krymsk cemetery]. *Arkheologicheskie issledovaniya na novostroykakh* [Archaeological surveys in construction zones], 1. Moscow: Nauka, pp. 70–101.
- Shcheglova O.A., 1990. O dvukh gruppakh “drevnostey antov” v Srednem Podneprov'e [On two groups of “Antae antiquities” in Middle Dnieper region]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Dneprovskogo levoberezh'ya: sbornik nauchnykh trudov* [Materials and surveys on the archaeology of Dnieper left bank: collection of scientific papers]. Kursk: Kurskiy gosudarstvennyy oblastnoy muzey arkheologii, pp. 162–203.
- Stashenkov D.A., 1998. Evraziyskaya moda v epokhu ranego srednevekov'ya (k postanovke problemy) [Eurasian fashion in the early Middle Ages (to the setting of the problem)]. *Kul'tury Evraziyskikh stepey vtoroy poloviny I tysyacheletiya n.e. (voprosy khronologii): materialy II Mezhdunarodnoy arkheologicheskoy konferentsii* [Culture of Eurasian steppes of the second half of the 1st millennium (problems of chronology): materials of the 2nd International Archaeological Conference]. D.A. Stashenkov, ed. Samara: SamVen, pp. 213–231.
- Stolba V.F., 2009. Busy, podveski i amulety: vera v sglaz u grecheskogo i mestnogo naseleniya Tavriki [Beads, pendants and amulets: belief in evil eye of the Greek and local population of Tauria]. *VDI* [Journal of Ancient History], 2, pp. 109–128.
- Yatsenko S.A., 2006. Kostyum drevney Evrazii (iranoyazychnye narody) [Costume of Old Eurasia (Iranian-speaking peoples)]. Moscow: Vostochnaya literatura. 366 p.
- Zaytsev B.P., 2002. Kuficheskie monety na territorii Khar'kovshchiny [Kufic coins on the territory of Khar'kov land]. *Khar'kovskiy istoricheskiy al'manakh* [Khar'kov historical miscellany], 1. Khar'kov: Izdatel' Machulin L.I., pp. 6–8.

ДРЕВНЕРУССКИЕ КЕРАМИЧЕСКИЕ ПЛИТКИ С КРЫЛОССКОЙ ГОРЫ (ГАЛИЧ) В ГОСУДАРСТВЕННОМ ЭРМИТАЖЕ

© 2016 г. В.Н. Матвеев

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург (vmatveev88@inbox.ru)

Керамические плитки широко использовались в Киевской Руси, но только на Галицкой земле найдены рельефные образцы (большая часть обнаружена на Крылосской горе – детинце древнего Галича). Они были разделены на два типа: экземпляры первого типа меньше и тоньше, рисунок на них схематичный и без рамки; экземпляры второго типа больше и толще, рисунок лучше проработан и помещен в круглую рамку, это полноценные рельефные изображения. Набор вариантов орнамента схож, техника выполнения рельефа и качество рисунка различны. Проведенный анализ позволил сделать вывод: форма плиток первого типа типична для древнерусской архитектуры, они датируются второй половиной XII в.; плитки же второго типа были привнесены из Малопольши, скорее всего монахами-доминиканцами, и датируются концом 30-х – началом 40-х годов XIII в.

Ключевые слова: архитектура, керамические плитки, Галич, Крылос, Успенский собор.

Керамические плитки, покрытые цветной глазурью, известны по многим памятникам Киевской Руси, однако только на территории Галицкой земли были найдены плитки с рельефными изображениями. Впервые они обнаружены на Крылосской горе (рис. 1) – детинце Галича (Раппопорт, 1967. С. 115); позже зафиксированы еще в двух памятниках Галича: квадрифолии в урочище Карпов Гай, так называемом Полигоне (Иоаннисян, 1983. С. 236–238), и церкви на Царинке (Лукомский, 1998. С. 568, 569), а также в развалах деревянной церкви в Василеве (Тимошук, 1969. С. 112, 113). В массиве рельефных плиток выделено два типа (Малевская, Раппопорт, 1978. С. 87). Экземпляры, относящиеся к первому типу меньше и тоньше, рисунок на них схематичный и без рамки, экземпляры второго типа больше и толще, рисунок лучше проработан и помещен в круглую рамку.

Впервые квадратные рельефные плитки первого типа найдены при раскопках Успенского собора Я. Пастернаком в слое разрушения собора (рис. 2), который лежал непосредственно на остатках фундамента, “между западными подкупольными столбами, перед бывшим алтарем, в глубокой яме” (Пастернак, 1998. С. 96), т.е. в центральном нефе. Ни одна плитка не найдена *in situ*. В этом же слое разрушения в западном притворе около алтаря, между восточными подкупольными столбами и в северном притворе обнаружены и простые плитки без

рельефа (Пастернак, 1937. С. IX). Основная масса рельефных плиток (около 250 фрагментов) собрана в результате работ М.К. Каргера на участке к западу от Успенского собора в 1955 г. “в верхних слоях, на глубине 0.3–0.6 м” (Каргер, 1960. С. 64). В этом же месте, в 80 м к западу от собора, небольшая коллекция рельефных плиток была найдена и в 1959 г. Всего, по подсчетам М.В. Малевской и П.А. Раппопорта (1978. С. 87), обнаружено 310 фрагментов, из них 224 с рельефами, которые образуют 12 вариантов рисунка.

Плитки второго типа впервые найдены Я. Пастернаком при исследованиях на Золотом Току (1998. С. 206); затем в 1951 г. в юго-западном углу этой площадки при разведках В.К. Гончарова (1955. С. 29). В 1957–1959 гг. М.К. Каргер провел исследования на Золотом Току, в результате чего обнаружено 317 фрагментов рельефных плиток с 11-ю вариантами изображений в круге.

Все последующие работы исследователей были посвящены интерпретации найденных плиток. Авторы первой исследовательской статьи разделили, как уже упомянуто, весь массив орнаментальных плиток на два типа (эта типология сохранилась во всех последующих статьях), подсчитали количество образцов и типов декора. Плитки 1-го типа ими были соотнесены с материалами Успенского собора, а плитки 2-го типа отнесены к влиянию романского искусства (Малевская, Раппопорт, 1978. С. 87–95).

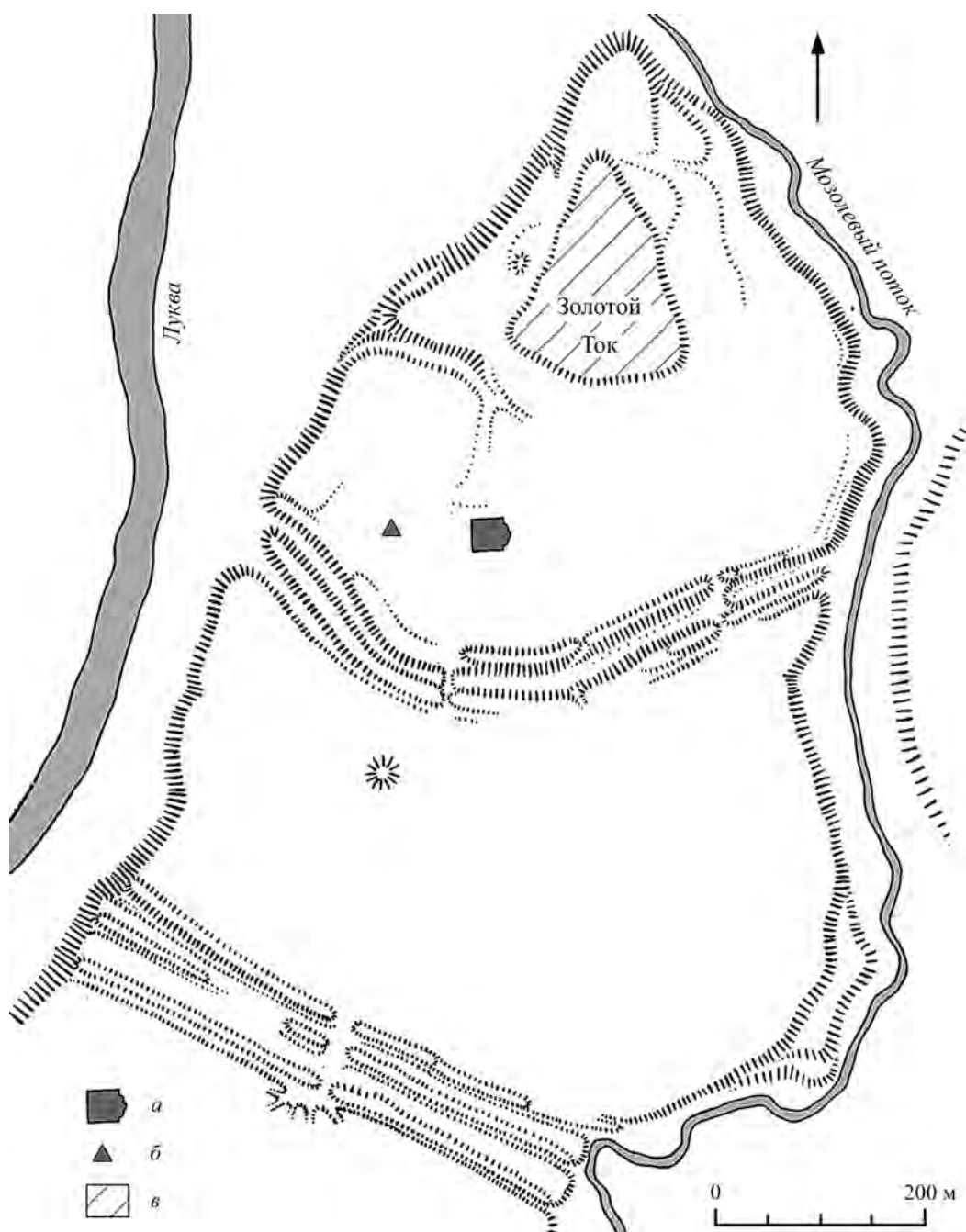

Рис. 1. План городища Крылос (по: Раппопорт, 1967). Условные обозначения: *а* – Успенский собор; *б* – место обнаружения плиток 1-го типа; *в* – место обнаружения плиток 2-го типа.

Т.М. Ткачук и К.Л. Тимус издали каталог плиток из фондов музея в Крылосе (1997). Своей целью авторы поставили задачу ознакомления широкой общественности с теми плитками, которые не были опубликованы в статье М.В. Малевской и П.А. Раппопорта, т.е. с материалами из Львова и Ивано-Франковска (последние хранятся в Историческом музее на Крылосе в Галиче). Кроме того, авторы также проанализировали семантику

изображений, дав версию их происхождения. Также в 1997 г. во Львове защищена диссертация О.П. Кошевого, которая полностью посвящена галицким рельефным плиткам и представляет собой наиболее полный и обстоятельный свод данных по этой теме (Кошовый, 1997). Основная идея автора заключалась в том, что сюжеты плиток заимствованы из византийского декора.

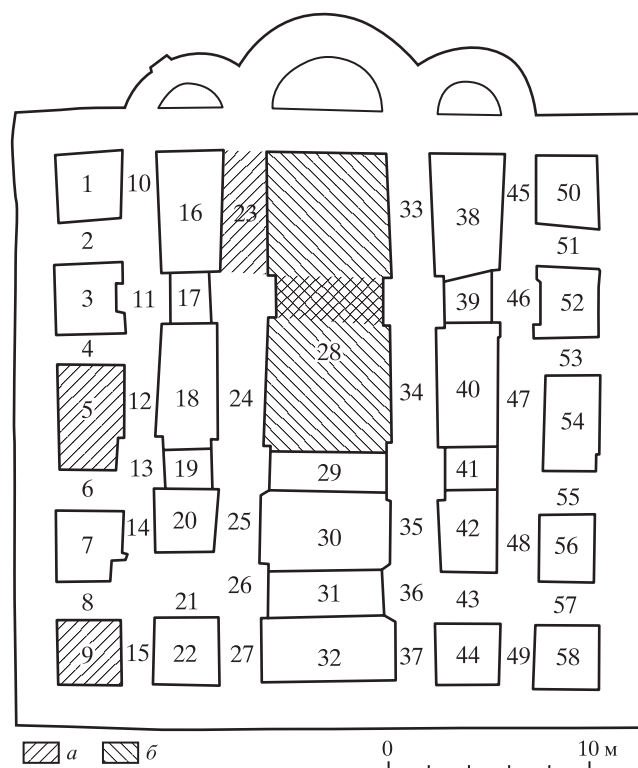

Рис. 2. План Успенского собора с обозначением мест, где были найдены плитки (по: Пастернак, 1998, с добавлением авторских штриховок). Условные обозначения: *a* – места находок плиток без рельефа; *b* – места находок рельефных плиток.

Позже опубликована небольшая заметка О.Г. Овчинникова о семантике изображений на плитках (Овчинников, 1998). В ней автор атрибутирует персонажей декора как аллегории христианских пороков и добродетелей и приходит к выводу, что на полу изображали существ, связанных с дьяволом, а на стенах – и со злом, и с добром. Последняя на данный момент работа о рельефных плитках (Ляска и др., 2009) – это каталог данных предметов из коллекции Львовского университета, в который вошло 14 экз. (2-го типа по Малевской и Раппопорту) из раскопок Галича 1938 и 1947 гг. (работы Я. Пастернака и И. Старчука). Авторы привели описание плиток и предприняли попытку интерпретации образов.

На основании анализа всех перечисленных выше статей можно выделить ряд основных проблем, связанных с галицкими рельефными плитками. На первом месте – анализ семантики “сюжетных” изображений, затем идут вопросы происхождения орнаментальных мотивов, датировка плиток и место их расположения в памятнике. Данная работа – попытка посмотреть на объект исследования с иной точки зрения: на основе технологии их изготовления решить вопросы хронологии и места их применения. Семантика же, наоборот, почти не рассматривается, так как эта задача для своего

решения требует отдельного большого исследования с привлечением данных искусствоведения, истории и фольклористики.

Хранящаяся в Государственном Эрмитаже (ГЭ) коллекция плиток, происходящих из раскопок на Крылосской горе в древнерусском Галиче, насчитывает 182 предмета, большая часть которых хранится в секторе архитектурной археологии (инв. № АДР-1518–178; 1592–1712), еще 7 экз. – в отделе истории русской культуры (инв. № Г-55/163, 369, 370, 383, 405; Г-59/2, 4, 5). По большей части это фрагменты рельефных плиток, которые были найдены преимущественно экспедицией М.К. Каргера в 1955–1959 гг. Также в статье дополнительно привлекается 13 фрагментов (АДР-1723–1735) плиток из раскопок так называемого Полигона (работы 1979 г. экспедиции О.М. Иоаннисяна). Этот памятник находится не на Крылосской горе, но на территории Галича, и обнаруженные при его раскопках плитки чрезвычайно схожи с теми, что найдены на Крылосе.

Плитки первого типа делятся на несколько групп.

Без рельефа (58 шт., АДР-1518–1575; 1592–1596; 1598–1607). Среди них сохранилось только четыре образца с целой стороной (длина 14 см), остальные – мелкие фрагменты. У большинства фрагментов сторона – 12–13 см при толщине 1.5–2 см.

С рельефами: А. С растительным орнаментом (44 шт., АДР-1608–1651). Зафиксирован только один целый экземпляр (АДР-1608), его размеры – 14.2 × 13.2 × 1.4 (рис. 3, 1). Все остальные образцы представляют собой обломки со стороной 13–14 см и толщиной 1.3–2.1.

Б. С геометрическим орнаментом в виде мотивов “пальмы” (АДР-1652–1655, рис. 3, 3) и решетки (АДР-1656–1658, рис. 3, 4). Плитки имеют подквадратную форму со стороной 13 см. Толщина образцов – около 1.5 см.

В. С “сюжетным” декором. В коллекции их 37 шт.: 18 с изображением грифона (АДР-1659–1675, рис. 3, 5); 6 (АДР-1676–1681) и 15 (АДР-1682–1686 и 1688–1697) с двумя вариантами изображения сирена (рис. 3, 6, 7)¹. Размеры их также 13 × 1.7 см. К этому варианту относятся и плитки с образом орла из так называемого Полигона (11 фрагментов, АДР-1725–1735, рис. 3, 8). Их размер – 11 × 13–14 см, толщина разнится от 1.4 до 1.9.

Как видно из приведенного описания, размеры предметов колеблются от 12 до 14 см, толщина – от 1.5 до 2.2. Все плитки обладают прямыми торцами, скошенности и вогнутости нет, на многих из них натеки поливы. В некоторых случаях зафиксированы

¹ Наименования персонажей даны согласно их описанию в статье М.В. Малевской и П.А. Раппопорта (1978).

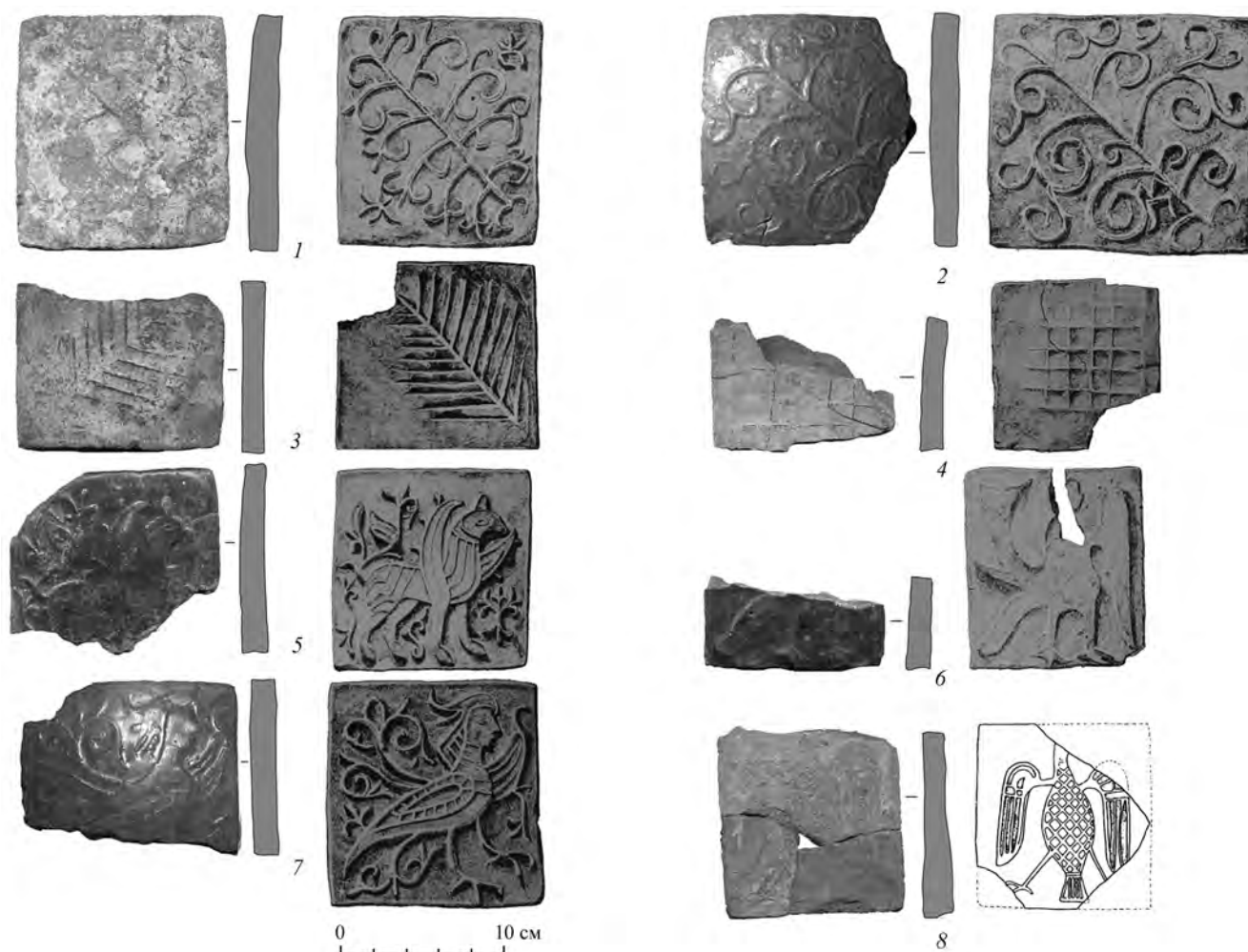

Рис. 3. Плитки 1-го типа (1–8) из коллекции ГЭ.

и следы раствора, причем как на торцах, так и на нижней пастели, что говорит о характере основы, на которой лежали плитки. Изготавливались они в неразъемной рамке, причем верхняя пастель была внизу – об этом свидетельствуют следы выдавливания теста на грани между торцами и верхней пастелью. Следовательно при изготовлении тесто забивалось в рамку, потом ее переворачивали, снимали излишки и снимали рамку вверх. Возможно матрица орнамента находилась не на отдельном штампе, который прижимали сверху, а на поверхности, на которую укладывали плитку, т.е. оттискивание рисунка происходило вместе с формовкой плитки. Толщина плиток неоднородная, многие образцы имеют утолщение в центре и небольшое сужение к краям. Тесто промешано хорошо, механических примесей почти нет, видны мелкие (до 1 мм) пятна извести. Обжиг некачественный: у большей части образцов в середине наблюдается серая область. Полива желтого, зеленого и коричневого цветов.

Плитки второго типа. В коллекции представлено 14 экз. (АДР-1699–1710). Из них 1 экз. – с растительным орнаментом (АДР-1699, рис. 4, 4), остальные – с “сюжетными” мотивами: грифон, 5 экз. (АДР-1700–1703, 1711, рис. 4, 1); барс (пантера?), 1 экз. (Г-59/2); двуххвостое существо (сирена?), 2 экз. (Г-59/5, АДР-1712, рис. 4, 2) и павлин, 5 экз. (Г-59/4, АДР-1706–1710, рис. 4, 3, 5). Все они размерами 16×16 см, толщина составляет около 4.2. Торцы вертикальные, очень ровные, на некоторых видны следы заглаживания. Тесто оранжевое или розовое, равномерно обожжено. Следы использования на плитках не видны, нет и поливы. Все это говорит о том, что плитки не были в употреблении. Также об этом свидетельствует и отсутствие на торцах и нижней пастели следов раствора.

Отдельно следует выделить фрагмент круглой плитки (АДР-1698, рис. 5), ее диаметр – 24 см, толщина – 4. Она аналогична по толщине плиткам 2-го типа, но по всем другим параметрам отличается

Рис. 4. Плитки 2-го типа (1–5) из коллекции ГЭ.

от них. Ее торцы вертикальные, грани между торцами и пастелями округлые. Обжиг слабый: темно-серая керамическая масса внутри и серая снаружи. Вся плитка покрыта коричневой поливой, в том числе и линии контура орнамента.

На плитках были нанесены разные изображения, все в технике рельефа. Набор вариантов орнамента на образцах обоих типов схож: это растительные мотивы, а также изображения мифических зверей

(грифонов, сиринов, василисков). Однако техника выполнения рельефа, а также качество рисунка у них различается.

Орнамент и декор плиток первого типа. Геометрический орнамент представлен стилизованным изображением “пальмовой ветви” (Ткачук, Тимус, 1997. С. 13) или “елочкой” (Малевская, Раппопорт, 1978. С. 87) (рис. 6, 1а) и решеткой (рис. 6, 1б). Первый мотив вариантов не имеет, на всех плитках изображена одинаковая, идущая по диагонали из нижнего левого угла в правый верхний угол, прямая линия, к которой с двух сторон под углом в 45° подходят другие прямые линии, условно “пальмовые листья”. Эти листья не доходят до краев плитки, оставляя свободным около 3 см. Второй мотив представляет собой простую решетку из пересекающихся под прямым углом линий.

Сложный растительный орнамент выполнен в технике выступающего невысокого рельефа (не более 2 мм), который был полностью покрыт поливой.

Рис. 5. Плитка смешанного варианта.

От того, что по плиткам долгое время ходили, полива, покрывающая рельеф, стерлась, благодаря чему он хорошо читается на фоне сохранившейся поливы. Однако в некоторых местах она сохранилась и на рельефе, и видно, что первоначально вся площадь плитки была покрыта поливой, в том числе и линии рельефа, которые слабо выступали. Орнамент представляет собой ветвь, идущую по диагонали из угла в угол справа налево, однако побеги уже не прямые, а с изгибами. Фрагментов плиток со сложным орнаментом выявлено много, все они принадлежат к двум основным вариантам: условно “дугообразному” (14 экз., рис. 6, 2а) и “волутообразному” (12 экз., рис. 6, 2б).

Особо следует отметить присутствие на плитках со сложным растительным орнаментом тамг, причем для каждого из двух вариантов орнамента тамга своя (рис. 6, 3). На плитках с дугообразным орнаментом (вариант 1) она представляет собой три расходящиеся под 45° линии на полуовале и помещена в свободное пространство в углу. На образцах волутообразного орнамента (вариант 2), где изображение занимает всю площадь плитки, тамга втиснута внутрь изображения в нижний угол между стеблем и вторым левым побегом. Она представляет собой ломаную линию на основании в виде буквы “П” с расширяющимися книзу концами. Аналога тамге первого варианта найти не удалось, а вот тамга второго варианта очень похожа на один из видов “знаков Рюриковичей”, известных на различных предметах, в том числе на плинфе и плитках. Наиболее близкий аналог обнаружен на одной

из дрогичинских пломб, которая относится к 5-му типу 6-го разряда по классификации С. В. Белецкого, пломба № 406 по своду К. В. Болсуновского (Белецкий, 1996. С. 306). Однако она не датирована.

Знаки на плитках с растительным орнаментом уникальны тем, что они проставлены не на торце плитки или нижней пастели, как, например, на образцах из Владимиро-Суздальской земли (Воронин, 1962. С. 119), а на верхней пастели. Безусловно, в таком случае эти знаки являются не технологическими метками, а смысловой частью изображения, предназначенной для осмотра. Хотелось бы интерпретировать тамгу второго варианта как личный знак Ярослава Осмомысла, заказчика Успенского собора, к декору которого принадлежали плитки, но, к сожалению, для этого пока нет веских оснований. Остается неясным, почему тамги встречаются только на плитках со сложным растительным орнаментом, а на образцах с изображением животных их нет.

Кроме описанных вариантов 1 и 2 сложного растительного орнамента в коллекции есть еще небольшое количество плиток с чрезвычайно похожим по стилю, но все же сделанным явно по другим матрицам орнаментом (условные варианты 3, 4; рис. 6, 2в, 2). Таким образом, всего использовалось четыре матрицы для плиток с этим видом декора.

Плитки с условно сюжетными изображениями выполнены примерно в одной технике. Это выпуклый рельеф, где поверхность плитки утоплена вниз и над ней возвышаются линии, образующие контуры изображения. Вся поверхность покрыта поливой,

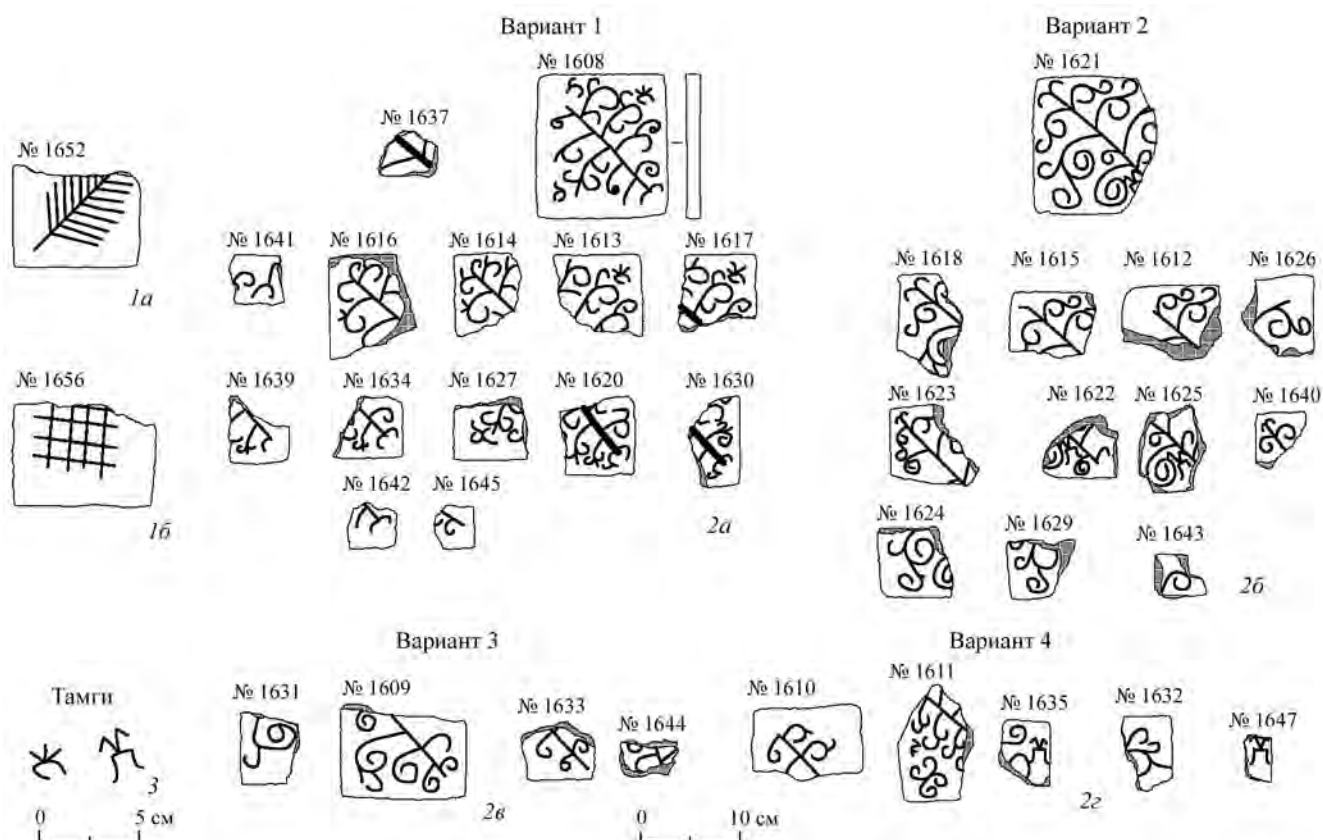

Рис. 6. Варианты декора плиток с растительным орнаментом.

в том числе и выступающие контуры, но они значительно слабее, благодаря чему рельеф был хорошо виден. От длительного использования, как сказано выше, на многих плитках полива стерлась – и в первую очередь на самых высоких частях, т.е. на линиях контура. Интересно, что полива покрывает плитку не равномерным слоем, ее уровень вне пределов фигуры ниже, чем между линиями контура внутри нее. Таким образом, изображение как бы немного поднимается над плоскостью плитки, создаются микротени, которые выделяют его. Надо отметить, что в некоторых случаях нанесено избыточное количество поливы, которая скрывает контуры персонажа.

Плитки с отмеченным выше первым вариантом образа сирина (рис. 3, б) выполнены несколько в другой технике. Здесь декор поднят целиком над поверхностью, не линиями контура, а всей плоскостью. Вся плитка покрыта поливой, изображение также получается выше фона, но гораздо грубее, т.е. оно представляет собой контур, внутри которого поверхность заштрихована одной-двумя линиями.

Кроме перечисленных выше “сюжетных” мотивов (персонажей) на плитках этого типа отметим рогатого зверя с крылом (Ткачук, Тимус, 1997. С. 12) из

коллекции музея в Галиче. Возможно это вариант грифона, однако он повернут в левую сторону.

Всего зафиксировано девять основных рисунков: два мотива геометрического орнамента; два основных варианта сложного растительного орнамента; изображения грифона, двух видов сирина, орла и рогатого зверя – мотивы (персонажи) условно сюжетного декора.

Орнамент и декор плиток второго типа. В отличие от схематичных изображений плиток первого типа, на образцах второго типа рисунок выполнен более тщательно и реалистично. Здесь можно говорить о полноценном рельефном декоре, а не только о контурах, как в образцах первого типа. Все изображение поднято над фоном на высоту 2-3 мм, причем детали на заднем плане выступают над поверхностью ниже, тем самым создавая перспективу. Рисунок вне контура фигуры нанесен единичными линиями. К общим чертам плиток обоих типов можно отнести присутствующую в некоторых местах штриховку внутри изображения. Пожалуй, наиболее резко бросающееся в глаза отличие от плиток первого типа – это круглая рамка из двух линий вокруг центрального декоративного мотива на плитках второго типа. Оставшееся свободным место

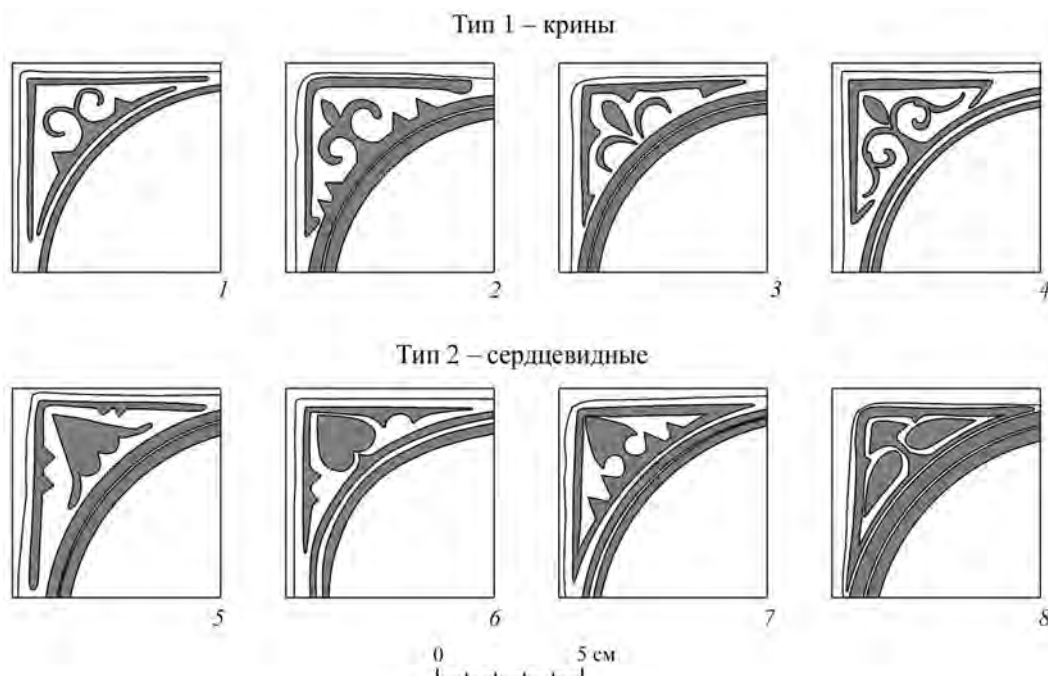

Рис. 7. Типы виньеток плиток 2-го типа.

в углах плиток заполнено четырьмя виньетками, которые различались на разных плитках. Кроме того, на рамке у виньетки в некоторых случаях было два или четыре треугольных выступа, однако, не на всех плитках. Можно выделить восемь вариантов виньеток двух типов (кринь и сердцевидные), т.е. каждый тип имел по четыре варианта (рис. 7). Второй вариант виньетки типа 1 – кринь (рис. 7, 2) использовался с четырьмя изображениями, остальные – только с одним.

Всего на плитках зафиксировано 11 разных рисунков, в коллекции ГЭ находятся плитки с 5-ю вариантами: растительный орнамент; изображения грифона, существа с двумя хвостами (сирены?) и двух вариантов павлина. Другие рисунки на плитках этого типа, не зафиксированные в материалах коллекции ГЭ, представляют “сюжетные” изображения: еще один вариант грифона, павлин, пантера, “единорог”, василиск, голубь. На этих плитках изображено большее количество персонажей, чем на плитках первого типа. Следует отметить, что хотя все персонажи обоих типов плитки сходны семантически и композиционно размещены одинаково – смотрят в правую сторону, но уже отмеченная выше разница в качестве рисунка плиток разных типов очевидна.

Смешанный вариант орнамента представлен на одном фрагменте плитки. Рисунок состоит из стилизованных ветвей с листьями, однако четкая композиция не прослеживается. Рисунок, возможно,

квадрата по центру как бы заключен в рамку более крупного квадрата, по углам которого расположены небольшие растительно-геометрические мотивы и тамги (рис. 5). Изображение занимает не всю площадь плитки, оно расположено в центре и вписано в квадрат. Сохранилась только левая половина плитки, и ввиду несимметричности рисунка полностью реконструировать изображение не представляется возможным. Она похожа на образцы с растительным орнаментом, но аналогия не полная. Эту плитку по декору можно считать чем-то средним между плитками первого и второго типов. Нечеткость изображения и наличие двух “рамок” позволяют предположить, что это был какой-то пробный образец. Также к этой мысли подводит тот факт, что она найдена в единственном экземпляре. Да и вообще, круглые плитки встречаются редко. Из-за их формы они могут быть только частью некоего сложного составного декора и обязательно требуют дополнительных форм, которые бы заполняли пустоты между кругами. Ничего подобного не найдено, все аналогичные по толщине плитки квадратные. Все это позволяет сделать вывод о том, что данная круглая плитка была экспериментальной и в серийное производство такой вид рассматриваемых изделий не пошел.

Как уже отмечалось, нигде, кроме Галича, на территории Руси рельефные плитки не использовались. Чаще всего плитки были простой геометрической формы с монохромной поливой, хотя использовались и плитки с узором. Сюжетные изображения

на плитках кроме Галича известны еще только на образцах с хор собора Рождества Богородицы в Боголюбове под Владимиром, где декор выполнен поливной росписью. При этом надо отметить, что изображенные на плитках персонажи имеют многочисленные аналоги в искусстве Древней Руси. Их можно увидеть на рельефах ц. Покрова на Нерли (Воронин, 1961. С. 295), Дмитровского собора во Владимире (Гладкая, 2009. С. 77–103), Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (Воронин, 1962. С. 55, 56), на дверях Суздальского собора (Вагнер, 1975. С. 108–129). Встречаются они на поверхности ювелирных украшений – колтов (Макарова, 1986. Табл. 2, 3; Pekarska, 2011. С. 120, 139, 140), на изделиях из дерева (Колчин, 1971. Табл. 10) и на тканях (Тихомиров, 1844. Рис. V).

Проведенный анализ размеров и техники изготовления *плиток первого типа* показывает, что они типичны для древнерусской архитектуры. Уникальными их делают помещенные на них рельефные изображения. М. В. Малевская и П. А. Раппопорт утверждали, что они являются результатом влияния романского искусства (1978. С. 96), однако это положение верно лишь для плиток второго типа. Образцы первого типа не могли сформироваться под влиянием романского искусства по следующей причине. Напомним, что эти плитки были найдены в развалах при раскопках Я. Пастернаком Успенского собора (1998. С. 96) (рис. 2), Ю. В. Лукомским *in situ* в церкви на Царинке (Лукомский, 1998. С. 562), О. М. Иоаннисяном в Полигоне (1983. С. 236–239) и Б. А. Тимошуком в деревянной церкви в Василеве (1969. С. 112). Это, во-первых, доказывает их принадлежность к декору именно полов, а не стен, а во-вторых, позволяет достаточно точно их датировать. Церковь на Царинке относится к рубежу XII–XIII вв. (Лукомский, 1998. С. 593). Плитки из Полигона и Василева относятся ко второй половине XII в. Найденные на Крылосе образцы составляли первоначальный пол Успенского собора, построенного в 50-х годах XII в. (Лукомский, 1991. С. 10). Просуществовал этот пол недолго, так как после частичного разрушения собора он был полностью заменен новым из каменных плит, поэтому плиток *in situ* не осталось. По данным Ю. В. Лукомского (Лукомский, 2007. С. 289), перестройка собора была проведена в первой половине XIII в., так что существование плиточного пола приходится на вторую половину XII – начало XIII в., а уложен он был при постройке собора или чуть позднее, т. е. в конце 50-х – 60-е годы XII в. Таким образом, если бы они были заимствованиями из романского зодчества, то уже в середине XII в. такие плитки можно было бы наблюдать в каких-либо памятниках Западной Европы. Однако там плитки с рельефным орнаментом

и декором появляются только в начале XIII в. (Auch, Skrzynska-Jankowska, 2009. S. 237).

Сохранившиеся *in situ* фрагменты пола церкви на Царинке позволяют сделать вывод о том, что плитки были выложены по продольно-поперечной схеме. В Успенском соборе плитки, к сожалению, *in situ* не сохранились, но показательно место находок их развалов. В центральном нефе были найдены рельефные образцы, в северном – без рельефа. И хотя при разрушении собора материалы могли перемещаться, в целом находки развалов вполне соответствуют тенденции, когда более дорогие и престижные материалы использовались в более важных местах храма. Также к этому времени относятся и найденные треугольные плитки с рельефным орнаментом. Они могли покрывать какие-либо участки полов в боковом нефе. Находка дугообразной плитки явно свидетельствует о наличии в храме одного или нескольких омфалиев². В пользу последнего предположения говорят малые размеры плитки: образованный из подобных плиток круг имел бы слишком малый диаметр и терялся посреди обширного пола собора. Возможно здесь имела место система из нескольких кругов, подобная обнаруженной в Олешковской ротонде (Томенчук, 2005. С. 113).

Плитки второго типа представляли собой одно из самых ярких явлений культуры Древней Руси и сейчас фактически являются символом Галича и Галицкой земли. Неудивительно поэтому, что проблема их происхождения и использования рассматривалась почти всеми изучавшими их исследователями и решалась ими по-разному. Так, по мнению В. К. Гончарова, “в своем творчестве галицкие художники–керамисты, безусловно, использовали мотивы владими́ро-суздальских камнерезов и киевских ювелиров, также им были знакомы мотивы византийских и восточных тканей” (1955. С. 30), т. е. рельефы белокаменных соборов Северо-Восточной Руси, орнаменты на поднепровских пластинчатых браслетах и вытканые изображения зверей в медальонах на ткани. По мнению М. В. Малевской и П. А. Раппопорта, о чем уже говорилось выше, рельефные плитки – результат влияния романского искусства, но переработанного на древнерусской основе (1978. С. 96). О. П. Кошевой считает, что образцом для изображений на плитках были мотивы декора византийской керамики рубежа I–II тыс., которые в свою очередь сформировались под прямым влиянием древнего Востока; влияние

² Омфалий – особым образом выделенное место в центральной части храма. Он ведет свое происхождение от священного камня в Дельфах, считавшегося “пупом земли”. В христианском храме он располагается по центру сооружения под куполом. На территории Киевской Руси омфалий зафиксирован только в некоторых памятниках.

Северной Руси, Центральной и Западной Европы автор признает несущественным (Кошовий, 1998. С. 172). Авторы каталога галицких плиток считают, что плитки были изготовлены “однократно пришедшей артелью, хорошо знакомой с византийской символикой и историографией”, скорее всего в третьей четверти XII в. (Ткачук, Тимус, 1997. С. 36). Так же полагают и авторы каталога плиток из Львова (Ляска и др., 2009. С. 179).

Представляется, что эту проблему необходимо рассматривать в двух аспектах, различая происхождение формы плиток и рисунка на них. Формы и размеры рассматриваемых плиток для Руси уникальны, они резко выделяются своей непропорциональной толщиной в 4–4.5 см при стороне 16–17 (при том, что обычная толщина плиток составляла 1.5–2.5 см) и ярким оранжевым или розовым тестом. Такие плитки на территории Руси больше нигде, за исключением Галича, не известны. Зато очень схожие по размерам и тесту плитки активно применялись на территории соседней Польши, точнее Малопольши, с которой у Галича всегда были активные взаимоотношения. Наибольшее сосредоточение их зафиксировано в памятниках Кракова (Lenkiewicz, 1959) и его округи, особенно монастырей в Тынце (Piątkiewicz-Dereniowa, 1971) и Могиле (Kraków w chrześcijańskiej Europie..., 2006. S. 283, 284). Появляются такие плитки в памятниках Малопольши с первой трети XIII в. (Sztuka Polska..., 1968; Wojeś-Białasik, Niemiec, 2013. S. 290). Как и галицкие, малопольские плитки декорированы рельефными изображениями, преобладают на них геометрические орнаменты, но есть и сюжетные (рис. 8).

Орнаменты и декор на плитках из Кракова и Галича различаются, но их способы изготовления и формовки, несомненно, одни и те же. Этот факт, а также полное отсутствие аналогов на территории Руси и большое количество практически идентичных по технике изготовления образцов в соседней Малопольше свидетельствуют о заимствовании галицких плиток из Кракова и его округи. Скорее всего это произошло в конце 30 – начале 40-х годов XIII в. Нижней границей следует считать 1238 г., когда Даниил Галицкий окончательно утвердился в своем стольном граде, после чего мог начать задумываться о строительной деятельности в нем. Верхняя граница – 1241 г., когда Галич был разрушен монголами, после чего стал терять свою прежнюю роль, а основное строительство перешло в Холм (Антипов, 2000. С. 204; Golub, 2013). Учитывая то обстоятельство, что плитки были недоделаны (сформованы, но не покрыты поливой), можно отнести время их изготовления на самый канун монгольского

нашествия, 1240–1241 гг. В Польше такие плитки были связаны со строительной деятельностью монашеских орденов доминиканцев и цистерцианцев. Можно предположить, что и на Руси они появились благодаря этим орденам и прежде всего доминиканцам. Именно последние глубоко проникли на Русь, осели в 1223–1233 гг. в Киеве (Щавелева, 1984. С. 147) и активно поддерживали связи с Даниилом Галицким.

Отдельные споры вызывал вопрос, на горизонтальной или вертикальной поверхности использовались рельефные плитки. Так, В.К. Гончаров относит плитки к облицовочным украшениям стен княжеского дворца и церкви Спаса (1955. С. 30), М.В. Малевская и П.А. Раппопорт затрудняются в определении места использования этих плиток (1978. С. 92). Т.М. Ткачук и Л.К. Тимус считают, что они использовались для декора вертикальной плоскости (1997. С. 36). Так же полагают и авторы каталога плиток из Львова (Ляска и др., 2009. С. 179). Сопоставление данных плиток с краковскими, которые найдены в оформлении полов *in situ*, свидетельствует о том, что и галицкие предназначались для того же, но не были использованы, поэтому на них нет следов стертости.

Можно сделать предположение, что плитки предназначались для нового пола Успенского собора. Как уже говорилось, первоначальный пол собора был выложен рельефными плитками первого типа в начале XIII в., которые затем были заменены албастровыми плитами. Поэтому можно предположить, что планировалось восстановить декор пола из плиток с изображением мифических персонажей, но только сделать это уже на более качественном уровне. Неоднократно бывавший в Польше Даниил мог пригласить мастеров для ремонта Успенского собора, в том числе и с применением новых строительных материалов. Однако, как это было не раз в истории древнерусской архитектуры в целом и галицкой в частности³, заимствуя из других земель технические приемы, формы сохранялись местные. Таким образом, формат плиток был заимствован из Малопольши, рисунки же на них помещались вполне в русле той художественной традиции, которая была к тому времени на Руси. Полные аналоги изображенным на плитках персонажам подобрать невозможно, однако многие из них присутствуют в декоре различных изделий декоративно-прикладного искусства, о чем упомянуто выше.

³ Галицкая школа была основана польскими мастерами, принесшими на Русь технику кладки из квадров белого камня, но сохранившими существовавшую на Руси крестово-купольную планировку.

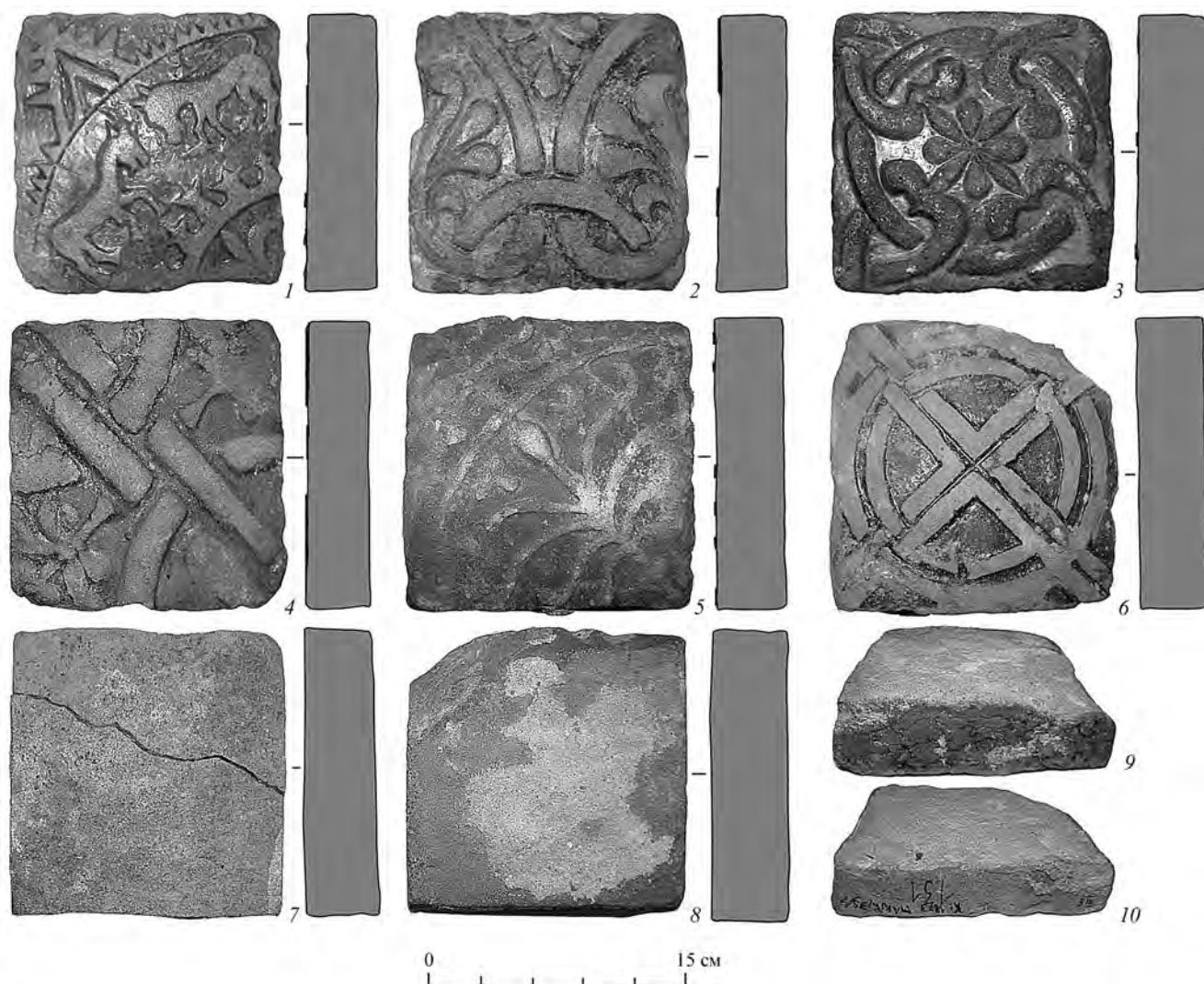

Рис. 8. Плитки из Кракова (коллекция Археологического музея в Кракове). 1, 2 – аббатство в Могиле; 3–10 – ц. Марии Магдалины. Фото автора.

Относительно особенности плиток второго типа – рисунка, помещенного в круглую рамку, отметим, что мотив помещенных в круг изображений характерен и для византийского, и европейского искусства. Пожалуй, наиболее яркий пример – это византийские плитки с изображениями святых, собранные в коллекции художественного музея Уолтерса в Балтиморе (США). Они условно датируются X в., но неизвестно, из какого памятника происходят. Кроме них в европейском декоративно-прикладном искусстве можно найти достаточное количество предметов, украшенных зооморфными или растительными орнаментами, изображениями святых, взятых в круглый медальон.

Два типа рассмотренных галицких рельефных плиток представляют самые яркие образцы строительной керамики Древней Руси. Их объединяет

наличие рельефных изображений, не известных на других плитках. Предметы первого типа по размерам и способу формовки характерны для древнерусской строительной традиции, они украшены изображениями персонажей, встречающихся и на предметах декоративно-прикладного искусства; предметы второго – технологически заимствованы из Польши, а образы декора связаны с традицией украшения византийских тканей. Плитки первого типа относятся ко второй половине XII в., плитки второго – к рубежу 30–40-х годов XIII в. Можно осторожно предположить, что они представляли собой два этапа в развитии декора пола Успенского собора, один из которых был реализован, а второй только подготовлен к реализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антипов И. В.* Древнерусская архитектура второй половины XIII – первой трети XIV в. Каталог памятников. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2000. 204 с.
- Белецкий С. В.* Знаки Рюриковичей на пломбах из Дорогичина // *Stratum plus*. 1996. № 6. С. 288–330.
- Вагнер Г. К.* Белокаменная резьба древнего Суздаля. Рождественский собор. XIII в. М.: Искусство, 1975. 184 с.
- Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 584 с.
- Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 559 с.
- Гладкая М. С.* Рельефы Дмитровского собора во Владимире. Опыт комплексного исследования. М.: Индрик, 2009. 288 с.
- Гончаров В. К.* Археологічні дослідження древнього Галича у 1951 р. // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. 5. Київ: Вид-во АН Укр. РСР, 1955. С. 22–31.
- Иоаннисян О. М.* Новые исследования одного из памятников Галицкого зодчества XII в. // СА. 1983. № 1. С. 231–244.
- Каргер М. К.* Основные итоги раскопок древнего Галича в 1955 г. // КСИА. 1960. Вып. 81. С. 61–71.
- Колчин Б. А.* Новгородские древности. Резное дерево. М.: Наука, 1971. 113 с.
- Кошовий О. П.* Галицькі керамічні плитки XII–XIII ст. (Гене́за. Іконографія. Семантика): автореф. дис. ... канд. мистецтвознавства. Львів, 1997. 25 с.
- Кошовий О. П.* Керамічні плитки стародавнього Галича: підходи здалека // Медобори і духовна культура давніх, середньовічних слов'ян. Мат-ли конф. Львів, 1998. С. 170–175.
- Лукомський Ю. В.* Архітектурна спадщина давнього Галича. Галич: Нац. заповідник “Давний Галич”, 1991. 40 с.
- Лукомський Ю. В.* Невідомі церкви на подолі княжого Галича // Записки наукового товариства ім. Шевченка. Т. ССXXXV: Праці Археологічної комісії. Львів: Наук. тов-во ім. Шевченка, 1998. С. 560–594.
- Лукомський Ю. В.* Галицькі білокам'яні хрестобанні церкви від князя Володара до короля Данила // Княжа доба. Історія і культура. Вип. 1. Львів: Ін-т українознавства ім. І. Крип'якевича, 2007. С. 271–304.
- Ляска В., Мінейко О., Вітвіцька Г.* Галицькі керамічні плитки з колекції археологічного музею львівського університету (матеріали до каталогу) // Археологічні дослідження Львівського університету. Вип. 12. Львів: Вид-во Львів. ун-ту, 2009. С. 169–181.
- Макарова Т. И.* Черное дело Древней Руси. М.: Наука, 1986. 155 с.
- Малевская М. В., Раннопорт П. А.* Декоративные керамические плитки древнего Галича // *Slovenska archeologia*. V. XXVI-1. Bratislava: Archeologický ústav SAV, 1978. S. 87–97.
- Овчинников О. Г.* Семантика галицьких керамічних плиток // Галич і Галицька земля. Київ; Галич: Нац. заповідник “Давний Галич”, 1998. С. 94–96.
- Пастернак Я.* Галицька катедра у Крилосі (Тимчасове звітлення з раскопів у 1936 і 1937 р.) // Записки наукового товариства ім. Шевченка. Т. 154. Львів: Наук. тов-во ім. Шевченка, 1937. С. I–XXI.
- Пастернак Я.* Старий Галич. Івано-Франківськ: Плай, 1998. 348 с.
- Раннопорт П. А.* Военное зодчество Западнорусских земель X–XIV вв. Л.: Изд-во АН СССР, 1967 (МИА; № 140). 241 с.
- Тимошук Б. А.* Декоративные плитки XII–XIII вв. из Василёва // КСИА. 1969. Вып. 120. С. 112–113.
- Тихомиров Д.* Исторические сведения об археологических исследованиях в Старой Рязани. М.: тип. С. Селивановского, 1844. 44 с.
- Ткачук Т. М., Тимус Л. К.* Галицькі керамічні плитки із рельєфними зображеннями та гончарні клейма. Каталог. Галич: Нац. заповідник “Давний Галич”, 1997. 60 с.
- Томенчук Б. П.* Олешківська ротонда. Археологія дерев'яних храмів Галицької землі XII–XIII ст. Івано-Франківськ: Гостинець, 2005. 113 с.
- Щавелева Н. И.* Киевская миссия польских доминиканцев // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1982 г. М.: Наука, 1984. С. 139–151.
- Auch M., Skrzynska-Jankowska K.* Szklione płytki posadzkowe z Gory Zamkowej w Drohiczyne // *Hereditatem cognoscere*. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne, 2004. S. 229–246.
- Bojęś-Białasik A., Niemiec D.* Kościół i klasztor Dominikanów w Krakowie w świetle badań archeologiczno-architektonicznych w latach 2010–2012 // *Sztuka w kręgu krakowskich dominikanów*. Studia i źródła Dominikańskiego Instytutu Historycznego w Krakowie. Kraków: Wydawnictwo Esprit SC, 2013. S. 257–313.
- Golub S.* Polsko-ukraiński projekt badań cerkwi Bogurodzicy wybudowanej w Chełmie przez Daniela Romanowicza w XIII wieku. Wstępne wyniki badań // *Rocznik Chełmski*. T. 17. Chełm: Alf-Graf, 2013. S. 293–306.
- Kraków w chrześcijańskiej Europie X–XIII w.* / Red. E. M. Firlet, E. Zaitz, Z. Miśtał. Kraków: Muzeum Historyczne Miasta Krakowa, 2006. 502 s.
- Lenkiewicz T.* Kościół Marii Magdaleny w Krakowie w świetle ostatnich odkryć archeologicznych // *Biuletyn Krakowski*. T. 1. Kraków: Muzeum Archeologiczne w Krakowie, 1959. S. 78–98.
- Pekarska L.* Jewellery of princely Kiev. Mainz; L.: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2011. 265 p.
- Piątkiewicz-Dereniowa M.* Płytki posadzkowe z opactwa Benedyktynów w Tyńcu // *Folia historiae artium*. T. 6/7. Kraków: Antykwa, 1971. S. 239–265.
- Sztuka Polska przedromańska i romańska do schyłku XIII wieku* / Pod red. M. Walickiego. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1968. S. 411–416.

RUS CERAMIC TILES FROM THE KRYLOS HILL AT GALICH IN THE STATE HERMITAGE

Vasiliĭ N. Matveev

State Hermitage, St.-Petersburg (vmatveev88@inbox.ru)

Ceramic tiles were widespread in Kievan Rus yet relief items have been encountered only in the Galich land. The majority of them have been found on the Krylos Hill, the fortified citadel of the city of Galich. Two types of relief tiles can be distinguished: items of the first type are smaller and thinner and bear a sketchy unframed design while those of the second type are bigger and thicker, bear a more elaborate design encircled by a frame and are true reliefs. Design patterns are similar yet the technique and quality of reliefs differ. The study enabled us to conclude that the tiles of the first type are characteristic of Rus architecture and date to the second half of the 12th century AD while those of the second type were brought from Little Poland probably by Dominican monks and date to the late 1230s–early 1240s.

Keywords: architecture, ceramic tiles, Galich, Krylos, Assumption Cathedral.

REFERENCES

- Antipov I. V.*, 2000. Drevnerusskaya arkhitektura vtoroy poloviny XIII – pervoy trety XIV v.: Katalog pamyatnikov [Rus' Architecture of the second half of the 13th–first third of the 14th century: A Catalogue of Monuments]. St. Petersburg: Izd-vo SPb. univ. 204 p.
- Auch M., Skrzynska-Jankowska K.*, 2004. Szklwione płytki posadzkowe z Gory Zamkowej w Drohiczyne. *Hereditatem cognoscere*. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne, pp. 229–246.
- Beletskiy S. V.*, 1996. Znaki Ryurikovichy na plombakh iz Dorogichina [Signs of Rurikids on stamps from Drohiczyn]. *Stratum plus*, 6, pp. 288–330.
- Bojś-Białasik A., Niemiec D.*, 2013. Kościół i klasztor Dominikanów w Krakowie w świetle badań archeologiczno-architektonicznych w latach 2010–2012. *Sztuka w kręgu krakowskich dominikanów: Studia i źródła Dominikańskiego Instytutu Historycznego w Krakowie*. Kraków: Wydawnictwo Esprit SC, pp. 257–313.
- Gladkaya M. S.*, 2009. Rel'efy Dmitrovskogo sobora vo Vladimire. Opyt kompleksnogo issledovaniya [Reliefs of St. Demetrius's Cathedral in Vladimir. An Attempt at a Complex Investigation]. Moscow: Indrik. 288 p.
- Golub S.*, 2013. Polsko-ukraiński projekt badań cerkwi Bogurodzicy wybudowanej w Chełmie przez Daniela Romanowicza w XIII wieku. Wstępne wyniki badań. *Rocznik Chełmski*, 17. Chełm: Alf-Graf, pp. 293–306.
- Goncharov V. K.*, 1955. Arkheologichni doslidzhennya drev'nogo Galicha u 1951 r. [Archaeological investigations of Old Galich in 1951]. *Arkheologichni pam'yatki URSS [Archaeological Sites of the Ukrainian Soviet Socialist Republic]*, 5. Kiïv: Vid-vo AN Ukr. SSR, pp. 22–31.
- Ioannisyan O. M.*, 1983. Novye issledovaniya odnogo iz pamyatnikov Galitskogo zodchestva XII v. [New investigations of a monument of Galich architecture of the 12th century]. *SA [SA]*, 1, pp. 231–244.
- Karger M. K.*, 1960. Osnovnye itogi raskopok drevnego Galicha v 1955 g. [The main results of excavations of Old Galich in 1955]. *KSIA [BSIA]*, 81, pp. 61–71.
- Kolchin B. A.*, 1971. Novgorodskie drevnosti. Rezhnoe derevo [Novgorod Antiquities. Carved Wood]. Moscow: Nauka. 113 p.
- Koshoviy O. P.*, 1997. Galits'ki keramichni plitki XII–XIII st. (Geneza. Ikonografiya. Semantika): avtoref. dis. ... kand. mistetstvovnavstva [Galich ceramic tiles of the 12th–13th century (Genesis, Iconography and Semantics): Abstract of Ph.D. (Art History) Thesis]. L'viv. 25 p.
- Koshoviy O. P.*, 1998. Keramichni plitki starodavn'ogo Galicha: pidkhodi zdaleka [Old Galich ceramic tiles: Distant approaches]. *Medobori i dukhovna kul'tura davnikh, seredn'ovichnikh slov'yan: materiali konferentsii [Medobory Hills and Spiritual Culture of Early and Medieval Slavs. Conference Proceedings]*. L'viv, pp. 170–175.
- Kraków w chrześcijańskiej Europie X–XIII w. E. M. Firlet, ed. Kraków: Muzeum Historyczne Miasta Krakowa, 2006. 502 p.
- Lenkiewicz T.*, 1959. Kościół Marii Magdaleny w Krakowie w świetle ostatnich odkryć archeologicznych. *Biuletyn Krakowski*, pp. 1. Kraków: Muzeum Archeologiczne w Krakowie, pp. 78–98.
- Lukoms'kiy Yu. V.*, 1991. Arkhitekturna spadshchina davn'ogo Galicha [Architectural Heritage of Old Galich]. Galich: Natsional'niy zapovidnik "Davniy Galich". 40 z.
- Lukoms'kiy Yu. V.*, 1998. Nevidomi tserkvi na podoli knyazhogo Galicha [Unknown churches in the lower part of princely Galich]. *Zapiski naukovo tovaristva imeni Shevchenka [Proceed. of Shevchenko Learned Society]*, CCXXXV: Pratsi Arkheologichnoï komisii [Transactions of Archaeological Commission]. L'viv: Nauk. tov-vo im. Shevchenka, pp. 560–594.
- Lukoms'kiy Yu. V.*, 2007. Galits'ki bilokam'yani khrestobani tserkvi vid knyazya Volodara do korolya Danila [Galich white-stone cruciform-domed churches from prince Volodar to king Daniil]. *Knyazha doba. Ictoriya i kul'tura*

- [*Princely Epoch. History and Culture*], 1. L'viv: Institut ukrainoznavstva im. I. Kryp'yakevicha, pp. 271–304.
- Lyaska V., Mineyko O., Vitvits'ka G., 2009. Galits'ki keramichni plitki z kolektsii arkheologichnogo muzeyu l'viv's'kogo universitetu (materiali do katalogu) [Galich ceramic tiles from the collection of the Archaeological Museum of Lvov University (Materials for a catalogue)]. *Arkheologichni doslidzhennya L'viv's'kogo universitetu* [Archaeological Investigations of Lvov University], 12. L'viv: Vid-vo L'viv. univ., pp. 169–181.
- Makarova T.I., 1986. Chervnevoe delo Drevney Rusi [Niello Technique of Rus]. Moscow: Nauka. 155 p.
- Malevskaya M.V., Rappoport P.A., 1978. Dekorativnye keramicheskie plitki drevnego Galicha [Decorative ceramic tiles of Old Galich]. *Slovenska archeologia*, XXVI-1. Bratislava: Archeologický ústav SAV, pp. 87–97.
- Ovchinnikov O.G., 1998. Semantika galits'kikh keramichnikh plitok [Semantics of Galich ceramic tiles]. *Galich i Galits'ka zemlya* [Galich and the Galich Land]. Kyiv; Galich: Natsional'niy zapovidnik "Davniy Galich", pp. 94–96.
- Pasternak Ya., 1937. Galits'ka katedra u Krylosi (Timchasse zvidomlennya z raskopiv u 1936 i 1937 r.) [Galich Archbishop's residence at Krylos (Interim Reports of Excavations of 1936 and 1937)]. *Zapiski naukovoogo tovaristva im. Shevchenka* [Proceed. of Shevchenko Learned Society], 154. L'viv: Nauk. tov-vo im. Shevchenka, pp. I–XXI.
- Pasternak Ya., 1998. Stariy Galich [Old Galich] [Galich and the Galich Land]. Ivano-Frankivs'k: Play. 348 p.
- Pekarska L., 2011. Jewellery of princely Kiev. Mainz; Leningrad: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. 265 p.
- Piatkiewicz-Dereniowa M., 1971. Płytki posadzkowe z opactwa Benedyktynów w Tyńcu. *Folia historiae artium*, 6/7. Krakow: Antykwa, pp. 239–265.
- Rappoport P.A., 1967. Voennoe zodchestvo Zapadnorusskikh zemel' X–XIV vv. [Military Architecture of western Rus lands in the 10th–14th centuries]. Leningrad: Izd-vo AN SSSR. 241 p. (MIA, 140).
- Shchhaveleva N.I., 1984. Kievskaya missiya pol'skikh dominikantsev [The Kievan mission of Polish Dominicans]. *Drevneyshie gosudarstva na territorii SSSR: Materialy i issledovaniya*. 1982 g. [The Earliest States in the Territory of the USSR: Materials and Studies. 1982.]. Moscow: Nauka, pp. 139–151.
- Sztuka Polska przedromańska i romańska do schyłku XIII wieku. M. Walicki. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1968. 914 p.
- Tikhomirov D., 1844. Istoricheskie svedeniya ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v Staroy Ryazani [Historical Evidence of Archaeological Investigations at Staraya Ryazan]. Moscow: Tip. S. Selivanovskago. 44 p.
- Timoshchuk B.A., 1969. Dekorativnye plitki XII–XIII vv. iz Vasileva [Decorative tiles of the 12th–13th century from Vasilev]. *KSIA [BSIA]*, 120, pp. 112–113.
- Tkachuk T.M., Timus L.K., 1997. Galits'ki keramichni plitki iz rel'efnimi zobrazhenniyami ta goncharni kleyma: Katalog [Galich ceramic tiles with relief images and potter's stamps: A Catalogue]. Galich: Natsional'niy zapovidnik "Davniy Galich". 60 p.
- Tomenchuk B.P., 2005. Oleshkivs'ka rotunda. Arkheologiya derev'yanikh khramiv Galits'koï zemli XII–XIII st. [The Rotunda of Aleshkov. The Archaeology of Wooden Temples of the Galich Land of the 12th–13th century]. Ivano-Frankivs'k: Gostinets'. 113 p.
- Vagner G.K., 1975. Belokamennaya rez'ba drevnego Suzdalya. Rozhdestvenskiy sobor. XIII v. [White-stone Carving of Old Suzdal. The Nativity [Rozhdestvenski] Cathedral, 13th century]. Moscow: Iskusstvo. 184 p.
- Voronin N.N., 1961. Zodchestvo Severo-Vostochnoy Rusi [Architecture of Northeast Rus], 1. Moscow: Izd-vo AN SSSR. 584 p.
- Voronin N.N., 1962. Zodchestvo Severo-Vostochnoy Rusi [Architecture of Northeast Rus], 2. Moscow: Izd-vo AN SSSR. 559 p.

КОЛЛЕКЦИЯ КОЖАНЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ РАСКОПОК ТОМСКОГО КРЕМЛЯ

© 2016 г. Д.О. Осипов*, М.П. Черная**

* Государственный Исторический музей, Москва (dmitriyosipov@mail.ru)

** Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск;
Томский государственный университет (mariakrem1@mail.ru)

В ходе раскопок 1983–2007 гг. воеводской усадьбы, расположенной на территории Томского кремля, было собрано более 1000 фрагментов археологической кожи, основная часть которых представлена обувными деталями и обрезками, оставшимися от раскроя. В статье приведены описание и систематизация коллекции кожаных изделий. Полученная на их основе информация послужила важным дополнением к характеристике материальной культуры средневекового Томска, расширив представления об одном из важных аспектов бытового уклада горожан последней трети XVII – середины XVIII в.

Ключевые слова: сибиреведение, Томский кремль, кожевенно-сапожное ремесло.

В 1604 г., по наказу царя Бориса Годунова, в вотчине князца Тояна был поставлен государев город, нареченный по реке Томском. Значительную роль в истории города сыграл кремль, выполнявший функции административно-политического, культурно-идеологического и военного центров.

Первые профессиональные раскопки на территории Томского кремля, расположенного на южном мысе Воскресенской горы, были проведены В.И. Матющенко (ТГУ) в 1968 г.: удалось частично вскрыть жилищно-хозяйственный комплекс и погребение томских татар (1969. С. 3–13). В 1983 г. раскопки были возобновлены институтом “Сибспецпроектреставрация” (руководители работ – М.В. Фролов, М.П. Черная), в 1983–1986 гг. проводившим исследования, связанные с разработкой проекта музеефицированного комплекса “Старый Томск” (Черная, 2002. С. 28). С 1990 г. археологические исследования кремля ведутся экспедицией ТГУ под руководством профессора кафедры археологии и исторического краеведения М.П. Черной.

В статье представлены изделия из кожи, найденные в 1983–2007 гг. в ходе раскопок воеводской усадьбы, расположенной на территории Томского кремля (рис. 1). За это время была собрана обширная коллекция разнообразных находок, в том числе более 1000 фр. археологической кожи, 90% которых представляли обрезки, оставшиеся от раскроя. В настоящее время для исследования доступны 164 фр., хранящиеся в фондах Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ, Томского областного кра-

ведческого музея и Музея истории Томска. Коллекция происходит из напластований, датирующихся исследователями последней третью XVII – серединой XVIII в. Сохранность находок по причине сухости грунта оставляет желать лучшего, поэтому несколько предметов атрибутировать не удалось. В то же время материала оказалось достаточно для реконструкции основных типов обуви. Зафиксированные во время раскопок места скопления производственных отходов позволяют уверенно локализовать сапожную мастерскую, располагавшуюся сначала в постройке 4 – одной из самых ранних на территории воеводской усадьбы, а после ее гибели в пожаре – в подклете восточной части дома № 8. В заполнении руин построек обнаружены многочисленные фрагменты кожи – детали изделий, обрывки и обрезки. Характер насыщенности культурного слоя свидетельствует о том, что раскопанные постройки служили не только жильем, о чем свидетельствуют развалы печей и кухонные остатки, но и мастерской сапожника. Такое совмещение, как показывают раскопки средневековых русских городов (Петренко, 1991. С. 67; Рабинович, 1975. С. 162), не было редкостью.

Активизация археологических исследований памятников, оставленных русскими переселенцами в Сибири, способствовала их оформлению в самостоятельное направление – сибиреведение, имеющее большой научный потенциал (Черная, 2008. С. 482–515). Одним из результатов процесса стало проявление исследовательского интереса к наход-

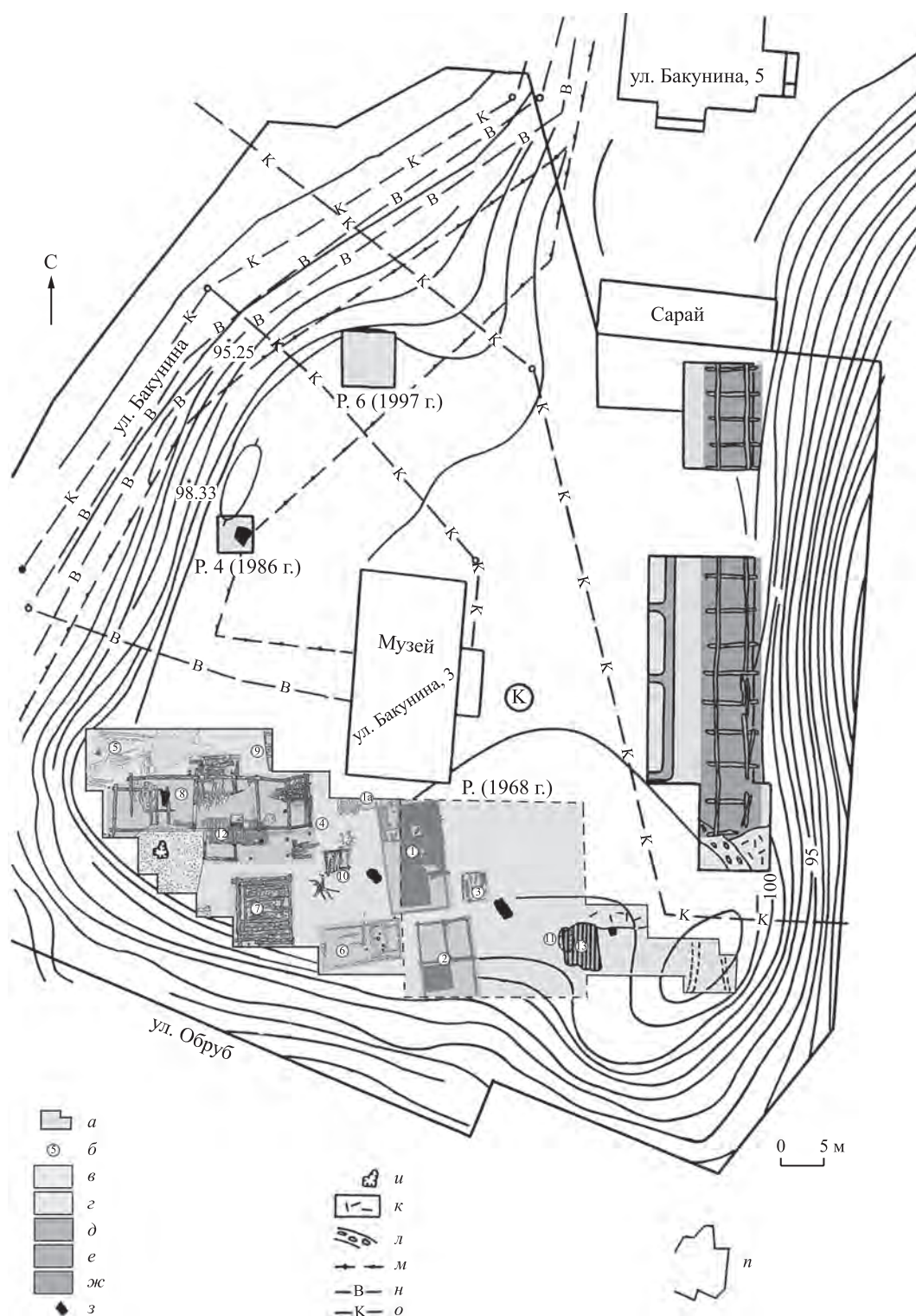

Рис. 1. Томский кремль. Южный мыс Воскресенской горы. Топоплан. Условные обозначения: *а* – раскопы 1968, 1983–2007 гг.; *б* – номер постройки; *в, з* – постройки воеводской усадьбы; *д* – мостовые; *е* – тарасная стена кремля; *ж* – каменная кладовая; *з* – дорусские могилы; *и* – памятный камень; *к* – поздние ямы, перекопы; *л* – асфальтовые дорожки; *м* – электрический кабель; *н* – водопровод; *о* – канализация; *п* – граница охранной зоны.

Статистика изделий из кожи

Детали обуви (%)	Подошва	Голенище	Задник	Подметка	Поднаряд	Каблук	Головка	Петля задника	Рант
	42 (26.9)	4 (2.4)	11 (6.7)	9 (5.2)	5 (3)	21 (12.8)	9 (5.2)	2 (1.2)	1 (0.6)
Поршни	простой				детальнокроеный				
	8 (4.9)				3 (1.8)				
Изделия из кожи	рукавицы			ножны		шайба		ремень	
	1 (0.6)			1 (0.6)		2 (1.2)		2 (1.2)	
Обрезки от раскроя	первичного					вторичного			
	2 (1.2)					23 (14.1)			
Обувные детали из других материалов	стелька берестяная			стелька войлочная			вкладыш задника		
	1 (0.6)			2 (1.2)			4 (2.4)		
Неопределенные изделия	9 (5.2)								
Всего	164								

кам, ранее не привлекавшим внимания специалистов, например, к изделиям из кожи (Визгалов и др., 2011). В отличие от поселений, расположенных в зоне вечной мерзлоты (Мангазея) или влагонасыщенного грунта (Тара), кожаные изделия, зафиксированные при исследовании Томского кремля, малочисленны и фрагментарны. Однако стремление руководителя раскопок и музейных сотрудников к сохранению максимального количества находок способствовало накоплению репрезентативной коллекции, хранящей ценную информацию об уровне развития кожевенно-сапожного ремесла и деталях костюма томищей XVII–XVIII вв.

Описание коллекции. Состав кожаных изделий характерен для русского позднесредневекового города. Более 77% находок – это детали обуви, изготовленные из кожи, войлока, бересты и являющиеся самой массовой продукцией. Именно обувь определяет уровень развития всего сапожного ремесла, поскольку ее изготовление требует концентрации всех технических и технологических достижений эпохи как в силу сложности, так и в силу массовости производства. Каблучные модели были подбиты железными подковками. Двадцать пять находок представлены обрезками, оставшимися от первичного и вторичного кроя¹. Это лишь небольшая часть ремесленных отходов, которые удалось

сохранить до сегодняшнего дня. Кроме обуви, железных обувных подковок и обрезков от раскроя, имеется небольшое количество кожаных изделий, включающих составную рукавицу, два обрывка ремней, ножны и две кожаные шайбы – прокладки (таблица).

Характеристика обуви. Простейшей обувью мягкой конструкции, согнутой из целого куска кожи, являются поршни. В коллекции имеется два вида поршней – простые и детальнокроеные.

Простые поршни (8 фр.). Древнейший тип обуви, которую человек научился изготавливать еще в каменном веке (Зыбин, 1978. С. 39). Для этого использовалась заготовка из прямоугольного или трапециевидного куска кожи, края которого загибались кверху и скреплялись по продольной оси головки нитяным швом или кожаным ремешком, образующим плетешок, служивший украшением. Основная часть представленных поршней по обрезу верха украшена бахромой (рис. 2, 1, 2). По-видимому, именно такой тип поршней был широко распространен в Томске в исследуемый период. Судя по ровному крою заготовок и равномерным прорезам под ремennую обору, все найденные поршни были изготовлены профессиональными мастерами.

Детальнокроеные поршни (3 фр.). В отличие от простых имеют вставку полуovalной или шлемовидной формы, закрывавшую носочную часть стопы (рис. 2, 3). Задник таких поршней, как правило, оформлялся в виде трех клапанов, образо-

¹ В отличие от обрезков первичного кроя, вторично использованные отходы имеют следы износа, а также сохраняют линии шовных отверстий.

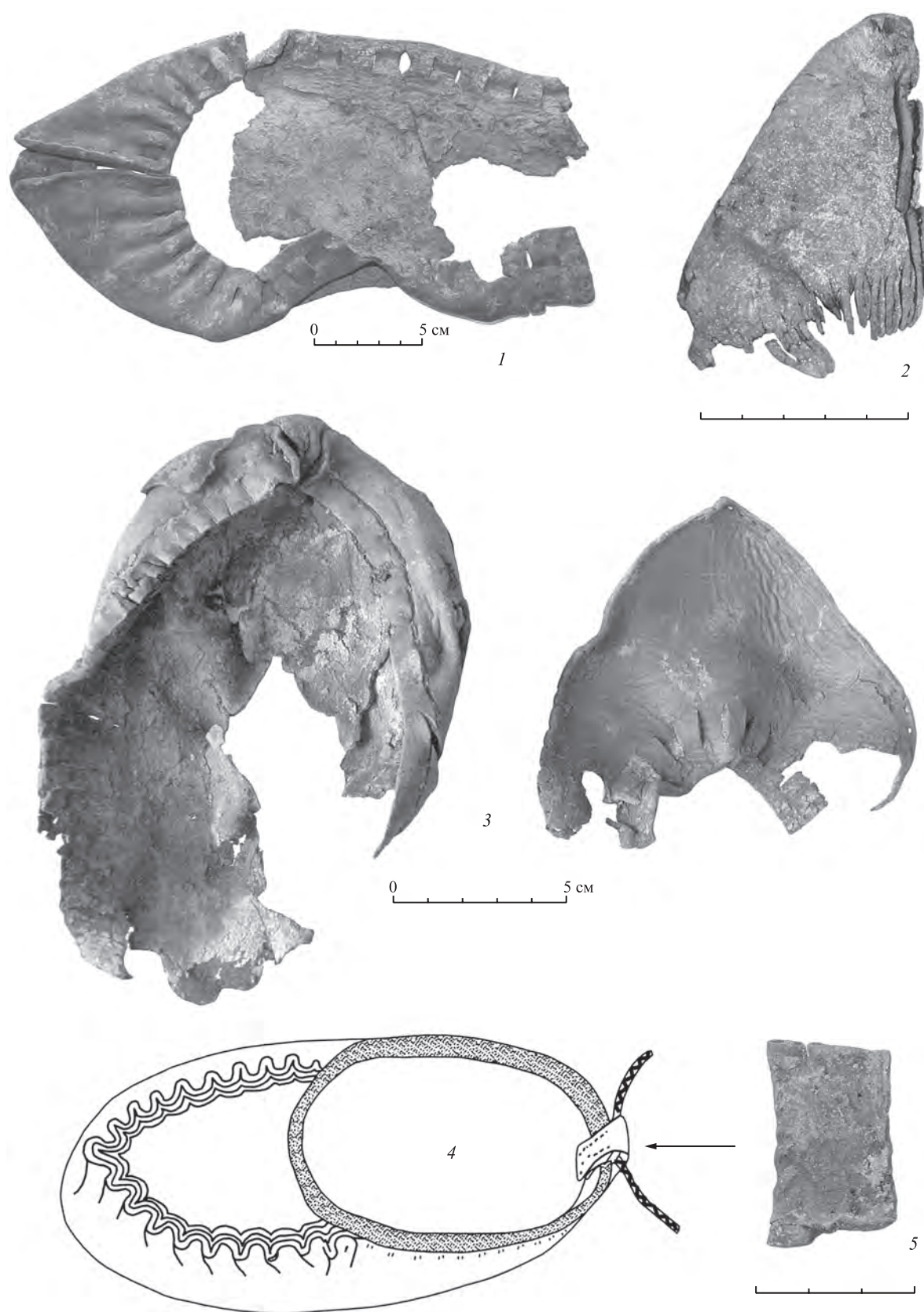

Рис. 2. 1, 2 – простые поршни; 3, 4 – детальнокроеный поршень (4 – реконструкция); 5 – петля задника.

ванных двумя короткими продольными надрезами. При сборке клапаны сшивались сквозным швом, поверх которого крепилась кожаная петля, использовавшаяся для продевания ременной или веревочной оборы (рис. 2, 4).

По верхнему краю поршня с помощью шва “змейка” крепилась обшивка (опушень), изготовленная из свернутой вдвое полоски шерстяной ткани полотняного или саржевого переплетения (рис. 2, 4). Расстояние между стежками, оставшимися от крепления обшивки, составляет 7–10 мм.

Для изготовления поршней использовалась кожа крупного рогатого скота толщиной 0.3–0.4 см. Все найденные фрагменты имеют следы износа, поэтому в местах наибольших потертостей видны следы ремонта. Чаще всего на подошву нашивались кожаные заплаты (подметки), крепившиеся швом змейка.

Для городов, расположенных в Европейской части России, детальнокроеные поршни достаточно редки, тогда как на памятниках, оставленных русскими переселенцами, подобная конструкция широко распространена. Самая крупная коллекция такой обуви, насчитывающая более 140 экз., происходит из Мангазеи (Визгалов и др., 2011. С. 39–41).

Туфли мягкой конструкции. Судя по количеству сохранившихся обрывков деталей верха и подошв, в Томске широко использовались низкие бескаблучные туфли, конструкция которых включала цельнокроеный верх, соединенный с отдельно выкроенной подошвой с помощью потайного выворотного шва, проходившего по всему периметру подошвы (рис. 3, 1, 2). По краю верха таких туфель, также как и поршней, крепилась суконная или замшевая обшивка, внутри которой проходила обора², продевавшаяся сквозь петлю задника, крепившегося на пятке. Поднаряда (подкладки) такие туфли не имели. Для тепла, помимо шерстяной (иногда замшевой) обшивки, использовались шерстяные вязаные или войлочные вкладные стельки, а также шерстяные вкладыши. Носили такую обувь, также как и поршни, поверх шерстяных онучей, перетянутых крест-накрест ременной оборой.

В специальной литературе подобная обувь часто именуется “улеядями” (Курбатов, 2009), “кенгами” или “чарыками” (Сухих, 1980. С. 136). На наш взгляд, при их описании целесообразно использовать нейтральные термины, поскольку нередко в разных регионах одни и те же модели назывались разными терминами и, напротив, один термин обозначает несколько типов конструк-

тивно различающейся обуви. В нашем распоряжении имеются обрывки подошв со следами ремонта, фрагменты боковин, головок (рис. 3, 1–3), а также петли задников³.

В археологических коллекциях других городов исследователи выделяют разные конструктивные варианты мягких туфель, однако фрагментарность наших находок пока не дает такой возможности. В Томске, скорее всего, будут обнаружены туфли с разным кроем верха, поскольку именно эта обувь была самой многочисленной и, следовательно, разнообразной. На всех известных нам памятниках русских поселенцев на территории Сибири и Приамурья бескаблучная детальнокроеная обувь являлась доминирующей (Визгалов и др., 2011. С. 42; Осипов, 2014).

Детальнокроеная обувь с каблуком. К этому конструктивно более сложному типу относятся сапоги и туфли жесткой конструкции. Несмотря на отсутствие целых форм, мы можем достаточно надежно реконструировать подобную обувь. Этому способствуют многочисленные аналогии, найденные на одновременных памятниках Восточной Сибири, а также высокий уровень стандартизации обувной продукции, окончательно сформировавшийся в России к XV столетию.

Сапоги. На существование высокой обуви указывают четыре фрагмента двусоставных голенищ, а также пять обрывков сапожных головок⁴ с удлиненными крыльями⁵, скругленными носками и двусоставным поднарядом (рис. 3, 5). Принадлежность к жесткой конструкции, кроме поднаряда (подкладки), подразумевает жесткий задник с берестяным вкладышем (рис. 3, 6) и наборный каблук. Деление моделей жесткой конструкции на высокую (сапоги) и низкую (туфли, башмаки) затруднено не столько по причине плохой сохранности кожи, сколько в силу конструктивной схожести сапог и туфель, имеющих составной верх с поднарядом и жестким задником, скреплявшийся с подошвой с помощью комбинированного шва: носочная часть и перейма соединялись потайным швом, тогда как пяточная часть сшивалась сквозным. Учитывая этот факт, на памятниках Западной и Восточной Сибири, в отличие от обувных коллекций городов европейской части России, целесообразно разделять модели по наличию или отсутствию каблука, как это сделано исследователями коллекции Ман-

² В качестве оборы мог использоваться шерстяной шнур или кожаный ремень.

³ Петли задников могут принадлежать и детальнокроеным поршням.

⁴ В отличие от деталей верха низкой обуви, сапожные головки имеют следы крепления голенища в виде тачного шва, проходящего по обрезу верха.

⁵ Боковые крылья, торцы которых сшивались с задником.

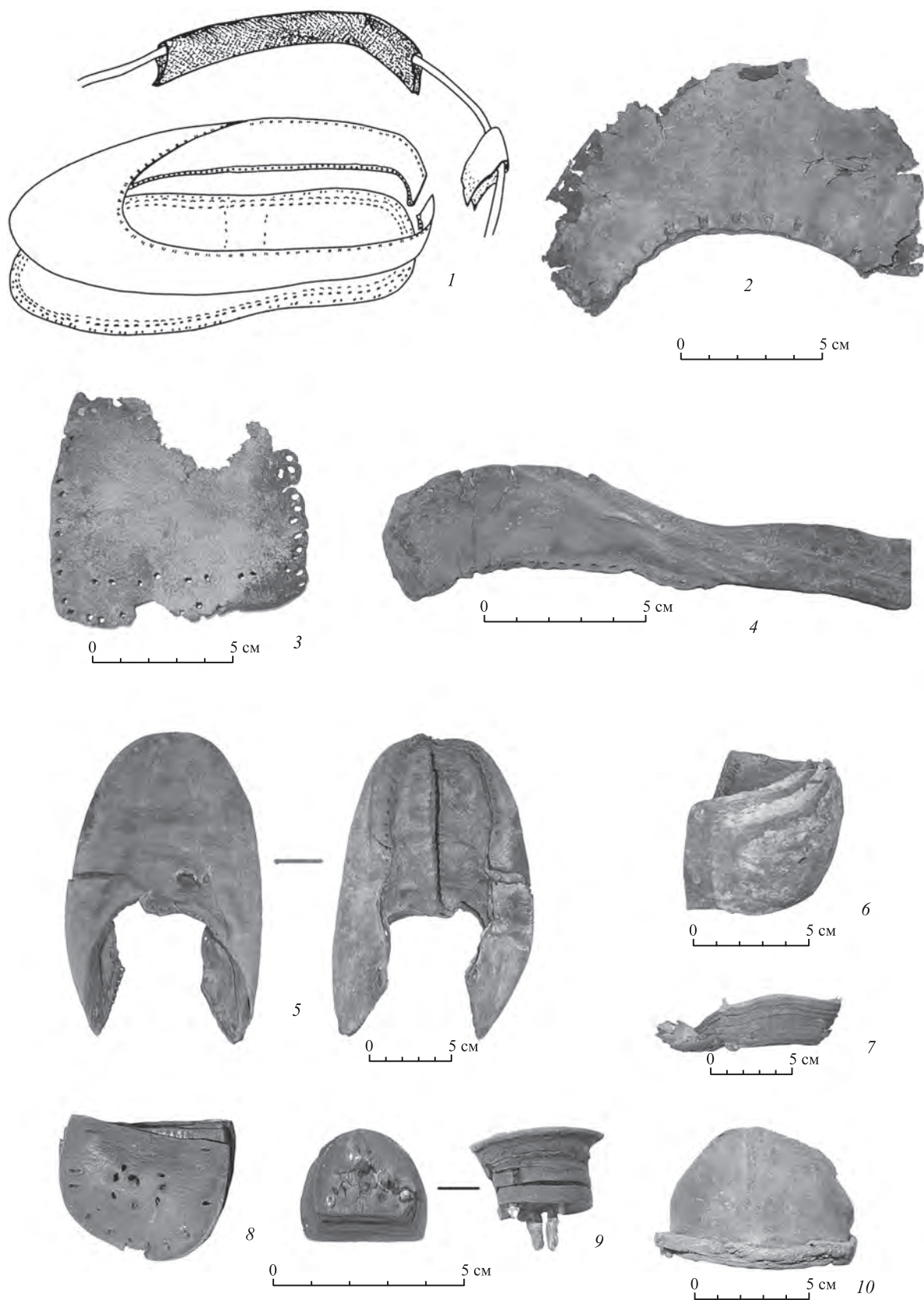

Рис. 3. Детальнокроеная обувь. 1 – мягкие туфли (графическая реконструкция); 2, 4 – мягкие туфли, обрывки верха; 3 – подметка; 5 – головка сапожная с двухсоставным поднарядом; 6 – берестяной вкладыш задника; 7 – внутренний каблук; 8, 9 – каблук наборный; 10 – задник с проволокой на пяточной ранте.

газеи, выделившими обувь с низким и высоким каблуком (Визгалов и др., 2011. С. 46).

В настоящей коллекции к обуви с низким или с “внутренним каблуком” принадлежат модели, в пяточной части которых проложено несколько косо срезанных подпяточных подкладок, закрепленных на внутренней стороне подошвы (рис. 3, 7). Высоким считается наборный каблук, являвшийся самостоятельным конструктивным элементом. Такие каблуки могли принадлежать как сапогам, так и туфлям. Само слово “туфли” – позднего происхождения. В Россию оно попадает в петровское время, вместе с множеством других терминов, заимствованных из западноевропейской лексики. В древнерусское время такая обувь именовалась “плесницами” (Вахрос, 1959. С. 43). К туфлям относится обувь с разрезным верхом, закрывающим стопу не выше лодыжки, крепившаяся к ноге при помощи ремешков (Зыбин, 1978. С. 12).

В коллекции, происходящей из Томского кремля, к такой обуви относится фрагмент носочной части, лицевая поверхность которой декорирована тисненными линиями, образующими косую сетку. Данная техника отделки мереи, сложившаяся в Поволжье, получила название “булгари” (Курбатов, 2009. С. 447–452).

Несмотря на малочисленность материала, можно отметить определенное своеобразие томской коллекции, выраженное в обилии каблучных фликов, принадлежавших обуви на наборном каблуке (рис. 3, 8, 9). Максимальная сохранность найденных каблуков, с учетом выступающих шпенок, достигала 5 см. Но, вероятно, отдельные образцы имели более высокий каблук. Судя по размеру кожаных фликов, основная их часть принадлежала женским моделям, диаметр которых не превышал 5 см. Очевидно, что обувь на высоком каблуке, стоявшая значительно дороже обычных туфель, использовалась в качестве парадной (выходной), а не повседневной (рабочей). Значительный процент каблучных фликов, число которых уступает лишь фрагментам подошв, свидетельствует о большом количестве каблучной обуви, что в свою очередь указывает на высокое материальное положение населения, носившего такую обувь.

В конце XVII – первой половине XVIII в., кроме наборных кожаных каблуков, бытовали деревянные обтяжные каблуки. Их наличие в томской коллекции косвенно подтверждается наличием жесткого задника, принадлежавшего низкой обуви, конструкция которого подразумевает обтяжной каблук с деревянной основой.

У отдельных моделей сохранилась скрученная металлическая проволока, служившая украшением пяточного ранта (рис. 3, 10). Рентгенофлюоресцентный анализ внешне аналогичной проволоки цветного металла, происходящей из раскопок могильника Мигалка (Чиндина, 2001. С. 97, 98), показал, что для ее изготовления использовалась латунь⁶.

Обувные подковки. С каблучной обувью связаны металлические пластины, предохраняющие пятку от быстрого стесывания (90 экз.). Подавляющее большинство подковок имеет полулунную форму (рис. 4). По способу крепления к каблуку их можно разделить на три типа: подковки, крепившиеся к каблуку с помощью трех шипов, – два на концах и один в центре пластины. По сечению пластины выделяются два подтипа: плоские и прямоугольные (рис. 4, 1–3); набивные подковки, крепившиеся при помощи гвоздей, для чего в пластине проделано три–шесть сквозных отверстий. Среди набивных подковок по форме пластины выделяются подковка полуовальной формы с семью гвоздевыми отверстиями и подковка в виде сплошной пластины с отверстиями для гвоздей, закрывавшая всю нижнюю плоскость каблука (рис. 4, 6, 11); подковки с комбинированным способом крепления на шипах и гвоздях, которые также можно разделить на два подтипа: с тремя отверстиями и двумя концевыми шипами и двумя отверстиями и тремя шипами – на концах и в центре пластины (рис. 4, 4, 5, 7–10, 12–15).

Все подковки, относящиеся к настоящей коллекции, имеют аналогии в археологических коллекциях средневековых русских городов (Визгалов и др., 2011. С. 58; Осипов, 2006. С. 75–79). Для их изготовления использовалось обычное кричное железо (Колчин, 1959. С. 112).

Клеймение. В словаре русского языка Владимира Даля клеймом называется “знак, налагаемый на предметы, метка, печать” (1881. С. 116). В коллекции единственное клеймо сохранилось на плантарной стороне одной из подошв с “крокулем”⁷: три параллельных линии, нанесенных под сводом стопы заостренным горячим инструментом (рис. 5, 1). Именно такой тип клейм имеет в России наибольшее распространение: они известны в археологических материалах Москвы (Осипов, 2003. С. 26), Твери (Курбатов, 2002. С. 155–172. Рис. 9, 1; 10, 4),

⁶ Латунь – сплав меди и цинка, известный еще в Древнем Риме. Латунь была вновь открыта в XVII в. Сплав, похожий на золото, сочетавший свойства двух химических элементов, получил широкое применение, в том числе при декорировании обуви.

⁷ Подошва с крокулем – подошва, пяточная часть которой имеет форму фронтальной поверхности каблука.

Рис. 4. Обувные подковки. 1–3, 6, 11 – набивные; 4, 5, 7–10, 12–15 – комбинированные.

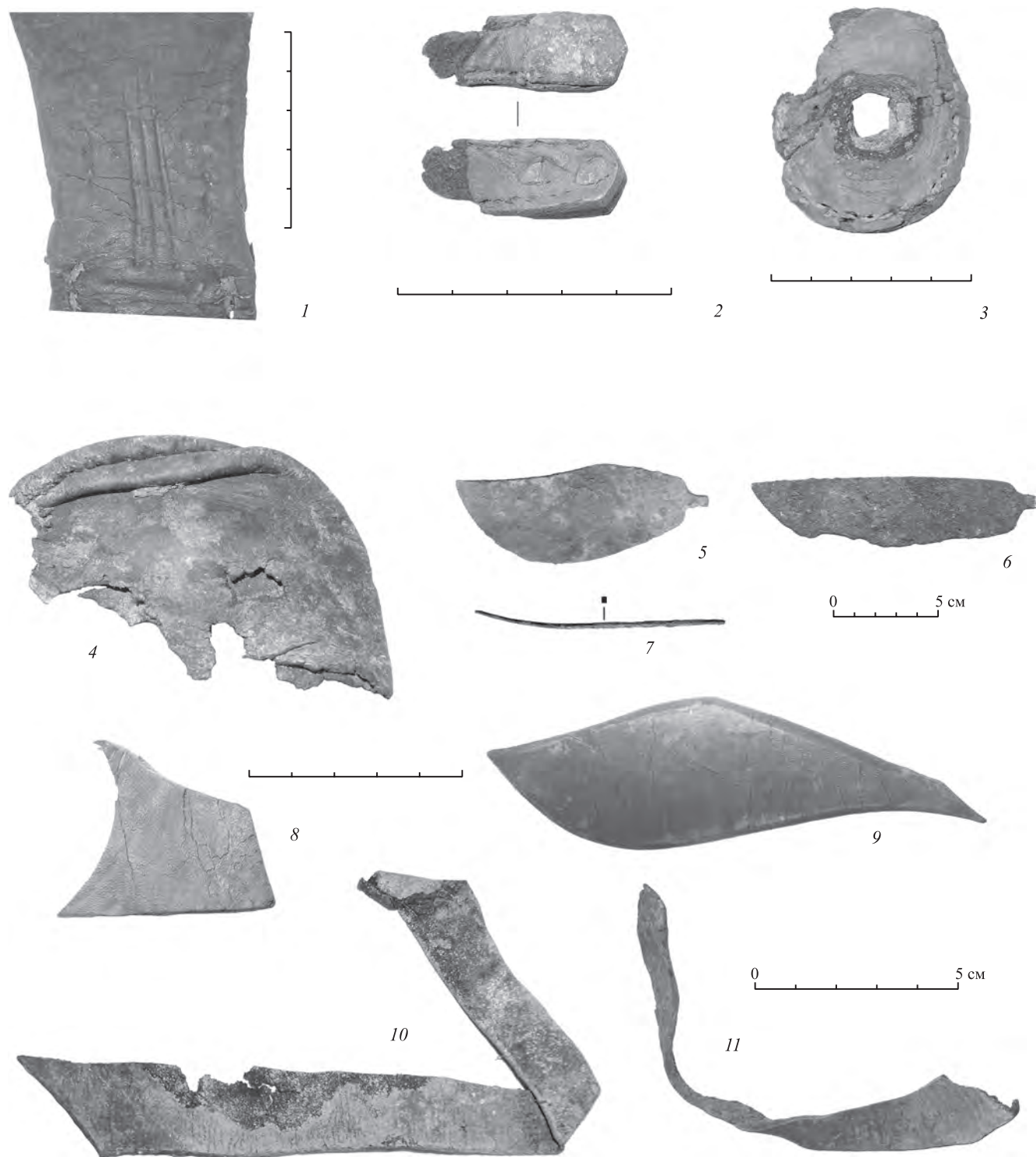

Рис. 5. 1 – клеймо на плантарной части подошвы; 2 – бронзовый оконечник кожаного ремня; 3 – кожаная шайба; 4 – рукавицы двухсоставной обрывок; 5, 6 – ножи сапожные; 7 – шило железное; 8, 9 – обрезки первичного кроя; 10, 11 – обрезки вторичного кроя.

Смоленска (Осипов, Соболев, 2013. С. 120, 121), Албазинского острога (доклад Осипов Д. О. “Кожаные изделия Албазинского острога” на Международной научно-практической конференции “Дальневосточный фронт: Приамурье в XVII в.”, прошедшей 10–14 декабря 2014 г. в г. Благовещенск), Мангазеи (Визгалов и др., 2011. С. 51), Тары (Осипов и др., в печати) и других городов.

В России знаки мастеров, стремящихся пометить свою продукцию, появляются в середине XVII в. одновременно со странами Западной Европы, что связано с процессом разделения труда (Swann, 2001. Р. 120, 121). Но если в Москве подобная обувь зафиксирована в напластованиях, датирующихся не ранее середины XVII в., то в русских городах, менявших свое политическое подчинение, тисненные клейма появляются раньше. Ближайшие аналогии нашей находке находятся в коллекции Тары – сапожные подошвы с подобными клеймами (Осипов и др., в печати).

Изделия из кожи. Кроме обувных деталей и обрезков от их раскроя, в коллекции присутствуют другие изделия из кожи. Два обрывка ремня, один из которых шириной 1.2 см имел на конце бронзовый оконечник в виде заостренной с одного конца пластины, крепившейся на двух разведенных “усах”, продетых в отверстия ремня (рис. 5, 2). Обрывок верхней части цельнокроеной рукавицы со следами выворотного шва (рис. 5, 4). Заготовка кожаной подкладки округлой формы диаметром 3.2 см, а также кожаная шайба вторичного использования округлой формы диаметром 4.5 см, изготовленная из каблучного флика. В центре шайбы проделано подквадратное в плане отверстие размером 0.7×0.8 см со следами сработанной поверхности (рис. 5, 3).

Определенный интерес представляет обрезок футляра размером 8×6 см, изготовленного из кожи крупного рогатого скота, таннидного дубления толщиной 3.5 мм. По краю изделия проходит сквозной шов. Функциональную принадлежность футляра определить сложно. По форме он близок ножам, предназначенным для крупного ножа или кинжала. Следы сквозного шва, проходящего вдоль верхнего обреза, могут объясняться вторичным использованием предмета. Случаи, когда ножи изготавливали из вторично использованных деталей, известны по материалам Великого Новгорода (Матехина, 2009. С. 79).

Сапожная мастерская. Анализ полевой документации показывает, что три четверти всех находок археологической кожи и более половины из обнаруженных обувных подковок были сконцентрированы на территории воеводского двора около постройки 4 и восточного крыла дома-связи № 8

(рис. 1). Вместе со скоплениями ремесленных отходов на указанных участках были зафиксированы сапожные ножи (рис. 5, 5, 6), а также инструменты универсального назначения, которые могли использоваться сапожными мастерами: шилья (рис. 5, 7), каменные оселки, верх металлического наперстка.

Скопление отходов в совокупности с сапожными инструментами позволяет уверенно локализовать сапожную мастерскую, располагавшуюся в постройке 4, переместившуюся затем в подклет восточной части дома № 8. Судя по обилию изношенных деталей, стертых обувных подковок и преобладанию обрезков вторичного кроя (рис. 5, 10, 11), основным занятием работавших здесь сапожников был ремонт обуви. На это указывают обувные подметки и следы их крепления, производившегося с использованием шва змейка. Судя по имеющимся данным, подобный расклад существовал у значительной части сапожных мастерских, зафиксированных при раскопках русских городов (Осипов, 2006. С. 66).

Очевидно, что в сухом культурном слое, сформировавшемся в южной части Воскресенской горы, сохранилась лишь незначительная часть кожаных изделий. Следует отметить, что в таких условиях до наших дней могла сохраниться только качественно выделанная кожа, дубленая растительными экстрактами. На вопрос, где выделялась такая кожа, пока ответа нет. Как показывает практика, кроме кожи таннидного дубления, сибиряками активно использовалась ровдуга⁸, в отличие от кож, дубленных растительными экстрактами, сильнее подверженная гниению. Именно этим следует объяснять ее отсутствие при исследовании культурного слоя южной части Воскресенской горы.

Имеющиеся фрагменты обувных деталей позволяют реконструировать основные типы обуви, использовавшейся жителями Томского кремля в последней трети XVII – середине XVIII в. Это простые и детальнокроеные поршни, мягкие бескаблучные туфли и обувь жесткой конструкции, представленная туфлями и сапогами на низком и высоком каблуках. Томская обувь конструктивно схожа с одновременными коллекциями, известными по материалам других сибирских поселений, прежде всего, Тары, аналогии с которой проявляются не только в конструкции моделей, но и в схожести фасонов⁹, а также типе клейм.

О своеобразии томской обуви, которое, скорее всего, имело место, говорить пока преждевременно.

⁸ Ровдуга – оленья кожа жирового дубления.

⁹ Схожими являются фасонаобразующие элементы типа развитых язычков сапожных головок.

но: его можно будет проследить только после получения репрезентативной коллекции, собранной с разных концов исторической части города. Тогда же правомерно будет ставить вопрос о взаимопроникновении традиций изготовления обуви русского и аборигенного населения.

Немногочисленная коллекция археологических находок позволяет сделать и определенные исторические выводы. Так, большой процент модельной обуви, маркированной наборными каблуками, указывает на высокое социальное положение и материальный достаток обитателей воеводской усадьбы. Показателен факт различия формы и высоты найденных каблук: для мужской обуви характерны полуовальные в плане флики, составлявшие невысокий (до 3 см) каблук; у женской обуви каблук более высокий (5 см и более) и узкий с кожаными фликами полукруглой формы. Разная форма и высота каблука обозначают начальный этап процесса конструктивного различия мужской и женской обуви.

Отсутствие богатого декора в виде расшивки или продержки у обуви, найденной на территории воеводской усадьбы, не противоречит ее высокому статусу, поскольку для позднесредневековых моделей характерны другие приемы декора. В данном случае статус определяет модная конструкция на высоком каблуке. Еще одним признаком дорогой обуви является цветная кожа. Ее отсутствие в данной коллекции, равно как и в археологических коллекциях большинства русских городов, обусловлено неспособностью растительных красителей сохранять свой изначальный цвет (Осипов, 2014. С. 112).

Локальное скопление отходов ремесленного производства, а также многочисленные следы ремонта обувных деталей маркируют первую сапожную мастерскую, обнаруженную на территории воеводской усадьбы, которая занималась шитьем и ремонтом кожаной обуви. Совершенно очевидно, что она была не единственной мастерской в городе.

Обработка коллекции кожаных изделий, собранных при масштабных раскопках в южной части Воскресенской горы, является важным дополнением к характеристике материальной культуры средневекового Томска и существенно расширяет представления об одном из важных аспектов бытового уклада горожан.

Авторы выражают благодарность директору Томского областного краеведческого музея С.В. Перехожеву и директору Музея истории Томска Н.С. Сурковой, а также музейным хранителям Е.В. Майер, С.А. Назаровой и студентке лаборатории “Археолог” исторического факультета ТГУ

М.Ю. Крупенковой за активное содействие в проведении изучения музейных коллекций.

Статья подготовлена при поддержке «Центра исследований “Наука в Сибири и о Сибири”» Томского государственного университета, а также гранта РГНФ № 16-01-00378.

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ “Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии” (проект № 14-50-00036).

В статье также использованы результаты, полученные в ходе выполнения научного проекта № 8.1.19.2016 в рамках Программы “Научный фонд Томского государственного университета им. Д.И. Менделеева” в 2016 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вахрос И.С.* Наименование обуви в русском языке. Т. 1: Древнейшие наименования допетровской эпохи. Хельсинки, 1959 (Ежегодник Ин-та по изучению СССР в Финляндии; Прилож. к № 6–10). 271 с.
- Визгалов Г.П., Пархимович С.Г., Курбатов А.В.* Мангазея. Кожаные изделия (материалы раскопок 2001–2007 гг.) / Ред. Е.Н. Носов, А.И. Сакса. Нефтеюганск; Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2011. 216 с.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 2-е, доп. Т. 2: И – О. СПб.; М.: М.О. Вольф, 1881. 807 с.
- Зыбин Ю.П.* История развития конструкций обуви: учеб. пособ. по курсу лекций. М.: Легкая индустрия, 1978. 318 с.
- Колчин Б.А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого: продукция, технология // Тр. Новгородской археолог. экспедиции. Т. 2. М.: АН СССР, 1959 (МИА; Вып. 65). С. 7–120.
- Курбатов А.В.* Погребальная обувь средневековой Руси // АВ. 2002. № 9. С. 155–172.
- Курбатов А.В.* Заключение по находкам предметов, связанных с коженно-обувным ремеслом. Приложение к отчету // Архив НПО СА. Р-1. Д. 213: Визгалов Г.П. Комплексные археологические исследования Старотуруханского городища в Туруханском районе Красноярского края в 2008 году. Нефтеюганск, 2009.
- Матехина Т.С.* Кожаные изделия средневекового Новгорода: чехлы, футляры, сумки: дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 204 с.
- Матющенко В.И.* Отчет об археологических исследованиях, проведенных Томским госуниверситетом летом 1968 г. // Архив ИА РАН. 1969. Р-1. № 3682.

- Осипов Д.О. Информационные возможности коллекций кожаной обуви (по материалам раскопок в Москве) // РА. 2003. № 2. С. 17–30.
- Осипов Д.О. Обувь московской земли XI–XVIII вв. М.: ИА РАН, 2006 (Материалы охранных археолог. исследований; Т. 7). 202 с.
- Осипов Д.О. Средневековая обувь и другие изделия из кожи: по материалам раскопок в Московском Кремле. М.: Актеон, 2014. 269 с.
- Осипов Д.О., Соболев В.Е. Коллекция кожаной обуви из раскопок в Смоленске = Leather footwear from excavations in Smolensk = Obuwie skórzane z wykopalisk w Smoleńsku // Materiały Zachodniopomorskie: Rocznik Naukowy Muzeum Narodowego w Szczecinie. Nowa Seria. Tom IX: 2012. Zeszyt 1: Archeologia. Szczecin, 2013. S. 375–405.
- Осипов Д.О., Татауров С.Ф., Тихонов С.С., Черная М.П. Коллекция кожаных изделий из раскопок Тары. В печати.
- Петренко В.П. Исследования Ивангорода // КСИА. 1991. Вып. 205. С. 61–71.
- Рабинович М.Г. Русское жилище в XIII–XVII вв. // Древнее жилище народов Восточной Европы. М.: Наука, 1975. С. 156–244.
- Сухих В.В. Хозяйственное освоение русскими Приамурья в XVII в. (по материалам раскопок Албазинской крепости): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1980. 231 с.
- Черная М.П. Томский кремль середины XVII – XVIII в.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. Томск: ТГУ, 2002. 187 с.
- Черная М.П. Русская археология как новое направление в сибиреведении // Московская Русь. Проблемы археологии и истории архитектуры / Сост. А.Л. Баталов, Н.А. Кренке. М.: РАН, 2008. С. 482–515.
- Чиндина Л.А. Грунтовый могильник Мигалка // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья: материалы к энциклопедии Томской области / Отв. ред. Э.И. Черняк. Томск: ТГУ, 2001. С. 97, 98.
- Swann J. History of Footwear: in Norway, Sweden and Finland; Prehistory to 1950. Stockholm: Coronet Books Incorporated, 2001. 357 p.

THE COLLECTION OF LEATHER ARTICLES FROM THE EXCAVATIONS OF THE TOMSK KREMLIN

Dmitriy O. Osipov*, Mariya P. Chernaya**

*The State Historical Museum, Moscow (dmitriyosipov@mail.ru)

**Tomsk State University (mariakreml@mail.ru)

The excavations of voevoda's (governor's) seat in the Tomsk kremlin in 1983–2007 yielded over 1000 fragments of leather represented mainly by shoe details and cutting-out leftovers. The paper provides the description and systematization of the collection of leather articles. The resulting information made a substantial contribution to the study of material culture of medieval Tomsk giving the idea of an important aspect of daily life of town dwellers in the last third of the 17th–mid-18th century AD.

Keywords: Siberian studies, the Tomsk kremlin, leather dressing, shoemaking.

REFERENCES

- Chernaya M.P., 2002. Tomskiy kreml' serediny XVII – XVIII v.: Problemy rekonstruktsii i istoricheskoy interpretatsii [The Tomsk kremlin of the mid-17th–18th century: Issues of Reconstruction and Historical Interpretation]. Tomsk: Tomskiy gosudarstvennyy universitet. 187 p.
- Chernaya M.P., 2008. Russkaya arkheologiya kak novoe napravlenie v sibirevedenii [Russian archaeology as a new branch of Siberian studies]. *Moskovskaya Rus'. Problemy arkheologii i istorii arkhitektury* [Moscow Rus. Issues of Archaeology and History of Architecture]. A.L. Batalov, N.A. Krenke, eds. Moscow: RAN, pp. 482–515.
- Chindina L.A., 2001. Gruntovyy mogil'nik Migalka [The ground cemetery of Migalka]. *Narody i kul'tury Tomsko-Narymskogo Priob'ya: materialy k entsiklopedii Tomskoy oblasti* [Peoples and Cultures of the Tom-Narym Ob Valley: Materials for the Encyclopaedia of the Tomsk Oblast]. E.I. Chernyak, ed. Tomsk: Tomskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 97, 98.
- Dal' V.I., 1881. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [An Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language], 2. 2nd Edition, Revised. St. Petersburg: Moscow: M.O. Vol'f. 807 p.
- Kolchin B.A., 1959. Zhelezoobratyvyayushchee remeslo Novgoroda Velikogo: produktsiya, tekhnologiya [Iron-

- working of Velikiy Novgorod: Production and Technology]. *Trudy Novgorodskoy arkheologicheskoy ekspeditsii* [Transactions of the Novgorod Archaeological Expedition], 2. Moscow: AN SSSR, pp. 7–120 (MIA, 65).
- Kurbatov A.V., 2002. Pogrebal'naya obuv' srednevekovoy Rusi [Funerary footwear in medieval Rus]. *AV* [Archaeological News], 9, pp. 155–172.
- Kurbatov A.V., 2009. Zaklyuchenie po nakhodkam predmetov, svyazannykh s kozhevenno-obuvnym remeslom. Prilozhenie k otchetu [An expertise of excavated articles pertaining to leather-dressing and shoemaking. An appendix to the report]. *Arkhiv Nauchno-proizvodstvennogo ob"edineniya "Severnaya arkheologiya"* [The Archives of the Scientific-practical Association 'Northern archaeology'], R-I. D. 213.
- Matekhina T.S., 2009. Kozhanye izdeliya srednevekovogo Novgoroda: chekhly, futlyary, sumki: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [Leather Articles of Medieval Novgorod: Cases and Bags: PhD Thesis in History]. Moscow. 204 p.
- Matyushchenko V.I., 1969. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh, provedennykh Tomskim gosuniversitetom letom 1968 g. [A report on Archaeological Investigations Carried Out by Tomsk State University in summer 1968]. *Arkhiv IA RAN* [The Archives of the Institute of Archaeology RAS], R-1, no. 3682.
- Osipov D.O., 2003. Informatsionnye vozmozhnosti kollektsiy kozhanoy obuvi (po materialam raskopok v Moskve) [Informational possibilities of collections of leather footwear (from the materials of excavations in Moscow)]. *RA* [Russian Archaeology], 2, pp. 17–30.
- Osipov D.O., 2006. Obuv' moskovskoy zemli XI–XVIII vv. [Footwear of the Moscow Land of the 11th–18th centuries]. Moscow: IA RAN (Materialy okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniy, 7). 202 p.
- Osipov D.O., 2014. Srednevekovaya obuv' i drugie izdeliya iz kozhi: po materialam raskopok v Moskovskom Kremlе [Medieval Footwear and Other Leather Articles: From the Materials of Excavations at the Moscow Kremlin]. Moscow: Akteon. 269 p.
- Osipov D.O., Sobol' V.E., 2013. Kolleksiya kozhanoy obuvi iz raskopok v Smolenske = Leather footwear from excavations in Smolensk = Obuwie skórzane z wykopalisk w Smoleńsku. *Materiały Zachodniopomorskie: Rocznik Naukowy Muzeum Narodowego w Szczecinie. Nowa Seria. Tom IX: 2012. Zeszyt 1: Archeologia. Szczecin*, pp. 375–405.
- Osipov D.O., Tataurov S.F., Tikhonov S.S., Chernaya M.P. Kolleksiya kozhanykh izdeliy iz raskopok Tary [A Collection of Leather Articles from the Excavations of Tara]. In print.
- Petrenko V.P., 1991. Issledovaniya Ivangoroda [Investigations of Ivangorod]. *KSIA* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 205, pp. 61–71.
- Rabinovich M.G., 1975. Russkoe zhilishche v XIII–XVII vv. [Russian dwelling in the 13th–17th centuries]. *Drevnee zhilishche narodov Vostochnoy Evropy* [Early Dwellings of Eastern European Peoples]. Moskva: Nauka, pp. 156–244.
- Sukhikh V.V., 1980. Khozyaystvennoe osvoenie russkimi Priamur'ya v XVII v. (po materialam raskopok Albazinskoy kreposti): dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [Russian Economic Exploitation of the Amur Valley in the 17th century (from Excavations of the Albazin Fortress): PhD Thesis in History]. Novosibirsk. 231 p.
- Swann J., 2001. History of Footwear: in Norway, Sweden and Finland; Prehistory to 1950. Stockholm: Coronet Books Incorporated. 357 p.
- Vakhros I.S., 1959. Naimenovanie obuvi v russkom yazyke [Designation of Footwear in Russian], 1. Drevneyshie naimenovaniya dopetrovskoy epokhi. Khel'sinki [The Earliest Designations of the pre-Petrine Epoch] (Ezhegodnik Instituta po izucheniyu SSSR v Finlyandii; Supplement to no. 6–10). 271 p.
- Vizgalov G.P., Parkhimovich S.G., Kurbatov A.V. Mangazeya., 2011. Kozhanye izdeliya (materialy raskopok 2001–2007 gg.) [Leather Articles (Materials of Excavations of 2001–2007)]. E.N. Nosov, A.I. Saksa, eds. Nefte-yugansk; Ekaterinburg: Izdatel'stvo AMB. 216 p.
- Zybin Yu.P., 1978. Istoriya razvitiya konstruktsey obuvi: uchebnoe posobie po kursu lektsiy [Historical Evolution of Footwear Design: A Manual after a Course of Lectures]. Moscow: Legkaya industriya. 318 p.

СВАЛЬБАРД В КАРТОГРАФИИ ГРЕНЛАНДИИ XVI–XVIII вв.

© 2016 г. В.Л. Державин

Институт археологии РАН, Москва (derzh@yandex.ru)

Переименование Шпицбергена в Свальбард в 1925 г., безусловно, имело политическую подоплеку: целью его было закрепление за Норвегией “исторических прав” на архипелаг. “Свальбардская” версия в норвежском обществе получила широкую поддержку, но подверглась критике со стороны европейских, в первую очередь датских исследователей, размещавших Свальбард в восточной Гренландии. Однако еще в XVI–XVIII вв. в Европе появилась серия исландских карт, на которых Свальбард или “Ледяной берег” находился между 68 и 72° с.ш. Сопоставив картографические материалы с исландскими сагами, исландские картографы пришли к выводу о том, что легендарный Свальбард располагался на восточно-гренландском берегу и никак не мог быть Шпицбергом.

Ключевые слова: Гренландия, викинги, Шпицберген, Свальбард, исландские картографы, ледовые условия, саги, корабль.

В 1925 г. норвежский стортинг переименовал архипелаг Шпицберген, до Парижского договора 1920 г. являвшийся “ничейной землей” (*terra nullius*), в Свальбард, якобы открытый викингами (норманнами) в 1194 г., согласно свидетельствам древнеисландских хроник. Решение о переименовании, несомненно, имело политическую подоплеку: целью его было закрепление за Норвегией “исторических прав” на архипелаг. Тем не менее в международных документах он значится как Шпицберген – по первоначальному названию, присвоенному в 1596 г. Виллемом Баренцем.

Норвежский геолог Балтазар Кейльхау, посетивший Шпицберген в 1827 г., первым высказал предположение о том, что викинги могли знать о далеких полярных землях, в том числе о Шпицбергене (Keilhau, 1831. S. 225, 226). Причем Свальбард (в переводе – холодный или ледяной берег) он перечислял наравне со Шпицбергом и другими землями, названия которых известны по исландским сагам, как продолжение Гренландии. Следовательно, Б. Кейльхау не ставил знака равенства между этими историческими топонимами. Однако позднее его высказывание было произвольно истолковано, когда норвежский историк и филолог Густав Сторм (Хенниг, 1961. С. 463) обосновал так называемую свальбардскую версию Шпицбергена, решительно поддержанную Фритьофом Нансеном, имевшим непререкаемый научный и нравственный авторитет в норвежском обществе.

С другой стороны, задолго до Г. Сторма некоторые европейские исследователи уверено лока-

лизовывали Свальбард в восточной Гренландии: одними из первых был немецкий ученый-энциклопедист Александр фон Гумбольдт, позже – датчанин Карл Рафн. Их точку зрения разделяли датчанин Карл Ридер, Густав Хольм, австриец Фридрих Гельвальд и др. В середине – второй половине XX в. их поддерживали канадский полярный исследователь Вильямур Стефанссон, американцы Раймонд Рамсей, Гвин Джонс и др. Среди российских ученых свальбардскую версию Шпицбергена наиболее последовательно критиковали гляциолог В. С. Корякин и археолог В. Ф. Старков.

Но и у сторонников Г. Сторма оказалось немало адептов (Карл Бугге, Адольф Хоуль и др.), а во второй половине XX в. к ним присоединились немецкий географ Рихард Хенниг, норвежские историки Тур Арлов и Свен Альбрехтсен, польский археолог Адам Кравчик и др. Большинство приверженцев свальбардской версии составили норвежские исследователи. Существовала, правда, еще одна, хоть и поддержанная немногими гипотеза о тождественности Свальбарда с о. Ян-Майен, которой придерживался русский геолог В. А. Русанов.

Викинги в Гренландии. Оставив ненадолго в стороне такие хорошо известные по сагам сведения, как достижение викингами Исландии Шпицбергена за четыре дня или заселенность открытой ими земли, противоречащие свальбардской версии, считаем важным напомнить еще об одном ключевом источнике: картах XVI–XVIII вв., составленных, преимущественно, исландцами, которые хранятся в Королевской библиотеке Копенгагена. Их появле-

ние объясняется попытками Дании в XVI–XVII вв. вторично открыть “полузабытую” Гренландию и узнать судьбу норманнских поселений, связь с которыми у Европы прервалась в XV в. Однако главная задача исландских историков заключалась в детальной локализации географических названий, встречающихся в сагах, для приведения их в соответствие с данными карт. В свою очередь Свальбард рассматривался ими как один из ординарных историко-географических топонимов. К тому времени картографы хорошо представляли, где располагались Шпицберген и о. Ян-Майен, а о существовании свальбардской версии Сторма-Нансена еще не догадывались. Помимо этого им предстояло определить местонахождение Западного (*Westerbugd*) и Восточного (*Osterbugd*) поселений викингов, погибших в XIV–XV вв., а также земель Винланд, Маркланд, Хеллуланд.

Наиболее подходящим в ландшафтно-климатическом отношении для викингов было юго-западное побережье Гренландии, на котором в конце X в. они основали два больших поселения с расположенными вокруг многочисленными усадьбами и фермами: Западное и Восточное, расстояние между которыми составляло около 300–400 км. С позиции современных географических знаний эти поселки следовало бы именовать Западным (или даже Юго-западным) и Южным, но у викингов было свое представление о карте мира.

Когда европейцы в X в. прибыли в Гренландию, они нашли там абсолютно необжитую землю, которую стали активно заселять. Численность населения в этих поселках, по разным оценкам, колебалась от трех до пяти тысяч. В XIV в., из-за похолодания, вызванного началом Малого ледникового периода, норвежские корабли, прежде регулярно доставлявшие колонистам хлеб, металл, лес и другие необходимые товары, стали реже посещать остров. Связь с Европой постепенно ослабевала и в конце концов оборвалась из-за блокировки льдами южного побережья Гренландии. Суровый климат вынудил и эскимосов-инуитов, пришедших со стороны канадского архипелага, кочевать с севера Гренландии по западному побережью в южном направлении вслед за мигрировавшими оленями и ластоногими – традиционными объектами их охоты. В итоге эскимосы вошли в контакт с викингами, в первую очередь – с жителями Западного поселения. Принимая во внимание воинственный характер представителей обеих популяций, отношения между ними вряд ли были мирными. Так, в XV в. европейские поселки окончательно обезлюдели. Последний норвежский корабль, по официальным данным, вернулся из Гренландии в Европу в 1410 г. (Файнберг, 1971. С. 160).

Исландские карты Свальбарда. Карты и их копии, на которых обозначен Свальбард, впервые были изданы придворным датским историком исландцем Тормоди Торфаусом в 1706 г. в книге “Древняя Гренландия” (“*Gronlandia antiquæ*”) и хранятся в Королевской библиотеке Копенгагена (Torfæus, 1706). Одна из самых ранних из них составлена исландцем Йонсом Гудмуннсоном (*Jonæ Gudmundi*) на рубеже XVI–XVII вв., – предположительно, около 1600 г. (рис. 1). Непронумерованная градусная шкала на карте проставлена; достаточно верно показан северный полярный круг, проходивший через Исландию. На восточном побережье Гренландии четко прописан берег, называемый “конец Свальбарда” (“*finis Svalbardæ*”), т.е. его южная граница. Если считать по шкале от полярного круга, то берег Свальбард располагался в пределах 68 и 69° с.ш. Немного к северу от него возвышается гора *Bröne Iokle*. Это самая высокая вершина Гренландии – гора Гурнбьорн, названная по имени первооткрывателя Гренландии (первым из европейцев увидел восточный берег острова в конце IX в., но на сам берег не высаживался). Западное и Восточное поселения условно показаны в южной части Гренландии на 61–63° с.ш., отделенной от американского континента (*Americæ pars* – на карте) узким проливом. Недалеко от Свальбарда можно прочесть и другие топонимы, известные по сагам: *Helleland*, *Rifaland*, *Hafsbonderne* и др. В литературе бытует мнение, что под “*Rifaland*” (скорее всего, из-за сходства) подразумевается Россия, однако оно ошибочно из-за дешифровки двух букв в написании названия: “s” и “f” (Хенниг, 1961. С. 462; Старков, 1998. С. 6). На картах и в сопутствующих им комментариях чаще следует читать “*Rifaland*”, что придает слову иное звучание. Самый северный топоним на карте – небольшой о. *Ragnershög* (72° с.ш.), расположенный в большом заливе, скорее всего, в Скоресби. На копии этой карты 1669 г. исландца Йонса Бьорна есть важный комментарий, касающийся расстояния между Свальбардом и Исландией, – 24 мили (Torfæus, 1706. Tabl. III). Древняя норвежская миля (в тексте “*millinarium*”) в пересчете на метрическую систему равнялась 11.3 км. Следовательно, от Исландии до Свальбарда, по вычислениям исландских картографов, надо было преодолеть расстояние в 270 км. Это и есть самое кратчайшее расстояние до восточного берега Гренландии.

В 1920 г., за пять лет до переименования архипелага, карту Й. Гудмуннсона опубликовал Ф. Нансен. Конечно, он не мог не обратить внимания на надпись *finis Svalbardæ*, но объяснял ее появление тем, что именно Свальбард был продолжением Гренландии, частью которой являлся Шпицберген,

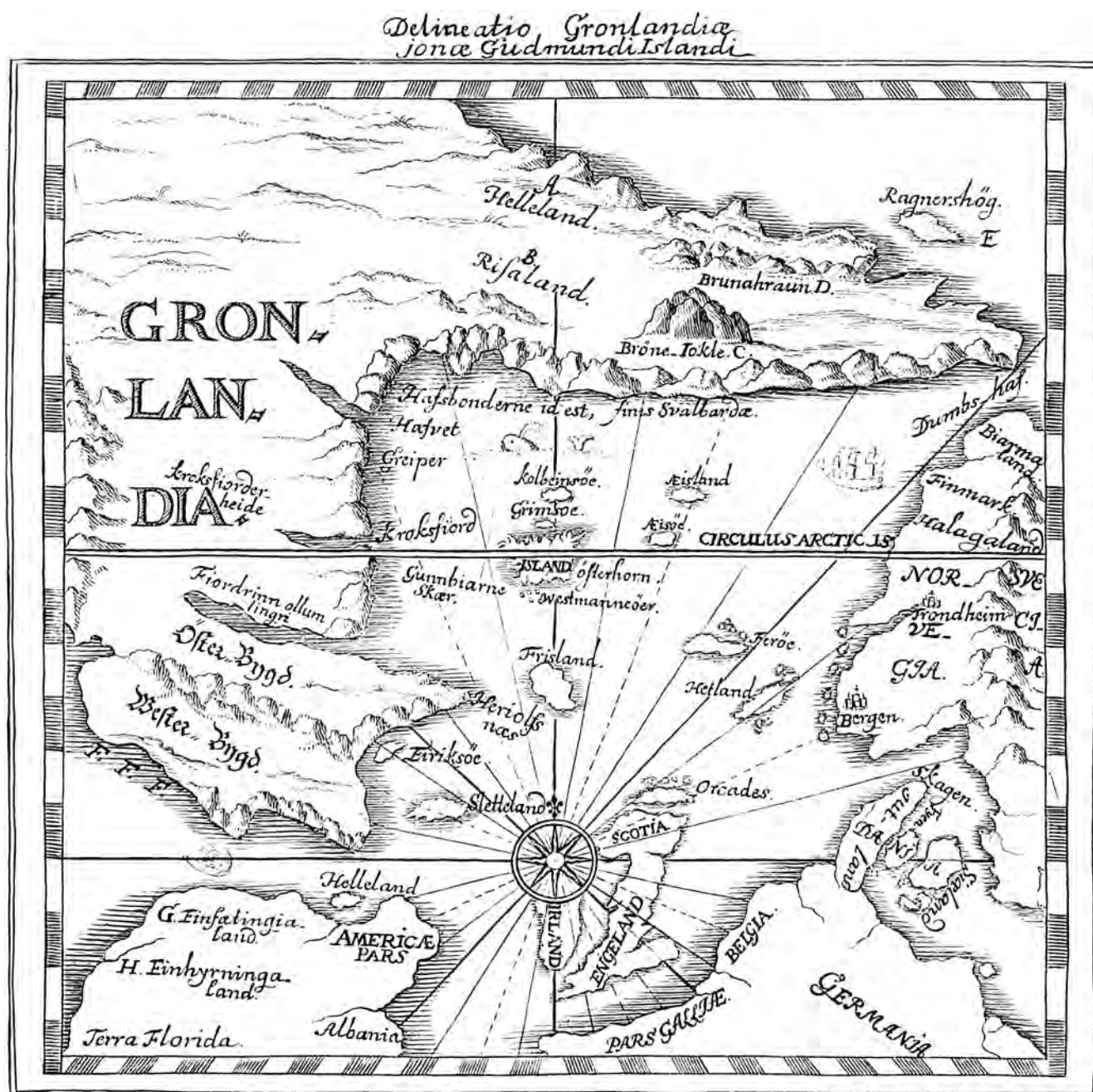

Рис. 1. Карта Гренландии Йонса Гудмунссона. 1600 г.

как предположил в 1596 г. первооткрыватель архипелага В. Баренц. Относительно недавно такое же пояснение к карте Й. Гудмунссона предложил польский археолог А. Кравчик – сторонник свальбардской версии открытия архипелага (Krawczyk, 1987. S. 223–228).

Исландский епископ Теодор Торлациус или Торлаксон (*Theodori Thorlacii*) составил карту восточного берега Гренландии в 1668 г. (рис. 2). Свальбард (*Sualbarde*) на ней показан к северу от Исландии и к западу от о. Ян-Майен, что очень важно.

Широта этого острова, как и берега Свальбард (71–72° с.ш.), является вполне достоверной, но по долготе о. Ян-Майен смещен на запад почти на 3°. Западное и Восточное поселения викингов обозначены довольно условно в южной части острова. В комментариях к этой карте есть одно важное замечание: “Эта часть древней Гренландии из-за снега и льда не может быть населена; у морского побережья Свальбарда, это край холодный, много льда круглый год, который к нему примыкает” (Torfæus, 1706. Tabl. IV). Автор имел в виду, что Свальбард

*Delinatio Gronlandia
Theodori Thorlacii
Anno 1668.*

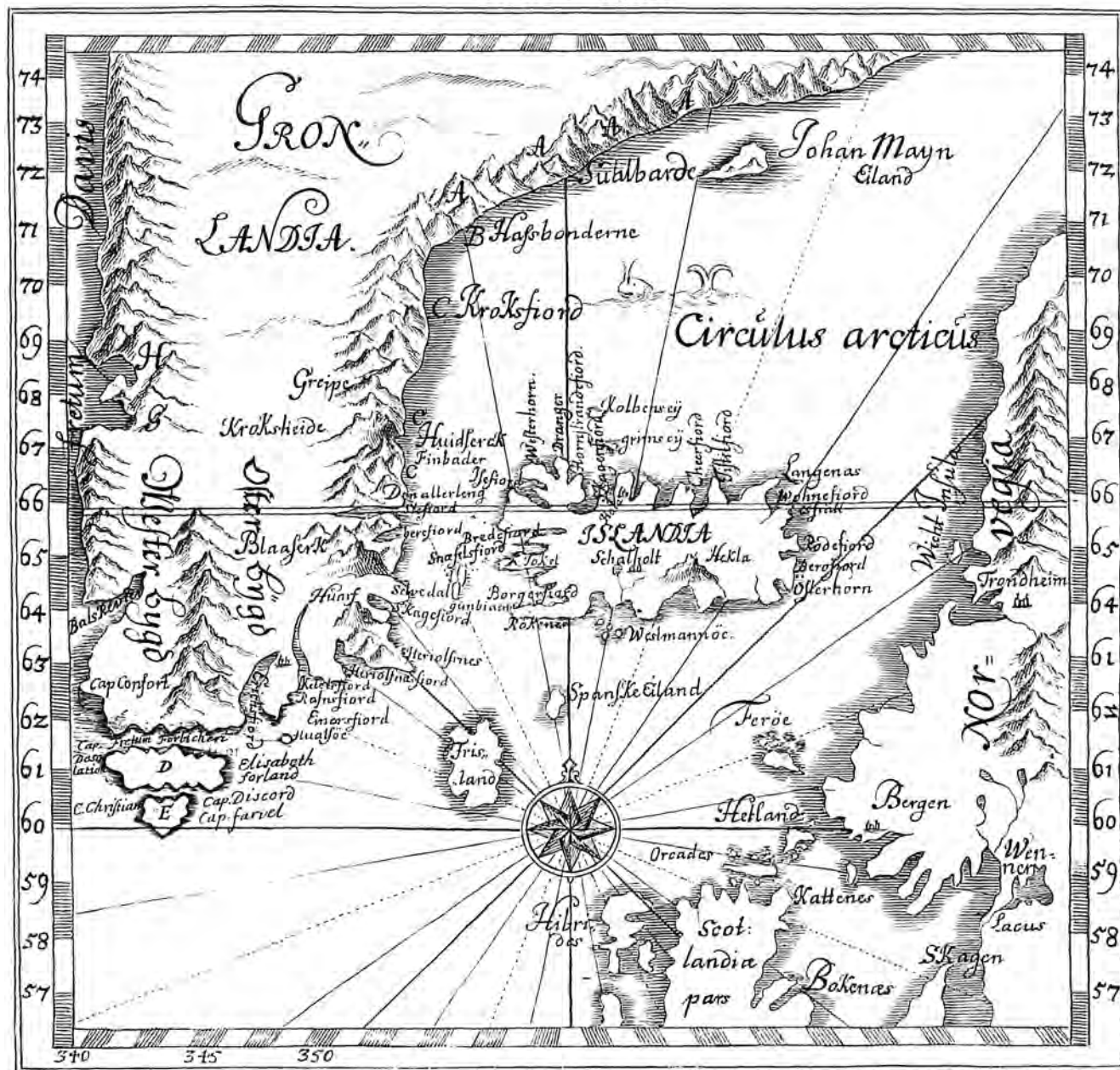

Рис. 2. Карта Гренландии Теодора Торлациуса. 1668 г.

не пригоден для освоения именно викингами, к берегу которого их судам было практически невозможно пристать. В 1926 г. карту Т. Торлациуса опубликовал датский гидрограф и этнограф, исследователь эскимосов Гренландии Густав Хольм в полемической статье “*De islandske Kursforkrifiers Svalbarde*” (“Исландские лоции Свальбарда”), написанной в ответ на необосно-

ванное, по его мнению, переименование Шпицбергена.

Датский историк исландец Тормоди Торфаус (*Thormodi Torfæi*) на своей карте, изданной в 1706 г. (была составлена во второй половине XVII в.), обозначил берег Свальбард (*Svalbardi*) на 68–70° с.ш. как часть восточно-гренландского берега (рис. 3). Западные и Восточные поселения викингов, как

и у Т. Торлациуса, показаны условно в южной части Гренландии в районе 64–65° с.ш. Т. Торфаус, напомним, являлся автором книги “*Gronlandia antiquæ*” (1706), в которой опубликовал карты своих предшественников: Гудмуннсона и Торлациуса. В отечественной научной литературе эти действительно эксклюзивные карты были использованы только В. Ф. Старковым (1998) для подтверждения восточно-гренландской версии локализации Свальбарда, обоснованной датскими исследователями.

В настоящее время комплекс старых карт Гренландии XVIII в. и их копий с изображением Свальбарда, ранее не известных специалистам по картографии Шпицбергена, существенно пополнился. Контуры южной части Гренландии на них переданы точнее, но по топонимике видно, что их составители были знакомы с более ранними исландскими картами.

Среди них следует выделить неоднократно издававшуюся карту английского придворного картографа Эмануэля Боуэна (*Emanuel Bowen*) 1747 г., в основу которой была положена книга о Гренландии, оставленная выдающимся норвежским лютеранским священником, впоследствии – епископом, крестителем эскимосов Хансом Егедом (*Hans Egede*), в течение 15 лет занимавшимся миссионерской деятельностью на острове (Egede, 1729). В ней Свальбард был помещен на восточное побережье. Опираясь на сведения Х. Егеде, Э. Боуэн нанес на карту Гренландии Свальбард (*Svalbarde*) в районе между 68–70° с.ш., а Западное и Восточное поселения – между 62 и 66° с.ш. (рис. 4).

Карта австрийца Франца Иоганна Рейли (*Franz Reilly*), изданная в Вене в 1791 г., во многом напоминает карту Э. Боуэна. В ее основе, вероятно, также лежало описание Гренландии, сделанное Х. Егедом. Свальбард показан на 68–70° с.ш., а оба норманнских поселения – довольно схематично между 62 и 67° с.ш. О сходстве обеих карт свидетельствуют общие географические названия, что вполне объяснимо, так как картографы пользовались одним и тем же источником.

Пауль Егед (*Paul Egede*), сын Х. Егеде и миссионер, в 1788 г. издал свою карту Гренландии, отличавшуюся от карт Э. Боуэна и Ф. Рейли (рис. 5). Здесь Свальбард (*Svalbardi*) обозначен на восточном берегу Гренландии между 67 и 68° с.ш., т.е. несколько южнее, а Западное и Восточное поселения викингов довольно неопределенно вытянуты по обоим побережьям южной Гренландии от 62 до 67° с.ш. Карта П. Егеде последний раз была переиздана в Лондоне в 1818 г. (Higgins, 2010. S. 3).

Исландские лоции и ледовые условия у берегов восточной Гренландии. Исландские источники со-

держат очень важные сведения о лоциях, т.е. информацию о том, сколько времени требовалось судам викингов, чтобы проделать путь из Норвегии или Исландии в Гренландию, Америку и другие земли (Байок, 2012. Карта 2). Например, из южной Норвегии до Исландии корабль шел неделю и должен был пройти около 1000 км, а от Исландии до норманнских колоний на юго-западе Гренландии (1650 км) добирался две. Самый короткий путь от Исландии до Гренландии составлял около 300 км – район Гурнбьерновых шхер. Если допустить, что викинги все-таки достигли Шпицбергена, как утверждают сторонники свальбардской версии, то это расстояние должно составлять как минимум 1600–1700 км, т.е. почти столько же, сколько до норманнских колоний на юго-западе Гренландии, куда викинги добирались не менее двух недель. Следовательно, и до Свальбарда путь должен был занимать столько же времени. Но в книге Ланднамабок (XI в.) сказано, что “от Ланганеса в северной части Исландии четыре дня морского пути до Свальбарда, расположенного на север от Хафсботнара”. Последний топоним – название участка берега, располагавшегося на восточном побережье Гренландии рядом со Свальбардом, немного южнее, на 67–69° с.ш. Хафсботнар (Хафсботен) нанесен на все исландские карты (с незначительными разночтениями в написании), рассмотренные выше. В комментарии к карте Т. Торлациуса 1668 г. об этом месте также сказано, что здесь скапливаются огромные массы льда, которые ветер относит к Исландии (Torfæus, 1706. Tabl. IV). Итак, ледовые условия у Хафсботнара, который также располагался на восточном берегу Гренландии, были сходными с соседним Свальбардом. Указанное в исландском источнике время в пути до Свальбарда – четыре дня – реально, если он действительно располагался в восточной Гренландии, но крайне сомнительно для Шпицбергена.

Встречающиеся сведения о заселенности земли Свальбард (в саге о Самсоне Прекрасном 1350 г. содержится самое позднее из упоминаний о нем) сторонниками Сторма–Нансена не принимаются всерьез (Хенниг, 1961. С. 463). При этом они, во-первых, ссылаются на фантастические черты, которыми авторы хроник наделяли жителей Холодного берега, а во-вторых, – на якобы абсолютную недоступность восточного берега Гренландии из-за постоянно дрейфующего льда, вдоль которого суда викингов должны были двигаться только на север-северо-восток, в результате чего, по мнению Ф. Нансена, неизбежно “натолкнуться” на Шпицберген. В качестве примера приводится экспедиция Генри Гудзона (Хадсона) 1607 г., почти этим же путем вышедшего к северо-западной оконечности

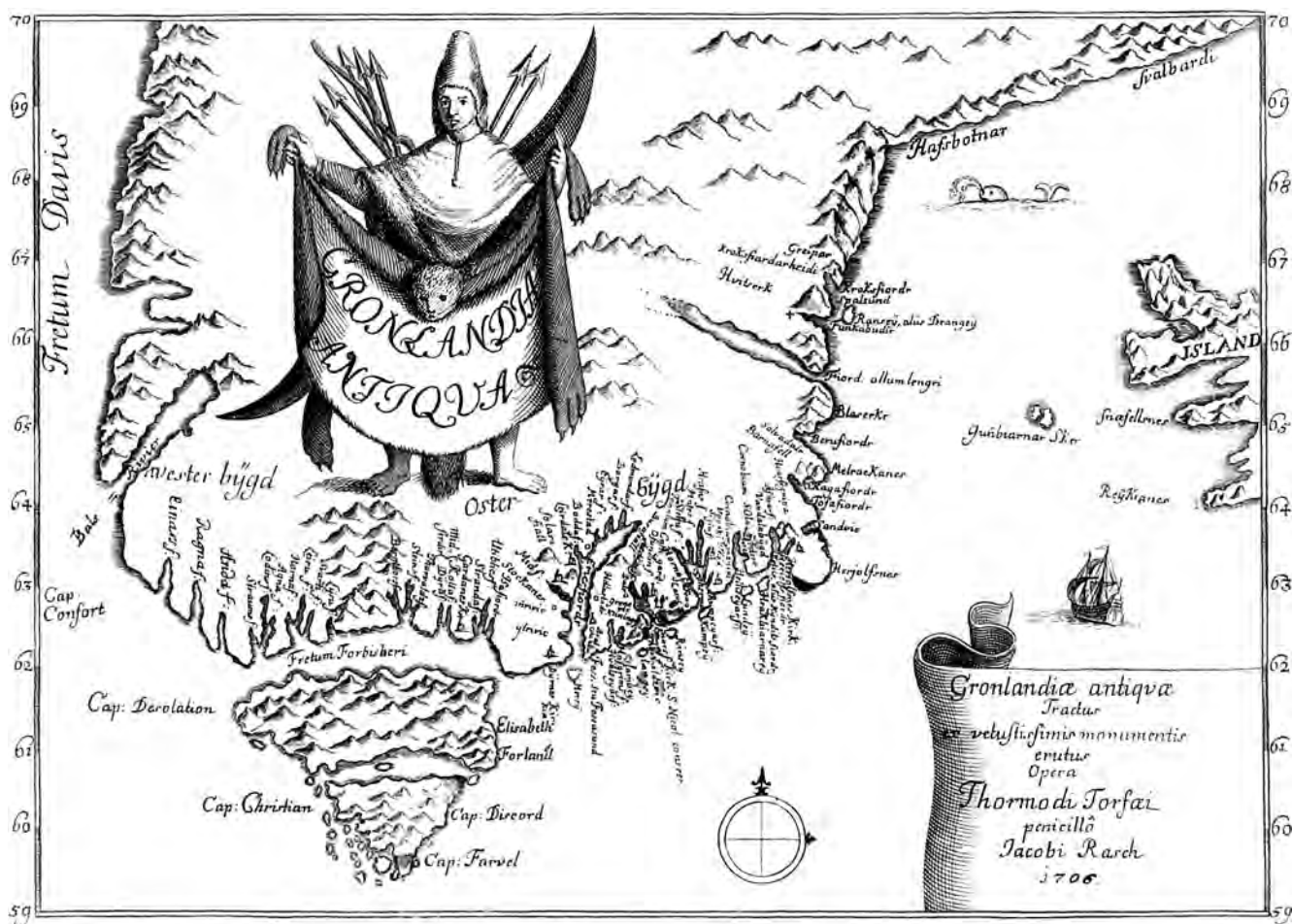

Рис. 3. Карта Гренландии Тормоди Торфауса. 1706 г.

архипелага. Но плавания викингов приходились на период Малого климатического оптимума, т.е. потепления, и, несмотря на сложные ледовые условия у восточного побережья Гренландии, им удавалось, хоть и изредка, проникать к берегу Свальбард. Об этом убедительно свидетельствуют немногочисленные археологические находки: бусы, пуговицы и костяной гребень с изображением двух крестов (рис. 6), найденные в эскимосских погребениях залива Скоресби (70–71° с.ш.) и имеющие норманнское происхождение (Торнøе, 1944. S. 79). Следовательно, сообщения исландских саг о населении Свальбарда имеют под собой основание.

Изображение Северной Америки на картах. На некоторые карты исландских картографов и норвежца Х. Егедэ нанесены и земли североамериканского континента: хорошо известные по исландским источникам страны Винланд (Ньюфаундленд), Маркланд (Лабрадор), Хеллуланд (Баффинова Земля) и Скралингеланд (Лабрадор), открытые прибывшими из Гренландии викингами

в конце X – начале XI в. На карте Гудмуннсона они расположены, соответственно на 56, 58, 59, 60 и 61° с.ш. В этом контексте карта исландца Сигурди Стефанссона 1570 г. представляет безусловный интерес (Torfæus, 1706. Tabl. II). Гренландия соединяется с перечисленными североамериканскими землями восточного побережья современной Канады (рис. 7). Надо заметить, что островной характер Гренландии был выяснен только в XIX в. Кроме них, около 69° с.ш. показана земля Рифланд, обозначенная на многих других картах, а к северо-востоку от нее – страна Ётун-Хеймар (7° с.ш.). Из саги о Самсоне Прекрасном известно, что дальше к северу находился “Свальбарди”, но на карте С. Стефанссона его нет. Вероятно, картограф ставил задачу показать местоположение Винланда и других североамериканских норманнских стран относительно Гренландии, Исландии и Норвегии, а Свальбард, как мало значащий топоним, его не интересовал.

На карте 1606 г. исландского епископа Гудбранди Торлациуса Гренландия, напротив, показана

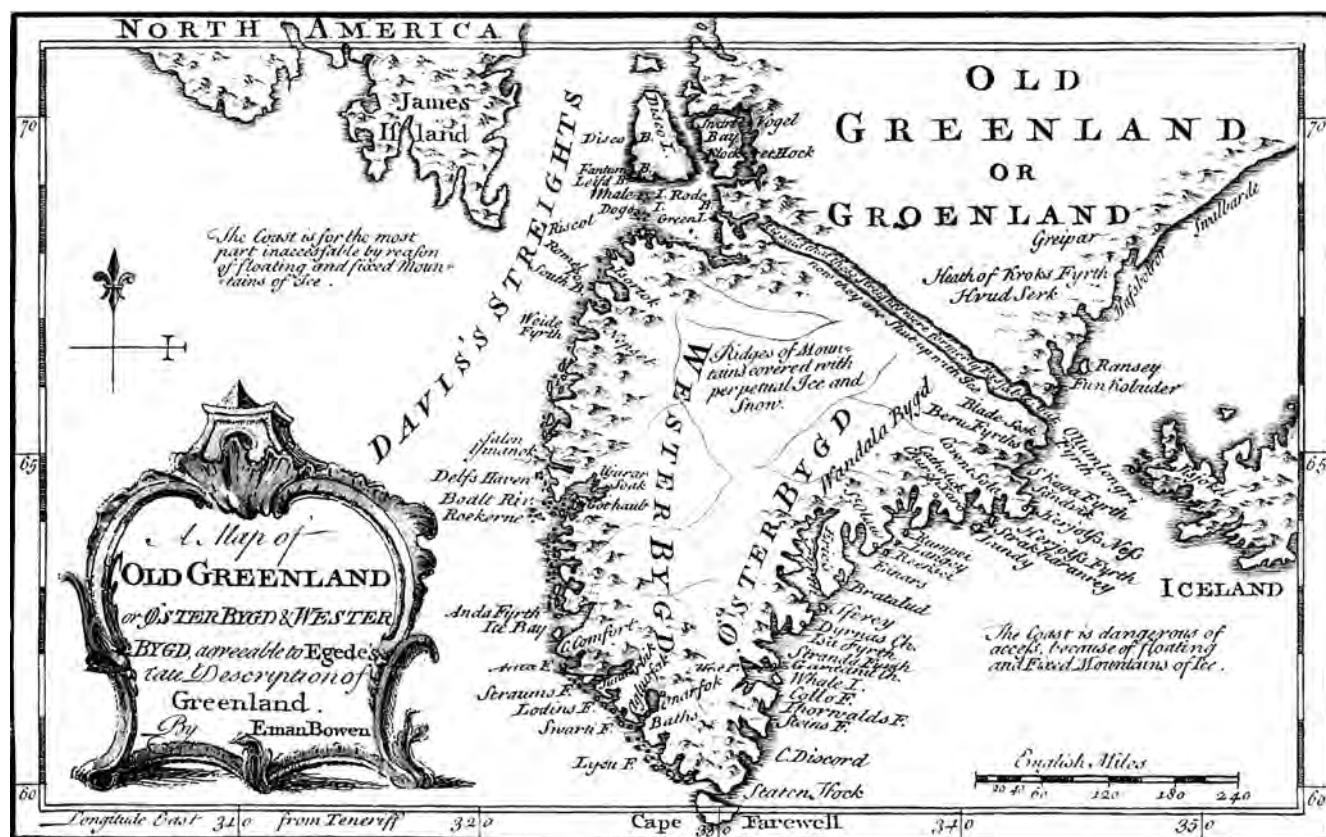

Рис. 4. Карта Гренландии Эмануэля Боуэна. 1747 г.

как земля, отделенная от части Америки (60° с. ш.) проливом. Но Свальбард, как и остальные земли, отсутствует. Картограф, видимо, также интересовало только положение Америки по сравнению с Гренландией и Исландией (Torfæus, 1706. Tabl. I).

Небольшие участки Северной Америки показаны на картах англичанина Э. Боуэна 1747 г. и австрийца Ф. Рейлли 1791 г., но это не районы, где были основаны норманнские поселки переселенцев из Гренландии, а восточное побережье современной Земли Баффина (70° с. ш. и выше), уже хорошо известное картографам того времени.

Из сказанного выше можно сделать следующие выводы.

1. На картах XVII–XVIII вв. Свальбард располагался на восточном побережье Гренландии между 68 и 72° с. ш., представляя собой самый северный топоним, а это значит, что викинги вряд ли могли подниматься дальше на север из-за сложных ледовых условий. В этом убеждает комментарий, приведенный на карте Т. Торлациуса 1668 г., о скоплении льда у Свальбарда в течение всего года.

2. Расстояние от Исландии до Свальбарда составляло примерно 300–400 км, которые викинги на своих судах могли преодолеть за четыре дня.

3. Морской путь протяженностью 1650 км от Исландии до юго-западного берега Гренландии их суда проходили не менее чем за две недели. Протяженность этого маршрута полностью сопоставима с расстоянием, разделявшим Исландию и ближайшую к ней самую южную точку Шпицбергена – о. Сёркап, которое норманнским дракарам, не говоря уже о менее скоростных кноррах, преодолеть за четыре дня было невозможно.

4. Сведения исландских саг о населении Свальбарда подтверждаются археологическими находками (пуговицами, бусами, костяным гребнем), обнаруженными в эскимосских захоронениях датскими исследователями в первой трети XX в. Они свидетельствуют о прямых, но лишь эпизодических контактах эскимосов восточно-гренландского берега с викингами, изредка на него проникавшими.

5. Опираясь на данные картографии XVI–XVIII вв. и сведения исландских саг, можно уверенно считать, что легендарный Свальбард на современных картах Гренландии располагался на южном берегу залива Скоресби (*Scoresbysund*) и примыкавшем к нему берегу Блоссевилль (*Blosseville Kyst*) – примерно 68 – 71° с. ш.

6. Исландские историки и картографы XVI–XVIII вв., а также норвежские миссионеры

Рис. 6. Костяной гребень викингов из эскимосского погребения в заливе Скоресби (Восточная Гренландия).

Х. и П. Егедэ уже тогда осознали, что именно викинги (почти за 500 лет до Колумба) стали первооткрывателями американского континента.

В 60-е годы прошлого столетия знаменитый норвежский археолог Хельге Ингстад подтвердил их догадку, исследовав в юго-восточной Канаде на острове Ньюфаундленд норманнское поселение, расположенное на земле Винланд (1969). Позже археологические памятники, связанные с пребыванием викингов в Северной Америке, были открыты и в других районах Атлантического побережья.

Профессиональные археологические раскопки на Шпицбергене проводятся скандинавскими археологами с 1955 г. В первую очередь они стремились найти доказательства посещения архипелага в так называемый добаренцевский период, чтобы подтвердить свальбардскую версию. Но все исследованные ими памятники оказались крупными поморскими становищами XVIII в., а не норманнскими поселками. Можно не сомневаться, что если бы викингам каким-то чудом удалось оказаться на Шпицбергене, никаких следов пребывания там они бы не оставили, поскольку этот арктический район был совершенно не пригоден для их обитания. Викинги в основном занимались разведением мелкого и крупного рогатого скота, а также земледелием

и охотой, добыча от которой все же предназначалась на вывоз, т.е. не играла решающей роли в жизнеобеспечении. Для ведения подобных форм хозяйства наиболее оптимальным районом Гренландии могло стать юго-западное побережье, однако аналогичных ландшафтно-климатических зон на Шпицбергене вообще не существовало. Как показала дальнейшая история, он мог использоваться только для сезонных звериных промыслов. Но даже если допустить, что какой-нибудь норманнский корабль случайно все-таки “занесло” на архипелаг, то по этой причине викинги едва ли решились бы на повторное плавание в данном направлении. К сказанному можно еще добавить, что Свальбард в исландских источниках, в отличие от других исторических топонимов, с 1194 по 1350 гг. упоминается считанные разы. Столь скудную информацию о Ледяном берегу можно объяснить только тем, что викинги крайне редко и, скорее, случайно проникали через дрейфующий лед на восточное побережье Гренландии, которое, в отличие от юго-западного, как и Шпицберген, было совершенно непригодно для проживания из-за экстремальных климатических условий.

Если все-таки локализовать Свальбард на Шпицбергене, то тогда весьма сложно найти объяснение сведениям, содержавшимся в исландских источниках: четыре дня плавания от Исландии, обитание открытой викингами земли. Поэтому Ф. Нансен полностью отвергал подобные сообщения исландских авторов как не вписывающиеся в концепцию Г. Сторма, объясняя их происхождение фантазиями составителей средневековых хроник. Но если Свальбард все же разместить на восточном побережье Гренландии, как это, опираясь на саги, делали скрупулезные исландские картографы, то практически все нестыковки, с которыми сталкиваются приверженцы свальбардской версии, отпадают. В таком случае сагам в целом следует доверять, несмотря на наличие в них сказочных элементов.

В заключение хотелось бы обратить внимание на то, что не только сторонники идентификации Шпицбергена и Свальбарда, но и все их оппоненты по не совсем понятным причинам не использовали в дискуссиях такой важный аргумент, как европейские карты XVI–XVIII вв. Они, пожалуй, давно поставили точку в этом затянувшемся споре. В случае с “оппонентами” столь странное поведение можно объяснить незнанием довольно редких картографических источников, а в случае со “сторонниками”, — вероятно, определенным умыслом, в основе которого, безусловно, лежат политические соображения. Между тем книга исландца Т. Торфауса “Древняя Гренландия”, опубликованная в Копенгагене в 1706 г. с картами и комментариями, была переиздана в Осло в 1947 г. (“*Det Gamle Grønland*”), но осталась почти незамеченной европейскими и се-

Рис. 7. Карта Гренландии и Америки Сигурди Стефанссона. 1570 г.

вероамериканскими исследователями второй половины XX в., в работах которых обстоятельно рассматривалась свальбардская версия Шпицбергена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Байок Д.Л. Исландия эпохи викингов. М.: Астрель, 2012 (Согрус; 172). 912 с.
- Ингстад Х. По следам Лейва Счастливого. М.: Гидрометеиздат, 1969. 246 с.
- Старков В.Ф. Очерки истории освоения Арктики. Т. I: Шпицберген. М.: Науч. мир, 1998. 95 с.
- Файнберг Л.А. Очерки этнической истории зарубежного Севера (Аляска, канадская Арктика, Лабрадор, Гренландия). М.: Наука, 1971. 280 с.
- Хенниг Р. Неведомые земли. Т. II / Пер. с нем. Е.К. Краснокутской, А.Д. Райхштейна; предисл. и ред. А.Б. Дитмара. М.: Изд-во иностр. лит., 1961. 520 с.
- Egede H. Det gamle Grønlands nye perlustration; eller: en kort beskrivelse om de gamle nordske coloniers beyndelse og undergang I Grønland. ... Kjobenhavn: H.C. Paulli, 1729. 58 p.
- Higgins A.K. Exploration history and place names of northern East Greenland Copenhagen, 2010 (Geological Survey of Denmark and Greenland bulletin; № 21). 368 p.
- Keilhau B.M. Reise i Øst- og Vest-Finnmarken samt til Beer-en-Eiland og Spitsbergen i aarene 1827 og 1828. Christiania: Johan Krohn, 1831. 247 s.
- Krawczyk A. Zogadnienie normalskiego Svalbardu // XIV Simposium Polarne. Aktualne probleme badawczew Arktice i Antarktice. Lublin, 1987. S. 223–228.
- Torfæus T. Gronlandia antiquæ. Copenhagen, 1706. 6 tabl.
- Tornøe J.K. Lysstreif over Norgesveldets historie. Oslo, 1944 (Meddelelser Norges Svalbard- og Ishavsundersøkelser; 56). 218 s.

SVALBARD IN THE 16th–18th-CENTURY CARTOGRAPHY OF GREENLAND

Victor L. Derzhavin

Institute of Archaeology RAS, Moscow (derzh@yandex.ru)

Renaming of Spitzbergen to Svalbard in 1925 was underlain by political reasons: it was aimed at securing Norway's 'historical rights' to the archipelago. It was widely supported by Norwegian society though criticized by the other European, especially Danish, researchers locating Svalbard in eastern Greenland. However, a series of Icelandic maps locating Svalbard or 'the Ice Shore' between latitude 68 and 72 degrees north made their appearance in Europe as early as in the 16th–18th centuries. Having compared cartographic materials with Icelandic sagas Icelandic cartographers drew the conclusion that the fabulous Svalbard was located on the eastern shore of Greenland and could not have anything to do with Spitzbergen.

Keywords: Greenland, Vikings, Spitzbergen, Svalbard, Icelandic cartographers, Arctic conditions, sagas, ship.

REFERENCES

- Bayok D.L.*, 2012. Islandiya epokhi vikingov [Viking Age Iceland]. Moscow: Astrel' (Corpus, 172). 912 p.
- Egede H.*, 1729. Det gamle Grønlands nye perustration; eller; en kort beskrievelse om de gamle nordske coloniers beyndelse og undergang I Grønland. ... Kjobenhavn: H.C. Paulli. 58 p.
- Faynberg L.A.*, 1971. Ocherki etnicheskoy istorii zarubezhnogo Severa (Alyaska, kanadskaya Arktika, Labrador, Grenlandiya) [The Essays on the ethnic history of the foreign North (Alaska, Canadian Arctic, Labrador, Greenland)]. Moscow: Nauka. 280 p.
- Higgins A.K.*, 2010. Exploration history and place names of northern East Greenland Copenhagen (Geological Survey of Denmark and Greenland bulletin, 21). 368 p.
- Ingstad Kh.*, 1969. Po sledam Leyva Schastlivogo [In the footsteps of Leiv The Happy]. Moscow: Gidrometeoizdat. 246 p.
- Khennig (Hennig) R.*, 1961. Nevedomye zemli [Unknown lands], II. E.K. Krasnokutskaya, A.D. Raykhshteyn, trans. from German, A.B. Ditmar, ed. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury. 520 p.
- Krawczyk A.*, 1987. Zogadnienie normaiiskiego Svalbardu. XIV Symposium Polarne. Aktualne probleme badawczew Arktice i Antarktice. Lublin, pp. 223–228.
- Starkov V.F.*, 1998. Ocherki istorii osvoeniya Arktiki [The Essays of history of Arctic Region's reclamation], I. Spitzbergen. Moscow: Nauchnyy mir. 95 p.
- Torfæus T.*, 1706. Gronlandia antiquæ. Copenhagen. 6 tabl.
- Tornøe J.K.*, 1944. Lysstreif over Norgesveldets historie. Oslo (Meddelelser Norges Svalbard- og Ishavsundersøkelser, 6). 218 p.
- Keilhau B.M.*, 1831. Reise i Öst- og Vest-Finnmarken samt til Beeren-Eiland og Spitsbergen i aarene 1827 og 1828. Christiania: Johan Krohn. 247 p.

ДРЕВНИЕ КУЛЬТУРЫ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И ЗАПАДНОЙ АЗИИ. Сборник к 90-летию со дня рождения и памяти Н.Я. Мерперта. М.: ИА РАН, 2014. 392 с.

Сборник «Древние культуры юго-восточной Европы и западной Азии» представляет собой хорошо изданный, крупный коллективный труд, объемом 58 п.л. Его авторами являются 40 археологов из России, Болгарии и Великобритании. В сборнике собраны работы, которые затрагивают тематику научных интересов Н.Я. Мерперта, включая энеолит и бронзовый век Кавказа, Поволжья, Подунавья, Ближнего Востока, а также сюжеты библейской (церковной) археологии. Помимо этого, в книге опубликована статья Г.Е. Афанасьева по хазарской проблеме, которой Н.Я. Мерперт занимался на заре своей творческой деятельности. Две статьи в сборник представили соратники Николая Яковлевича, много лет проработавшие с ним в рамках сектора каменного и бронзового века, *М.А. Дэвлет* («О «ламповом» знаке на вершине горы Устю-Мозага в Туве») и *Ю.А. Смирнов* (««Садовая могила» – гробница Иосифа Аримафейского»). Воспоминания о Н.Я. Мерперте написали *В.Ю. Луньков*, *Ю.В. Лунькова*, *И.Е. Сафонов* («Об одном из полевых сезонов Н.Я. Мерперта»), *Дж.П. Меллори* («О Николае Яковлевиче Мерперте»), *С.В. Кузьминых* и *И.В. Белозерова* издали статью об учителе Н.Я. Мерперта – *В.А. Городцове* («В.А. Городцов о скрытой энергии археологических памятников»).

Том открывает статья *Р.М. Мунчаева*, друга и соратника Н.Я. Мерперта по многим экспедициям на Ближнем Востоке, а также многолетней работе в Институте археологии. «Выдающийся российский археолог Н.Я. Мерперт (к 90-летию со дня рождения)». В ней подчеркнут вклад Н.Я. Мерперта в российскую науку о медно-бронзовом веке и первобытной истории Евразии, его роль как выдающегося ученого, получившего широкую известность и признание не только в нашей стране, но и за рубежом. Н.Я. Мерперт являлся автором около 400 научных работ, в том числе 10 монографий. Деятельность Н.Я. Мерперта была связана с раскопками памятников Монголии и Египта; им было создано особое направление в отечественной науке, связанное с изучением ямной культуры эпохи начального освоения металла; он был постоянным участником раскопок экспедиций Института археологии в Ираке и Сирии. Весьма значим вклад Н.Я. Мерперта в археологию первобытности на территории Болгарии. Н.Я. Мерперт стоял у основания раскопок теллей Эзеро и Юнаците, важнейших поселений эпох энеолита и раннего бронзового века Подунавья. После смерти Е.И. Крупнова Н.Я. Мерперт возглавил сектор каменного и бронзового веков Института археологии, которым руководил много лет.

От себя могу добавить, что Н.Я. Мерперт внес весомый вклад в воспитание молодых специалистов по первобытной эпохе. Он несколько лет преподавал на кафедре археологии исторического факультета МГУ. Его лекции слушали и писали под его руководством дипломы ныне д.и.н. Е.В. Антонова, д.и.н. В.А. Шнирельман и автор этих строк. Его аспиранткой была д.и.н. Н.Л. Моргунова.

Публикуемые материалы в сборнике скомпонованы по трем основным разделам. Они связаны эпохой медно-бронзового века на территориях Кавказа, степей Восточной Европы, Балкан и Ближнего Востока. Представленные в них работы можно разделить в зависимости от содержания по нескольким жанрам. Первый жанр представляют статьи публикационного характера, вводящие в научный оборот новые комплексные источники (погребения, поселения) и анализирующие их. Второй связан со статьями описательного, вещеведческого (типологического) и статистического содержания. Третий включает статьи интегрального характера, обобщающие источники и акцентирующие различные аналитические проблемы региональных масштабов. Значимость работ каждого жанра по-своему важна, так как наша наука базируется не только на широких обобщениях, но и на ее азбуке понятий и определений. Правомочность последних проверяется практикой и вытекает из методики полевых работ, конкретной типологии вещей, то есть упорядоченного археологического вещеведения.

Раздел I. Южноевропейские степи и Кавказ в эпоху бронзы. Статьи публикационного содержания с новыми источниками представлены работами: *М.В. Андреева*, *С.В. Арапов* «Об одном необычном памятнике восточномакедонской катакомбной культуры»; *В.Л. Державин* «Погребение с глиняной моделью кузова повозки в кургане под г. Благодарный»; *Н.И. Шишина*, *Д.С. Ковалев*, *Э.Р. Ибрагимова*, *Н.Н. Шведченко* «Повозка из катакомбного погребения кургана 4 могильника Улан IV: реконструкция и культурный контекст»; *С.Н. Кореневский*, *С.Б. Бурков* «О древностях энеолита и раннего бронзового века из раскопок в Чеченской Республике в 1988–1991 гг.».

Особо драматично складывалась судьба статьи, посвященная материалам из раскопок С.Б. Буркова в Чеченской Республике. В Отдел полевых исследований ИА РАН его отчеты о раскопках курганов в 1991 г. не успели попасть. Помешала война. Архив был вывезен в единственном чемодане С.Б. Бурковым из горящего и лежащего уже в руинах города. Научная ценность спасенных им материалов весьма значима. В статье показано, что они ставят вопрос о глубокой преемственности местного населения, оставившего могильник Самашки, расположенного в Ачхой-Мартановском р-не Республики Чечня. На материалах памятника прослеживается преемственность в обряде захоронения местного населения от эпох энеолита (предмайкопский период, V тыс. до н.э.), времени майкопско-новосвободненской общности (IV тыс. до н.э.) и до эпохи средней бронзы включительно (III тыс. до н.э.), несмотря на стадиальную смену материальной культуры, доносимой до нас погребальными комплексами. Вариант этой статьи был издан также за рубежом (Кореневский, Бурков, 2014).

Статьи интегрального содержания, обобщающие многие источники, представлены следующими работами: *И.В. Манзура* «Некоторые аспекты социальной организации носителей позднетрипольской культуры (по материалам Выхватинского могильника)»; *Н.Л. Моргунова* «Проблемы изучения ямной

культуры в трудах Н. Я. Мерперта в свете современных исследований”; Н. В. Рындина, И. Г. Равич “Общее и особенное в технологии металлопроизводства майкопских племен Северного Кавказа”; Е. И. Гак, А. А. Калмыков “Металл изделий позднего – раннекатакомбного времени Егорлык-Калаусского междуречья”; Н. М. Малов “Памятники срубной культурно-исторической области в Нижнем Поволжье: концептуальные основы культурогенеза”.

Работы рассматриваемого блока различны по тематике и содержанию. Так, И. В. Манзура касается сложного вопроса о социальной структуре трипольского общества. Он акцентирует внимание читателя на данных Выхватинского могильника позднего Триполья и приходит к выводу о том, что племена трипольской культуры, оставившие Выхватинский могильник, отражают, по сути дела, эгалитарное общество с зарождающимися элементами социального ранжирования при отсутствии четко выраженной социальной иерархии и единоличной власти общинного лидера (с. 122). Это гораздо более правомерное определение, чем традиционные тезисы о матриархальном или патриархальном обществе племен Трипольской культуры.

Н. Л. Моргунова, ныне один из ведущих специалистов по ямной культуре Приуралья, представила развернутую статью о теме ямной культуры в трудах Н. Я. Мерперта (с. 124–134).

Две работы раздела посвящены проблемам изучения древней металлообработки племен майкопско-новосвободненской общности (МНО) и металлу раннекатакомбного периода Егорлык-Калаусского междуречья. Тема о металлообработке майкопских племен Северного Кавказа рассматривается Н. В. Рындиной и И. Г. Равич в основном на примерах металлографии бронзовых изделий. Всего исследовательницы упоминают 152 изученных металлографическим анализом предмета. В их число входят 73 кинжала, 24 втульчатых топора, 17 тесел, 14 сосудов, 6 шильев, 5 вилок и 2 мотыги. Остальные категории металлических изделий на медной основе ограничены одной-двумя находками. В статье главным образом представлены предметы позднего этапа майкопской культуры по А. А. Иессену (1950), таких категорий как черенковые кинжалы с площадкой на клинке и желобами, меч, втульчатые топоры типа ст. Новосвободной и Андриюковской, которые происходят из комплексов долинского варианта и новосвободненской группы. Из предметов раннего майкопского этапа в статье задействована мотыга Галюгаевского поселения и сосуд из погребения 70 кургана I у с. Заманкул. Таким образом, представленная статья вряд ли может претендовать на полный обзор источников по теме изготовления металлических орудий племенами всех вариантов и этапов круга памятников Майкопа – Новосвободной. Особенно не хватает информации о технологии изготовления изделий самого Майкопского кургана, сделанных как на медной основе, так и из благородных металлов.

Вместе с тем полученные Н. В. Рындиной и И. Г. Равич результаты бесспорно заслуживают самой высокой оценки и могут рассматриваться как важный вклад в исследование темы о металле МНО. Так, Н. В. Рындиной разработана шкала из 11 технологических схем, которые характеризуют особенности изготовления майкопских изделий на медной основе. И. Г. Равич экспериментально доказала, что никель положительно влияет на процесс получения мышьяковых бронз, так как он удерживает мышьяк в сплаве при отливке изделия. Обе исследовательницы приводят дополнительные данные о высоком мастерстве майкопских металлургов и существовании центрально-предкавказского и западно-предкавказского районов (или очагов) майкопской металлообработки, которые были уже выделены ранее на основании форм майкопских изделий. Авторы также неоднократно и последовательно отстаивают точку зрения о местном производстве майкопских изделий,

констатируют отсутствие у племен МНО импортов из внекавказских регионов (Рындина, Равич, Быстров, 2008; Рындина, Равич, 2009). Ранее такая точка зрения на металл позднего этапа майкопской культуры на основании типологии вещей была изложена в работах А. А. Иессена (1950) и Р. М. Мунчаева (1975, 1994). Мышьяковые бронзы и мышьяково-никелевые бронзы МНО соотносили с кавказскими источниками меднорудного сырья и никелина С. Н. Корневский (1988, 2011) и В. А. Галибин (1991).

В статью – сводку металла позднего и раннекатакомбного периода – каждый из двух авторов, насколько я понимаю, внес свой вклад в зависимости от собственной специализации. Так, А. А. Калмыков как ведущий археолог по теме ямно-катакомбного времени Егорлык-Калаусского междуречья обеспечил качественные рисунки вещей и их археологический контекст. Е. И. Гак уделил особое внимание химической характеристике металлических изделий. Всего им приведены спектро-аналитические данные по 68 предметам, полученные рентгенофлуоресцентным анализом. Порог чувствительности метода составляет 0.01%. Это меньший показатель, чем порог чувствительности, который позволял определять ранее используемый метод спектрального анализа, применяемый в лаборатории ИА РАН (например, Черных, 1966).

Несколько настораживает в приведенной серии разница в количестве определяемых элементов. Одни анализы выполнены в лаборатории ИА РАН на 10 элементов, другие – в лаборатории МГУ на 2–3 элемента. То есть они по полноте не вполне сопоставимы даже между собой. В целом серия представлена мышьяковыми бронзами и колечками из серебра. В статье отмечаются изделия с повышенным содержанием цинка, который в основном зафиксирован по анализам лаборатории ИА РАН. В определениях лаборатории МГУ таких определений нет. Поэтому в будущем было бы желательно получить спектро-аналитические данные о мышьяковых бронзах из памятников раннекатакомбного периода, учитывающие ликвацию микроэлементов в сплаве и выполненных по единой современной методике на хорошей аппаратуре (например, на спектрометре Tornado, позволяющем учитывать даже степень ликвации микроэлементов).

Проблема изучения памятников позднего бронзового века Нижнего Поволжья рассмотрена в статье ведущего специалиста по тематике срубной культуры Поволжья Н. М. Малова. В ней данная тема раскрывается с прекрасным знанием историографии вопроса об изучении срубной культурно-исторической общности в трудах В. А. Городцова, П. С. Рыкова, О. А. Кривцовой-Граковой, Н. Я. Мерперта, Н. К. Качаловой, В. С. Бочкарева, Е. Н. Черных и иных исследователей. Н. М. Малов отмечает, что памятники ПБВ Нижнего Поволжья относятся к трем последовательно сменявшим друг друга культурам: покровской, срубной и хвалынской культуре валиковой керамики.

Покровская культура соответствует первой фазе позднего бронзового века (ПБВ I) Волго-Уральского и Волго-Донского междуречья. Калиброванные радиоуглеродные определения для нее соответствуют XXII–XVIII/XVII вв. до н.э. (с. 86). Она соотносится с древностями самусьско-сейминского феномена Волго-Алтайского региона, синташтинскими памятниками, потаповскими и петровскими древностями. Срубная культура относится к фазе ПБВ II. Ее датировка выглядит достаточно широко: XX–XV вв. до н.э. (с. 87). Как она соотносится с датами фазы ПБВ I, полагаю, понятно не всем специалистам, так как диапазоны этих фаз практически совпадают. Даты памятников Нижнего Поволжья, по данным Н. М. Малова, дают значения XIX–XVI вв. до н.э. С хвалынской культурой валиковой керамики связана фаза ПБВ III.

В заключение Н. М. Малов делает очень важное обобщение изложенных материалов. Так, он пишет: “Срубные памятники ПБВ II хронологически не стыкуются с полтавкинскими и катакомбными культурами эпохи средней бронзы и комплексами киммерийско-черногоровского времени. Следовательно, нет достаточных оснований связывать происхождение срубной культуры Поволжья, Северного Прикаспия, Приуралья, Волго-Уралья и Волго-Донского междуречья с полтавкинскими или катакомбными культурами. По аналогичным причинам срубная культура не могла оказать непосредственного влияния и на процессы сложения киммерийско-черногоровских памятников и культурогенеза раннего железного века” (с. 89).

Последствия таких выводов весьма значимы. Они ставят под сомнение вопрос о непрерывной и генетической преемственности развития культур Нижнее Волжского региона и соответственно индоевропейской линии развития местного населения. В любом случае на одних только материалах археологии проблема ретроспективы индоевропейцев здесь не решается.

Раздел II. Балканы открывается короткой заметкой Н. Я. Мерперта “Первый раз в Болгарии”. Далее идут статьи описательного, вещеведческого-типологического и статистического содержания: В. Славчев “Позднеэнеолитическая керамика как источник информации о погребальном обряде (по данным погребения 43 Варненского могильника)”; Л. И. Авилова, Т. Н. Мишина “Металлические изделия телья Юнаците. Эпоха ранней бронзы”; В. И. Балабина “Особенности суммарного распределения массового керамического материала из раннебронзовых горизонтов телья Юнаците (стратиграфия и планиграфия)”; Мария Гюрова “Кремневый ансамбль эпохи ранней бронзы телья Юнаците: функциональный анализ”; К. П. Лецаков «О происхождении и предназначении фракийских “рогатых кирпичей”»; В. Мацанова, С. Терзийска-Игнатова “Сидящие антропоморфные фигурки из телья Юнаците”; Т. Н. Мишина “Остродронные чаши телья Юнаците”; В. Николов «Провадия-Солница: “город” V тыс. до н.э. в Западном Причерноморье».

Как видно из приведенного списка, в этих работах наиболее широко представлена тематика телья Юнаците времени раннего бронзового века. Более древние материалы середины V тыс. до н.э., феноменально богатого захоронения 43 Варненского некрополя анализирует сейчас один из ведущих специалистов по проблеме варненского феномена В. Славчев; В. Николов затронул интересную тему “городов” энеолитической эпохи и их оборонительных сооружений.

Очень важная статья с обобщающей проблематикой опубликована Я. Д. Бояджиевым “Телья Юнаците и проблема перехода от энеолита к эпохе бронзы во Фракии”. В ней рассматривается вопрос о причинах заката блестящего и буквально золотоносного блока дунайских культур развитого халколита Караново VI–Гумельница–Варна–Коджадермен, который датируется 47/46–43/42 вв. до н.э. (по калиброванным радиоуглеродным датам (периоды Триполья VI–VIB)). С этим блоком культур на территории современных Болгарии и Румынии связан взлет местного производства меди и изготовление первых тяжелых втульчатых орудий ударного действия и оружия. В погребениях культуры Варна, утопающих в изделиях из золота, отражено сложение местной племенной элиты с символикой в погребальных обрядах орудий военного дела, деревообработки и культа. Ничего подобного в колыбели будущей государственности в нижней Месопотамии мы не находим. Лидирующее положение культур дунайского энеолита в освоении металлургии меди и золота в V тыс. до н.э. очевидно.

В статье Я. Д. Бояджиева излагается череда взглядов на финал блестящего энеолита Дунайского региона культурного

блока Караново VI–Гумельница–Варна–Коджадермен. Так, некоторые ученые причину запустения телья этих культур связывали с нашествием степных восточных народов (М. Гимбутас) или миграциями с востока (Дж. Меллаарт, Н. Я. Мерперт, В. Миков, Г. Тодорова, В. Славчев и др.). Само время между развитым энеолитом (Караново VI) и началом бронзового века (Караново VII–Эзеро). Х. Тодорова рассматривала как переходный период. Она акцентировала внимание на климатических переменах этого времени, сильную засуху в зоне степей Причерноморья, которая толкнула местное население к миграциям на запад. А. Радунчева опубликовала свою точку зрения на финал культур блока Караново VI–Гумельница–Варна–Коджадермен. Она связывала запустение на этих поселках с религиозными причинами и волей некоего верховного жреца, который прочитал по небесным светилам “знак” местного апокалипсиса, в ходе которого жители поселков получили от него приказ поджигать свои жилища (с. 204). Я. Д. Бояджиев относится к такому ходу событий весьма скептически.

Вместе с тем он акцентирует внимание на стратиграфии и хронологии телья Юнаците, которые показывают, что слои времени блока культур Караново VI–Гумельница–Варна–Коджадермен датируются серединой – второй половиной V тыс. до н.э., а самый ранний слой РБВ относится к времени около 3000 г. до н.э. Таким образом, отсутствие состыковки между ним и культурами блока Караново VI–Гумельница–Варна–Коджадермен является очевидным фактом (с. 205). Далее. Я. Д. Бояджиев пишет, что гибель культур энеолита – это не однократный акт, а процесс, который длился несколько сотен лет, приблизительно с 4200/4100 до 3800/3700 гг. до н.э. Он имел четкое направление потока – с северо-востока на запад и юго-запад. В нем можно выделить три основных этапа. Уничтожение культур эпохи энеолита в Северо-Восточной Болгарии и Фракии (Варна–Коджадермен–Караново VI) рассматривается как установленный факт. Например, подтверждением данному тезису являются свидетельства пожаров в верхних горизонтах телья Руссе. Это объясняется, как полагает Я. Д. Бояджиев, именно активизацией военного фактора и нападениями врагов. Вместе с тем на западе Болгарии памятники культуры Криводол сохраняются и отражают связь с культурой Караново VI.

В истории военных действий энеолитической эпохи Подунавья прослеживается определенная динамика. Так, военные действия при переходе от раннего энеолита к развитому энеолиту, как полагает Я. Д. Бояджиев, происходили между родственными племенами. На заброшенных поселениях следов убийства людей нет. Поэтому целью войн мог являться захват территории, населения, установление контроля над источниками сырья, но не уничтожение обитателей поселков (с. 208). В конце энеолита появляются следы убийства людей прямо на поселениях. Они найдены на памятниках Руссе, Юнаците, Хотница.

Очевидно, что целью нападавших, как полагает Я. Д. Бояджиев, был не захват территории, а уничтожение населения и овладение имуществом своих жертв. Спасением для последних был уход из обжитых поселений и перемещение как можно дальше от угрозы. Уничтожение части населения и бегство оставшихся в живых людей привело к разрушению блестящей зарождающейся культуры энеолита (с. 208).

Подводя итог краткому обзору содержания статьи Я. Д. Бояджиева, хотелось бы отметить, что очень трудно судить о причинах войн эпохи медно-бронзового века только по источникам археологии. Этот вопрос невозможно обсуждать без привлечения данных исторической этнологии. Согласно последней, в истории войн догосударственного периода необходимо различать войны по первобытным причинам, которые в основном не преследовали захват территории, имущества, пленных

для экономического использования в качестве рабочей силы. Исключение в войнах по первобытным причинам могли составлять лишь миграции населения, вынужденные природными условиями или агрессивностью соседей. Войны по первобытным причинам в догосударственный период очень долгое время имели широкое распространение на всех континентах. К другому типу войн относятся “настоящие” войны, которые начались с целью захвата добычи, территории, установления даннических отношений (Шнирельман. 1994. С. 11–47; Дейви, 2009; Davie, 1929). Даже Троянская война, как известно, была замаскирована под войну из-за похищения женщины и мести за такое оскорбление.

Где и как археологам искать критерии начала войн за добычу и захват территории? На этот вопрос ответить сложно, без специальной проработки темы об оружии первобытной эпохи и отражении символики военного дела в погребальных обрядах. Поэтому я бы оставил вопрос о причинах войн энеолитического периода Подунавья открытым до специального исследования на эту тему.

Раздел III. Ближний Восток в рецензируемом труде в основном представлен статьями интегрального содержания и обобщающего характера. Наиболее крупная по объему из них – работа *Ш.Н. Амиров, А.А. Немировский* “К вопросу о кавказско-переднеазиатских связях в IV–III тыс. до н.э. (о распространении куро-араксской культуры на Переднем Востоке)”. В ней вклад каждого автора соответствует его специализации. Очерк археологических памятников подготовлен Ш.Н. Амировым, их историко-лингвистическая интерпретация – А.А. Немировским. Ш.Н. Амиров представил прежде всего современные данные по распространению памятников куро-араксской культуры. Ее ареал сейчас охватывает Южный Кавказ (главным образом, территорию Малого Кавказа), долины Чечни, горные районы Дагестана, перевалы центральной части Большого Кавказского хребта и примыкающие к ним территории республик Северная и Южная Осетия.

За пределами Кавказа много памятников куро-араксской культуры открыто на территории Армянского нагорья, которое в настоящее время входит в состав северо-западного Ирана, Восточной Анатолии и северо-востока Турции. Памятники куро-араксской культуры известны в горах западного Ирана и в Верхней Месопотамии. Спорадически ее культурные слои встречаются на телях равнины Северной Месопотамии. Они, как поселения так называемой культуры кирбет-керака, давно отмечены на территории восточного Средиземноморья в Леванте, Иордании, на севере Израиля.

В российской печати такой обзор современной географии куро-араксской культуры предпринят впервые. Поэтому тема, поднятая Ш.Н. Амировым очень важна. В англоязычной литературе хорошие очерки о куро-араксских памятниках к югу от Аракса на современном этапе их изучения представлены Ф. Колом (Kohl, 2007. С. 86–162), А. Сагона и Р. Зимански (Sagona, Zimansky. 2010. Р. 176) и другими авторами.

Одна из важнейших тем, связанных с такими общими обзорами, связана с проблемой хронологии куро-араксской культуры. Как известно, куро-араксская культура, выделенная Б.А. Куфтиным в 30-х годах XX в. по материалам Южного Кавказа, к 90-м годам прошлого столетия получила разработанную хронологию и локализацию в трудах О.М. Джапаридзе, Т.Н. Чубинишвили, К.Х. Кушнаревой, А.А. Джавахишвили и Л.И. Глonti, И.Г. Нариманова, М.Г. Гаджиева, Р.М. Мунчаева, А.А. Мартиросяна, Э.В. Ханзадян. В основу периодизации этой культуры была положена стратиграфия поселения Квацхелеби по раскопкам А.А. Джавахишвили и Л.И. Глonti.

(Джавахишвили, Глonti, 1962). К.Х. Кушнарева и Т.Н. Чубинишвили (1970) выделяли для ее памятников ранние фазы Квацхелеби Е, С и позднюю фазу Квацхелеби В. В иной трактовке такая схема приняла вид куро-араксской культуры I, II и куро-араксской культуры III. Немногочисленные радиоуглеродные даты того периода изучения позднего халколита или раннего бронзового века Кавказа относили время куро-араксской культуры I, II к периоду от 38/37 до 30 в. до н.э., а время куро-араксской культуры III – к первой пол. III тыс. до н.э. (Корневский, 2011. С. 33). Радиоуглеродных дат, говорящих только о первой половине IV тыс. до н.э., для куро-араксской культуры мало. К ним, видимо, можно отнести дату куро-араксского слоя поселения Бериклдеби JE-21974850 ± 50 BP, 3660–3543 BC. Она выглядит более молодой, чем дата слоя V, относимого к лейлатепинской культуре: OZE595 Бериклдеби, слой V 5070 ± 40 BP, 3956–3796 BC (Корневский, 2011. С. 33). Однако эти данные требуют особой проверки, так как материалы нижних слоев Бериклдеби могли быть перепутаны, как отмечают Т. Кигурадзе и А. Сагона (Kiguradze T., Sagona A., 2003. Р. 94).

Для памятников Армении современная хронология куро-араксской культуры рассмотрена несколькими авторами (Аветисян и др., 1996. С. 8–10). Дата раннего элар-арагацкого этапа куро-араксской культуры предлагается в диапазоне 35–30 вв. до н.э. Этот же диапазон подтверждают даты куро-араксского слоя поселения Гехарот – 35–29 вв. до н.э. (Бадалян, Смит, 2008. С. 53). К памятникам начала второй пол. IV тыс. до н.э. также относится дата из слоя XI Пулур (северо-восток Турции) 3502–3346 BC (Корневский, 2011. С. 33). Однако новейшие данные из раскопок в пещере Арени (р. Арпа, Армения) позволили Д. Зардарян отметить куро-аракскую керамику в контексте слоя II этого памятника, датируемого в рамках 4000–3700 BC (Зардарян, 2011. С. 53–57). Таким образом, наиболее ранние даты памятников куро-араксской культуры явно связаны с Южным Кавказом.

Даты второй половины IV тыс. до н.э. за пределами Кавказа отмечены на северо-востоке Турции в верховьях Аракса и Евфрата (Пулур, Сос Хуюк).

В Восточной Анатолии слой с керамикой куро-араксской культуры фиксируется на горизонте Арслантепе VIB1 (3000–2900 BC). Материалы медно-бронзового века входят в состав знаменитой гробницы T1, как справедливо отмечает Ш.Н. Амиров (с. 294). В целом распространение куро-араксской культуры к югу от верховьев Аракса и Евфрата происходило главным образом на ее третьем этапе, после сильнейших культурных трансформаций на Кавказе того времени (с. 297).

Реконструкция конкретных исторически известных групп языков и этносов по данным археологии крайне сложна и требует специальной лингвистической подготовки со знанием палеоязыков, которой я не обладаю. Могу лишь отметить, что для IV тыс. до н.э. на Ближнем Востоке такая задача вообще является проблематичной с точки зрения методики научных реконструкций, так как известные этносы и языковые группы фиксируются только для III–II тыс. до н.э. А.А. Немировский очень осторожно пишет о том, что верхняя Месопотамия в конце III тыс. до н.э. могла быть заселена хурритами. Далее он анализирует этно-языковую ситуацию на Ближнем Востоке для этого времени, отмечая существование эламитов, лулубев, кутиев, как обитателей гор Загроса, хурритов – севера Месопотамии и Армянского нагорья, а также народа субарту на севере равнины Месопотамии (Сирия).

Являются ли памятники куро-араксской культуры, расселенной на огромной территории Кавказа, Восточного Причерноморья, Западного Ирана, отражением носителей одного

языка, одной языковой группы или нескольких языковых групп, думаю, вопрос остался открытым.

Тема связей населения Южного Кавказа с Ближним Востоком сейчас немислима без анализа памятников лейлатепинской культуры, выделенной И.Г. Наримановым. Ш.Н. Амиров не акцентирует внимание на этой проблеме, так как она не является объектом его рассмотрения в данной статье.

Статья “Маргианский археологический комплекс: свидетельства взаимосвязей (западное направление)”, посвященная комментариям к раскопкам В.И. Сариниди поселения Гонур в Туркменистане (III тыс. до н.э.), опубликована Е.В. Антоновой.

Интересные данные по антропологическим коллекциям из катакомб у с. Великент и неолитических поселений Дагестана представлены М.Б. Медниковой и М.В. Добровольской в статье “Кавказ и Ближний Восток в эпоху раннего металла по данным антропологии”. Череп неолитической части этой коллекции из погребений на поселениях находят аналогии в Леванте. А материалы среднего бронзового века первой половины III тыс. до н.э. из катакомбных захоронений имеют аналогии в Иране и Ираке. Все это говорит о сложной картине формирования населения в прибрежном Дагестане, зоне исторически известного Дербентского прохода, издревле связывавшего по трассам рек и горным проходам северо-западный Иран, восточное Средиземноморье и Восточный Кавказ. Авторы статьи привели средние данные о смертности женщин, найденных в великентских катакомбах. Они находятся, в основном, в интервале 20–29 лет, с пиком смертности 30–39 лет. Смертность у мужчин колеблется в основном от 15 до 44 лет. Много индивидуумов, умерших в возрасте 45–49 лет и старше 50 лет. Процент детской смертности очень высокий. Далее в статье приводится информация о данных смертности могильника Телль Хазна в Сирии (Раннединастический период). Средний возраст смертности женщин 25 лет, мужчин – 37 лет. Для антропологии населения Ближнего Востока характерна долихокrania, отмечают исследовательницы.

Раздел по археологии Ближнего Востока завершает статья Т.В. Корниенко “К вопросу о человеческих жертвоприношениях в ближневосточных обществах эпохи докерамического неолита”. В ней говорится о культах и верованиях населения Верхней Месопотамии, зафиксированных в том числе на поселении Чайоню-тепеси в верховьях Тигра.

В заключение хотелось бы отметить, что рецензируемый сборник по своей тематике можно рассматривать как значимый, современный и актуальный вклад в археологическую науку по тем направлениям, изучению которых посвятил свою жизнь Н.Я. Мерперт.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аветисян П., Бадалян Р., Амаякян С., Пилипосян А. К вопросу о периодизации и хронологии эпох бронзы и железа (Шкала А. Мартиросяна в контексте современных проблем археологии) // 10 науч. сессия, посвященная результатам археологических исследований в 1993–1995 гг. в Республике Армения. Ереван, 1996. С. 8–10 (на арм. яз.).
- Бадалян Р., Смит А. Поселение Гехарот: основные результаты раскопок 2005–2006 гг. // Культура древней Армении: матер. науч. сессии. Вып. IV. Ереван, 2008. С. 53.
- Галибин В.А. Особенности состава находок из цветного и благородного металла из памятников Северного Кавказа в эпоху ранней и средней бронзы // Древние культуры Прикубанья / Ред. В.М. Массон. Л.: Наука, 1991. С. 59–69.
- Дейви М. Эволюция войн. М.: Центрполиграф, 2009. 382 с.
- Джавахишвили А.И., Глonti Л.И. Урбниси I. Тбилиси: Изд-во АН Грузинской ССР, 1962. 73 с.
- Зардарян Д.Э. О ранних проявлениях элементов куро-араксской культуры в позднеэнеолитической керамике Арени-1 // Проблемы археологии Кавказа (К 70-летию Ю.Н. Воронова): сб. матер. Междунар. науч. конф. Сухум, 2011. С. 53–57.
- Иессен А.А. К хронологии больших кубанских курганов // СА. 1950. XII. С. 157–200.
- Кореневский С.Н. Древнейший металл Предкавказья. М.: Таус, 2011. 324 с.
- Кореневский С.Н. К вопросу о месте производства металлических вещей Майкопского кургана // Вопросы археологии Адыгеи / Отв. ред. П.У. Аутлев. Майкоп, 1988. С. 86–104.
- Кореневский С.Н., Бурков С.Б. Погребения эпохи энеолита и начала бронзового века из раскопок в Чеченской Республике 1988 и 1991 гг. // Stratum plus. 2014. № 2: От Карпат до Кавказа: конструкции культуры. С. 145–148.
- Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н. Древние культуры Южного Кавказа. Л.: Наука, 1970. 192 с.
- Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975. 414 с.
- Мунчаев Р.М. Майкопская культура // Ранний и средний бронзовый век Кавказа. М.: Наука, 1994 (Археология СССР). С. 158–225.
- Перишц А.И., Семенов Ю.И., Шнирельман В.А. Война и мир в ранней истории человечества: в 2 т. Т. 1: У истоков войны и мира / В.А. Шнирельман. М.: ИЭА РАН, 1994. 176 с.
- Рындина Н.В., Равич И.Г. Химический состав майкопских изделий из цветного металла: история и перспективы исследования // Хорошие дни: Памяти Александра Степановича Хорошева / Ред.-сост. А.Е. Мусин и др. Великий Новгород: СПб.; М.: ЛеопАрт, 2009. С. 46–72.
- Рындина Н.В., Равич И.Г., Быстров С.В. О происхождении и свойствах мышьяково-никелевых бронз майкопской культуры Северного Кавказа (ранний бронзовый век) // Археология Кавказа и Ближнего Востока / Отв. ред. Н.Я. Мерперт, С.Н. Кореневский. М.: Таус, 2008. С. 196–221.
- Черных Е.Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М.: Наука, 1966. 141 с.
- Davie M. The Evolution of War. New Haven: Yale University Press, 1929. 391 p.
- Kiguradze T., Sagona A. On the Origins of Kura-Araxes Cultural Complex // Archaeology in the Borderlands Investigations in Caucasia and Beyond / Eds A.T. Smith, K. Robinson. Los Angeles: Cotsen Institute of Archaeology, University of California, 2003. P. 38–94.
- Kohl Ph. The Making of the Bronze Age Eurasia. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 296 p.
- Sagona A., Zimansky P. Ancient Turkey. L.; N.Y.: Routledge, 2009 (Routledge World Archaeology). 432 p.

Leube A. PRÄHISTORIE ZWISCHEN KAISERREICH UND WIEDERVEREINIGTEM DEUTSCHLAND: 100 Jahre Ur- und Frühgeschichte an der Berliner Universität Unter den Linden. Bonn, 2010. 257 S., Ill.

Одной из важных проблем в изучении процесса становления и развития как отечественной, так и в целом мировой археологии является вопрос о роли университетов как отдельных научных центров, их роли в распространении археологических знаний и подготовки специалистов-профессионалов. Следует заметить, что именно за последние десятилетия в истории археологии проблемы развития науки в классических университетах, становление в них научных школ и направлений привлекает все большее внимание исследователей (Тихонов, 2003. С. 7–8).

Примером этого служит рецензируемая монография известного немецкого археолога и историка Ахима Лейбе (Leube), которому в этом году исполнилось 80 лет. Его научная деятельность тесно связана с Берлинским университетом им. А. Гумбольдта. Здесь в 1954–1958 гг. он учился, закончил аспирантуру и успешно защитил сначала кандидатскую диссертацию на тему “Культурное развитие в области Одера и Шпрее Бранденбурга в раннее и позднее римское время” (1962), а затем и докторскую “Поселения и хозяйство на севере Средней Европы в I–VI вв. н.э.” (1990). С 1992 г. вплоть до выхода на пенсию (2001 г.) А. Лейбе – профессор кафедры первобытной истории университета им. А. Гумбольдта. Именно в это время сфера его научных интересов перемещается в область изучения истории немецкой первобытной археологии с XVI века по 1945 г., особенно ее развития и роли в идеологических и политических процессах периода правления национал-социализма в 1933–1945 гг. (Prähistorie und Nationalsozialismus, 2002).

Рецензируемая монография А. Лейбе посвящена истории становления и развития первобытной и ранней истории, археологии (Ur- und Frühgeschichte) в Берлинском университете (первоначально им. Фридриха Вильгельма, а с 1949 г. – им. Александра Гумбольдта) и охватывает почти весь период существования этого направления с 1902 по 2007 г. Заключительная часть книги посвящена Феликсу Бирману – последнему профессору кафедры первобытной и ранней истории, упраздненной в 2011 г. уже после выхода монографии в свет.

В основе написания монографии лежит удачное сочетание хронологического и просопографического методов, позволивших автору создать коллективную биографию порядка 140 представителей научного сообщества ученых-доисториков, археологов, на протяжении века работавших или учившихся в стенах Берлинского университета им. Фридриха Вильгельма – А. Гумбольдта. Среди них как корифеи европейской археологической науки, так и менее известные исследователи: Г. Коссинна, М. Эберт, Й. Костржевский, М. Ян, Х. Шмидт, Г. Янкун, Г. Мюллер, В. Унферцагт, А. Кикебуш, Г. Рейнерт, Й. Херманн, В. Хюлле, К.-Х. Отто, П. Паульсен, Х. Грюнерт, Й. Хеннинг, С. Братер, У. Халле, К. Тойне-Фогт, Р. Струве и др. В большинстве случаев, особенно относящихся к послевоенному времени, это первая наиболее полная научная публикация биографии того или иного исследователя.

Монография состоит из семи глав, повествующих о разных этапах развития первобытной археологии в университете, истории создания соответствующего структурного подразделения (института, затем кафедры) и основных линиях научного поиска. В значительной степени они совпадают с деятельностью того или иного руководителя, лидера направления.

Первая глава посвящена Густаву Коссинне (Kossinna), первому профессору немецкой археологии. В 1902 г. он получил должность экстраординарного (внештатного) профессора немецкой археологии философского факультета в университете им. Фридриха Вильгельма. Практически одновременно была основана и Римско-Германская комиссия во Франкфурте-на-Майне. Эти два события положили начало академическому оформлению преподавания и изучения археологических древностей Германии. Г. Коссинна почти четверть века (до конца сентября 1926 г.) являлся первым и единственным преподавателем доисторической археологии в высших учебных заведениях страны. И хотя самого организационного оформления института-кафедры еще не было (институт появился позднее – в 1934 г.), это оказало определяющее влияние на появление целого течения в первобытной археологии Германии. Учениками “берлинской школы Коссинны”, его последователями были развиты положения, в основе которых лежали постулаты о северной прародине и превосходстве древней германской культуры, а шире – нордической расы, длинной хронологии, неолитических походов “индогерманцев” и др. Жизнь и творчество этого крупнейшего представителя археологической науки достаточно хорошо представлена в целой серии работ, в том числе и российских исследователей (Клейн, 2000. С. 88–140; 2011. С. 491–525). Отмечу, что Лейбе сопровождает информацию о научно-преподавательской деятельности Коссинны историографическим анализом литературы о нем и приходит к выводу, что во многом только благодаря таланту этого организатора и ученого находившиеся первоначально в стороне университетские круги были вынуждены признать важность изучения и преподавания доистории и археологии в университете (с. 20).

Вторая и третья главы посвящены развитию доисторической археологии в университете в годы Веймарской республики. Это время связано с деятельностью Макса Эберта (Ebert) (1926–1929 гг.), издавшего в 1924–1929 гг. 14 томов справочника по первобытной истории (“Reallexikon”) – фактически первого в Европе энциклопедического издания по данной тематике, а после смерти Эберта – Вильгельма Унферцагта (Unverzaght) и Альберта Кикебуша (Kiekebusch) (до 1934 г.). В отличие от Коссинны, эти ученики и приверженцы К. Шухардта в большей степени занимались раскопками, публикационной деятельностью, составлением археологических карт и сводов. Финансовые трудности и вялая политика руководства философского факультета Берлинского университета в деле организации профессиональной подготовки археологов на рубеже 20–30-х годов XX в. способствовали оттоку студентов из Берлина в Марбург, где в 1927 г. впервые в Германии была введена должность ординарного профессора доистории, которую вплоть до 1942 г. занимал Геро фон Мергарт (Merhart) (с. 53) (Детлова и др., 2010. С. 186–188).

Значительное место в монографии отведено проблемному периоду истории Германии – времени правления национал-социалистов (с. 67–122). Политическая и идеологическая перестройка немецкого общества естественным образом затронула и университетскую жизнь. Закон от 7 апреля 1933 г. запрещал преподавание в высшей школе представителям еврейской национальности, а 1 ноября 1934 г. под давлением рейхсляйтера А. Розенберга, несмотря на протесты преподавательского

состава философского факультета, новый институт доистории и немецкой ранней истории возглавил приват-доцент Тюбингенского университета Ганс Рейнерт (Reinerth) (1934–1945 гг.) – “национал-социалистический карьерист”, по выражению Лейбе (с. 67). Немаловажную роль здесь сыграла и протекция Коссинны, который увидел в Рейнерте “педагогический талант” и вообще считал его своим идеологическим наследником. Лейбе подробно характеризует деятельность представителей кафедры, в первую очередь Вернера Хюлле (Hülle) и Рудольфа Стрёмбеля (Ströbel), работавших в тесном контакте с ведомствами Розенберга и Гиммлера, следовавших в научных построениях за Коссинной и рассматривавших происхождение ранних культур в Европе исключительно в свете концепции “*ex septentrione lux*”. Эти установки, как замечает Лейбе, полностью совпадали с нацистской идеологией и пропагандой превосходства германской расы. Таким образом, кафедра доистории в годы нацизма играла важную роль в идеологической пропаганде. Однако такая ситуация была характерна не только для Берлина, но и практически для всего направления немецкой первобытной истории и археологии. Учащиеся, специализирующиеся по доисторической археологии в университетах Германии, были объединены в так называемые “специализированные отделения доисториков” (“*Fachabteilungen Vorgeschichte*”), а Г. Рейнертом были изданы “Германские основы немецкой народности”, ставшие на некоторое время своеобразным руководством. В результате это движение приобрело резко реакционный, националистический характер, а одним из направлений его борьбы стало проведение очернительной кампании против Г. фон Мергарта (с. 84).

Тем не менее надо признать, что во время правления национал-социалистов произошел существенный сдвиг в плане институциональной организации немецкой доисторической науки. Было создано более десяти институтов, кафедр, семинаров по доисторической археологии в разных университетах Германии (табл. 4), большинство из которых существуют и сейчас¹. О развитии археологии в университете говорит также тот факт, что за 27 лет (с 1908 по 1945 г.) было защищено 38 диссертаций, из них 20 – за период с октября 1933 по март 1945 г. (табл. 3). К заслугам Рейнерта можно отнести создание обширной научной библиотеки и наглядных учебных пособий в Берлинском университете, проведение археологических раскопок при активном участии студентов, что, безусловно, способствовало профессиональному росту и подготовке кадров археологов (табл. 5, с. 79). Завершают главу краткие очерки о доцентах, научных сотрудниках, выпускниках и студентах института доистории и немецкой ранней истории университета, в том числе и погибших в годы Второй мировой войны. Среди них доктора наук, защитившиеся в эти годы, – Р. Штрампфу (Stampfuß), В. Хюлле, А. Рит (Rieth), Г.П.Х. Амберггер (Amberger). Правда, среди них Лейбе не упоминает одного из самых известных, пожалуй, немецких доисториков послевоенного времени – Георга Коссака (Kossack), который в конце войны непродолжительное время учился в Берлине, а затем в 1948 г. успешно защитил диссертацию под руководством Г. фон Мергарта.

Пятая глава монографии посвящена новому периоду в жизни университета, наступившему после окончания войны. Начинается глава с раздела, посвященного восстановлению университетского образования в первые послевоенные годы. Университет практически приходилось создавать заново, главное здание, здание Института германской доистории были

разрушены, а Рейнерт при приближении советских войск бежал в середине апреля 1945 г.

С политическим разделением Германии на ГДР и ФРГ произошло разделение университетов в Берлине и системы исторического образования. Возрождение традиции преподавания первобытной истории и археологии теперь уже в университете им. А. Гумбольдта произошло только спустя шесть лет в ходе так называемой “второй реформы высшей школы”, когда в сентябре 1951 г. Карл-Хайнц Отто (Otto) начал читать лекции по первобытной истории. А два года спустя (в сентябре 1953 г.) в рамках философского факультета под его руководством было образовано отделение первобытной и ранней истории. По вполне понятным причинам изменились и направления научной деятельности. Среди них Лейбе выделяет изучение истории первобытного общества, с акцентом на духовную культуру и этногенез немецкого народа, а также разработку методологических проблем первобытной и ранней истории через призму диалектического и исторического материализма (с. 129, 130). В свою очередь, в западной части Берлина в Свободном университете был образован институт первобытной и ранней истории (1959 г.), во главе с Хорстом Кирхнером (Kirchner), успешно развивающийся и по сию пору. Среди наиболее известных учёных-археологов – выпускников университета этого периода – следует назвать Йохима Херрманна (Herrmann) (с. 144–150) и Хорста Кейлинга (Keiling) (с. 157–160).

Шестая глава посвящена деятельности института в период руководства Хайнца Грюнерта (Grünert) (1968–1992 гг.), сменившего К.-Х. Отто в результате третьей волны реформы высшего образования в ГДР. Институт был включен во вновь образованную “секцию истории”. С этого времени институт первобытной и ранней истории университета им. А. Гумбольдта наряду с университетом Мартина Лютера в Галле становится ключевым вузом, где велась подготовка археологов в ГДР. В 1973 г. был принят новый учебный план, по которому первобытную и раннюю историю включили в состав исторических дисциплин. Как замечает Лейбе, наблюдается “категорическое доминирование русского языка”, и вплоть до 1989 г. одним из основных экзаменов оставались основы марксизма-ленинизма (с. 173). Сформировалась система подготовки студентов-археологов, сочетавшая лекции с семинарскими занятиями и археологической практикой. За период с 1954 по 1992 г. институт, а с 1975 г. – кафедра первобытной и ранней истории университета выпустили 87 специалистов (табл. 11), большей частью специализировавшихся на археологии позднеримского времени и раннего средневековья (рис. 51).

В седьмой главе Лейбе рассматривает фактически уже современную историю кафедры, с 1993 по 2007 г. руководимой Йоханом Кальмером (Callmer) при участии самого автора (о нем: с. 205, 206). Объединение Германии, изменение системы образования и проблемы перехода на Болонскую систему отражены А. Лейбе с беспристрастностью непосредственного участника этих событий. Отдельные страницы посвящены междисциплинарным исследованиям в области этнографии и археологии, в особенности “Этнографо-археологическому журналу”, выходящему с 1960 г. (с. 203, 204).

Завершается монография известной цитатой датского философа С. Кьеркегора: “Понять жизнь можно, только оглянувшись назад, однако жить нужно, глядя вперед”. Это высказывание полностью соответствует содержанию книги. Объективная оценка событий, происходивших в разное время в одном из главных университетов Германии, особенно важна сейчас, когда можно увидеть крайние оценки происходивших в стране процессов. Как замечает Лейбе в конце своей работы, развитие первобытной археологии в университете в значительной степени явилось отражением тех “общественных отношений”,

¹ На сегодняшний день в Германии насчитывается 23 специализированных научно-учебных учреждения по первобытной и средневековой археологии (Eggert, Samida, 2013. S. 321, 322).

которые доминировали в немецком обществе на протяжении XX в. Не случайно структура работы напрямую связана с политической историей Германии: имперский период, Веймарская республика, время правления национал-социалистов, период существования ГДР. Здесь можно поразмышлять о многочисленных “если” и “но”, политических компромиссах, оказавших влияние на состояние первобытной археологии и истории в университете. Но в конце концов все это, по мнению автора, остается на совести исследователей (с. 233).

В заключение следует отметить, что монография А. Лейбе – полноценное изложение истории одного из крупнейших научно-учебных учреждений Германии, более 100 лет занимавшегося плодотворными исследованиями в области археологии. Автор ввел в научный оборот новые материалы и сделал это на хорошем уровне, с полным уважением к трудам своих предшественников. Книга снабжена подробной библиографией и иллюстрациями, многие из которых публикуются впервые. Это и групповые фотографии, фото, отображающие рабочие моменты в поле и кабинетах, портреты археологов – сотрудников университета. Фактически все главы, помимо ссылок на литературу, содержат информацию, извлеченную автором из различных государственных и частных архивов. Не вызывает сомнения, что это информативное издание не только привлечет внимание археологов и историков, но и займет должное место в ряду книг, посвященных научной деятельности как

конкретных археологов, так и истории мировой археологической науки, особенно ее институциональной составляющей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Детлова Е.В., Добиат К., Кузьминых С.В. Геро фон Мергарт в истории российской и немецкой археологии: (Международный симпозиум “Геро фон Мергарт. Немецкий археолог в Сибири в 1914–1921 гг.”. Марбург, 2009) // РА. 2010. № 2. С. 186–188.
- Клейн Л.С. Археология в седле (Коссина с расстояния в 70 лет) // Stratum plus. 2000. № 4: Время великих миграций. С. 88–140.
- Клейн Л.С. История археологической мысли: в 2 т. СПб.: СПбГУ, 2011. Т. 1. 688 с.
- Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки. СПб.: СПбГУ, 2003. 332 с.
- Eggert M.K.H., Samida S. Ur- und Frühgeschichtliche Archäologie. 2. Auflage. Tübingen; Basel: A. Francke Verlag, 2013. 346 S.
- Prähistorie und Nationalsozialismus: die mittel- und osteuropäische Ur- und Frühgeschichtsforschung in den Jahren 1933–1945 / Hrsg. A. Leube, M. Hegewisch. Heidelberg, 2002. XIV. 674 S.

Воронежский государственный университет

И.Е. Сафонов

**Paiman Z., directeur de fouilles, et Alram M. pour les monnaies.
TEPE NARENJ À CABOUL, OU L'ART BOUDDHIQUE À CABOUL
AU TEMPS DES INCURSIONS MUSULMANES (THE TEPE NARENJ.
BUDDHIST MONASTERY AT KABUL: BUDDHIST ART DURING
THE FIRST MUSLIM RAIDS AGAINST THE TOWN). T. I: Chronologie,
bâtiments, céramiques et monnaies. Paris: Collège de France (distr.: De Boccard),
2013 (Publications de l'Institut de Civilisation Indienne du Collège de France;
Série in-4°; Fasc. 82). 154 s., XXXII ill.**

Как сообщает во Введении к монографии руководитель раскопок З. Пайман, по результатам раскопок тепе Нарендж (окраина Кабула) предполагается издать два тома: том I, представляющий собой отчет, и том II, в котором будут опубликованы произведения искусства, обнаруженные в ходе исследований. Рецензируемая монография представляет собой том I. Книга состоит из Введения, шести глав основной части, Заключения, двух Дополнений (анализ керамического материала и публикация монет) и Библиографии. В конце книги представлены три Резюме – на английском, дари и пушту. Текст сопровождается хорошими по исполнению иллюстрациями и детальные планы.

Тепе Нарендж находится на расстоянии примерно 1750 м к югу от древней цитадели Кабула – Бала Хиссара. До начала 80-х годов прошлого века район не был населен и служил кладбищем для жителей старого Кабула. Он стал активно застраиваться только после начала военных действий в конце 70–80-х годах XX в. Здесь оседали бежавшие от ужасов войны жители Неджраба и Панджшира.

В этом районе находится узкий и крутой скальный выступ Кох-е Замбурак, ранее называвшийся Кох-е Тахт-е Шах¹. В 2004 г. при строительстве жилого дома случайно была обнаружена часть конструкций какого-то древнего сооружения, о чем жители уведомили власти. З. Пайману, в то время – стажеру DAFA (Délégation Archéologique Française en Afghanistan), афганский Институт археологии поручил провести в этом месте археологические исследования. После успешного завершения сезона (профинансированного DAFA) Министерство культуры и Институт археологии Афганистана назначили З. Паймана ответственным за памятник с тем, правда, условием, что находить средства для его последующих раскопок он будет самостоятельно. Во Введении имеется любопытная таблица, составленная автором, в которой представлены источники финансирования работ начиная с 2004 по 2012 г. Средства для археологических исследований поступали от

¹ Под этим названием выступ известен начиная с первой половины XIX в. Так он фигурирует в публикациях Ч. Массона.

отеля “Интерконтиненталь” (г. Кабул), ЮНЕСКО (два сезона), Бактрийского центра Агентства помощи в технической кооперации и развитии. Однако основное финансирование было французским: Посольство Франции, Collège de France, DAFA. Сам З. Пайман последние годы находился во Франции, будучи стажером одного из институтов, приезжая в Кабул только на время проведения раскопок (несколько недель). Судя по контексту и упоминаниям автора, большую помощь и в ходе полевых работ и при осмыслении материала оказали французы Э. Оливье (техническая поддержка) и Ж. Фуссман (крупнейший специалист по истории буддизма)². После завершения исследований территория раскопа была передана под охрану Министерства культуры Афганистана; небольшие по размерам находки – в Национальный музей; более крупные (в частности, фрагменты огромных глиняных статуй) сохраняются на месте.

З. Пайман имел возможность исследовать лишь отдельные участки, не занятые могилами или современной застройкой. Основные работы осуществлялись на значительном по своим размерам раскопе. Они показали, что здесь находился большой буддийский монастырь. Вскрыта только та часть сооружения, которая относится к позднему периоду его существования. Она расположена на достаточно крутом (до 45°) склоне. Естественно, что в таких условиях при возведении построек приходилось прикладывать огромные усилия: выравнивать участки склона, превращать их в террасы, создавать подпорные стены и лестницы, соединяющие террасы (высотой от 1.50 до 1.80 м). На каждой из террас (обозначаемых литерой “Т” и соответствующим номером) находились небольшие святилища, которые автор называет “капеллами” или “часовнями” (*chappelle*), каждое из них обозначается литерами “СН” с соответствующим номером.

Последние годы раскопок несколько изменили представление о памятнике, излагавшееся в предварительных “Отчетах”, в том числе печатных (Paiman, 2005. Р. 24–39; 2010. Р. 52–65). Наиболее важные изменения были связаны как с датировками отдельных сооружений в рамках данного комплекса, так и с его обликом в целом.

В ходе раскопок было выяснено, что древнейшими являются террасы Т1–Т3 – самые восточные, ориентировочно датирующиеся временем начиная с III, может быть, со II в. до н.э. Комплекс просуществовал до V в. н.э. Для сооружений этого периода характерна определенная скромность. Далее наступает период перестройки. Наиболее отчетливо это видно на примере террасы Т3, которая перекрывается террасой Т4: на ней возводится большая ступа (обозначенная, как и другие ступы, литерами “СТ”). Поздний период представлен террасами от Т4 до Т9. Все они расположены западнее ранних террас.

Самое важное открытие, сделанное при исследовании верхних террас, – их новые датировки, полученные после анализа монетных находок (исследование М. Альрама). Самые последние террасы (начиная с Т5) относятся ко времени несколько более позднему, чем 870 г. н.э. Исходя из этих наблюдений, автор утверждает, что необходимо в целом пересмотреть позднюю историю буддизма в Кабулистане. Здесь даже в X в. н.э. существовала мощная и богатая буддийская община, которой под силу было осуществление таких серьезных и затратных проектов.

² Отметим, что Ж. Фуссман относительно недавно издал большую монографию, в которой обобщил материалы предшествующих исследований памятников буддизма в районе Кабула (Fussman, 2008). Подробную рецензию на эту книгу опубликовал Г.А. Кошеленко (2010. С. 174–176).

В связи с этим возникает вопрос, на который, к сожалению, автор не дает четкого ответа и который касается промежуточного периода (между V в. н.э. и временем последнего строительного периода): существовал ли в этот период буддийский комплекс, и если да, то какие сооружения к нему относятся?

Что же касается, собственно, последнего периода, то думается, что эти новые хронологические наблюдения верны и в отношении тех сооружений (главным образом, ступ различных размеров), которые возводились на террасах, и многочисленных скульптур, выполненных из необожженной глины. Некоторые статуи – очень больших (высотой в несколько метров) размеров. Наиболее популярный образ – Будда, присутствуют также изображения боддхисатв, донаторов и т.д. На некоторых террасах скульптура была явно насильственно разрушена. Но и в этих случаях ее фрагменты аккуратно собирались и складировались. Поражает стилистическая близость скульптурных изображений этого времени к более ранним периодом – в частности, со скульптурами, происходящими из раскопок Тепе Мареджан. Но, думается, что обсуждение этого вопроса необходимо отложить до момента публикации тома II.

Особый интерес вызывает самая верхняя терраса. Здесь располагались три прямоугольных и одно круглое помещения. В центре последнего находился алтарь, на котором возжигался огонь – обряд, зафиксированный в буддизме.

Помимо основного раскопа исследования проводились еще в трех местах, но на очень ограниченной площади. Дело в том, что эту территорию занимает мусульманское кладбище. Здесь фиксируется более древняя часть того же самого монастыря. Важнейшая находка, сделанная здесь, – керамический фрагмент с надписью на гандхари. На ее основании Ж. Фуссман выдвинул утверждение о том, что монастырь принадлежал школе махасангхика и может быть датирован II–III вв. н.э. Кушанские монеты (начиная с Хувишки) были встречены и на главном раскопе³.

В заключение можно достаточно уверенно утверждать, что проведенные исследования были осуществлены на высоком профессиональном уровне, их результатом стали новые важные исторические выводы, касающиеся судеб буддизма в Центральноазиатском регионе. Некоторые сомнения вызывает, как отмечалось выше, только “промежуточный” период. Опубликованные данные, бесспорно, привлекут очень большое внимание специалистов по археологии и истории Центрально-Азиатского региона.

Публикация подготовлена в рамках работы по гранту РГНФ № 14-01-00006 “Город Центральной Азии (древность и раннее средневековье)”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кошеленко Г.А. Рец. на кн.: Fussman G. (avec la collaboration d'Eric Ollivier et de Baba Murad). “Monuments bouddhiques de la région de Caboul (Kabul Buddhist Monuments)”. Paris: De Boccard, 2008 // РА. 2010. № 2. С. 174–176.
- Fussman G. Monuments bouddhiques de la région de Caboul (Kabul Buddhist Monuments). II / Avec la collaboration d'Eric Ollivier et de Baba Murad. Paris: De Boccard, 2008 (Publications de l'Institut de Civilisation Indienne; Fasc. 761 et 762). 373 p.
- Paiman Z. La renaissance de l'archéologie afghane: découvertes à Kaboul // Archéologia. 2005. № 419. Р. 24–39.
- Paiman Z. Afghanistan, les Buddhas colorés des V–VI siècles // Archéologia. 2010. № 473. Р. 52–65.

³ М. Альрам исходит из наиболее популярной сегодня датировки первого года Канишки – 127 г. н.э.

Винников А.З. ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ОКРАИНА СЛАВЯНСКОГО МИРА В VIII – НАЧАЛЕ XIII в. (ЖИВОТИННОЕ ГОРОДИЩЕ НА р. ВОРОНЕЖ). Воронеж: Кварта, 2014. 396 с.

Монография известного воронежского ученого Анатолия Захаровича Винникова, в 2015 г. отметившего свой 75-летний юбилей, посвящена изучению результатов многолетних раскопок славянского Животинного городища и осмыслению его места в восточнославянском мире.

Исследования А.З. Винникова продолжают традиции археологических раскопок памятников донских славян П.П. Ефименко и П.Н. Третьякова 20–30-х годов XX в.; А.Н. Москаленко, возглавлявшей экспедицию Воронежского государственного университета, 40–70-х годов XX в. Это позволяет постичь логику исследования памятников конца I тыс. н.э. – начала II тыс. н.э., известных также как памятники роменско-боршевской или боршевской культуры.

Монография состоит из пяти глав и Приложений.

Первая, наиболее обширная, глава посвящена характеристике материальной культуры; основное место отведено жилым постройкам Животинного городища. Вторая освещает вопросы сельского хозяйства и промыслов славянского населения. Третья характеризует торговые связи. Четвертая отведена дискуссионным сюжетам, связанным с вопросами хронологии Животинного городища. В пятой, наиболее краткой главе излагается финальный этап жизни памятника в постславянский период – XII–XIII вв. Несколько Приложений завершают книгу. Они включают обширный иллюстративный материал, позволяющий получить полное представление о материальной культуре населения; а также результаты палеоботанических исследований, выполненных Н.А. Кирыановой и В.А. Горбаненко, и анализ ихтиофауны Е.Ю. Яниш. Завершающее Приложение, авторами которого являются О.Н. и В.В. Енуковы, посвящено вопросам реконструкции славянского жилища; оно удачно дополняет текст первой главы монографии.

Животинное городище исследовалось раскопками со значительными перерывами в 1974, 1977, 1982–1986, 1996–1999, 2001 гг. Публикация монографии произошла спустя длительное время. Вместе с тем ее основные положения уже были известны научной аудитории по отдельным статьям А.З. Винникова (2011; 2012 и др.). В это же время вышли фундаментальные обобщающие работы по славянскому Юго-востоку А.В. Григорьева (2000; 2005), О.Н. Енуковой (2007), В.В. Енукова (2005), В.Н. Ковалевского (2002), позволившие рельефнее показать место Животинного городища в этой системе.

Неоспоримым достоинством издания является реализация идеи публикации археологического источника. Прежде всего, это касается жилищ, исследование которых занимает центральное место как в самой книге, так и на памятнике. Всего же на городище раскопано 2803 м² площади и 49 углубленных в грунт жилых построек славянского времени. При их характеристике А.З. Винников придерживается традиционного термина “полуземлянка”, ставшего дискуссионным в науке в последней четверти XX в. При описании жилища пристальное внимание уделяется его интерьеру: печам, конструктивным особенностям, планировке, расположению входа и т.д. (Анализ жилищ проходил с использованием статистического и сравнительного методов исследования.)

А.З. Винников заключает, что большая часть жилищ – каркасно-столбовые (61%) (с. 116) со средней глубиной

котлованов – 0,6–0,8 м (с. 110), наиболее распространенный тип печей – каменки, сооруженные с помощью глины (66,5%) (с. 112).

Основной вывод автора сводится к тому, что жилища, по своим главным параметрам не выходящие круга восточнославянских построек бассейна Дона, вместе с тем обладают рядом незначительных специфических особенностей в сравнении с жилищами памятников Среднего Дона (с. 120). Это не совсем так. На наш взгляд, вывод А.З. Винникова мог быть более глубоким, если бы им был проведен сравнительный анализ с жилищами Верхнего Дона (Ксизовский археологический комплекс, поселение Замятино 10, Воргольское и Паженьское городища).

Дело в том, что Животинное городище, располагаясь на левом берегу р. Воронеж, географически находится в самых южных пространствах Верхнего Подонья. Однако территориально оно ближе к основному массиву памятников Среднего Дона, чем к основному пространству Верхнего Дона, что и объясняет его большее сходство. Определяя место жилых построек Животинного городища в системе аналогичных объектов памятников Дона, обойти основную территорию Верхнего Дона не представляется возможным.

К настоящему времени опубликован вполне представительный источник о славянских жилищах памятников Верхнего Дона: 14 жилых построек каркасно-столбовой и срубной конструкций, среди которых лишь 2, следуя за мнением А.З. Винникова, можно отнести к полуземляночным жилищам.

Одна группа памятников расположена в окрестностях г. Елец. На Воргольском городище известны шесть жилищ, одно из которых относится к полуземляночному типу (Пряхин, Тропин, 2008а; б). Печи в этих постройках – преимущественно каменки. На Паженьском городище раскопано одно наземное жилище с печью-каменкой (Пряхин и др., 1996. С. 148).

Вторая группа памятников исследована в окрестностях г. Задонск. На поселении Замятино-10 со славянским периодом связаны остатки одной постройки полуземляночной (углубленность в материке – 0,13–0,2 м) срубной конструкции и пяти наземных построек столбовой конструкции. Во всех жилищах представлены развалы печей-каменок (Ивашов, Тропин, 2003. С. 5–7).

На поселении Ксизово 17, находящемся в составе одноименного археологического комплекса, выявлено одно наземное жилище с печью-каменкой (Григорьев, Обломский, 2008. С. 102).

Все сказанное выше демонстрирует значительные различия между жилищами Животинного городища и основной территории Верхнего Подонья, где преобладают не углубленные в материк постройки с печами-каменками, при сооружении которых не использовалась глина как связующий раствор. Этот вывод столь же важен, как и вывод о близости жилищ Животинного городища памятникам Среднего Дона.

Значительное место в монографии занимает описание индивидуальных находок. К сожалению, автор избегает точных сведений об их количестве по материалу, изготовлению и видам. Читателю ясно одно – находок много! Одним из важных выводов, которому следует А.З. Винников, является то, что большинство артефактов связаны с восточнославянской средой

и лишь незначительная их часть – результат заимствований, миграций или торговых контактов. При описании предметов особое внимание уделяется хронологии их бытования.

Характеристике керамики в книге отведено скромное место. Основной комплекс ключевых вопросов, связанный с гончарством, А. З. Винниковым рассмотрен с позиций дискуссий: типология, применение гончарного круга. Вместе с тем некоторые наблюдения автора чрезвычайно важны для понимания этнических и миграционных процессов, проходивших на р. Воронеж. Им констатируется факт наличия волынцевской керамики и ее подражания, мордовской и салтовской посуды. Принципиально важно, что на Животинном городище встречена керамика конца X – первой половины XI в. с оформлением рабочего края венчика в виде манжета. Это единственный до сих пор в Донском бассейне памятник с такой керамикой (Скинкайтис, 2015). И все же складывается впечатление, что детальное изучение славянской керамики Животинного городища – дело будущего.

Весьма удачной можно считать вторую главу книги, посвященную сельскому хозяйству и промыслам. Опираясь на результаты палеоботанических анализов, А. З. Винников обращает внимание на распространение пшеницы, проса, ржи, ячменя, овса, гороха, льна, чечевицы, конопли при отсутствии особых предпочтений в выращивании зерновых культур. Набор зерновых характерен для лесостепной зоны Восточной Европы (с. 177).

А. З. Винниковым рассматривается вопрос о выделении зерновых хранилищ на городище. В этом контексте им выделяются ямы для повседневных нужд, расположенные внутри жилищ, грушевидной в сечении формы. Основная группа зернохранилищ находится рядом с жилищами. Эти ямы имеют квадратную или прямоугольную в плане форму, деревянную облицовку и глиняную подмазку. Основанием для их соотнесения с зернохранилищами служат как находки зерен в трех ямах подпрямоугольной формы, так и аналогичные сооружения с зерном, выявленные на других памятниках донских славян.

Анализ объемного остеологического материала, выполненный О. П. Журавлевым, демонстрирует преобладание костей диких животных (64%) над домашними (36%). Среди домашних животных преобладают особи крупного рогатого скота, свиньи, лошади; среди диких – косули, лося, бобра и др. Анализ ихтиофауны среди основных объектов лова выявил окуня, щуку, судака, сазана и т. д. В целом же, как отмечает А. З. Винников, материалы Животинного городища подтвердили высокий уровень развития земледелия, животноводства, важную роль охоты (с. 222, 223). На наш взгляд, во второй главе автору в полной мере удалось создать картину антропогенного фактора в палеоэкологической системе раннего средневековья на р. Воронеж.

В третьей главе, где речь идет о торговых связях, А. З. Винников, анализируя предметы импорта, приходит к убедительному выводу об активной торговле славян Животинного городища с населением салтово-маяцкой культуры и их участии в транзитной сухопутной торговле по пути из Булгара в Киев. В монографии много места уделено дискуссионному сюжету о локализации Вантита по данным археологии среди городищ донских славян. А. З. Винников отдает предпочтение самому южному из донских славянских памятников на Среднем Дону – Титчихинскому городищу.

Не детализируя свое суждение о том, какой из памятников можно связать с Вантитом, убежден, что правы все исследователи. Сухопутный путь Булгар–Киев мог менять траекторию в зависимости от стабильности ситуации и безопасности. До 60-х годов X в. Вантитом могло быть Титчихинское

городище, на котором, кроме импорта керамики и монетных находок, была встречена кость верблюда, а характер укреплений позволял в пристроенных клетях размещать купцов с их товарами (А. Н. Москаленко, А. З. Винников). Как известно, среднедонская группировка славян прекращает бытование во второй половине X в. одновременно с салтово-маяцкой культурой Хазарского каганата, возможно, из-за печенежской опасности или походов Святослава. Часть славян мигрирует на р. Воронеж.

В дальнейшем трасса торгового пути перемещалась севернее и проходила по р. Воронеж, где располагались городища Кузнецовское, I и II Белогорские и др. Некоторые городища, находящиеся на р. Воронеж, связывались разными исследователями с Вантитом: Михайловский кордон (Б. А. Рыбаковым), Животинное (А. Х. Халиковым, А. П. Моцей), вся система городищ по р. Воронеж (А. Д. Пряхиным). С прекращением жизни на славянском Животинном городище к середине XI в. сухопутный путь переместился севернее – на водораздел Дона и Воронежа.

В четвертой главе А. З. Винниковым обосновываются хронологические рамки и этапы заселения славянского Животинного городища. Не вызывает сомнений, что первоначальное заселение славянами городища произошло во второй половине VIII в. Второй этап связывается с серединой – второй половиной IX в. Третий – с рубежом X–XI вв. Основным регионом, откуда, по мнению А. З. Винникова, происходило заселение, служил Днепровский регион с культурой Луки Райковецкой (с. 207, 208). Картину миграций следует дополнить фактом переселения во второй половине X в. славян со Среднего Дона, принесших на Животинное городище характерный орнамент на керамике в виде веревочного штампа.

В заключительной пятой главе монографии излагается краткая характеристика древнерусского материала, происходящего с городища. Нельзя согласиться с предлагаемой датировкой поселка. По мнению автора, его следует датировать рубежом XI–XII – началом XIII в. Однако ни керамический материал, ни предметы не указывают на середину XII в. Обнаруженные два кресала овальной формы появляются не ранее начала XIII в. Нижняя граница бытования решетчатого перстня – не древнее середины XII в. Керамика типологически более соответствует концу XII – первой половине XIII в. На наш взгляд, древнерусский поселок, возникший на старом славянском городище, был кратковременным, основное время его бытования относится к первой половине XIII в.

Интерпретация А. З. Винниковым древнерусского поселка Животинного городища как сторожевого форпоста нам представляется завышенной. Раскопки укреплений на нем не обнаружили признаков древнерусской фортификации. Несмотря на значительную исследованную площадь и обнаружение четырех наземных жилищ, на памятнике не встречены предметы вооружения дружинного сословия. Находки двух сулиц, рыболовного крючка, грузил указывают на промысловый характер кратковременного селища.

Завершая книгу, А. З. Винников пишет: “выводы и интерпретации материалов раскопок Животинного городища... нам не представляются единственными и незыблемыми. Новые полевые исследования, ... иные подходы к уже имеющейся коллекции могут дать несколько иные представления по многим проблемам и вопросам” (с. 224).

Мы разделяем мнение автора и уверены в том, что к этой, без сомнения, этапной работе в изучении донских славян, в дальнейшем обратятся новые исследователи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Винников А.З. Костяные амулеты со славянского Животинного городища VIII – начала XI века // Вестн. ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2011. № 1. С. 87–94.
- Винников А.З. Юго-восточная окраина славянского мира в эпоху образования Древнерусского государства (Лесостепное Подонье в VIII – первой половине XI вв.) // Вестн. ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2012. № 2. С. 14–20.
- Григорьев А.В. Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным. Тула: Гриф и К°, 2000 (Тр. ТАЭ; Вып. 2). 263 с.
- Григорьев А.В. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н.э. Тула: ГМЗ “Куликово поле”, 2005. 207 с.
- Григорьев А.В., Обломский А.М. Материалы боршевской культуры поселения Ксизово 17 // Древности эпохи средневековья Евразийской лесостепи / Отв. ред. А.З. Винников. Воронеж: ВГУ, 2008. С. 100–109.
- Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей. Курск: Учитель, 2005. 352 с.
- Енукова О.Н. Домостроительство населения междуречья Сейма и Псла в IX–XIII вв. Курск: КГУ, 2007. 220 с.
- Ивашов М.В., Тропин Н.А. Древнерусское селище X – первой половины XIII вв. у д. Замятино на р. Дон // Куликово поле: Исторический ландшафт. Природа. Археология. История: сб. ст.: в 2 т. Т. 2: Археология. История. Этнография. Искусствоведение. Тула: ГМЗ “Куликово поле”, 2003. С. 5–30.
- Ковалевский В.Н. Славянские жилища VIII – первой половины XI вв. в Днепро-Донском лесостепном междуречье: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж: ВГУ, 2002. 22 с.
- Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д., Цыбин М.В. Елец и его округа – уникальная историческая территория России // Археологические памятники лесостепного Придонья: сб. науч. тр. Липецк: ЛГПИ, 1996. С. 138–156.
- Пряхин А.Д., Тропин Н.А. Исследования славянского горизонта на многослойном Воргольском городище в 2007 г. // Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья и кочевники южно-русских степей в эпоху раннего средневековья: матер. науч. конф. Воронеж: Истоки, 2008а. С. 98–100.
- Пряхин А.Д., Тропин Н.А. Многослойное Воргольское городище (по данным раскопок 2007 г.) // Вестн. ЕГУ. Серия: История. Археология. Вып. 22. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2008б. С. 32–64.
- Скинкайтис В.В. Раннекруговая посуда на территории Воронежского Подонья (по материалам Животинного городища) // X Всерос. археолог. конф. студентов и аспирантов “Проблемы археологии Восточной Европы”: матер. конф. Ростов-на/Д.: ЮФУ, 2015. С. 149–153.

Елецкий государственный университет
им. И.А. Бунина

Н.А. Тропин

АСЯ ВИКТОРОВНА ЭНГОВАТОВА (штрихи к биографии)

20 февраля 2016 года мы отметили юбилей Аси Викторовны Энговатовой, с которым рады ее поздравить.

Ася Викторовна Энговатова родилась 20 февраля 1966 г. в интеллигентной московской семье (ее мать – известный в городе архитектор-реставратор). В 1973–1983 гг. училась в средней экспериментальной общеобразовательной школе № 91 Академии педагогических наук РСФСР (г. Москва). Обучение в специализированной школе с математическим уклоном впоследствии ей не только пригодилось, но трансформировалось в способность с математической точностью просчитывать свои действия и принимать ответственные решения. Уже в школьные годы Ася увлекалась археологией, занималась в кружке под руководством И.К. Цветковой (ГИМ) и впервые побывала с ней в экспедиции на раскопках стоянки Маслово Болото 2 (1981 г.) и легендарной Волосовской стоянки (1983 г.). Оттуда она вынесла незабываемые впечатления, окончательно определившие ее судьбу. Уже И.К. Цветкова отмечала необыкновенную трудоспособность и высокую дисциплинированность начинающего археолога: спать Ася ежедневно ложилась точно в 21.00, чтобы выспаться и хорошо работать на раскопе – и это в то время, когда в лагере начиналось самое веселье. Кстати, и шутки над проявлениями столь редкой в юном возрасте педантичности под напором Асиной пунктуальности и исполнительности быстро угасли. Под влиянием Ирины Константиновны определился и ранний интерес А.В. Энговатовой к изучению памятников каменного века.

В 1983 г., после окончания школы, Ася Викторовна поступила на исторический факультет Государственного педагогического института им. В.И. Ленина, откуда в 1984 г. перешла на вечернее отделение исторического факультета МГУ им. Ломоносова, где успешно и закончила в 1988 г. кафедру археологии. Уже во время обучения в МГУ она одновременно (с 1983 г.) работала лаборантом в Институте археологии АН СССР, проводя полевые сезоны под руководством Д.А. Крайнова, В.В. Сидорова, М.Г. Жилина. Ей посчастливилось участвовать в раскопках таких первоклассных торфяниковых стоянок, как Ивановское IV (Ярославская обл.), Сахтыш II (Ивановская обл.), Воймежное (Московская обл.) и др. В 1987 г. она провела первые самостоятельные работы в Ржевском районе Калининской области (Открытый лист по форме № 4) и в том же году была принята лаборантом в отдел камеральной обработки ИА РАН СССР. С 1988 г. А.В. Энговатова – начальник отряда в составе Подмосковной экспедиции.

Неолитическую тематику, которой увлеклась в студенческие годы, Ася Викторовна рассчитывала сделать темой кандидатской диссертации. Однако судьба распорядилась иначе: она стала аспиранткой кафедры археологии МГУ, где ей предложили материал трипольской культуры. Массив каменной индустрии Триполья свалился на нее неожиданно, но опыт, накопленный в неолитических экспедициях, помог и здесь – аспирантка с честью выдержала испытание. В 1995 г., точно в положенный срок, А.В. Энговатова блестяще защитила кандидатскую диссертацию на тему “Кремневая индустрия трипольской культуры (по материалам памятников Днестро-Днепровского междуречья)” под руководством Н.В. Рындиной.

Уже в этой работе проявились не только способности Аси Викторовны как прекрасного аналитика, но и стремление к нетрадиционным решениям проблем, тяга к естественно-научным дисциплинам. Так, из факта стандартной малочисленности металлических изделий в переходный период от позднего неолита к эпохе палеометалла ей удалось сделать важный вывод и убедительно доказать на примере “выбывания” из арсеналов целого ряда типов кремневых орудий существование их “заменителей” из нового материала. Другим подарком в этот период ее жизни стали две дочери – Анастасия (род. 1992 г.) и Серафима (род. 1994 г.).

В 1991 г. А.В. Энговатова стала начальником Подмосковной экспедиции ИА РАН и в 1990-х годах проводила разведки и охранные раскопки на территории Московской и соседних областей, исследуя памятники каменного века и средневековья. Активно и уверенно используя естественно-научные методы, привлекая специалистов по геоморфологии, дендрохронологии, палинологии и другим дисциплинам, она делает научные результаты исследований все более полноценным, насыщенным новой информацией источником. Уже в 1990-х годах, при раскопках стоянки Воймежное 1, в полной мере проявились дипломатические и организационные способности молодого специалиста. Ей удалось не только

сформировать профессиональный полевой отряд и осуществить раскопки существенно поврежденного грабителями памятника, проведя работы в условиях торфяных пожаров, но и привлечь широкий спектр специалистов-естественников, что обеспечило комплексность исследования. Она стала инициатором и вдохновителем публикации этого, одного из важнейших, памятников неолита–бронзового века лесной зоны, и в этой работе отразился современный стиль работы Подмосковной экспедиции.

Первый крупный хозяйственный проект, которым руководила А.В. Энговатова, – раскопки городища Настасьино под Коломной (которому грозило неизбежное разрушение при прокладке Федеральной автомагистрали М-5 “Москва–Ростов-на-Дону”) в 1999–2001 гг. Здесь ярко высветился организаторский талант Аси Викторовны, впервые проявилось ее умение работать на больших объектах с коллективом в сто и более человек, организовать быт, чрезвычайно качественно и красиво проводить полевые исследования.

Ася Викторовна не только интересный и желанный собеседник, умеющий слушать других и чутко реагировать, тактичный и умелый переговорщик, способный убедить строителей и девелоперов внимательно относиться к сохранению археологических памятников при проектировании тех или иных современных объектов. Она вообще обладает редким даром убеждать, даже если решение связано с известным риском. Вспоминается такой случай. При раскопках городища Настасьино родилась идея сделать его аэрофотоснимок, и А.В. не только легко заразила ею окружающих, но быстро нашла исполнителя – Валерия Ольховского, привлеченного к проекту в качестве заместителя начальника экспедиции и штатного экспедиционного фотографа, к слову сказать, склонного к неожиданным, экстремальным решениям. Более того: ей потребовалась убедить пилота лично привязать Валерия ремнями к стойке шасси вертолета. В результате были сделаны прекрасные виды памятника с высоты птичьего полета, ставшие изюминкой полевой документации и до сих пор заслуженно украшающие ряд кабинетов Института археологии – ведь это подлинный шедевр не только фотоискусства, но и поистине творческого подхода к ведению раскопок.

Зная не один год Асю Викторовну, встречаясь с ней на разных, в том числе и зарубежных конференциях, участвуя в совместных экспедициях и поездках, мы не устаем поражаться широте ее мышления, способности строить и проводить комплексные исследования. Признанный в сообществе “каменщиков” специалист по неолиту, плодотворно использующий самые современные методы изучения, она в середине 1990-х годов резко расширила специализацию и уверенно занялась средневековой археологией, одновременно работая в обоих исторических периодах и глубоко проникая в их проблематику.

Ася Викторовна Энговатова – прирожденный лидер, исключительно ответственный и целеустремленный. Уже скупое перечисление фактов ее биографии показывает, как в самых разных условиях проявляется талант организатора, человека, умеющего сплотить коллектив и довести дело до логического завершения. Интерес, который она испытывает к самому процессу научного исследования, глубок и неподделен. А.В. свойствен настоящий исследовательский азарт – достаточно увидеть, как она обсуждает результаты качественной научной работы, причем не обязательно сугубо археологической, а и в области химии, физики или биологии. Не мудрено, что именно в последние годы, когда инструментальные возможности археологии и смежных дисциплин заметно расширились,

Ася Викторовна, всегда вовлекавшая в свою орбиту максимальное количество экспертов, возглавила самые сложные междисциплинарные проекты.

А.В. Энговатова руководит не только работами, связанными с охранной археологией, но и крупными исследовательскими проектами в области фундаментальных исследований. Под ее руководством было осуществлено исследование, направленное на реконструкцию пищевых рационов жителей средневековых европейских городов, в первую очередь древнерусских и российских. На основании данных одного из наиболее активно развивающихся в современной археологии естественно-научных подходов, анализа данных об изотопном составе коллагена костной ткани людей и животных, были реконструированы пищевые рационы средневековых жителей Ярославля, Москвы, Дмитрова, Коломны, Можайска и ряда сельских групп. Впервые показана высокая доля белковой пищи у представителей высоких социальных страт общества, что хорошо соотносится со сведениями о питании городского населения других восточноевропейских стран. С помощью изотопных методов удалось также выяснить, какая доля населения может считаться местными жителями, а какая – недавно приехавшими в город. Оказалось, что большая часть населения, включая детей и женщин Ярославля, были уроженцами жителями города или его близкой округи, и лишь отдельные индивиды могут быть идентифицированы как мигранты с отдаленных территорий.

Ася Викторовна постоянно активно развивает методический арсенал исследований и, благодаря этому подходу, работы спасательной археологии: оперативно и заинтересованно реагирует на возможности новых методик, глубоко и с интересом вникает в тонкости поисковых работ, взвешивает сильные и слабые стороны новых инструментов, оценивает их эффективность, например, при определении границ, площадей и плотности застройки поселений. Она горячий сторонник разработки методических приемов, проблемы которых оперативно выносит на обсуждение руководимого ею Отдела, на семинары и конференции. Практика показывает, что такой подход дает результаты.

Стиль административной работы Аси Викторовны отличается высокой ответственностью, она самоотверженно отстаивает интересы как Отдела сохранения археологического наследия, так и Института в целом. Ее приверженность любимой науке зачастую становится тем “цементом”, который позволяет объединиться коллективу для выполнения очень непростых и, как правило, достаточно оригинальных исследований. Так было, например, при изучении обстоятельств разрушения семейной усыпальницы-склепа Ермоловых в Орле, к которому были привлечены археологи, антропологи и судебные медики, что позволило воссоздать картину проникновения злоумышленников в погребения, а также получить дополнительные сведения о жизни трех поколений графов, фамилия которых вписана в историю России.

Тема идентификации личности по скелетным останкам оказалась крайне актуальной и при изучении (2014 г.) кладбища Московской Духовной Академии – части некрополя Троице-Сергиевой Лавры, своего рода пантеона выдающихся исторических личностей. Это поздняя часть, конца XIX – начала XX века, казалось бы, письменные и картографические источники должны были полностью сохранить информацию о местах погребений этого статусного некрополя. Однако А.В. Энговатова блестяще доказала: документальная информация не полна и не полностью достоверна, подлинную картину развития кладбища, отличающуюся от сложившихся

представлений, дают только комплексные работы, сводящие воедино документальные источники, материалы раскопок, результаты криминалистического и антропологического анализа. Этот поистине неожиданный и совершенно образцовый, убедительный пример комплексного междисциплинарного исследования демонстрирует неточность данных традиционных источников и (вряд ли стоит стесняться этих слов) могущество археологии, с помощью которой удалось определить давно забытые места захоронений известных профессоров и студентов Академии.

Спасение культурного наследия часто требует экстренных решений и действий, для чего очень важно иметь профессиональный коллектив единомышленников. Сотрудники отдела, возглавляемого А.В. Энговатовой, участники ее экспедиций, воспитаны в традиции требовательного отношения к строгому соблюдению методики. Они постоянно опровергают расхожие, часто негативные представления о качестве работ в охранной археологии.

Очень важную работу проводит Ася Викторовна и по установлению международных контактов, организации обмена деловым и научным опытом, выстраивания взаимодействия с представителями соответствующих направлений за рубежом. Ее уникальный опыт организации спасательных археологических изысканий позволяет анализировать мировые тенденции к изменению соотношения “классической научной” и “спасательной” археологии, их взаимопроникновение.

Отдельную и очень важную страницу как в организационной, так и в научной деятельности А.В. Энговатовой занимают работы на территории средневекового Ярославля. Именно трудами ее экспедиции в российскую науку был введен подлинный домонгольский Ярославль, установлена его хронология, топография и конструкции первых крепостей, доказана гибель города зимой 1238 г. при взятии войском Бату-Хана. Раскопками были обнаружены уникальные “санитарные” захоронения, явившиеся результатом трагических событий зимнего (февраль) штурма города и последовавшего только летом 1238 г. погребения частей тел (последнее удалось установить исключительно биологическими анализами). Четкость полевой фиксации, кропотливый сбор находок, составление обширных коллекций массового материала и проб для анализов (фрагменты деревянных конструкций, археозоологические, палеоантропологические и прочие материалы) с привлечением к ним в дальнейшем всего спектра методов естественных наук, позволили нарисовать подробную картину трагической гибели города и жителей, уничтоженных от мала до велика.

Из этих исследований родилась книга, для определения жанра которой трудно сразу подобрать название. Это авторская монография Аси Викторовны – но это и коллективный труд многих ученых (в библиографическом описании А.В. Энговатова справедливо значится автором-составителем). Это серьезнейшее исследование, представляющее нам новый, практически не известный раньше древний город, но и популярная книга для чтения, которую можно даже использовать как “книжку с картинками”. Речь идет об издании “Археология древнего Ярославля. Загадки и открытия” (М., 2012). Можно сказать, что А.В. создала новый, очень перспективный жанр фундаментального археологического труда, позволяющий при сохранении всей глубины проблематики представить ее как специалистам, так и широкому кругу археологов, а также историкам и непрофессиональным читателям, включая студентов и школьников. Можно вспомнить лишь отдаленный (более чем полувек давности) аналог – книги серии “По следам

древних культур”, которые были далеко не столь фундаментальны и носили популярно-просветительский характер.

Недавно в нашей стране произошли важные изменения в законодательстве: верхняя граница возраста памятников археологии и в соответствии с этим деятельности профессиональных археологов сдвинулась к 100-летнему рубежу. Казалось бы, XIX век, а тем более начало XX, предельно полно (чтобы не сказать – избыточно) освещены письменными источниками. Но, как уже говорилось выше, опыт работ, организованных Асей Викторовной для изучения самых поздних и “неблагодарных” материалов, убедительно показал, что, во-первых, не стоит всецело полагаться на достоверность письменных источников, а во-вторых – что поздних и неинтересных для археолога эпох не бывает. Именно поздние материалы становятся полем разработки, проверки, совершенствования, первого применения на практике новых методик. Так, при раскопках семейной усыпальницы Ермоловых в 2012–2013 гг. была использована фотограмметрия внутренней поверхности усыпальницы с последующим созданием трехмерной цифровой модели, проведено лазерное сканирование черепов погребенных, выполнены радиологические и изотопные исследования.

Когда в 2004 г. на заседании Ученого совета ИА РАН был поставлен вопрос об избрании нового заведующего Отделом охранных раскопок, директор Института Н.А. Макаров предложил на это место Асю Викторовну, дав ей очень обстоятельную характеристику. В Актовом зале тогда присутствовал известный исследователь первобытности и палеогеограф, профессор Университета Ньюкасла (Великобритания) Павел Маркович Долуханов. Сидя на последнем ряду, он громким шепотом, так, что донеслось далеко вперед, пророчески изрек: “Вот у Аси дело пойдет, толк будет...”. Так и случилось. А.В. Энговатова подобрала в Отдел правильных людей и сформировала отличную команду. В активе научной деятельности Отдела 15 монографий и более 160 статей, изданных в России и за рубежом. По ее инициативе и при ее непосредственном участии начиная с 2004 г. проводится ежегодный семинар “Археология Подмосковья”. Он стал одной из самых значимых площадок обсуждения актуальных археологических проблем всей средней полосы европейской части России. Под редакцией А.В. Энговатовой (и, разумеется, с ее статьями) вышло уже 12 полноценных томов, в которых публикуются труды семинара. Эти сборники – фундаментальный источник оперативной информации по современным методам изучения и сохранения археологического наследия и Москвы, и Московской области, и, без преувеличения, всей нашей огромной страны (в силу методического универсализма современной деятельности по сохранению археологического наследия).

К настоящему времени в активе А.В. Энговатовой около 200 научных работ, посвященных проблемам неолита, раннего железного века, средневековья, разработке теории и методики охранных исследований. Энциклопедический охват научной проблематики впечатляет не менее, чем результатов исследований юбилея, которые всегда отличаются аргументированностью, взвешенностью и (не пройдем мимо наукометрии) высоким коэффициентом научного цитирования.

А.В. Энговатова столь эффективно управляла развитием “новостроечных” работ, что никто не удивился ее назначению в 2010 г. заместителем директора ИА РАН (при оставлении в должности заведующей Отделом сохранения археологического наследия). Можно только в изумлении развести руками, видя, как она справляется с таким грузом обязанностей и ответственности! Ее секрет – в самостоятельности, внутренней

дисциплине и готовности к самосовершенствованию, в четком планировании деятельности, в умении работать с коллективом и продуманном распределении поручений. И еще одно: неготовность мириться с поражением, стремление непременно, каких бы усилий это ни стоило, добиться победы на важнейших направлениях, решить ключевые вопросы современной археологии.

Исключительно важная сфера деятельности Аси Викторовны – работа над законодательством в сфере сохранения археологического наследия. Мало сказать, что она принимает в нем самое деятельное участие: А.В. является одним из несомненных лидеров и застрельщиков этого процесса в Научно-методическом совете по культурному наследию при Министерстве культуры РФ и Методическом совете при Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия, в других законодательных и общественных организациях. Благодаря ее весомому вкладу в обсуждение и разработку законодательных инициатив мы имеем сейчас одно из лучших законодательств в области сохранения археологического наследия на территории стран СНГ.

Список благодарностей и почетных наград, вполне заслуженных А.В. Энгатовой, уже довольно длинен. За участие в разработке “Методики экономической оценки объектов культурного наследия” ей была объявлена благодарность Министерством культуры РФ; 24.07.2013 г. А.В. Энгатовой, совместно с директором ИА РАН Н.А. Макаровым, вынесена благодарность МК РФ за важнейшую помощь в подготовке № 245-ФЗ от 23.07.2013 г. “О внесении изменений в отдельные законодательные акты в части пресечения незаконной деятельности в сфере археологии”, а 09.09.2013 г. отдан Приказ “Об объявлении благодарности Министра культуры Российской Федерации” за активное участие в разработке этих поправок; 10.09.2013 г. последовал Приказ “О награждении благодарностью Управления культуры и архивного дела Орловской области” за высокий профессионализм, проявленный при проведении археологических работ в фамильной усыпальнице Ермоловых в Троицкой церкви г. Орла. 23.04.2014 г. Ася Викторовна награждена Почетным знаком ИИМК РАН “За большой вклад в развитие российской археологии и в связи с 95-летием основания Института истории материальной культуры”.

Сегодня А.В. Энгатовая – один из лидеров российской археологии, в известной мере консолидирующий тот ее сегмент, который связан с сохранением археологического наследия. Рукроводить людьми – непростая задача. Ася Викторовна своей внимательностью и чуткостью дает возможность коллективу чувствовать себя единой командой. Душевность и понимание проблем сотрудников удачно сочетаются в ней со строгостью, а профессионализм исследователя – со стратегическим восприятием стоящих перед всей наукой задач и той обстановки, в которой их придется решать.

Свой юбилей Ася Викторовна Энгатовая встречает в расцвете своих творческих сил. Ее глубокое проникновение во взаимосвязи общественно-политической ситуации в России с финансированием проектов охранной археологии открывает новое направление в той области нашей науки, которая обращена к актуальной ситуации, к сегодняшнему дню, к потребностям пропаганды археологического наследия России, осознания общекультурного, исторического и экономического веса этого наследия в жизни страны и международного сообщества.

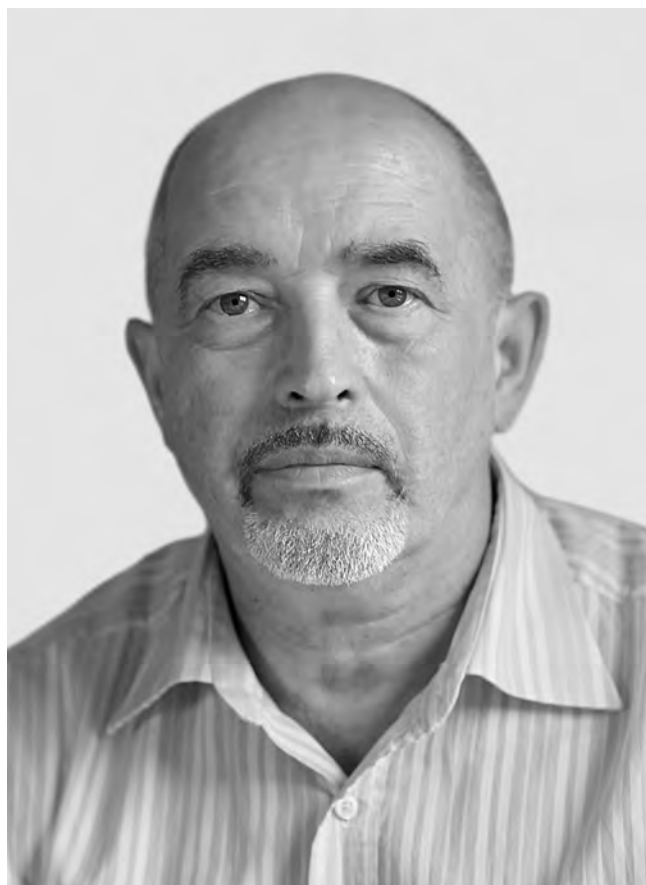
Ася Викторовна – очень надежный человек. Несмотря на свою высокую требовательность, она очень добра и отзывчива, всегда готова прийти на помощь, в том числе самым молодым сотрудникам или аспирантам.

Мы уверены, А.В. Энгатовая – счастлива в жизни. Она сумела преодолеть все трудности, стоявшие на ее пути, состояться как ученый и как организатор археологических исследований. При всей плотной научной и административной деятельности успела вырастить, прекрасно воспитав, Анастасию и Серафиму – двух “молодых леди”, которыми она, без сомнения, имеет право гордиться. Обладая огромным творческим, научным и административным потенциалом, Ася Викторовна остается чрезвычайно живым и ярким, очень многими любимым человеком.

Поздравляя Асю Викторовну, мы желаем ей крепкого здоровья, неиссякаемой энергии, удачи, успехов, творческих побед, новых полевых открытий, научных достижений и процветания на жизненном пути не только в этом юбилейном году, но и во все за ним последующие.

Институт археологии РАН, журнал “Российская археология”, коллеги и друзья

К 70-ЛЕТИЮ ГЕННАДИЯ ЕВГЕНЬЕВИЧА АФАНАСЬЕВА

4 октября 2016 года отмечает свой семидесятилетний юбилей доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела теории и методики Института археологии РАН Геннадий Евгеньевич Афанасьев.

Геннадий Евгеньевич родился во Владивостоке в семье офицера морской авиации Евгения Григорьевича Афанасьева и Валентины Николаевны Афанасьевой. С ранних лет Геннадия Евгеньевича семья часто меняла место жительства: из Владивостока Афанасьевы переехали в Крым, а затем в Кисловодск, родной город Валентины Николаевны, где прошли школьные годы Геннадия Евгеньевича. С юности у него проявился интерес к археологическим древностям, чему способствовало пребывание в Крыму и на Кавказе – в местах, буквально переполненных следами былых культур и цивилизаций. Начиная со старшего школьного возраста Геннадий Евгеньевич активно участвует в работе Кисловодской археологической секции, созданной в 1957 г., и под руководством старших товарищей-краеведов Н.Н. Михайлова и А.П. Рунича, а также известного ученого-кавказоведа Н.М. Егорова получает первые уроки по изучению памятников археологии края. Интерес к науке подогревается встречами и знакомствами с самыми разными людьми, приезжавшими отдыхать в знаменитую кавказскую здравницу – антропологом В.В. Бобиним, нумизматом И.Д. Малюженко, искусствоведом Г.А. Пугаченковой и, в особенности, с археологом-востоковедом М.Е. Массоном,

под руководством которого прошли студенческие годы Геннадия Евгеньевича в стенах Ташкентского университета (1964–1969). Учеба в ТашГУ и археологическая практика в составе Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции и Кешской археолого-топографической экспедиции стали настоящей школой для Г.Е. Афанасьева, получившего обширные знания в области востоковедения, весьма пригодившиеся ему впоследствии при изучении средневековых древностей Северного Кавказа и Восточной Европы.

После окончания университета Геннадий Евгеньевич возвращается в родной Кисловодск и устраивается на работу в Пятигорский краеведческий музей в должности научного сотрудника. Здесь он трудится до 1975 г., с перерывом на двухлетнюю армейскую службу, которую Г.Е. Афанасьев проходит на советско-китайской границе в качестве офицера войсковой разведки. Работу в старейшем музее Северного Кавказа удавалось сочетать с полевыми изысканиями и учебой в заочной аспирантуре Северо-Осетинского Научно-исследовательского института истории, филологии и экономики, где под руководством известного археолога-кавказоведа Владимира Александровича Кузнецова была подготовлена к защите кандидатская диссертация Г.Е. Афанасьева. Эта работа была посвящена проблемам хронологии раннесредневековых памятников Северного Кавказа, прежде всего катакомбного могильника Мокрая Балка, раскопки которого вел соискатель самостоятельно и совместно с А.П. Руничем. Диссертация была защищена в 1977 г. в стенах Института археологии АН СССР в Москве, куда в 1975 г. переехал наш юбиляр.

Кандидатское диссертационное исследование было впоследствии серьезно переработано в совместную с А.П. Руничем монографию “Мокрая Балка. Дневник раскопок” (М.: Научный мир, 2001). Однако уже в своем первоначальном виде оно содержало принципиально новый подход к изучению археологических древностей, базирующийся на статистических методах анализа материала. Развитие данного подхода отражено в последующих работах Геннадия Евгеньевича, написанных в ходе исследования лесостепного “аланского” варианта салтово-маяцкой культуры. Эта многолетняя работа, проводимая в славяно-русском отделе ИА АН СССР, базировалась на широкомасштабных полевых исследованиях, которые вел ее автор с 1977 по 1985 г. в составе Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции АН СССР и в качестве начальника Оскольской экспедиции ИА АН СССР. Накопление новой информации и использование современных теоретических и методических подходов позволили Г.Е. Афанасьеву совершенно по-новому взглянуть на систему расселения алано-ассо-буртасского населения в бассейне Среднего Дона в VIII–IX вв. Проведенная им работа носила по-настоящему пионерский характер, поскольку ее автор впервые в отечественной археологии использовал многомерный статистический анализ (кластерный и факторный), процедуры анализа ресурсных зон (*Site Catchment Analysis*), компьютерное дешифрирование аэрофотосъемки, статистические методы демографических расчетов размера популяций. Исследование было обобщено в виде докторской диссертации, защищенной в ИА АН СССР в 1991 г., и опубликовано в двух монографиях (“Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–IX вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры)”. М.: Наука, 1987; “Донские аланы (социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона)”. М.: Наука, 1993).

Разностороннюю научную деятельность Геннадия Евгеньевичу приходилось сочетать с организационной работой. В 1983 г. он становится заведующим Отделом охранных раскопок и трудится на этом посту вплоть до 1994 г. Это был поистине драматический период в истории охранной археологии СССР и впоследствии Российской Федерации, когда происходил резкий взлет количества новостроечных проектов и экспедиций, сменившийся после распада СССР колоссальным падением. Г.Е. Афанасьев не был простым наблюдателем этого процесса: благодаря организационным способностям юбиляра удалось построить по-настоящему отлаженную юридически обоснованную систему производства хоздоговорных археологических работ, которая позволила отойти от спорадических исследований в зоне крупного строительства и наладить постоянное взаимодействие со строительными организациями на самых ранних стадиях проектирования объектов народного хозяйства. После экономического коллапса, когда объем финансирования полевых исследований резко сократился, отдел под руководством Геннадия Евгеньевича сосредоточился на систематизации и анализе накопленных в предыдущие годы археологических материалов. Повсеместное внедрение компьютерных технологий позволило создать крупные банки данных по археологическим памятникам и разработать методику обработки этой информации компьютерными методами. Результаты этих работ нашли отражение в ряде сборников и конференций (Базы данных в археологии. М.: ИА РАН, 1995; Компьютеры в археологии. М.: ИА РАН, 1996).

Организационная деятельность Г.Е. Афанасьева продолжилась на посту заместителя директора Института археологии РАН, который наш юбиляр занимал с 1992 по 2010 г. В тяжелое время безденежья ему удалось наладить международное сотрудничество ИА РАН с Венским университетом, Музеем национальных древностей в Сен-Жермен-ан-Ле, Британским музеем, организовать ряд экспедиционных проектов и публикаций монографических изданий. Однако не угасала и научная активность Геннадия Евгеньевича. Со свойственным ему стремлением к освоению новых методик и технологий, Г.Е. Афанасьев возглавил проект по созданию первой в России археолого-географической информационной системы "Кисловодск", объединившей информацию о более чем 900

археологических памятниках этого уникального микрорегиона. Под его руководством коллективом географов и климатологов создается единственный в своем роде компьютерный модуль палеоклиматического микромоделирования, внедряются новые методы ландшафтной археологии. Результаты этих исследований нашли отражение в ряде публикаций, прежде всего в совместной с С.Н. Савенко и Д.С. Коробовым монографии "Древности Кисловодской котловины" (М.: Научный мир, 2004).

Следует подчеркнуть особый стиль Геннадия Евгеньевича, свойственный его научному руководству аспирантами и соискателями. В нем чуткость и внимание сочетаются с доверием и уважением к взглядам и позициям молодых ученых. Всем нам, ученикам Г.Е. Афанасьева, запомнились его деликатная манера донесения порой весьма сложных современных теоретических подходов и наша творческая свобода в написании диссертации, которая никогда не нарушалась научным руководителем.

Научный поиск на острие современных методов археологического исследования, которым отличаются работы Геннадия Евгеньевича, продолжается им по сей день в отделе теории и методики Института археологии РАН. Разрабатываемые Г.Е. Афанасьевым направления закладывают перспективы работ в области хазароведения и алановедения на многие годы вперед. Он возглавляет ряд интереснейших мультидисциплинарных проектов, посвященных изучению системы крепостей Хазарского каганата, особенностей хозяйствования его населения, антропологическим и генетическим аспектам в изучении донских алан. Весьма перспективные и многообещающие результаты получены в ходе глубокого секвенирования палео-ДНК средневековых носителей катакомбного обряда погребения на Северном Кавказе и Среднем Дону, организованного Г.Е. Афанасьевым в лабораториях изучения генома человека в Копенгагене, Йене и Шанхае, что, так же как и многие другие его научные достижения, произведено впервые в отечественной археологии. Нам отраднее видеть, что свой юбилей Геннадий Евгеньевич встречает полным сил и творческих планов. Мы сердечно желаем юбиляру крепкого здоровья и осуществления им всего задуманного, всегда с нетерпением ожидаем результатов его новых исследований.

Институт археологии РАН, Москва

З. Х.-М. Албегова, Д.С. Коробов, И.К. Решетова, П.С. Успенский

К ЮБИЛЕЮ ВЕРЫ БОРИСОВНЫ КОВАЛЕВСКОЙ

5 июля 2016 г. исполнилось 85 лет со дня рождения Веры Борисовны Ковалевской – ученого-кавказоведа с мировым именем, работающего на протяжении 60 лет в Институте археологии РАН.

Вера Борисовна родилась в Ленинграде в замечательной семье искусствоведов. Ее отец, Борис Владимирович Шевяков (1908–1936) и мать, Татьяна Сергеевна Щербатова-Шевякова (1905–2000), познакомились в недолго просуществовавшем Институте истории искусств (бывшем Зубовском), где они занимались у профессора копировальной “иконописной” мастерской Лидии Александровны Дурново. Советская власть не пощадила потомков знаменитого княжеского рода Щербатовых: многие родственники матери были расстреляны еще в первые послереволюционные годы. Борис Владимирович, исследователь древнерусской новгородской школы архитектуры и живописи, был арестован в 1933 г. по делу “Новгородского общества любителей древности” и окончил свои дни в Соловецком лагере, о посещении которого у маленькой Веры остались яркие детские воспоминания. Татьяна Сергеевна сама чудом избежала ареста, уехав в 1936 г. в Грузию, где она занималась копированием фресок в грузинских храмах, сделав до момента своего переезда в Москву в 1987 г. более 600 м² масштабных

копий-факсимиле, хранящихся сегодня в запасниках крупнейших музеев России, Грузии и Армении.

Окончив тбилисскую школу, Вера Борисовна приехала в Москву, чтобы поступить на факультет геологии МГУ. Однако, несмотря на золотую медаль, ее как дочь “врага народа” отказывались принимать в Московский университет и только личное вмешательство президента АН СССР академика Сергея Ивановича Вавилова помогло Вере Борисовне с поступлением на геологический факультет, откуда она через год смогла перевестись на истфак, где училась на кафедре археологии и в 1956 г. защитила диплом у академика Б. А. Рыбакова. После были годы аспирантуры в Институте археологии АН СССР, где под научным руководством А. П. Смирнова была написана кандидатская диссертация, посвященная изучению стеклянных, каменных и металлических украшений IV–IX вв. Северного Кавказа и Крыма (1962 г.). Уже в годы обучения в аспирантуре у Веры Борисовны выходит ряд крупных научных работ, в том числе обобщающая статья по древностям северокавказских алан в знаменитом томе “Очерки истории СССР. III–IX вв.” (М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958). Уже тогда аланская проблематика становится основным научным интересом нашего юбиляра. Другой стороной ее многогранного творчества является использование статистико-комбинаторных и естественно-научных методов в археологических исследованиях. В. Б. Ковалевская стоит у истоков применения этих новых подходов в отечественной археологии.

Начиная с середины 1950-х годов вплоть до 1992 г. Вера Борисовна ведет активную полевую работу, сначала участвуя в экспедициях Института археологии АН СССР на Тамани (под руководством Б. А. Рыбакова) и Северном Кавказе (под руководством Е. И. Крупнова), а с 1968 г. ведет самостоятельные раскопки и разведки в Кисловодской котловине и Северной Осетии, где, подобно своим знаменитым предшественницам Прасковье Сергеевне Уваровой (урожденной Щербатовой – своей двоюродной бабушке) и Евгении Георгиевне Пчелиной, осуществляет конные разведочные маршруты по горным кавказским долинам. Нам приходилось встречать в окрестностях Кисловодска карачаевских пастухов старшего возраста, у которых остался в памяти неизгладимый след от встречи с археологом-женщиной, прекрасной наездницей. Это увлечение лошадьми Вера Борисовна пронесла через всю свою жизнь, что ярко отразилось и в ее научном творчестве (Конь и всадник, пути и судьбы. М.: Наука, 1977; Конь и всадник. История одомашнивания лошадей в евразийских степях, на Кавказе и Ближнем Востоке. Изд. 2-е. М.: УРСС, 2010), и в интересных фактах биографии, например, в участии в конной массовке в съемках фильма “Гусарская баллада” (Мосфильм, 1962 г.).

Однако основным направлением приложения многогранного таланта Веры Борисовны оставалась археология и, прежде всего, кавказоведение. Своими раскопками и разведками, разработкой типологии, анализом хронологии и ареалов украшений и массового материала она заложила целую школу в изучении северокавказских древностей широкого временного диапазона, от позднего бронзового века до развитого средневековья. Именно этой теме посвящены многочисленные труды В. Б. Ковалевской, среди которых 10 монографий и более 200 статей.

Надо отметить, что в Советском Союзе “вещеведческий” подход к изучению древностей эпохи поздней античности – раннего средневековья стал формироваться лишь в 50–60-е годы, и Вера Борисовна Ковалевская являлась одним из пионеров этого направления. Именно ею впервые для Северного Кавказа по материалам аланского могильника Чми в Северной Осетии была предложена периодизация раннесредневековых украшений, позволившая надежно выделить материал V–VII вв. Позднее эта периодизация была распространена на весь регион (Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 83–97; Археологическая культура – практика, теория, компьютер. М.: ИА РАН, 1995; Кавказ – скифы, сарматы, аланы. I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.: ИА РАН, 2005).

Также как ее знаменитая родственница, Прасковья Сергеевна Уварова, которая одна из первых стала публиковать северокавказские находки в издании “Материалы по археологии Кавказа”, Вера Борисовна собирает и исследует различные категории предметов. При изучении пряжек и поясного набора северокавказского населения впервые эти вещи были рассмотрены ею на широком евразийском фоне (Поясные наборы Евразии VI–IX вв. Пряжки. М.: Наука, 1979; Анализ признаков раннесредневековых пряжек для хронологического и историко-культурного сравнения (по материалам Кавказа) // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара: Артефакт, 1993. С. 107–132). В целом же надо подчеркнуть, что именно работы В.Б. Ковалевской позволили определить общую эволюцию во времени северокавказского женского костюма, а также четко выделить основные категории предметов, относящиеся к эпохе Великого переселения народов.

Нельзя не сказать, что, пожалуй, особой любовью у Веры Борисовны пользуются бусы, которые уже давно привлекали и привлекают ее пристальное внимание. Еще в 1959 г. В.Б. Ковалевская предложила классификацию бус Северного Кавказа IV–V вв., а затем в 1961 г. продолжила эту работу на более широком материале Юго-Восточной Европы VI–IX вв.: Восточного и Центрального Предкавказья, Черноморского побережья Кавказа, Крыма и бассейна Северского Донца. Эти две работы становятся знаковыми в отечественной историографии, посвященной исследованию бус. Они, как и последующие монографии (Хронология восточноевропейских древностей V–IX вв. Вып. 1: Каменные бусы Крыма и Кавказа. М.: ИА РАН, 1998; Хронология восточно-европейских древностей V–IX веков. Вып. 2: Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии.

Стекланные бусы и поясные наборы. М.: ИА РАН, 2000), пользуются большой популярностью и всегда цитируются другими исследователями, что в общем-то и понятно, поскольку в них учтен огромный материал и предложены новые методы статистической обработки. На базе этих данных Вера Борисовна предложила пути решения таких важнейших исторических вопросов, как направления экономических и культурных связей древних народов Северного Кавказа, место региона в системе европейской торговли, возникновение и формирование местного стеклоделия.

Как уже говорилось выше, Вера Борисовна с самого начала своего научного творчества уделяет большое внимание междисциплинарным исследованиям, применению разнообразного спектра научных методов при изучении археологических древностей. Здесь и статистические методы анализа массового археологического материала, и химико-технологический анализ стекла и металла, теоретические подходы в изучении археологических культур, и компьютерные программы по географическому картографированию. Являясь, благодаря своей яркой личности и открытости, своеобразным центром притяжения для представителей самых разных дисциплин, с которыми юбиляр сохраняет тесные дружеские связи, Вера Борисовна на сегодняшний день находится на самом острие научной мысли, в курсе всех последних научных открытий, знание о которых позволяет ей внедрять в археологическую практику новые методы и подходы.

Эти чрезвычайно важные качества характера Веры Борисовны Ковалевской делают ее поистине незаменимым сотрудником отдела теории и методики Института археологии РАН, где она трудится уже более тридцати лет, с момента основания данного подразделения. В этом отделе В.Б. Ковалевской была блестяще защищена докторская диссертация “Центральное Предкавказье в древности и раннем средневековье: кавказский субстрат и передвижения ираноязычных племен” (1988 г.), здесь из-под ее пера вышли почти все основные научные труды. Активное участие Веры Борисовны в заседаниях отдела, ее научное руководство аспирантами и соискателями, знакомство других коллег с ее широким взглядом на археологическую науку, глубокой эрудицией и энциклопедическими знаниями делает научную жизнь нашего института богатой и интересной, а само наше прикосновение к яркой личности юбиляра – очень важной стороной этой научной жизни. Мы желаем Вере Борисовне Ковалевской в день ее юбилея крепкого здоровья и долгих лет активного творчества, столь важного для всех нас.

Институт археологии РАН, Москва

З. Х.-М. Албегова, Д.С. Коробов, А.В. Мاستыкова

90-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ КОНСТАНТИНА ИВАНОВИЧА КОМАРОВА

В ноябре 2016 г. отмечает свой 90-летний юбилей старейший сотрудник Института археологии РАН, кандидат исторических наук Константин Иванович Комаров.

Жизненный путь Константина Ивановича сложен, а его путь в науке нетрадиционен. В археологию К. И. Комаров пришел в том возрасте, когда многие коллеги-сверстники уже защитили кандидатские диссертации и успешно писали докторские. Однако это некоторое отставание было блестяще компенсировано величайшей энергией, настоящим интересом к древностям, стремлением реализовать себя в науке.

К. И. Комаров родился 20 ноября 1926 г. в крестьянской семье в с. Кипчаково Кораблинского р-на Рязанской обл. В 14 лет он вместе с родителями переехал в Амурскую обл. В ноябре 1943 г. Константин Комаров, будучи еще учеником 10 класса, был призван в Красную Армию. В армии К. И. Комаров прошел обучение в школе снайперов, затем в школе младших командиров. Однако на фронт он попал лишь в августе 1945 г. и принимал участие в войне с Японией на полях Манчжурии, освобождал Харбин.

После войны К. И. Комаров служил в разных войсковых частях Дальневосточного военного округа, в том числе и в военно-топографическом отряде. Он тогда и не подозревал, что геодезические навыки съемки местности ему так пригодятся в будущей профессии. В 1947 г. К. И. Комарову было присвоено офицерское звание. Однако в марте 1955 г. его армейская карьера внезапно закончилась. В ходе сокращения личного состава Советской Армии К. И. Комаров был демобилизован, не имея фактически никакой гражданской специальности. Были разные варианты устройства дальнейшей жизни. Но главной еще с юности оставалась мечта о высшем образовании, и последовал переезд в Москву. Для начала нужно

было продолжить прерванную войной учебу и окончить среднюю школу, а трудовую деятельность пришлось начинать грузчиком в Военкнижторге Министерства обороны СССР.

Случайное стечение обстоятельств привело Константина Ивановича в феврале 1958 г. в Институт истории материальной культуры АН СССР (ныне Институт археологии РАН), он был зачислен на должность заведующего вещевым складом. Так нетрадиционно состоялось первое знакомство с археологией и археологами. В 1961 г. он принимает решение стать археологом и поступает на вечернее отделение исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. В 1966 г. под научным руководством академика Б. А. Рыбакова Константин Иванович успешно защищает диплом на кафедре археологии. Дальнейший путь профессионального археолога начинался, как и у многих выпускников, со скромной должности лаборанта.

По-настоящему научной деятельностью К. И. Комаров смог заняться только с 1969 г., возглавив Славянский отряд Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР (РАН), которой на протяжении почти 30 лет руководил известный археолог, доктор исторических наук Д. А. Крайнов. Дружба с Дмитрием Александровичем, работа в его экспедиции много дали для становления К. И. Комарова как археолога. В ходе полевых работ юбиляр проявил себя неутомимым и талантливым разведчиком. Им было обследовано несколько сотен памятников археологии в Верхневолжском регионе, значительная часть которых была им выявлена впервые. Вот тогда-то и пригодились практические навыки военного топографа.

Много сил и времени он потратил на архивные изыскания, на установление точного местонахождения и описание современного состояния ранее известных курганных могильников и селищ, причем некоторые из них считались уже полностью разрушенными (см. Курганы ростовской округи по раскопкам П. С. Савельева // Археология: история и перспективы. Четвертая межрегион. конф. Ярославль; Рыбинск, 2010).

Проведенные под руководством К. И. Комарова раскопки курганных могильников существенно пополнили фонд материальных источников по археологии Древней Руси, значительно расширили знания о процессе расселения древнерусского населения в Верхнем Поволжье, позволили наметить динамику этого процесса, уточнили датировку. Результаты этих исследований неоднократно публиковались, а монографическая публикация материалов раскопок одного памятника (Раскопки курганного могильника у д. Плешково Тверской области // Археологические статьи и материалы: сб. участников Великой Отечественной войны. М., 2002) стала эталонной для курганных древностей Северо-Восточной Руси.

Большая часть научной жизни К. И. Комарова была связана с отделом археологических сводов и карт Института археологии РАН. Именно здесь раскрылись основные особенности таланта Константина Ивановича как разведчика археологических памятников. Работая по проекту «Свода памятников истории и культуры», а с 1990 г. — по «Археологической карте России», К. И. Комаров провел широкомасштабные разведочные работы в Верхнем Поволжье. Им были обследованы многие сотни археологических объектов, проведена паспортизация памятников. Итогом этой многолетней работы стали книги серии «Археологическая карта России» (АКР), написанные К. И. Комаровым. В 1994 г. вышел том, посвященный памятникам археологии Ивановской обл., в 1999 г. — Костромской, в 2005 г. — Ярославской. Константин Иванович был одним из авторов-составителей частей 3 и 4 АКР по Тверской обл. (2010; 2012).

В 1999 г. К. И. Комаров успешно защитил кандидатскую диссертацию. По сути Константином Ивановичем была создана энциклопедия археологического наследия Верхневолжского региона.

Полевая деятельность Константина Ивановича продолжается и поныне. Он работает в Волго-Окской экспедиции, по-прежнему участвует в археологических разведках в Ярославской обл., что в его годы представляется уникальным явлением. Результаты этих исследований частично опубликованы (см. Комаров К. И. К истории населения Плещеева озера в X–XIII вв. // Сообщ. Ростовского музея. Вып. VIII. Ярославль, 1995; Кашкин А. В., Комаров К. И. Некоторые итоги мониторинга памятников археологии Ярославской области // Археология: история и перспективы. Пятая межрегион. конф. Ярославль, 2012).

Исторические события Древней Руси всегда привлекали особое внимание К. И. Комарова (см. К вопросу о месте битвы 1238 г. на Сити // Проблемы советской археологии. М., 1978). В последние годы увидели свет его обобщающие статьи об этом трагическом периоде (Нашествие Батыя на Северо-Восточную Русь (1237–1238 гг.) // Археология Верхнего Поволжья

(к 80-летию К. И. Комарова). М., 2006; Разгром Владимир-Суздальского, Рязанского и Муромского княжеств татаро-монголами зимой 1238–1238 годов // Вопросы истории. 2012. № 10).

Подводя некоторые итоги своей жизни и многолетней археологической деятельности, Константин Иванович недавно опубликовал книгу воспоминаний, проявив себя и как блистательный рассказчик (Жизня. Рассказы о минувших годах. М., 2014). В книгу наряду с воспоминаниями о жизни, о войне вошли яркие эпизоды истории нашего института, воспоминания о коллегах.

Счастливая судьба связала нас с К. И. Комаровым на долгие годы совместной деятельности в отделе археологических сводов и карт и в Волго-Окской экспедиции. И это не только интересная любимая работа, но и практически ежедневное общение с этим прекрасным человеком.

Хотелось бы пожелать от имени нашей Волго-Окской экспедиции и всего Института археологии дорогому юбиляру долгих лет жизни, новых творческих успехов, новых статей и книг, а нам всем – такого же творческого долголетия, такой же жизненной силы и искреннего оптимизма, каким обладает наш дорогой Константин Иванович.

А. В. Кашкин, А. Е. Леонтьев, Н. Г. Самойлович

Институт археологии РАН, Москва

ВЛАДИСЛАВ ПЕТРОВИЧ ДАРКЕВИЧ

20 мая 2016 г. скончался Владислав Петрович Даркевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН, академик Российской академии естественных наук (по отделению гуманитарных наук). Уход из жизни этого крупного ученого, пользовавшегося в кругах научной

общественности высоким заслуженным авторитетом, – большая потеря и для института, в котором он проработал всю жизнь, и для отдела средневековой археологии (при жизни исследователя известного как отдел славяно-русской археологии).

В. П. Даркевич родился 1 сентября 1934 г. в Витебске (Белоруссия) в интеллигентной семье. Он рано лишился отца, попавшего в число жертв необоснованных репрессий сталинского режима. Несколько лет Владислав Петрович, в то время ученик начальных классов, провел в тяжелых условиях оккупации; был непосредственным свидетелем боевых действий, завершившихся освобождением его родного города, и сопряженных с ними лишений и испытаний.

В 1953 г. Владислав Петрович поступил на исторический факультет МГУ. В 1954 г. он впервые участвовал в работах археологической экспедиции в Тмутаракани, проводившихся под руководством Б. А. Рыбакова. Яркая, артистичная личность Бориса Александровича, его талант ученого и увлеченность избранными темами своих научных изысканий сразу же произвели неизгладимое впечатление на будущего крупного исследователя. Б. А. Рыбаков стал научным руководителем В. П. Даркевича, первые статьи которого “Символы небесных светил в орнаменте Древней Руси” (1960) и “Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве” (1961) были отмечены несомненным влиянием учителя. В них чувствуется романтический подход к языческой проблематике, автор склонен искать ключ к ее пониманию в сфере эстетики. Рассматриваемые работы Владислава Петровича, по сравнению с его позднейшими публикациями, могут показаться ученическими, однако для своего времени они были новым словом в науке, важной ступенью в развитии возрождавшегося направления исследований.

В 1958 г. В. П. Даркевич окончил исторический факультет МГУ по кафедре археологии и был принят на работу

в Институт археологии Академии наук СССР (ныне – РАН), в котором проработал до последних дней своей жизни.

В 1964 г. Владислав Петрович блестяще защитил кандидатскую диссертацию на тему “Культурные связи Древней Руси с Западной Европой в X–XIV вв.”. В 1966 г. работа была опубликована в качестве монографии в основанной Б. А. Рыбаковым серии “Археология СССР. Свод археологических источников”.

Чтобы понять ее место в отечественной историографии в контексте обстоятельств той эпохи, необходимо сделать небольшой исторический экскурс. В первые годы советской власти господствовало нигилистическое отношение как к средневековой культуре в целом, так и к древнерусскому наследию в частности. Сохранение древнерусского культурного наследия и любовного отношения к нему было первоначально делом небольших маргинальных групп интеллектуалов. Позднее советское руководство осуществило резкий поворот в сторону поддержки патриотизма и, в частности, реабилитации древнерусской культуры. Он способствовал начавшейся еще в предвоенные годы подготовке программного памятника исторической мысли – двух томов “Истории культуры Древней Руси”. Но и это открывавшее новые горизонты издание было, в соответствии с указаниями высоких инстанций, отмечено установкой на самодостаточность русской культуры, изоляционизм и автохтонизм. “Теория заимствований”, культурных влияний, а вместе с тем и сама возможность широкого всемирно-исторического подхода к изучению прошлого находились под запретом как проявления “классово чуждой”, враждебной идеологии.

Для того чтобы поставить и решить задачи кандидатской диссертации, выполненной Владиславом Петровичем, нужны были незаурядная смелость, необходимая для пересмотра сложившихся стереотипов, и энергия, обусловленная осознанием открывшихся новых возможностей и перспектив. Смелость была проявлена в данном случае и научным руководителем, оказавшим молодому исследователю деятельную поддержку. Однако для подготовки подобной работы на должном научном уровне требовалась не только смелость, но и овладение весьма значительным массивом материала, основательное знакомство с обширной научной литературой, публикациями, большинством из которых были написаны на иностранных языках. Обращаясь к первой книге В. П. Даркевича, можно только удивляться, как приехавший из провинциального городка, имеющий за спиной тяжелое полуголодное детство молодой ученый смог справиться с подобной задачей. А он с ней справился великолепно, что сразу же выдвинуло его в ряды специалистов высшей квалификации, отмеченных исключительными чутком и эрудицией. Нельзя сказать, что Владислав Петрович не имел предшественников в области изучения подобных материалов. Однако их исследования были посвящены отдельным частным сюжетам рассматриваемой темы, тогда как в его работе было охвачено все, что только можно было охватить в те годы.

Диссертация В. П. Даркевича представляет собой свод, перечень импортных произведений художественного ремесла. Имеющиеся в исследовании исторические обобщения касаются главным образом локализации центров изготовления изделий, попадавших на Русь; прослеживаются маршруты торговых путей, по которым они туда поступали. Вопросы о том, как эти художественные произведения могли восприниматься на Руси; служили ли они образцами для подражаний и заимствований; насколько они подвергались трансформациям и каким; наконец, какие предпочтения по отношению к подобным вещам могли иметь, в соответствии с собственными вкусами, древнерусские потребители – в основном оставлены за рамками исследования. Однако эти, в культурно-историческом плане коренные вопросы, с самого начала привлекали

внимание Владислава Петровича, о чем свидетельствуют его статьи “Подвиги Геракла в декорации Дмитриевского собора во Владимире” (1962) и “О некоторых византийских мотивах в древнерусской скульптуре” (1968), в которых, в частности, рассматриваются такие специальные темы, как возможность использования произведений мелкой пластики для создания монументального декора фасадов зданий; трансформации композиций и отдельных мотивов в случаях, когда мастерам приходилось вписывать их в обрамления иных очертаний. Позднее В. П. Даркевич обратился к подобным мотивам применительно к привозным изделиям, поступавшим на Русь из мусульманских стран.

Интересы Владислава Петровича, однако, не ограничивались проблематикой бытования в средневековой Руси импортных произведений художественного ремесла. Ознакомившись по ходу работы над сводом с многочисленными памятниками средневекового искусства и исключительно богатой научной литературой, он обратился к содержательной стороне средневекового искусства. И это направление исследований плохо укладывалось в рамки тех установок, которыми привыкли руководствоваться советские ученые. Ведь главное внутреннее содержание средневекового искусства было религиозным, затем шли мотивы придворного, феодально-рыцарского характера. Вот этим, недавно еще запретным сюжетам, посвящена замечательная книга В. П. Даркевича “Пути средневековых мастеров” (1972), чрезвычайно информативная и богатая оригинальными мыслями автора. Читатель найдет здесь изложение богословских построений Фомы Аквинского и других выдающихся теологов о многоступенчатых иносказательных смыслах священных текстов, реалий окружающего мира, а также художественных образов средневекового искусства. Здесь же характеризуется и тонкий куртуазный мир рыцарских романов, таких произведений, как “Роман о Тристане и Изольде” или “Роман о Розе”. Найденная в Новгороде костяная накладка с изображением конных рыцарей в доспехах, вооруженных цветущими ветвями, оказывается деталью популярной композиции “Штурм замка Любви”. Наряду с работами А. Я. Гуревича эта книга Владислава Петровича представляет внутренний мир и повседневную жизнь человека Средневековья в новом, ранее неведомом советскому читателю свете. Г. К. Вагнер отметил выход популярной книги В. П. Даркевича восторженной рецензией “Живая книга о средневековом творчестве”.

Историко-географическая ситуация, в которой оказалась средневековая Русь, не позволяет ограничить проблематику взаимодействия отечественной художественной культуры с традициями других стран сравнительным анализом материалов Восточной и Западной Европы. Владислав Петрович принял смелое и ответственное решение, обратившись к еще более широкому кругу материалов. Выявление наиболее важного источника культурных и художественных влияний на средневековую Русь не вызывает разногласий – им была, несомненно, Византия. Соответственно, очередная крупная монография В. П. Даркевича была опубликована под названием “Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X–XIII вв.” (1975). В отличие от первой книги данную работу уже нельзя назвать сводом. И по структуре, и по содержанию она относится к исследованиям, носящим в первую очередь проблемный аналитический характер. Отчасти такой подход обусловлен тем, что в 1966 г. был опубликован великолепно изданный свод А. В. Банк “Византийское искусство в собраниях Советского Союза”. Очередная крупная работа на данную тему должна была содержать принципиально новые взгляды. В качестве ключевого материала автор использовал шесть роскошных пиршественных серебряных чаш XII в., декор которых включал

сложные композиции, множество отдельных мотивов (на одной из чаш их более 150), развитую орнаментику. Автор связывал декор чаш с церемониями и торжественными приемами императорского двора, а также с средневековым греческим эпосом – поэмой “Дигенис Акрит”.

В соответствии с предложенным автором направлением поиска смыслового содержания, скрытого в декоре чаш, В.П. Даркевич изложил свой концептуальный подход в главе “Триумфальный императорский цикл. К истории светского искусства Византии”. Завершил книгу раздел, включивший каталог произведений византийского прикладного искусства, найденных в Восточной Европе. В разделе рассматриваются также пути проникновения на Русь подобных изделий.

Триумфальный императорский цикл – тема, уже привлекавшая внимание видных искусствоведов-византистов. Достаточно вспомнить известное исследование А. Грабара “Император в византийском искусстве” (1936). Отметим, что применительно к византийским материалам императорскую тему трудно отнести к чисто светским. Именно в Византии власть монарха приобретала подчеркнuto сакрализованные черты. Достаточно напомнить о многочисленных изображениях императоров в нимбах, императоров, венчаемых на царство самим Христом. Впоследствии московские государи пытались подражать своим византийским предшественникам. Однако уровень сакрализации их власти и в письменной традиции, и в изобразительном искусстве так и не достиг высот, на которые она была поднята в византийской традиции.

Почему же Владислав Петрович настаивал на термине “светский” и счел необходимым поместить его в название книги, несмотря на то, что в ее каталожную часть включено значительное число памятников, несущих на себе христианские изображения? Очевидно, это была попытка обойти сохранявшиеся цензурные ограничения, представить исследуемую проблематику совместимой с установками господствующей идеологии. Подобные уловки достаточно широко использовались в те времена. Они помогали публиковать книги и защищать диссертации. Упрекать за них ученых тех лет было бы и неуместно, и несправедливо.

Непосредственно вслед за “Светским искусством Византии” в 1976 г. выходит еще одна крупная монография В.П. Даркевича “Художественный металл Востока VIII–XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья”. Сам автор считал эту монографию некоторым шагом назад в плане широты постановки проблематики. Действительно, по структуре она ближе к его первой книге, своду произведений западноевропейского ремесла. Но если написать книгу о произведениях византийского художественного ремесла для автора, основательно знакомого и с западноевропейскими, и с древнерусскими материалами было сравнительно несложной задачей, то обращение к материалам восточного происхождения требовало глубокого погружения в совсем иной круг источников, знакомства с весьма обильной специальной литературой. И в этом случае В.П. Даркевичу удалось справиться с задачей, которая оказалась не по плечу многим исследователям.

В свode рассматриваются произведения домусульманского сасанидского Ирана. Наряду с искусством ислама в его поле зрения попадают изделия восточных христиан, в частности, армян. В книге собраны не только находки, обнаруженные в Восточной Европе, но и найденные в Зауралье, Западной Сибири. Дело в том, что изделия восточной (а отчасти и византийской) торевтики уходили на далекий Северо-Восток теми же путями, что и на Русь, и также шли в обмен на дорогие меха. Попадая таким образом в медвежьи углы, они превращались

в сокровища и зарывались в землю. Поэтому в этих местах находят больше выдающихся памятников торевтики, чем их сохранилось в местах производства. На Северо-Востоке они могли использоваться как ритуальные сосуды в шаманских святилищах, и нередко дополнительно украшались туземными изображениями. Такому вторичному использованию привозных сосудов посвящена статья В.Ю. Лещенко “Использование восточного серебра на Урале”, которую В.П. Даркевич счел необходимым включить в книгу в качестве Приложения.

В итоге по совокупности трех монографий Владислав Петрович становится признанным крупнейшим специалистом по изучению импорта произведений художественного ремесла, поступавшего в Восточную Европу в средние века. В 1976 г. им была защищена докторская диссертация на тему “Связи Восточной Европы со странами Азии и Византией в IX–XIII вв. (по материалам художественного ремесла)”.

Тему первой книги В.П. Даркевича, связанной с изучением памятников западноевропейского прикладного искусства, вероятно, следует назвать его первой любовью. Действительно, интерес к ней не оставлял его до последних дней, постепенно углубляясь; исследователь ставил перед собой новые, все более сложные задачи. Так родились две книги, объединенные общим заголовком “Народная культура Средневековья”: “Светская праздничная жизнь в искусстве IX–XVI вв.” (1988) и “Пародия в литературе и искусстве IX–XVI вв.” (1992). Это целая энциклопедия малоизвестных сторон средневековой жизни, подготовленная на изобразительных материалах, сопровождающихся развернутыми комментариями. Владислав Петрович не первым обратился к подобным сюжетам: можно вспомнить книгу Ж. Шанфлера “История карикатуры в средние века” (1871); особое значение для В.П. Даркевича имела известная книга М.М. Бахтина “Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса” (1966).

Как уже говорилось выше, Владислав Петрович, в силу ряда обстоятельств, мог порой не вполне точно пользоваться термином “светский”. То же можно сказать и об употребляемом им понятии “народная культура”. Слишком многое из того, что вошло в число публикуемых им иллюстраций, никак не подходит под это определение. Маргиналии на полях дорогостоящих готических рукописей создавались в замкнутой среде переписчиков книг и были доступны весьма ограниченному числу допускавшихся в книжные собрания грамотеев. Трудно назвать народными развлечения, бытовавшие в придворной и рыцарской среде. Фрагмент картины Босха, попавший на обложку очередного переиздания “Народной культуры”, представляет собой образец не просто элитарного, а эзотерического творчества, т.е. предельно далекого от “народности”. Думаю, что определение “народный” и в случае с В.П. Даркевичем, и в случае с М.М. Бахтиным, – своеобразная попытка, может быть даже бессознательная, протащить в печать “сомнительные” сюжеты и образы, ссылаясь на их мнимо-народное, фольклорное происхождение. В любом случае, эти книги Владислава Петровича – неисчерпаемый клад информации по весьма специфическим вопросам, подборка изображений, которая может понадобиться многим специалистам, отыскивающим аналогии редким мотивам. Не говорю о том, что она включает занимательную информацию, представляющую интерес не только для специалистов. Монографическое исследование подобных материалов такого охвата и масштаба не публиковалось на западных языках.

Крупные работы В.П. Даркевича, о которых говорилось выше, не были связаны напрямую с его полевой деятельностью – неизбежной составляющей научной биографии археологов. Между тем, начатая в экспедициях Б.А. Рыбакова в Тамани, Чернигове, Любече, Витчеве, Старых Безрадицах

и Заречье, она играла немалую роль в его жизни и научном росте. Владислав Петрович принял на себя трудные обязанности заместителя начальника экспедиции (нечто среднее между прорабом и завхозом). Наряду с романтикой научного поиска ему приходилось сталкиваться с тяжелыми малопривлекательными сторонами полевой деятельности.

В 1966 г. В.П. Даркевич впервые приехал для участия в работах Старорязанской экспедиции, которой в то время руководил известный археолог-славист, обладавший исключительным кругозором и эрудицией, — Александр Львович Монгайт. Великолепный памятник древнерусской археологии, красиво расположенный на высоком берегу Оки, сразу покорило сердце нового участника исследований. Находка в том же году замечательного клада ювелирных изделий закрепила первые впечатления Владислава Петровича. Клад, из которого происходит знаменитый пластинчатый браслет с изображениями пиршественных мотивов, плясуньи и гуслира, как нельзя лучше соответствовал вкусам и интересам В.П. Даркевича.

Работы, возобновленные в Старой Рязани в 1966 г., были отмечены не только кладами. После полевых исследований А.Л. Монгайта 1945–1950 гг. и выхода в свет его монографии “Старая Рязань” (1955) казалось, что основные задачи изучения памятника в основном решены и дальнейшие раскопки едва ли дадут значительные результаты. На раннем этапе своих исследований А.Л. Монгайт достаточно равномерно разбросал по площади гигантского памятника раскопы, площадь которых, как правило, не превышала 100 м². С 1966 г. начинается вскрытие более крупных сплошных участков (до нескольких тысяч метров). В результате впервые были получены конкретные сведения о реально существовавших усадьбах (в раскопы предшествующего периода они просто не помещались). Единичные небогатые погребения, встречавшиеся на городище и ранее, оказались составляющими крупного могильника XI в., занимавшего большую часть территории будущего стольного города в то время, когда сюда еще не были распространены городские укрепления и застройка. Опубликованная в сборнике “Археология Рязанской земли” (1974) большая статья В.П. Даркевича “Раскопки на Южном городище Старой Рязани (1966–1969 гг.)” произвела в свое время сильное впечатление обилием новых значимых материалов и новыми интерпретациями. В те же годы Владислав Петрович совместно с А.Л. Монгайтом подготовил к публикации комплексы старорязанских кладов 1966, 1967 и 1970 гг.

В 1970 г. В.П. Даркевич сменил А.Л. Монгайта на посту начальника экспедиции, работы которой продолжались еще 10 лет. В это время были предприняты первые попытки изучения рядовых сельских поселений в ближайшей округе стольного города. Итогом многолетних работ В.П. Даркевича стала опубликованная им совместно с Г.В. Борисевичем в 1995 г. монография “Древняя столица Рязанской земли”, представившая не только материалы, связанные с раскопанными усадьбами, но и многочисленные реконструкции как отдельных построек, так и целых усадебных комплексов, подготовленные Г.В. Борисевичем. Почти одновременно с ней, в 1993 г., была опубликована научно-популярная книга Владислава Петровича “Путешествие в древнюю Рязань: записки археолога”. В.П. Даркевич писал научно-популярные книги и статьи легко и интересно; “Путешествие в древнюю Рязань...” свидетельствует об увлеченности автора замечательным памятником археологии, его древностями и драматической историей.

Влюбленность в памятник не могла пройти у Владислава Петровича сразу после завершения очередного цикла исследований. Он регулярно по весне приезжал на городище в надежде на обнаружение случайных находок. В 1992 г. ему показалось, что оползень может уничтожить перспективный участок,

часть богатой усадьбы. Владислав Петрович недаром считался везучим полевым исследователем — инстинкт археолога не обманул его. В результате небольших охранных раскопок был найден еще один клад ювелирных изделий. В настоящее время на Старой Рязани найдено уже 17 кладов. Но клад 1992 г. в этом ряду должен быть отмечен особо. Большинство старорязанских кладов включают серебряные изделия; кладов золотых изделий пока только два — самый первый, 1822 г., и 1992 г. Не удивительно, что эта находка была воспринята как праздник и археологами-славистами, и музейными работниками. Сразу возникла возможность заговорить о необходимости возобновления работ на городище. Это произошло в 1994 г. уже под руководством А.В. Чернецова, причем новому начальнику очень пригодилась помощь Владислава Петровича, выступившего в роли руководителя проекта, поддержанного РФФИ.

Участие в экспедициях Б.А. Рыбакова и старорязанская эпопея, завершившаяся публикацией крупной монографии, — важнейшая часть полевых работ В.П. Даркевича, но далеко не вся. Ему приходилось работать на раскопках в Новгороде с А.В. Арциховским, на Волыни — с Ю.В. Кухаренко, в Брянской области — с В.К. Пудовиным, в Карачаево-Черкесии — с В.А. Кузнецовым, на Вологодчине — с А.В. Никитиным. В 1968–1970 гг. В.П. Даркевич принимал участие в разведках Е.Н. Черных в Зауралье, Краснодарском крае, Ставрополье и Закавказье, где они занимались поисками древних рудников. Конечно, в эти поездки Владислава Петровича тянули в первую очередь не научные интересы, а свойственная ему страсть к путешествиям. Ради нее он был готов переносить всевозможные трудности. Та же страсть приводила его в руководимую М.А. Дэвлет Саяно-Тувинскую экспедицию (1978, 1979) и на архипелаг Шпицберген, где проводила работы археологическая экспедиция под руководством В.Ф. Старкова (1987).

Поколение ученых, к которому принадлежал В.П. Даркевич, первоначально не было избаловано зарубежными поездками. Когда же открылась возможность увидеть далекие страны, их природу, памятники и музейные собрания, Владислав Петрович начал пользоваться ею со свойственной ему увлеченностью. Начиная с 1965 г. он посетил Югославию, Турцию (трижды), Францию, Болгарию, Чехословакию, Египет, Италию, Германию (многократно), Грецию, Кипр, Израиль, Испанию, Тунис, Индию, Бельгию, Нидерланды и Люксембург. В последний раз он выехал в 2006 г. в Марокко. Во всех этих поездках он жадно знакомился с местными достопримечательностями, запечатлевал увиденное на тысячах фотографий и слайдов. При этом никак нельзя сказать, что он предпочитал зарубежные впечатления тем, которые можно было получить на родине. Бывший Советский Союз он изъездил с не меньшим энтузиазмом, много путешествовал по Прибалтике, Закавказью и Средней Азии. Судя по оставленному фотоархиву, зодчество старинных русских городов очаровывало В.П. Даркевича не меньше, чем романские и готические соборы. В его последней книге “Цивилизация Древней Руси XI–XVII вв.” (2011) отразилось восторженное восприятие мира отечественной старины. Эта огромная, роскошно иллюстрированная книга включает и историко-философские размышления крупного исследователя, и описания художественных достоинств отдельных памятников и архитектурных ансамблей.

Владислав Петрович был чрезвычайно требовательным к себе исследователем. Его оценки чужих научных трудов могли быть подчас суровыми и звучали резко. С ним можно было не соглашаться, но не считаться с его мнением было нельзя. Его суждения были искренними и основывались на исключительном объеме знаний материала и научной литературы. Владиславу Петровичу был присущ полемический задор, который не оставлял его и в последние годы жизни. В своей программной

статье “Происхождение и развитие городов древней Руси (X–XIII вв.)” (1994) он выступил с резкой критикой сложившихся стереотипов советской исторической науки. Его опубликованная в 1996 г. разгромная рецензия на весьма спорную монографию И. П. Русановой и Б. А. Тимошука “Языческие святилища древних славян” (1993) – образец нелицеприятного критического разбора. Существенно, что В. П. Даркевич решился высказать свой голос в то время, когда многие специалисты высказывали в кулуарах свои сомнения в концепции авторов, но выступить открыто не решались.

Во многих работах Владислава Петровича граница между археологией и другими гуманитарными дисциплинами предстает несколько размытой. От формального вещеведческого анализа, которым автор владел в совершенстве, он переходит к проблематике истории искусства, истории культуры, подчас уходя в сторону от своей первоначальной специализации. Это

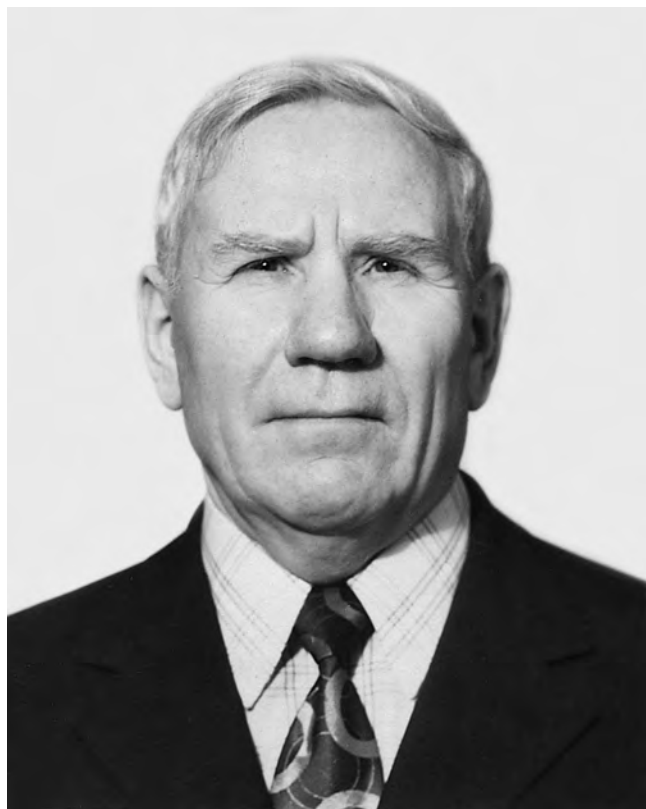
отнюдь не упрек, ведь только благодаря междисциплинарным исследованиям на стыке нескольких гуманитарных наук мы можем обеспечить связь археологии с всемирной историей. Вспомним, какую роль в развитии отечественной археологии сыграли такие фигуры, как Н. П. Кондаков и М. И. Ростовцев. И в советское время трудно было представить Институт археологии и его научные достижения без В. Д. Блаватского или Г. К. Вагнера. Между тем они имели ученую степень докторов искусствоведения, а не исторических наук. Конечно, такой тип исследователей не может и не должен становиться преобладающим в археологическом сообществе, но важно, чтобы такие люди в нем были.

Переживая потерю нашей наукой Владислава Петровича Даркевича, невольно задумываешься, не стоит ли перед отечественной археологией перспектива понижения интеллектуального уровня исследований.

Институт археологии РАН, Москва

А. В. Чернецов

К 100-ЛЕТИЮ АЛЕКСАНДРА ФИЛИППОВИЧА МЕДВЕДЕВА (1916–1984)

20 июля 2016 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Александра Филипповича Медведева. В историю отечественной археологии он вошел как квалифицированный специалист по средневековой Руси, оружейвед, исследователь новгородских и старорусских древностей, автор около 50 печатных трудов, включающих одну монографию, статьи, заметки, научно-популярные работы.

А. Ф. Медведев родился в селе Бабурино Плавского района Тульской области в крестьянской семье. Он рано лишился родителей. Его отец, Филипп Логинович, умер в 1918 г., мать, Екатерина Васильевна, – в 1925. В 1930 г. Александр Филиппович переехал в Москву; в 1932, окончив 5 классов, поступил в школу Фабрично-заводского ученичества “Объединения государственных книжно-журнальных издательств” (ОГИЗ); в 1934 получил специальность переплетчика и год проработал в этой системе. В 1935 г. был направлен на работу в Первую Образцовую типографию (бывшую Сытинскую), где в течение первого года трудился переплетчиком в Художественной бригаде, а двух последующих лет – начальником макетного цеха. С 1936 по 1939 гг. Александр Филиппович учился на вечернем рабфаке при Полиграфическом институте. В 1939–1944 гг. – на историческом факультете МГУ, специализируясь на кафедре археологии под руководством А. В. Арциховского.

В начале Великой Отечественной войны Александр Филиппович Медведев добровольцем вступил в Народное ополчение и в июле–октябре 1941 г. служил рядовым 975 артполка 8 стрелковой Краснопресненской дивизии на Западном фронте. Участвовал в октябрьских боях за Москву под Ельней. Попал в окружение, из которого с группой ополченцев вышел под Вязмой, вынес на плащ-палатке раненого в ногу С. П. Толстова.

А уже в 1944 г. в качестве выпускной курсовой работы пятикурсник А. Ф. Медведев представил исследование на тему “Архитектурный орнамент подмосковных церквей XV в.”. А. В. Арциховский высоко оценил не только текст работы, но и выполненные автором рисунки к ней. В отзыве он писал: “Подводя итоги, надо признать, что А. Ф. Медведев обнаружил серьезные научные интересы и безусловные способности к научному исследованию”. В 1944 г. Александр Филиппович с отличием окончил исторический факультет и был принят в аспирантуру, где проучился до 1947 г. В 1945 г. он вступил в члены ВКП(б).

В Институт археологии АН СССР А. Ф. Медведев пришел лаборантом в начале 1947 г., а уже в августе того же года стал младшим научным сотрудником; с 1966 г. он – старший

научный сотрудник, с 1967 г. и до своей кончины исполнявший обязанности заведующего лабораторией камеральной обработки института.

В 1953 г. А. Ф. Медведев защитил кандидатскую диссертацию на тему “Древнерусские лучники и их оружие”. С 1952 по 1978 гг. он входил в редколлегию издания “Краткие сообщения ИА АН СССР”, с 1968 г. – в состав отдела полевых исследований, а с 1967 г. был членом Ученого совета Института археологии.

А. Ф. Медведев – опытный и квалифицированный полевой археолог. В 1947–1965 гг. он – один из основных научных сотрудников Новгородской археологической экспедиции. По отзывам начальника экспедиции А. В. Арциховского, почти все крупные новгородские открытия этих лет были сделаны при активном участии Александра Филипповича, руководившего с большой методической изобретательностью работами на нескольких Неревских раскопках. Неоднократно ему приходилось исполнять и обязанности начальника экспедиции. С именем А. Ф. Медведева в новгородской археологии связано изучение гидротехнических сооружений, оружия, восточной поливной керамики, изделий из кости, а также писал. По материалам новгородских раскопок им было опубликовано несколько статей, не утративших своего значения до наших дней. В 1970 г. А. Ф. Медведеву, наряду с А. В. Арциховским, В. Л. Яниным, Б. А. Колчиным, П. И. Засурцевым, В. И. Борковским, была присуждена Государственная премия СССР за труды Новгородской археологической экспедиции.

В 1966–1978 гг. А. Ф. Медведев возглавлял раскопки в г. Старая Русса, открывшие археологический потенциал этого важнейшего городского центра Новгородской земли. На 15 раскопках, расположенных в разных частях города, было вскрыто и изучено около 1600 м² культурного слоя, достигающего на некоторых участках 6 м. Благодаря этим работам удалось получить важную информацию по топографии средневековой Руси и создать значительную вещевую коллекцию, до настоящего времени являющуюся основой археологических фондов Старорусского музея. Публикация А. Ф. Медведева “Из истории Старой Руссы” (СА. 1967. № 3. С. 265–287), в которой были собраны и проанализированы сведения письменных источников и намечена научная программа изучения города, стала единственным крупным исследованием, посвященным этому средневековому городу. Продолжительная болезнь и скоропостижная смерть не позволили Александру Филипповичу осмыслить, систематизировать и подробно издать материалы своих раскопок в Старой Руссе.

В 1949–1951 гг. А. Ф. Медведев также был заместителем начальника Московской археологической экспедиции, а в 1960 и 1962 гг. впервые предпринял значительные раскопки в Гордце на Волге, превратившие его в важнейший пункт археологического изучения Северо-Восточной Руси. По материалам этих работ исследователем были опубликованы четыре статьи.

В научном творчестве А. Ф. Медведева тема, связанная с историей древнерусского оружия, занимает главное место; здесь он стал продолжателем традиций, заложенных такими известными отечественными учеными, как Э. Ленц, В. В. Арендт, А. В. Арциховский.

Как было сказано выше, оружиеведческую деятельность Александр Филиппович начал с изучения снаряжения древнерусских лучников, посвятив ему свою кандидатскую диссертацию. В том же 1953 г. вышла небольшая работа о древнерусских кольчугах, ставшая своеобразным развитием предыдущей темы: от оружия поражения автор перешел к средствам защиты от него: “К истории кольчуги в Древней Руси” (КСИИМК. 1953. Вып. XLIX. С. 26–31). В продолжение тематики также была опубликована статья “К истории пластинчатого доспеха на Руси” (СА. 1959. № 2. С. 119–135). В отличие от предыдущей статьи, базировавшейся, в основном, на письменных источниках, она была основана на появившихся к этому времени богатых новгородских и некоторых других материалах. Работа с оружием, происходящим из раскопок Великого Новгорода, завершилась публикацией масштабного исследования, ставшего справочником для нескольких поколений специалистов по археологии средневековой Руси: “Оружие Новгорода Великого” (МИА. 1959. № 65 (Труды Новгородской археологической экспедиции; Т. II). С. 121–192). Затем вышли небольшая по объему, но емкая по содержанию статья “Из истории сложного лука” (КСИА. 1964. Вып. 102. С. 3–8), подводящая итог многолетней работе с отечественной и зарубежной литературой по этому вопросу; и статья “Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе” (СА. 1966. № 2. С. 50–61).

В 1966 г. увидел свет главный труд жизни А. Ф. Медведева – свод восточноевропейских материалов о ручном метательном вооружении (Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв. (САИ; Вып. Е1–36) (Археология СССР). 184 с.), до настоящего времени остающийся значительным и уникальным, особенно в разделе, посвященном стрелам. Собирая материалы к своду, А. Ф. Медведев объехал множество городов, работал в десятках музеев, фотографируя и зарисовывая не только детали луков и наконечников стрел, но и другие виды вооружения. У него скопилось огромное количество материалов об оружии ближнего боя, а также доспехах. Картотека, собранная им и хранящаяся в архиве Новгородской археологической экспедиции, еще послужит базой для новых исследований.

Последняя, посмертная, работа А. Ф. Медведева по древнерусскому оружию, была опубликована в соавторстве с А. Н. Кирпичниковым: “Вооружение” (Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985 (Археология СССР). С. 298–364). Александром Филипповичем был написан раздел о луке и стрелах на Руси в IX–XIV вв.

А. Ф. Медведев умер в Новгороде 29 августа 1984 г. Он похоронен в Москве на Митинском кладбище.

Институт археологии РАН, Москва

П. Г. Гайдуков

АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ЗА 2016 ГОД

- Абрамзон М.Г., Беляев Л.А., Ворошилов А.Н., Зайцев В.В.** Клад византийских фоллисов из Иерихона. № 3, 163–171.
- Авидзба В.Ш., Мاستыкова А.В.** Международная научная конференция “Социальная стратификация населения Кавказа в конце Античности и начале Средневековья: археологические данные”. Сухум, Абхазия, 2015 г. № 3, 184–188.
- Авилова Л.И.** см. Янин В.Л.
- Аксенов В.С.** Катакомба № 119 Верхне-Салтовского IV могильника под Харьковом. № 4, 106–123.
- Албегова З. Х.-М., Коробов Д.С., Мастыкова А.В.** К юбилею Веры Борисовны Ковалевской. № 4,
- Албегова З. Х.-М., Коробов Д.С., Решетова И.К., Успенский П.С.** К 70-летию Геннадия Евгеньевича Афанасьева. № 4, 178–179.
- Артамонов Ю.А., Гиппиус А.А., Зайцев И.В.** Восточнославянские надписи базилики Рождества Христова в Вифлееме. № 1, 25–36.
- Афанасьев Г.Е.** Сасанидская гемма из Нижнелубянского могильника. № 3, 121–135.
- Афанасьев Г.Е.** см. Мунчаев Р.М.
- Балахванцев А.С.** Среднеазиатские дахи в IV–II вв. до н.э. (по данным археологии). № 1, 11–24.
- Бахшалиев В.Б.** Новые данные о поселении Кюльтепе I в Нахчыване. № 3, 152–155.
- Беляев Л.А., Гайдуков П.Г.** К 60-летию Николая Андреевича Макарова. № 1, 5–10.
- Беляев Л.А., Ершов И.Н., Зеленцова О.В., Кузьминых С.В.** Древнейшие находки на территории Ново-Иерусалимского монастыря: материалы работ 2009–2014 гг. № 1, 85–98.
- Беляев Л.А., Кренке Н.А., Чернов С.З., Глазунова О.Н.** К 80-летию Алевтины Алексеевны Юшко. № 2, 187–188.
- Беляев Л.А.** см. Абрамзон М.Г.
- Болтрик Ю.В., Коропотов В.В.** Раннесарматские погребения у пгт. Акимовка Запорожской области. № 3, 156–162.
- Борзунов В.А.** Укрепленные поселения энеолита таежного Приобья. № 3, 34–44.
- Бужилова А.П.** Молодин В.И. и др. Мультидисциплинарные исследования населения Барабинской лесостепи IV–I тыс. до н.э.: археологический, палеогенетический и антропологический аспекты. Новосибирск, 2013. № 1, 171–174.
- Вилисов Е.В.** см. Шорин А.Ф.
- Винников А.З., Кашкин А.В., Леонтьев А.Е., Обломский А.М., Пушкина Т.А.** Памяти Ольги Николаевны Енуковой. № 3, 191–192.
- Виноградов Н.Б.** В.П. Бирюков и археология Урала и Зауралья. № 1, 156–159.
- Внуков С.Ю.** Еще раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднегераклейских) узкогорлых амфор. № 2, 36–47.
- Ворошилов А.Н.** см. Абрамзон М.Г.
- Ворошилов А.Н.** см. Макаров Н.А.
- Габелия А.Н.** см. Мунчаев Р.М.
- Гаибов В.А.** Paiman Z., directeur de fouilles, et Alram M. pour les monnaies. Tepe Narenj à Caboul, ou l’art bouddhique à Caboul au temps des incursions musulmanes (The Tepe Narenj. Buddhist monastery at Kaboul: Buddhist art during the first muslim raids against the town). T. I: Chronologie, bâtiments, céramiques et monnaies. Paris, 2013. № 4, 169–170.
- Гаибов В.А.** см. Мунчаев Р.М.
- Гайдуков П.Г.** К 100-летию Александра Филипповича Медведева. № 4, 187–188.
- Гайдуков П.Г.** см. Беляев Л.А.
- Гайдуков П.Г.** см. Макаров Н.А.
- Гайдуков П.Г.** см. Энговатова А.В.
- Гакель Е.В. (Майорова).** Новые данные о керамике Владимира-на-Клязьме (из раскопок на территории Ивановского вала в 2010–2011 гг.). № 2, 88–101.
- Гиппиус А.А.** см. Артамонов Ю.А.
- Глазунова О.Н.** см. Беляев Л.А.
- Голдина Р.Д.** К итогам дискуссии “Угры в Предуралье”. № 2, 102–119.
- Голованова Л.В., Дороничев В.Б., Дороничева Е.В., Кулькова М.А., Сапелко Т.В., Спасовский Ю.Н.** Новые данные о неолите Северо-Западного Кавказа из Мезмайской пещеры. № 3, 5–19.
- Гомзин А.А.** Клад монет Рязанского княжества из с. Заполье 1891 г. № 1, 141–148.
- Гомзин А.А.** см. Макаров Н.А.
- Гончарова Н.Н.** см. Конопелькин Д.С.
- Гук Д.Ю.** Вторая Международная конференция “Виртуальная археология”. СПб., 2015. № 2, 185–186.
- Гуляев В.И.** см. Мунчаев Р.М.
- Дегтярева А.Д.** см. Янин В.Л.
- Державин В.Л. В.Ф. Старков.** Первые археологические раскопки на архипелаге Шпицберген. М., 2011. № 2, 180–182.
- Державин В.Л., Завьялов В.И., Черносвитов П.Ю.** К 80-летию Вадима Федоровича Старкова. № 2, 191.
- Державин В.Л.** Свальбард в картографии Гренландии XVI–XVIII вв. № 4,
- Джопуа А.И.** см. Мунчаев Р.М.
- Дзаттиаты Р.Г., Успенский П.С.** Катакомба хазарского времени из Даргавского могильника в Северной Осетии. № 2, 150–168.
- Дороничева Е.В., Кулькова М.А.** Изучение каменного сырья в палеолите: методы и результаты. № 2, 5–18.

- Дороницева Е.В.** см. Голованова Л.В.
- Дороницев В.Б.** см. Голованова Л.В.
- Дорофеева Т.С.** Скандинавские “символы бесконечности” с Рюрикова городища и из новгородского Софийского собора. № 1, 106–113.
- Друзья, коллеги, ученики.** К 75-летию Анатолия Степановича Скрипкина. № 2, 189–190.
- Енисова Н.В.** см. Янин В.Л.
- Ершов И.Н.** см. Беляев Л.А.
- Ершов И.Н.** см. Кренке Н.А.
- Жилин М.Г.** см. Савченко С.Н.
- Завьялов В.И.** см. Державин В.Л.
- Зайцев В.В.** см. Абрамзон М.Г.
- Зайцев И.В.** см. Артамонов Ю.А.
- Зеленцова О.В.** см. Беляев Л.А.
- Зеленцова О.В.** см. Макаров Н.А.
- Институт археологии РАН, журнал “Российская археология”, коллеги и друзья.** Ася Викторовна Энговатова. № 4, 174–177.
- Кастеллучча М., Дан Р.** Колчаны Урартского царства. № 3, 73–83.
- Кашкин А.В., Леонтьев А.Е., Самойлович Н.Г.** 90-летний юбилей Константина Ивановича Комарова. № 4, 182–183.
- Кашкин А.В.** см. Винников А.З.
- Кашкин А.В., Фролов М.В., Цетлин Ю.Б.** Памяти Юрия Александровича Смирнова. № 3, 189–190.
- Ковалевская В.Б.** Кавказ в свете археологии и геногеографии. № 3, 45–59.
- Козубова А., Скаков А.Ю.** Проблема датировки кинжалов типа *Postiș* и их кавказские аналоги. № 3, 84–101.
- Конопелькин Д.С., Гончарова Н.Н.** Сравнительный краниологический анализ восточноевропейских городских и сельских выборок XVI–XVIII вв. № 2, 75–87.
- Конькова Л.В.** см. Янин В.Л.
- Кореневский С.Н.** Н.Л. Моргунова “Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта Ямной культурно-исторической области”. Оренбург, 2014. № 1, 163–170.
- Кореневский С.Н.** Древние культуры юго-восточной Европы и западной Азии. Сборник к 90-летию со дня рождения и памяти Н.Я. Мерперта. М., 2014. № 4, 162–166.
- Коробов Д.С.** Вторая международная конференция “Археология и геоинформатика” (Москва, 2015). № 1, 175–176.
- Коробов Д.С.** см. Албегова З. Х.-М.
- Коробов Д.С.** см. Албегова З. Х.-М.
- Коробов Д.С.** см. Макаров Н.А.
- Коропотов В.В.** см. Болтрик Ю.В.
- Кочкуркина С.И.** Древние карелы в финляндской и отечественной историографии. № 3, 172–183.
- Кошеленко Г.А., Мунчаев Р.М.** Il ya 50 ans... la deconverte d’Ai Khanoum... № 1, 160–163.
- Кренке Н.А., Ершов И.Н.** Городище Васильково на реке Нерль. № 1, 37–50.
- Кренке Н.А.** см. Беляев Л.А.
- Кудрявцев А.А.** О появлении замков и ключей в Древней Руси. № 1, 114–122.
- Кузина И.Н.** см. Макаров Н.А.
- Кузнецов В.Д.** см. Мунчаев Р.М.
- Кузьминых С.В.** “Медной горы самородок”: к 80-летию Е.Н. Черных. № 1, 149–155.
- Кузьминых С.В.** см. Беляев Л.А.
- Кузьминых С.В.** см. Мунчаев Р.М.
- Кулькова М.А.** см. Голованова Л.В.
- Кулькова М.А.** см. Дороницева Е.В.
- Кунгуров А.Л.** см. Тишкин А.А.
- Леонтьев А.Е.** см. Винников А.З.
- Леонтьев А.Е.** см. Кашкин А.В.
- Лопатин Н.В.** О крепостных сооружениях Изборска начала XIII в. № 1, 123–130.
- Макаров Н.А., Гайдуков П.Г., Гомзин А.А.** Серебро на селищах: монеты и торговый инвентарь IX–XI вв. в Суздальском Ополе. № 4, 48–74.
- Макаров Н.А., Зеленцова О.В., Коробов Д.С., Черников А.П., Ворошилов А.Н.** Россия как археологическое пространство: первые итоги работы по созданию национальной географо-информационной системы “Археологические памятники России”. № 4, 5–15.
- Макаров Н.А., Меснянкина С.В., Кузина И.Н.** Сергей Дмитриевич Захаров (21.06.1965–20.06.2015). № 1, 188–189.
- Масленников А.А.** Керамика с лаковым покрытием из раскопок поселения Полянка в Крымском Приазовье. № 4, 90–105.
- Мастыкова А.В.** см. Авидзба В.Ш.
- Мастыкова А.В.** см. Албегова З. Х.-М.
- Матвеев В.Н.** Древнерусские керамические плитки с Крылосской горы (Галич) в Государственном Эрмитаже. № 4, 124–137.
- Мельникова О.М.** К юбилею Маргариты Григорьевны Ивановой. № 1, 181–182.
- Меснянкина С.В.** см. Макаров Н.А.
- Михеев С.М., Сингх В.К.** Глаголические и кириллические буквы на кости второй половины XI в. из Новгорода. № 1, 99–105.
- Мунчаев Р.М., Гуляев В.И., Афанасьев Г.Е., Кузьминых С.В., Сорокин А.Н., Яблонский Л.Т.** Смирнов Александр Сергеевич (1949–2015). № 1, 183–185.
- Мунчаев Р.М., Кузнецов В.Д., Гайбов В.А.** Памяти Геннадия Андреевича Кошеленко (1935–2015). № 1, 190–191.

- Мунчаев Р.М., Скаков А.Ю., Габелия А.Н., Джоуа А.И.** Памяти Вадима Викторовича Бжания (1934–2014). № 1, 186–187.
- Мунчаев Р.М.** см. Кошеленко Г.А.
- Обломский А.М.** см. Винников А.З.
- Олейников О.М.** Бронзовая накладка “Сказитель с гусями” из Великого Новгорода. № 1, 131–140.
- Олейников О.М.** Новые находки амулетов-змеевиков в Великом Новгороде. № 4, 75–89.
- Осипов Д.О., Черная М.П.** Коллекция кожаных изделий из раскопок Томского кремля. № 4, 138–150.
- Папин Д.В.** см. Тишкин А.А.
- Переводчикова Е.В.** Золотые оковки деревянных сосудов из 1-го Филипповского кургана. № 2, 19–35.
- Пигарев Е.М.** Находки иноземных монет в зоне Красноярского городища в Астраханской области. № 2, 175–179.
- Попов П.В.** К вопросу о происхождении некоторых типов керамики Самосдельского городища. № 2, 63–74.
- Коренько В.А.** Проблемы профессиональной этики на IV (XX) Всероссийском археологическом съезде. № 2, 183–184.
- Пушкина Т.А.** см. Винников А.З.
- Пятых Г.Г.** Реалии синташтинского феномена. № 2, 120–131.
- Рѣжев Д.И.** см. Шарапова С.В.
- Разуваев Ю.Д.** Захоронения и останки людей на поселениях лесостепной Скифии: состояние источников. № 3, 102–120.
- Решетова И.К.** см. Албегова З. Х.-М.
- Румянцева О.С.** Украшения с полихромными эмалями из Брянского клада: техника изготовления и “авторство”. № 4, 16–29.
- Савченко С.Н., Жилин М.Г.** Новая находка каменного диска-навершия (к вопросу о перфорированных каменных дисках в Среднем Зауралье). № 3, 136–151.
- Самойлович Н.Г.** см. Кашкин А.В.
- Сапелко Т.В.** см. Голованова Л.В.
- Сафонов И.Е.** Leube A. Prähistorie zwischen Kaiserreich und wiedervereinigtem Deutschland: 100 Jahre Ur- und Frühgeschichte an der Berliner Universität Unter den Linden. Bonn, 2010. № 4, 167–168.
- Седов Вл.В.** Саркофаг из плинфы в соборе новгородско-Пантелеимонова монастыря. № 1, 51–59.
- Сингх В.К.** см. Михеев С.М.
- Скаков А.Ю.** см. Козубова А.
- Скаков А.Ю.** см. Мунчаев Р.М.
- Сорокин А.Н.** см. Мунчаев Р.М.
- Спасовский Ю.Н.** см. Голованова Л.В.
- Тишкин А.А., Кунгуров А.Л., Папин Д.В.** К 70-летию Юрия Федоровича Кирюшина. № 1, 177–178.
- Тропин Н.А.** Винников А.З. Юго-восточная окраина славянского мира в VIII – начале XIII в. (Животинное городище на р. Воронеж). Воронеж, 2014. № 4, 171–173.
- Успенский П.С.** Погребения всадников на территории Северо-Западного Кавказа (по материалам кремационных некрополей VIII–XIII вв.). № 4, 171.
- Успенский П.С.** см. Албегова З. Х.-М.
- Успенский П.С.** см. Дзаттиаты Р.Г.
- Флёров В.С.** Семикаракоры: башня на северной стене и относительная хронология ниже-донских хазарских крепостей. № 2, 48–62.
- Фролов М.В.** см. Кашкин А.В.
- Храпунов И.Н.** Две подбойные могилы III в. н.э. из некрополя Нейзац (Крым). № 2, 132–149.
- Цетлин Ю.Б.** см. Кашкин А.В.
- Черная М.П.** см. Осипов Д.О.
- Чернецов А.В.** Владислав Петрович Даркевич. № 4, 183–187.
- Черников А.П.** см. Макаров Н.А.
- Чернов С.З.** Кладбище деревни Власьевской XIV–XV вв. и воцерковление сельского населения Московского края. № 1, 70–84.
- Чернов С.З.** см. Беляев Л.А.
- Черносвитов П.Ю.** см. Державин В.Л.
- Чхаидзе В.Н.** Печати Иоанна, архиепископа Готии (X–XI вв.). № 2, 169–174.
- Шарапова С.В., Ражев Д.И.** Погребения саргатской культуры: новый взгляд на известные факты. № 3, 60–72.
- Шорин А.Ф., Вилисов Е.В.** Каменный инвентарь святилища Кокшаровский холм. № 3, 20–33.
- Энговатова А.В., Гайдуков П.Г.** Вислые актовые печати из раскопок в Ярославле. № 1, 60–69.
- Энговатова А.В.** см. Янин В.Л.
- Яблонский Л.Т.** см. Мунчаев Р.М.
- Янин В.Л., Енисова Н.В., Авилова Л.И., Энговатова А.В., Дегтярева А.Д., Конькова Л.В.** К юбилею Н.В. Рындиной. № 1, 179–180.
- Правила для авторов. № 1, 192.
- Авторский указатель за 2016 г. № 4, 189–191.

Сдано в набор 13.07.2016 г. Подписано к печати 30.09.2016 г. Дата выхода в свет 27.10.2016 г. Формат $60 \times 80 \frac{1}{8}$
Цифровая печать Усл. печ. л. 24.0 + цв.вкл. Усл.кр.-отт. 10.4 тыс. Уч.-изд.л. 25.5 Бум.л. 12.0
Тираж 424 экз. Зак. 663 Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт археологии РАН

Издатель: ФГУП «Издательство “Наука”», 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Оригинал-макет подготовлен ФГУП «Издательство “Наука”»
Отпечатано в ФГУП «Издательство “Наука”» (Типография “Наука”), 121099, Москва, Шубинский пер., 6